ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

П. И. МЕЛЬНИКОВА

(АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО)

ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ П. И. МЕЛЬНИКОВА

(АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО

Первое посмертное полное изданіе, дополненное, сверенное и вновь просмотрѣнное по рукописямъ

ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

I. ОЧЕРКИ ПОПОВЩИНЫ (ЧАСТЬ II)
II. БѢЛЫЕ ГОЛУБИ
III. ТАЙНЫЯ СЕКТЫ
IV. СЧИСЛЕНІЕ РАСКОЛЬНИКОВЪ

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ — Гостиный дворъ, № 18
МОСКВА — Кузнецкій мостъ, № 12
1898

Дозволено цензурою. Спб., 29-го октября 1898 г.

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5—1.

ОЧЕРКИ ПОПОВЩИНЫ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кочуевъ.—Рогожскій соборъ 1832 года.

На правомъ, высокомъ и крутомъ берегу Оки, верстахъ въ семидесяти отъ ея устья, стоитъ небольшой городокъ Горбатовъ, смежный съ большимъ селомъ Избыльцомъ, длинно протянувшимся на полугорѣ, внизъ по теченію Оки. Изъ четырехъ съ половиной тысячъ населенія обѣихъ мѣстностей едва-ли не четыре пятыхъ принадлежитъ къ расколу, хотя большинство по церковнымъ росписямъ и значится православнымъ. Расколъ появился здѣсь съ самаго его начала, но до нынѣшняго столѣтія содержался лишь немногими торговцами. Съ этого времени и въ Горбатовѣ, и въ Избыльцѣ развилась прядильная промышленность. Стали приготовлять въ значительномъ количествѣ бечеву, употребляемую для закрѣпы краевъ рыболовныхъ сѣтей, и отправлять ее на Низъ для волжскихъ и каспійскихъ рыбныхъ промысловъ. Этимъ Горбатовцы вошли въ тѣсную связь съ поволжскими жителями Саратовской и Астраханской губерній, откуда и заимствовали расколъ. Съ другой стороны рас-

колъ проникалъ въ Горбатовъ изъ села Сасова, Тамбовской губерніи, откуда преимущественно привозили на прядильни пеньку. Горбатовцы, отправляя внизъ по Волгѣ бечеву, покупали на Низу рыбу и развозили ее для продажи по Верховью. У разбогатѣвшихъ такою промышленностью купцовъ и мѣщанъ появились при домахъ моленныя, въ которыхъ правили службу канонницы съ Иргиза, преимущественно же изъ скитовъ Семеновскаго уѣзда. Такихъ моленныхъ въ двадцатыхъ годахъ въ Горбатовѣ было три и сверхъ того четыре въ Избыльцѣ. Все небольшія и потаенныя. Православныя церкви опустѣли, хотя записныхъ раскольниковъ въ городѣ и селѣ считалось лишь нѣсколько десятковъ.

Въ этомъ городѣ жилъ небогатый купецъ Кузьма Васильевичъ Кочуевъ; у него было три сына и нѣсколько дочерей. Двое старшихъ сыновей пріучены были къ коммиссіонной торговлѣ и нанимались въ прикащики у разныхъ купцовъ, имѣвшихъ дѣла въ Астрахани. Меньшой, по имени Аввоній, назначался отцомъ къ тому же занятію [1]. Грамотѣ онъ учился дома, въ Горбатовѣ, а потомъ жилъ при старшемъ братѣ Корнилѣ, въ Астрахани, въ тамошнемъ уѣздномъ училищѣ. Будучи лѣтъ четырнадцати, онъ въ 1818 году уже закупалъ рыбу въ Черномъ-Яру для отправки

[1]) Объ Аввоніѣ Кочуевѣ говорится въ нашихъ очеркахъ на основаніи *дѣлъ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ* 9-го іюня 1843 т. № 177, 7-го мая 1853 г. № $^{8}/_{519}$ и 23 го іюня 1853 г. № 62 (при послѣднемъ отчетѣ о современномъ состояніи раскола, часть шестая), а также на основаніи *слѣдственнаго дѣла*, произведеннаго по Высочайшему повелѣнію особою комиссіей въ 1854 и 1855 годахъ, *о дѣйствіяхъ Аввонія Кочуева и другихъ раскольникахъ*. При этомъ дѣлѣ находится болѣе полуторы тысячи подлинныхъ писемъ разныхъ раскольниковъ за время съ 1813 по 1853 годъ. Этими чрезвычайно любопытными письмами мы также воспользовались. Коллекція писемъ, о которой говоримъ, интересна для характеристики нравовъ и внутренней

въ верховыя губерніи, а въ 1819 году удачно торговалъ въ Казани, затѣмъ принялся было за тюленій промыселъ, но не надолго. Достигнувъ шестнадцати лѣтъ отъ рожденія, Авѳоній Кочуевъ избралъ иное поприще для своей дѣятельности. Видя, что братъ Корнилъ, уже пятидесятилѣтній, при всей честности и умѣньѣ вести торговыя дѣла, повременамъ оставался съ семьей безъ куска хлѣба, энергическій и впечатлительный юноша бросилъ торговлю, какъ занятіе невѣрное и не обезпечивающее, рѣшась составить себѣ извѣстность и нажить богатство инымъ путемъ—путемъ сектаторства.

Еще живя на Низу, Авѳоній Кочуевъ сблизился съ раскольниками поповщинской секты и, подъ руководствомъ ихъ, съ ранней юности, изучалъ старинныя книги. Одаренный рѣдкими способностями, на лету схватывалъ онъ познанія и въ шестнадцать лѣтъ былъ такимъ начетчикомъ, что старообрядцы только дивились. Между тѣмъ родители его, православные только по имени, съ устройствомъ въ селѣ Павловѣ [1]) едино-

---

жизни старообрядцевъ; въ ней заключается все — отъ сектаторскихъ отношеній и торговыхъ дѣйствій до переписки, напримѣръ, одной молоденькой раскольницы, купеческой дочки, влюбившейся въ письмоводителя станового пристава, которая, обладая даромъ поэзіи, пишетъ стихи къ колокольчику станового, возвѣщающему пріѣздъ милаго, описываетъ своего любезнаго, покоющагося въ объятіяхъ нѣжной супруги (письмоводитель былъ женатъ), назначаетъ ему свиданія, и тотъ каждый разъ соглашается на *rendez-vous*, но подъ условіемъ принести бутылочку мадеры. Тутъ же вмѣстѣ и свѣдѣнія о сектаторствѣ.

[1]) Село Павлово на Окѣ, извѣстное фабрикаціей стальныхъ издѣлій, встарину — Павловъ-Перевозъ. Подъ этимъ именемъ оно упоминается и въ *Розыскѣ* Св. Димитрія Ростовскаго. Единовѣрческая церковь построена здѣсь лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ. Она очень богата; въ ней замѣчательно дорогое напрестольное облаченіе, сдѣланное изъ ліонской серебряной съ золотомъ парчи, заказанной въ 1797 году для короновальной робы императрицы Маріи Ѳеодоровны, но оставшейся безъ употребленія, потому что Павелъ I ускорилъ своею коронаціей, желая совершить ее въ день Свѣтлаго Воскресенья 5-го апрѣля. Парча была привезена позднѣе, и ее купили впослѣдствіи Павловцы.

вѣрческой церкви, перешли въ единовѣріе. Аѳоній, поступивъ въ поповщину, уговаривалъ и родителей послѣдовать его примѣру, но они пока не соглашались. Затѣмъ, начитавшись книгъ аскетическаго содержанія, онъ объявилъ отцу съ матерью о намѣреніи оставить міръ и посвятить себя отшельнической жизни. Они не соглашались, видя въ младшемъ сынѣ единственную опору своей старости. Произошла семейная ссора, и Аѳоній, оправдывая свой поступокъ житіями разныхъ святыхъ, безъ паспорта бѣжалъ изъ Горбатова. Это было въ началѣ 1822 года.

Въ Хвалынскѣ жило тогда богатое купеческое семейство Михайловыхъ, они же и Кузьмичевы, состоявшее изъ нѣсколькихъ братьевъ и сестеръ. Они были раскольники поповщинской секты. Качуева Кузьмичевы знали. Будучи на Низу, онъ исполнялъ нѣкоторыя ихъ порученія по торговымъ дѣламъ. Къ нимъ-то въ 1822 году явился подъ видомъ круглаго сироты Аѳоній, прося покровительства и пріюта. Кузьмичевы, замѣтивъ въ юношѣ фанатическую ревность къ расколу, съ радостью приняли его и сдѣлали своимъ прикащикомъ. Восемнадцатилѣтній Кочуевъ до того вкрался въ довѣренность хозяевъ, что сдѣлался главой ихъ дома. Хитрый, изворотливый, онъ направлялъ всѣ дѣйствія богатыхъ своихъ покровителей къ развитію поповщинской секты въ Саратовской губерніи, заставлялъ ихъ дѣлать большія денежныя пособія бѣднымъ поселянамъ, выкупать на волю изъ крѣпостной зависимости склонявшихся въ расколъ, раздавать по деревнямъ безмездно значительные запасы хлѣба и т. п. Этимъ онъ хотѣлъ пріобрѣсти довѣренность и уваженіе толпы простолюдиновъ и вполнѣ достигъ своей цѣли, ибо всѣ, облагодѣтельствованные Кузьмичевыми, знали, кому они обязаны своимъ счастьемъ. Свободное время Кочуевъ посвящалъ изученію русской исторіи,

греческаго и латинскаго языковъ, а въ особенности чтенію старопечатныхъ и старописьменныхъ русскихъ книгъ. Кузьмичевы находились въ близкихъ сношеніяхъ съ Иргизомъ, особенно съ Верхнепреображенскимъ монастыремъ. И Кочуевъ, посредствомъ ихъ, сблизился съ тамошнею братіей, а особенно съ отцомъ Силуяномъ, человѣкомъ умнымъ, хитрымъ и энергически дѣятельнымъ. Получилъ молодой Аѳоній почетную извѣстность на Иргизѣ, снискалъ онъ уваженіе старообрядцевъ города Хвалынска, но домъ Кузьмичевыхъ и вліяніе на хвалынскихъ раскольниковъ не удовлетворяли его. Тѣсны и недостаточны для широкой натуры Кочуева были достигнутыя имъ общественныя отношенія: онъ жаждалъ извѣстности, громкой славы, обширнѣйшаго круга дѣятельности, почестей и богатства, мечталъ о вліяніи на всѣхъ русскихъ старообрядцевъ, мечталъ быть главой ихъ, руководителемъ, первымъ человѣкомъ во всемъ старообрядствѣ. Мечты не давали покоя честолюбивой душѣ его, и Аѳоній долго придумывалъ средства къ ихъ осуществленію. Онъ составилъ, наконецъ, планъ дѣйствій, изумившихъ впослѣдствіи его почитателей и высоко поднявшихъ горбатовскаго бѣглеца во мнѣніи всего старообрядческаго люда.

Сдѣлался Аѳоній задумчивъ, избѣгалъ людей, мало сталъ говорить съ самими Кузьмичевыми. Все бывало сидитъ надъ книгами. Наложилъ на себя строгій постъ и рѣдко выходилъ изъ своей комнаты. Затѣмъ сталъ отлучаться, куда—никто не зналъ. Таинственныя отлучки дѣлались чаще и чаще, и наконецъ, въ исходѣ 1822 года Кочуевъ исчезъ изъ дома Кузьмичевыхъ [1]).

---

[1]) Протоіерей Арсеньевъ въ *Запискѣ о дѣйствіяхъ Кочуева* говоритъ, что исчезновеніе его изъ дома Кузьмичевыхъ случилось въ концѣ 1827 года. Но это было пятью годами ранѣе. Въ ноябрѣ 1822 года Кириллъ Кочуевъ, въ письмѣ къ отцу изъ Астрахани, спрашиваетъ:

Всѣ развѣдыванія ихъ о возлюбленномъ прикащикѣ были напрасны. Какъ въ воду канулъ молодой Горбатовецъ.

Черезъ полгода, то-есть лѣтомъ 1823 г., въ приволжскомъ краѣ разнеслась между раскольниками вѣсть о проживающемъ въ лѣсахъ Саратовской губерніи пустынножителѣ, молодомъ, умномъ, начитанномъ, проводящемъ дни и ночи въ постѣ и молитвѣ. Открыли его келью, имъ самимъ построенную, и потекли къ ней толпами старообрядцы. Отшельникъ объяснялъ имъ догматы раскола, его начала и основанія, проповѣдуя, что спасеніе можно получить только чрезъ обращеніе въ старую вѣру и неуклонное храненіе древнихъ русскихъ обрядовъ и обычаевъ. И старообрядцы, и православные съ благоговѣніемъ слушали проповѣди пустынника, не открывавшаго своего имени. Не мало было совращеній въ расколъ. Богатые люди всѣми силами старались привлечь «святого мужа» въ домъ свой, но напрасно. Наконецъ, узнали, что этотъ сладкоглаголивый отшельникъ—Аваоній.

Когда узнали его имя, онъ покинулъ пустынную келью и ушелъ въ Жигулевскія горы на безмолвіе. Въ Жигуляхъ много пещеръ, гдѣ въ старые годы живали сподвижники Стеньки Разина и волжскіе разбойники, а съ половины XVIII столѣтія калугеры, странники, пустынники и бѣгуны. Въ одной изъ такихъ пещеръ поселился Аваоній и обрекъ себя на тяжкій подвигъ молчальника. Рыбные ловцы приносили ему хлѣбъ изъ сосѣднихъ селеній, стали сте-

«Нѣтъ ли *еще* извѣстія отъ Аваонія?»—а 7-го марта 1823 года пишетъ: «Болѣзненно мнѣ отшельничество дражайшаго братца Аваонія Кузьмича. Воистину онъ благую часть избралъ по Евангелію, то-есть безмолвіе, которое не отымется отъ него, только бы Всевышній управилъ имъ во благая; прошу васъ меня увѣдомить—въ томъ ли мѣстѣ онъ пребываетъ или отошелъ въ другое».

каться къ нему старообрядцы, особенно женщины, чтобы поплакать о грѣхахъ и принять благословеніе «преподобнаго». Подлѣ Авѳоніевой пещеры оказался родникъ прекрасной воды, она была оглашена цѣлебною, даже чудотворною. Поставили надъ ключомъ икону, за ней другую, третью, и вотъ образовалась небольшая часовня, въ которой день и ночь молился нашъ молчальникъ; истово творя крестное знаменіе двуперстнымъ сложеніемъ и перебирая кожаную лѣстовку. Болѣе и болѣе народу стекалось въ Жигули къ Авѳоніевой пещерѣ, наконецъ и здѣсь узнали имя молчальника. Тогда Кочуевъ удалился въ Симбирскъ.

Верстахъ въ двухъ отъ этого города, въ саду раскольника Мингалева, между оврагомъ и вишневыми деревьями была пещера, въ которой и поселился Кочуевъ. Сюда пришелъ онъ въ одной рубашкѣ, въ веригахъ и на шеѣ носилъ большой мѣдный крестъ. Тутъ онъ принялъ на себя третій подвигъ — подвигъ юродства. Однажды Мингалевъ, обозрѣвая садъ, увидѣлъ въ пещерѣ молящагося по-старинному юрода и пришелъ въ восторгъ отъ такой благодати. Онъ предложилъ ему домъ свой. Юродивый ничего внятно не говорилъ, но только знаками просилъ Мингалева дозволить ему остаться въ пещерѣ. Мингалевъ согласился. Онъ спрашивалъ какъ зовутъ его? «Авѳоній», промычалъ юродъ, а Мингалеву послышалось: «Аѳоній». И прозвали Кочуева «Аѳоня блаженный».

Онъ бродилъ по саду, и къ нему стали стекаться симбирскіе и окрестные раскольники. Приходили и хлысты, которыхъ довольно много въ Симбирской губерніи. Старая дѣвка, хлыстовка, старалась склонить Кочуева въ свою вѣру, гдѣ юродство въ столь большомъ уваженіи, но «Аѳоня блаженный» не прельстился на ея слова и въ старой дѣвкѣ нашелъ злого врага. Едва-ли не черезъ нее провѣдала о блаженномъ

городская полиція и, какъ безписьменнаго, арестовала. Стали Аѳоню разспрашивать кто онъ такой, — онъ молчалъ. Высѣкли Аѳоню розгами, лили ему на голову холодную воду, дѣлали иныя истязанія, — слова не промолвилъ. Наконецъ, отпустили его на поруки къ симбирскому купцу, ревностному поборнику раскола, Ивану Ивановичу Константинову [1]).

Заточеніе, истязанія и твердость, съ которою Кочуевъ перенесъ ихъ, мгновенно распространились между симбирскими раскольниками, и они провозгласили неизвѣстнаго юрода святымъ человѣкомъ, страдальцемъ за вѣру. Стали пріѣзжать въ Симбирскъ старообрядцы и изъ другихъ городовъ на поклоненіе ему; пріѣхали Кузьмичевы и узнали въ немъ давно отыскиваемаго ими возлюбленнаго своего прикащика. Кочуевъ сбросилъ личину юродства и заговорилъ. Онъ поспѣшилъ объяснить Кузьмичевымъ, что и въ лѣсу, и въ Жигуляхъ и въ Симбирскѣ дѣйствовалъ онъ съ единственною цѣлью упроченія и прославленія старой вѣры. Кузьмичевы, привыкшіе видѣть въ Кочуевѣ человѣка необыкновеннаго, возымѣли къ нему еще большее уваженіе,

---

1) Симбирскій губернаторъ 14-го августа 1853 ода, то-есть черезъ тридцать лѣтъ послѣ этого происшествія, писалъ въ министерство: «Около 1830 года, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Симбирска, въ горахъ найденъ былъ человѣкъ, повидимому нѣмой, въ одной рубахѣ, съ большимъ мѣднымъ крестомъ на шеѣ. Когда его представили въ полицію, то, по распоряженію правившаго должность полиціймейстера Филиппин (умершаго), онъ былъ сѣченъ розгами и потомъ подвергаемъ пыткамъ, но все не говорилъ; нѣсколько времени содержался въ полиціи, а потомъ отданъ на поруки купцу Ивану Константинову, у коего заговорилъ и жилъ въ его домѣ наверху около трехъ лѣтъ, находился въ тѣсныхъ связяхъ съ раскольниками и былъ уставщикомъ часовни, находящейся на задахъ дома мѣщанина Мингалева. Родомъ онъ горбатовскій купецъ. Его звали всѣ Аѳоней, собственное же имя его было *Аѳанасій* Кузьмичъ. Когда о вліяніи его на раскольниковъ дошло до свѣдѣнія начальства, онъ скрылся изъ Симбирска, а впослѣдствіи, пріобрѣтя хорошій достатокъ, приписался въ хвалынскіе купцы».

еще большее довѣріе. Но возвратиться къ нимъ, въ Хвалынскъ, Кочуевъ не согласился, сказавъ: «Будетъ еще время».

Достигнувъ, такимъ образомъ, славы между поволжскими раскольниками, онъ, прекративъ юродство, смѣнилъ имя Аѳони на имя *Аѳонасія*, около трехъ лѣтъ прожилъ въ Симбирскѣ, наверху дома Константинова, и былъ уставщикомъ въ часовнѣ Мингалева. Зная, что богатство есть первое средство къ достиженію значенія и силы, Кочуевъ, хотя и смиренно, но не безъ удовольствія принималъ щедрыя пожертвованія, посыпавшіяся къ нему со всѣхъ сторонъ. Не переставалъ онъ покупать древнія книги и изучать ихъ. Въ Симбирскѣ сблизился онъ съ купеческимъ семействомъ Вандышевыхъ и на восемнадцатилѣтняго юношу изъ этого семейства, Петра Васильевича, пріобрѣлъ рѣшительное вліяніе.

Между тѣмъ свѣдѣнія о приключеніяхъ Аваонія достигли Горбатова. Они огорчили приближавшагося къ гробу престарѣлаго отца его. Огорчило его посрамленіе любимаго сына. Купеческій сынъ, сѣченный въ полиціи! Огорчили его и слухи о его нечистой жизни, о которыхъ старикъ Кочуевъ узналъ изъ безыменнаго письма мстительной дѣвки-хлыстовки. Онъ звалъ сына въ Горбатовъ, вызываясь прислать ему паспортъ. Сохранилось отвѣтное письмо Аваонія, письмо длинное, широковѣщательное, изъ котораго представляемъ выдержки, характеризующія писавшаго въ эту эпоху его жизни.

«Паки запятъ есть злокозненнымъ врагомъ, паки князь тьмы и страстныхъ сладостей родитель—плѣненна мя сотвори... Почто такъ изволите себя безпокоить и сѣтовать мене ради всестрастнаго, ибо не стою ни малѣйшаго вниманія, не желаю вашего сожалѣнія, котораго не стóю ниже помыслить—недостой-

ный азъ, ниже могу нарещись сынъ вашъ... Азъ, непотребный, пребываю въ пространствѣ и не вижу дражайшаго ми креста, еже есть скорби, бѣды и напасти. Аще и есть нѣкоторыя, по зависти діаволи, но сіи весьма малы моему окаянству, и оныя не меня, но паче васъ оскорбили тщетно, благоутробные мои родители... Въ письмѣ вашемъ (отъ 21-го февраля) узрѣлъ великую вашу печаль и сѣтованіе, которое имѣете тщетно, нанесенное вамъ отъ противника. Но жаль, что такъ медленно оное у васъ продолжается, и не могъ скорѣе васъ освободить отъ него... Также имѣю побуждающихъ мою совѣсть къ вашему сожалѣнію доброжелательныхъ страннолюбцевъ, изъ коихъ первая есть Елена Васильевна, мать Ивана Ивановича (Константинова), имѣетъ меня вмѣсто сына, чего не смѣю и помыслить. Истинно отъ врага сіе ваше ко мнѣ великое сожалѣніе и мое къ вамъ усердное благорасположеніе, чего нетерпѣливо желаетъ и разные свои многокозненны умыслы, сѣти и козни поставляетъ и самъ тщится прекратить мой путь, отъ нихъ же да избавитъ мя Всевышній Творецъ... Но зрите еще его (дьявола) льстивіи козни, ибо нѣцыи здѣ въ невѣдѣніяхъ и ересѣхъ находящіеся, подвиженіемъ сатаниными движими, сплетаютъ лесть и оскорбляютъ своими злохитрыми словесы васъ, невинные и дражайшіе мои. А именно сіе произошло отъ нѣкоей нечестивой старой дѣвицы, которая оказала мнѣ все свое усердіе съ тѣмъ мнѣніемъ, дабы прельстить меня въ свою проклятую вѣру, еже есть хлыстовщина именуется, а по писанію евхитска ересь. Не терпяще обличенія и укоренія своей безбожной вѣры, паче же законопреступной ереси проклятой святыми богоносными отцы, обаче не явѣ и пространнѣ сіе сотвори, но отай, завистію сатанинею и ины нѣкія плотскіи вины прилагающе, яко да о невѣдѣніи вашего и отъ ищущихъ вины по-

гибели лукавыхъ глаголю, бѣсовъ, дабы вы симъ прельстились, соблазнились и повѣровали. Корень такого лукаваго діавольскаго суда и подобныхъ имъ, ради вашего утѣшенія, спасенія и спокойствія, христоспоспѣшествующу, искорените да подвигнетеся Азъ же здѣ Господу Богу и Спасу нашему и Пречистой Его Матери и всѣмъ святымъ Его споспѣшествовавшимъ, еже по силѣ моей, не облѣнихся понудити себе къ защищенію святыя, соборныя и апостольскія церкви, ибо испытано бысть о всемъ опасно и явѣ очищена быша вся ея догматы, вещи и тайны благодатію Христовою. Поистинѣ, нѣсть, непотребный и грѣшный! ни единаго слова къ душеполезному наставленію и извѣщенію истины. Сего ради не отверзаю устъ своихъ и быхъ яко человѣкъ не слышахъ и не имый во устѣхъ своихъ обличенія Божія. Приходящіе же къ моему окаянству христолюбивые поборники благочестія пріемлютъ пользу отъ божественныхъ книгъ, которыхъ у меня нынѣ довольно, по милости Божіей. Точію мои недостойные очи и персты служатъ къ ихъ пользѣ, которыми могу сыскать яже имъ на пользу, но сами читаютъ, ибо и сему недостоинъ есмь, но Богу тако изволившу, ради прочихъ спасенія, попусти мнѣ дерзнути на сіе, яко же и древле скверными Валаамомъ учаше, тако и нынѣ моимъ окаянствомъ... Не сія ли есть вина сему (что не соглашаются ему дозволить удалиться отъ міра, вѣроятно, въ раскольничій монастырь), дражайшіе мои, яко не въ правовѣріи находимся? Сего ради, Богомъ васъ прошу, потщитесь испытать сіе опасно, ибо тако есть писано: «аще и вся добродѣтели исправитъ человѣкъ, а неправо вѣритъ, ничто же себѣ пользы получитъ, но со еретики осудится». И нынѣ *избавихся отъ заблужденія* [1]), чего

---

[1]) То-есть перешелъ въ расколъ.

и вамъ желаю всѣмъ сердцемъ. Нѣтъ времени ясн' вамъ писать—не поспѣю на почту. Сего ради Богомъ васъ прошу помолиться о мнѣ всемогущему Богу. На что, драгіе мои, просите, чтобъ меня показать нашимъ купцомъ? Чего не желаю. Или что такъ нетерпѣливо желаешь видѣть мое недостоинство, дражайшая сестрица, ибо грубъ есмь и невѣжда и не можете ни малѣйшія пользы отъ меня получить... Паспорта отъ васъ не желаю и васъ не требую, а что случится, то извѣщу. Если придетъ обо мнѣ сообщеніе въ магистратъ, то попросите, Господа ради, общество, дабы уволило навсегда мое окаянство, ибо уже оказался никуда непотребенъ» [1]).

Не знаемъ, продолжалась ли послѣ этого переписка у Аввонія съ отцомъ; знаемъ, однако, изъ послѣдующихъ обстоятельствъ, что все, о чемъ ни просилъ сынъ въ приведенномъ письмѣ, отцомъ было исполнено. Горбатовское городское общество дало ему увольнительный видъ, въ которомъ, называя Аввонія глухимъ и нѣмымъ, дозволяло ему вступить въ монастырь. Родители и вся семья Кочуевыхъ обратились въ расколъ: въ 1830 году умеръ старикъ Кочуевъ и похороненъ въ Оленевскомъ скитѣ. Въ этотъ скитъ поступила его вдова Дарья Осипова и старшая дочь Авдотья Кузьминишна. Обѣ постриглись: одна въ 1833 году подъ именемъ Досиѳеи, другая подъ именемъ Елизаветы [2]). Другія сестры Аввонія были замужемъ за раскольниками [3]).

---

[1]) Письмо помѣчено 6 марта, но безъ означенія года.

[2]) По высылкѣ изъ скитовъ постороннихъ жителей въ [illegible]., Елизавета Кочуева, какъ семеновская мѣщанка, поселилась въ деревнѣ Колосковой, рядомъ съ Оленевскимъ скитомъ.

[3]) Настасья за Простоватиковымъ, Авдотья за Галкинымъ—горбатовскими купцами.

Получивъ увольненіе отъ горбатовскаго общества, Авѳоній Кузьмичъ недолго оставался въ Симбирскѣ. О сильномъ вліяніи его на раскольниковъ и совращеніи имъ многихъ православныхъ дошло до свѣдѣнія правительства. Избѣгая бѣды, онъ скрылся у Кузьмичевыхъ, а отсюда перебрался въ Верхнепреображенскій Иргизскій монастырь. Это было въ 1828 году,

Настоятелемъ Верхнепреображенскаго монастыря въ то время былъ престарѣлый инокъ Гавріилъ, но дѣлами управлялъ Силуянъ, человѣкъ умный, хитрый, довольно начитанный и еще не старый. Ему не было и сорока [1]).

Уроженецъ Александровской слободы, Гальяны тожь, что подлѣ города Александрова Владимірской губерніи, сынъ крестьянина конюшеннаго вѣдомства, Семенъ Никифоровъ, будучи лѣтъ шестнадцати отъ роду, поступилъ половымъ въ одинъ изъ московскихъ трактировъ, отлично выучился играть на билліардѣ и передъ нашествіемъ Наполеона сдѣлался лучшимъ по Москвѣ маркеромъ. Глядя на красиваго парня въ бѣлой коленкоровой рубахѣ съ кіемъ въ рукѣ, похаживавшаго вокругъ трактирнаго билліарда и возглашавшаго число очковъ, кто бы могъ подумать, что онъ вмѣстѣ съ Кочуевымъ возгласитъ первое слово объ учрежденіи заграничной старообрядческой іерархіи?

Вскорѣ по изгнаніи непріятеля, когда одинъ рекрутскій наборъ слѣдовалъ за другимъ, искусный маркеръ сданъ былъ обществомъ въ рекруты. Служить ему не хотѣлось, и не дойдя до полка — Никифоровъ бѣжалъ. Нигдѣ лучше нельзя было укрыться дезертиру, какъ у раскольниковъ. Смѣнивъ кій на лѣстовку,

---

[1]) Изъ ревизской сказки 7 ревизіи по Александровской слободѣ Александровскаго уѣзда Владимірской губерніи видно, что онъ родился въ 1790 году.

маркеръ, въ качествѣ странника, явился въ 1816 году въ Верхнепреображенскій Иргизскій монастырь, поступилъ въ число братства, постригся, принявъ имя Силуяна и при помощи сильныхъ старообрядцевъ, по чужому паспорту, приписался къ хвалынскому городскому обществу [1]).

Престарѣлый и почти совсѣмъ уже ослѣпшій игуменъ Нижневоскресенскаго монастыря, знаменитый въ исторіи старообрядства схимникъ Прохоръ, оказавшій много услугъ Иргизу и между прочимъ лично у императора Павла въ Гатчинѣ исходатайствовавшій избавленіе отъ рекрутской повинности жителей Иргиза, а потомъ получившій отъ его щедротъ шесть тысячъ рублей на возобновленіе сгорѣвшей въ Преображенскомъ монастырѣ церкви [2]), Прохоръ, сорокъ лѣтъ правившій всѣми иргизскими монастырями и по всему старообрядству считавшійся за ревностнѣйшаго поборника «древляго благочестія», въ 1828 году, согласясь на убѣжденія саратовскаго губернатора князя Голицына, далъ подписку о присоединеніи къ единовѣрію. Ужасъ объялъ Иргизъ и всѣ старообрядскія общины. Силуянъ, дотолѣ еще мало извѣстный, завелъ по этому случаю дѣятельную переписку съ рогожскимъ обществомъ въ Москвѣ, съ Королевскимъ въ Петербургѣ, съ Рязановымъ въ Екатеринбургѣ, съ Казанью, Пермью, Керженцомъ, Дономъ, Ураломъ и линейными казаками на Кавказѣ. Дѣятельнымъ помощникомъ Силуяна и редакторомъ этой переписки былъ вновь прибывшій въ монастырь послушникъ Аѳоній Кузьмичъ, сдѣлавшійся монастырскимъ секретаремъ.

---

1) *Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ* 1835 г. № 103 и 1840 г. № 932.

2) Привезены тайнымъ совѣтникомъ Руничемъ.

Отовсюду посыпались грозные упреки на Прохора. Съ помощью Кочуева, Силуянъ (самъ не мастеръ онъ былъ писать) составилъ увѣщаніе старику и частію уговорами, частію угрозами добился того, что Прохоръ отказался отъ данной подписки. Это возвысило Силуяна въ глазахъ старообрядчества, и въ 1830 году, по смерти Гавріила, онъ былъ единогласно выбранъ въ игумены Верхнепреображенскаго монастыря, въ которомъ, за обращеніемъ Воскресенскаго въ единовѣрческій, образовался новый центръ Иргиза. Самъ маститый схимникъ Прохоръ, по распоряженію правительства, доживші дни свои въ этомъ монастырѣ, сдѣлался подначальнымъ Силуяну. И до 1841 года, то-есть до тѣхъ поръ, когда послѣдній изъ иргизскихъ монастырей, Верхнепреображенскій, былъ обращенъ въ единовѣрческій, Силуянъ стоялъ во главѣ иргизскаго братства. Объ участіи Кочуева въ противодѣйствіи распространенію единовѣрія на Иргизѣ также разнеслась вѣсть по старообрядству. И вотъ имя его, пустыннаго учителя, молчальника, блаженнаго юрода, страдальца за вѣру, ревнителя по древлему благочестію, знатока святоотеческихъ книгъ, исповѣдника, проповѣдника, со славою промчалось повсюду. Достигалъ своей цѣли Авѳоній Кузьмичъ.

Незадолго передъ тѣмъ поступилъ въ Верхнепреображенскій монастырь воспитанникъ и наперсникъ Кочуева, Петръ Васильевичъ Вандышевъ, принявшій въ постриженіи имя Платона. Вандышевы были люди достаточные и находились въ родственныхъ связяхъ съ богатыми купеческими старообрядческими домами Казани, Саратова и другихъ приволжскихъ городовъ. Чтеніе, подъ руководствомъ Кочуева, прологовъ и патериковъ о жизни и подвигахъ пустынниковъ, распѣваемые Авѳоніемъ псалмы объ Алексѣѣ человѣкѣ Божіемъ, покинувшемъ богатый домъ родителей и моло-

дую, прекрасную невѣсту, объ индѣйскомъ царевичѣ Іоасафѣ, что по внушеніямъ учителя своего Варлаама промѣнялъ сладкія яства на гнилую колоду, царскія вина на болотную воду, казну золотую на власяницу, Индѣйское царство на дикую пустыню,—воспламенили впечатлительную натуру юнаго купчика. Воспитанный отчасти по-свѣтски, любившій и тонкія вина и карты, и даже танцы, немножко знавшій по французски, большой охотникъ до свѣтской литературы, особенно до исторической, — Вандышевъ, оставивъ домъ родительскій и, какъ говорятъ, приготовленную ему невѣсту, бѣжалъ на Иргизъ по указанію Аѳонія. Мать и невѣста бросились въ погоню. Но, достигнувъ Преображенскаго монастыря, онѣ встрѣчены были молодымъ человѣкомъ въ иноческомъ одѣяніи. Не было больше Петра Васильевича Вандышева, передъ ними, опустивъ глаза, смиренно стоялъ старецъ Платонъ. Иргизскіе монахи безъ искуса, безъ испытанія, постригли его въ тотъ-же день, какъ онъ прибѣжалъ къ нимъ, не забывъ взять изъ дома значительную сумму денегъ. Платонъ вскорѣ сдѣлался казначеемъ Преображенской обители.

Живя въ монастырѣ, отецъ Платонъ по молодости, увлекался иногда мірскими соблазнами и впадалъ въ грѣховную суету. Но не безпросыпное пьянство, укоренившееся издавна на Иргизѣ, составляло утѣшеніе отца Платона. Вкусившій нѣсколько отъ плодовъ симбирской цивилизаціи, онъ былъ непрочь попировать иной разъ съ пріятелями, но въ такомъ случаѣ не полуштофы кабацкой сивухи, а тонкія вина, въ бутылкахъ съ золочеными этикетами, являлись на столѣ иночествующаго сибарита, и монашеская келья оглашалась звуками гитары, пѣніемъ страстныхъ романсовъ, стихами Пушкина, звуками пламенныхъ поцѣлуевъ съ сестрами Покровскаго монастыря и частымъ

хлопаньемъ пробокъ если не шампанскаго, то, по крайней мѣрѣ, знаменитаго въ ту пору цымлянскаго. Нерѣдко, окруженный бутылками, отецъ казначей закладывалъ пріѣзжимъ пріятелямъ банкъ или цѣлую ночь напролетъ проигрывалъ съ ними въ ландскнехтъ и трынку. Но все прощалось Платону ради его рода, ради его ума, денегъ и огромныхъ связей по всему Поволжью.

И секретарь монастырскій Кочуевъ, и казначей Платонъ были искренними друзьями отца Силуяна и постоянными его собесѣдниками. Четвертымъ въ ихъ монастырскомъ обществѣ былъ экономъ монастыря, инокъ Аѳанасій, человѣкъ совсѣмъ иного склада. Вышелъ онъ изъ простыхъ мужиковъ, но, благодаря природному уму и рѣдкимъ способностямъ, сталъ онъ неизмѣримо выше другихъ иргизскихъ монаховъ и сдѣлался наперсникомъ Силуяна. Онъ былъ еще молодъ, только годомъ старше Кочуева: въ 1830 году ему исполнилось 27 лѣтъ [1]).

Абрамъ Абрамовичъ Кулябинъ былъ сынъ казеннаго крестьянина Вятской губерніи [2]). Отъ рожденія старообрядецъ, лѣтъ двадцати отъ роду покинулъ онъ родину, поселился на Иргизѣ и постригся въ иноки, принявъ имя Аѳанасія. Онъ такъ же, какъ и названныя выше лица, много читалъ и начитанностью пріобрѣлъ уваженіе въ средѣ старообрядцевъ и большое на нихъ вліяніе. Находясь въ дружескихъ отношеніяхъ съ главой глазовскаго раскола, Іоною Телицынымъ, съ гла

---

[1]) Изъ ревизской сказки деревни Теляты 1811 года видно, что Абрамъ Абрамовъ родился въ 1803 году.

[2]) Деревня Теляты, Кулибинская тожъ, Глазовскаго уѣзда, Порѣзской (прежде Лумпунской) волости верстахъ въ двадцати отъ центра тамошняго раскола — деревни Іоны Телицына, названной такъ по имени сарапульскаго 3-й гильдіи купца, тутъ поселившагося и бывшаго главою раскола тѣхъ мѣстъ.

зовскимъ купцомъ Лысяковымъ, съ самарскими купцами Абачиными, хвалынскими—Кузьмичевыми или Михайловыми и села Мечетнаго [1]) Мальцовыми, этими столпами мѣстнаго старообрядства, Аѳанасій, посредствомъ этихъ благоговѣвшихъ передъ нимъ людей, имѣлъ громадное нравственное вліяніе на приволжскихъ и прикамскихъ старообрядцевъ. Слава о немъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ гремѣла во всѣхъ старообрядческихъ общинахъ восточной части Европейской Россіи. Казаки уральскіе и линейные благоговѣли предъ Аѳанасіемъ. Впослѣдствіи онъ сдѣлался старообрядческимъ епископомъ.

Весело и привольно жилъ на Иргизѣ этотъ избранный кружокъ молодыхъ иноковъ. Они властвовали надъ монастыремъ. Кормя братію и дозволяя ей пьянство и разгулъ, они во всемъ остальномъ держали ее въ ежевыхъ рукавицахъ. Остальные монахи и даже попы были рабами избраннаго кружка. Въ неменьшей зависимости отъ нихъ находился и сосѣдній Верхнепокровскій женскій монастырь. Прямою тропинкой отъ мужского до женскаго монастыря не болѣе версты. Хотя и въ томъ и въ другомъ ворота запирались, но были калиточки, и иноки съ инокинями проводили не только дни, но и ночи другъ у друга. Избранный кружокъ не ходилъ въ гости къ покровскимъ инокинямъ. Монахини, послушницы и даже гостьи являлись въ кельи Силуяна, Платона, Аѳанасія и Кочуева, по назначенію. Это не считалось грѣхомъ: «это не грѣхъ, а только паденіе», говорили иргизскіе подвижники и подвижницы. Сама покровская мать-игуменья Надежда благодушно взирала на грѣшки своихъ евангельскихъ дщерей и сквозь пальцы смотрѣла, какъ онѣ подъ

---

[1]) Впослѣдствіи города Николаевска Саратовской, а нынѣ Самарской губерніи.

вечерокъ шмыгали въ калиточку и пробирались завѣтною тропинкой къ ожидавшихъ ихъ въ Преображенской обители иночествующимъ любовникамъ.

Былъ у отца Силуяна еще другъ-пріятель, богатый купецъ города Вольска, Гурій Ивановичъ Суетинъ, одинъ изъ умнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ старообрядцевъ поволжскаго края. Снимая въ Заволжьѣ, близъ Иргиза, обширные участки казенной земли подъ хлѣбопашество, имѣлъ онъ тамъ немало хуторовъ, а подлѣ Вольска, въ которомъ жилъ, обширные сады. Имѣя торговыя дѣла на Кавказской линіи, онъ часто бывалъ и подолгу живалъ въ тамошнихъ старообрядческихъ станицахъ и пріобрѣлъ тамъ огромное нравственное вліяніе на своихъ единовѣрцевъ. Занимаясь исполненіемъ торговыхъ порученій отъ разныхъ купцовъ-раскольниковъ, Гурій Ивановичъ находился въ короткихъ, дружескихъ связяхъ съ главными членами рогожскаго общества въ Москвѣ, съ богатыми старообрядцами Петербурга и нижняго Поволжья. Вліятельные старообрядцы Саратова, Сарапуля и Екатеринбурга находились въ близкомъ родствѣ съ Суетинымъ [1]). Одаренный обширнымъ умомъ, предпріимчивостью и рѣдкою энергіей, Суетинъ былъ человѣкъ стараго закала, патріархальный домовладыка. Не только будучи во временныхъ отлучкахъ, но даже находясь впослѣдствіи въ ссылкѣ въ Кутаисѣ, посредствомъ переписки онъ распоряжался и домомъ, и хозяйствомъ, и семьей до малѣйшихъ подробностей. Изъ его переписки, находившейся у насъ подъ руками,

---

[1]) Двѣ дочери Гурія Ивановича были за саратовскими купцами-старообрядцами: Марья за Гребенщиковымъ, Елена за Емельяномъ Уфимцовымъ, двѣ другія за купцами-старообрядцами сарапульскими — Александра за Сѣдовымъ, Анна за Михаиломъ Колчинымъ. Въ Екатеринбургѣ извѣстный Казанцовъ также находился въ родственныхъ связяхъ съ Суетинымъ.

видно, что сыновья, имѣвшіе уже своихъ дѣтей лѣтъ по пятнадцати, ворочая сотнями тысячъ, сюртука не смѣли сшить безъ отцовскаго приказанія изъ пожизненной ссылки. Старшій сынъ его Иванъ Гурьевичъ, былъ дѣятельнымъ помощникомъ отца и по дѣламъ торговли, и по дѣламъ секты [1]). Онъ воспитывался въ московской коммерческой академіи и былъ хорошо образованъ [2]). Старикъ Суетинъ не считалъ образованія помѣхой расколу и впослѣдствіи внучатъ помѣщалъ въ коммерческую академію и другія учебныя заведенія. Чуждаясь православія, онъ не чуждался православнаго духовенства, и когда въ Вольскѣ была учреждена каѳедра викарнаго архіерея—Суетинъ былъ въ восторгѣ отъ такой чести родному и горячо люби

---

[1]) Такъ, напримѣръ, Егоръ Матвѣевичъ Копыловъ изъ Астрахани, 18-го января 1850 года, пишетъ къ нему: «При отъѣздѣ нашемъ я просилъ васъ попросить вашего тятеньку, а теперь всепокорнѣйше васъ прошу: не имѣете ли въ виду старичка трезваго, хорошаго поведенія, Евангеліе читать, замолитвовать»; а отъ 12-го марта того-же года, Копыловъ увѣдомляетъ, что присланный старичокъ Иванъ Сергѣевъ помѣщенъ на дворѣ астраханской часовни, но только читаетъ, замолитвовать не можетъ. Переписка Суетиныхъ въ *дѣлѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ о приведеніи въ извѣстность раскола въ Саратовской губерніи* 1853 года. До этого Иванъ Гурьевичъ велъ переписку о дѣлахъ бѣлокриницкихъ съ Петербургомъ, а въ 1848 г. даже и съ Вѣной.

[2]) Образованіе Ивана Гурьевича, однако, не помѣшало ему попасть подъ уголовный судъ за поступокъ, несообразный съ понятіемъ объ образованности. Въ 1850 году была сильная засуха, а передъ тѣмъ на хуторѣ Суетина въ Новоузенскомъ уѣздѣ опился работникъ, крестьянинъ Колѣнкинъ. Для прекращенія засухи и отвращенія чрезъ то неурожая, Иванъ Гурьичъ велѣлъ выкопать Колѣнкина изъ могилы и вколотить ему въ задъ осиновый колъ. За то по суду былъ оштрафованъ деньгами (*то-же дѣло*). Другой сынъ Гурія Ивановича, Яковъ, много горя принесъ родителю своимъ пьянствомъ и мотовствомъ, былъ, по его приказанію изъ Кутаиса, изгнанъ изъ дома и умеръ, передъ смертію принявъ православіе. Это послѣднее обстоятельство свело 73-хъ-лѣтняго поборника раскола въ гробъ (умеръ въ Тифлисѣ въ маѣ 1852 года). Изъ писемъ видно, что родные считали обращеніе Якова Гурьевича въ православіе «обидой всего своего рода».

мому имъ городу и дѣятельно хлопоталъ объ устройствѣ епископскаго дома, скупалъ для него сады и пр.

Разъ, обозрѣвая свои хутора, Гурій Ивановичъ заѣхалъ въ Верхнепреображенскій монастырь къ другу своему, Силуяну. Отслушавъ, по обычаю, въ часовнѣ длинную уставную службу, потрапезовавъ съ братіей въ келарнѣ, почетный гость отправился въ игуменскія кельи. Тамъ, кромѣ Силуяна, находился экономъ Аѳанасій, казначей Платонъ и секретарь Кочуевъ. Сѣли собесѣдники за столъ, уставленный, по скитскому обычаю, икрой, балыками, разными соленьями, орѣхами, пряниками, пастилой, финиками и ягодами. Грѣховныхъ утѣшеній, разумѣется, тутъ не было. Съ Гуріемъ шутить было нельзя: онъ постоянно носилъ толстую, суковатую палку, знакомую спинамъ иргизскихъ монаховъ и даже монахинь. За чаемъ, пуншемъ, мадерой и цымлянскимъ повели бесѣду о тѣсныхъ обстоятельствахъ старообрядства.

Главнѣйшій и богатѣйшій иргизскій монастырь Воскресенскій обращенъ въ единовѣрческій. Ходятъ вѣрные слухи, что и съ другими будетъ то-же. Иргизу, этому Іерусалиму русскаго старообрядства, грозитъ паденіе. Строго воспрещено иргизскимъ попамъ отлучаться изъ монастырей. Строго запрещено вновь принимать бѣглыхъ священниковъ. Строго запрещено разъѣзжать по Россіи иргизскимъ монахамъ и вновь принимать ихъ. Строго запрещено принимать поклонниковъ, стекавшихся на Иргизъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи и даже изъ за границы. Заграничнымъ раскольникамъ вовсе запрещено переходить, хотя бы и на время, въ русскіе предѣлы. Моленныя и часовни по всей Россіи описаны, и вновь не дозволено ни новыхъ строить, ни старыхъ починять. Запрещено инокамъ называться иноками и носить иноческую одежду. Стали ссылать старообрядцевъ въ Закавказье. Назначили въ

Пермской губерніи миссіонеровъ изъ духовенства, которые на первыхъ же порахъ нанесли сильный ущербъ старообрядству. Но всѣхъ бѣдъ горшая бѣда—«оскудѣніе священства». Вотъ что было предметомъ бесѣды въ кельѣ отца Силуяна. Что же будетъ? Что дѣлать? Оскудѣніе священства уже и теперь, тотчасъ же послѣ состоявшихся воспретительныхъ постановленій, сдѣлалось тягостно, а впереди неизбѣжно что нибудь одно: или идти въ безпоповщину, или принять единовѣріе. Ни того, ни другого не хотѣлось. Что же надо дѣлать?

Объединить все старообрядство правильнымъ іерархическимъ началомъ и господствующей церкви противопоставить свою собственную, независимую и канонически устроенную церковь. Вотъ что, по мнѣнію собесѣдниковъ, надо было сдѣлать.

Но какъ этого достигнуть? Толковали много и, наконецъ, договорились, что исканіе — архіерейства и учрежденіе независимой ничѣмъ отъ господствующей церкви старообрядческой іерархіи составляетъ единственный выходъ изъ тяжкаго ихъ положенія. Но гдѣ взять архіерея, гдѣ устроить ему каѳедру, безопасную отъ преслѣдованій правительства, которыя, разумѣется, тотчасъ же послѣдуютъ?

Недоумѣвали собесѣдники. И поднялъ свой голосъ Аѳоній: «Непремѣнно и неотложно надобно учредить архіерейство, сказалъ онъ.—Поискать надо, нѣтъ ли гдѣ на Востокѣ епископовъ, сохранившихъ «древлее благочестіе», а если такихъ не сыщется, пригласить русскихъ, если же не пойдутъ, то греческихъ, и принять согласно правиламъ святыхъ отецъ. Жительство же устроить непремѣнно за границей, и всего лучше въ Буковинѣ, такъ какъ тамошніе старообрядцы имѣютъ привилегіи отъ австрійскихъ императоровъ, а турецкій султанъ теперь, послѣ войны, всякую волю

русскаго правительства исполнить и, по требованію его, старообрядческое архіерейство разоритъ»[1]).

Въ восторгъ пришли слушавшіе слова Кочуева. А онъ сталъ развивать планъ дѣйствій.

— Но это будетъ стоить большихъ денегъ,—замѣтилъ онъ.

— За деньгами не постоимъ, — закричалъ Суетинъ,—что имѣю—все отдаю, и Москва мошной тряхнетъ, цѣлый синодъ архіереевъ добудемъ.

Аѳоній принялся писать проектъ объ устройствѣ заграничной іерархіи. Суетинъ извѣстилъ объ иргизской мысли своего пріятеля, одного изъ вліятельныхъ людей рогожскаго общества и кладбищенскаго попечителя, Ивана Васильевича Окорокова; этотъ сказалъ Шелапутину, Ѳедору Рахманову, Ивану Александрову и Ѳедору Карташеву. Всѣми мысль иргизская была принята съ восторгомъ. То льстило особенно этимъ рогожскимъ тузамъ, что вотъ добудутъ они архіереевъ и станутъ помыкать ими, командовать надъ ними. Не попа какого-нибудь бѣглаго, что на сиваго жеребца церковь смѣнялъ, не какого-нибудь скитскаго игумена, бродящаго за сборомъ, а самого преосвященнаго владыку изругать иной разъ можно будетъ и всякимъ

---

[1]) О буковинскихъ привилегіяхъ знали на Иргизѣ, куда нерѣдко приходили изъ Молдавіи и Буковины тамошніе раскольники. Одинъ такой старецъ Веніаминъ въ ту самую пору жилъ въ Средненикольскомъ иргизскомъ монастырѣ. Это былъ московскій мѣщанинъ Василій Петровъ, жившій то въ Яссахъ, то въ Бѣлой Криницѣ, то на Иргизѣ. Въ 1826 году онъ приписался въ московское мѣщанство. По обращеніи Средненикольскаго монастыря въ единовѣрческій (1837), жилъ въ Москвѣ, работая лѣстовки и правя службу въ моленной Арженикова. Лѣтомъ 1839 года взятъ полиціей за ношеніе монашескаго платья и показалъ, что отецъ его былъ австрійскимъ подданнымъ, и въ Яссахъ, во время возстанія грековъ противъ турокъ, сгорѣлъ, послѣ чего Веніаминъ, постриженный еще въ 1830 г., т. е. 14 лѣтъ отъ роду, пріѣхалъ въ Россію (*Дѣло архива московскаго генералъ-губернатора* 1839 г., № 176). О немъ разсказываетъ В. А. Сапѣлкинъ (*Русскій Вѣстникъ* 1864 г., № 243 и 244).

инымъ образомъ его «поначалить». Вотъ что льстило. Таковы расчеты имѣли знаменитые рогожскіе толстосумы.

Сказали названные выше Рогожцы объ иргизской затѣѣ попу Ястребову. Обрадовался попъ и благословилъ начинаніе. До поры до времени дѣло сохраняли втайнѣ. Въ то время рогожское общество находилось въ сильномъ волненіи. Оскудѣніе священства до такой степени взволновало московскихъ старообрядцевъ, что, несмотря на разсказанную уже выходку попа Ястребова, многіе изъ нихъ вновь стали громко поговаривать о принятіи на кладбище единовѣрческихъ священниковъ. Только небольшое число закоренѣлыхъ фанатиковъ оставались упорными защитниками прежнихъ порядковъ. Имъ-то для сохраненія своего вліянія и было необходимо придумать какое-нибудь средство противъ грозившей опасности остаться безъ поповъ и видѣть паденіе своей секты. Для обсужденія столь важнаго вопроса, старшины Рогожскаго кладбища рѣшились въ началѣ 1832 года собрать на соборъ людей начитанныхъ и уважаемыхъ изъ всѣхъ главныхъ пунктовъ русскаго старообрядства [1]).

Зимой 1831—1832 года двинулись на Москву послы изъ Вѣтки, изъ Стародубья, Керженца и Иргиза, изъ Саратова, Перми и Екатеринбурга, изъ Казани, Ржева, Торжка и Твери, изъ Тулы, Боровска и другихъ городовъ. Пріѣхали казаки донскіе, уральскіе и линейные—всѣхъ казаковъ до сорока человѣкъ.

Представителемъ Вѣтки былъ престарѣлый игуменъ Лаврентьева монастыря, Симеонъ, еще въ 179? году поступившій въ настоятели по смерти игумена Ѳеофилакта, о смерти котораго такъ много сожалѣлъ графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, вотчинникъ

---

[1]) Протоіерей Арсеньевъ (*Записки о дѣйствіяхъ Кочуева*).

трехъ мужскихъ и одного дѣвичьяго вѣтковскихъ монастырей [1]). Симеонъ наслѣдовалъ милости и почетъ покровительствовавшаго вѣтковскимъ обителямъ канцлера, завѣдывалъ другими мужскими монастырями и даже дѣвичьимъ, по особому предписанію управляющаго Гомельскимъ имѣніемъ фонъ-Фока [2]). Изъ Стародубья прибыли: настоятель Покровскаго монастыря Рафаилъ, старецъ чрезвычайно уважаемый старообрядцами, и настоятель Никольскаго монастыря Сергій съ старцемъ Ипполитомъ. Съ Керженца—престарѣлый Илія, игуменъ Улангерской обители, и настоятель керженскаго Благовѣщенскаго монастыря Пафнутій, Гуслякъ родомъ [3]), у котораго въ монастырѣ жилъ инокъ Діонисій, родной братъ первѣйшаго столпа рогожскаго общества, знаменитаго толстосума Ѳедора Рахманова. Съ Иргиза явился Силуянъ, а съ нимъ и затѣйникъ дѣла—Кочуевъ. Въ числѣ міранъ представителемъ старообрядцевъ Саратовской губерніи былъ Гурій Ивановичъ Суетинъ [4]).

Собраніе депутатовъ назначено было не въ Рождественской часовнѣ, какъ водилось дотолѣ, а въ комнатахъ конторы. Изъ рогожскаго духовенства тутъ находились: Иванъ Матвѣевичъ Ястребовъ, Ермилычъ и другіе. Изъ московскихъ старообрядцевъ засѣдали только старшины и попечители, именно: Антипъ Дмитріевичъ

---

[1]) Лаврентьевъ, Пахоміевъ и Макаріевъ, и, кромѣ того, дѣвичій въ Спасовой слободѣ.

[2]) Подлинникъ (29-го марта 1804 г.) находится въ *Дѣлѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ* 28-го сентября 1833 г., № 425—57. Тамъ-же и письмо графа Румянцева.

[3]) Крестьянинъ г. Дубовскаго, изъ Богородскаго уѣзда Московской губерніи, Панкратъ Александровъ, лично намъ извѣстный, старецъ умный, хитрый, но мало начитанный и не всегда трезвый. Онъ уже умеръ. Имѣлъ большія связи въ Москвѣ.

[4]) Въ *Запискѣ протоіерея Арсеньева* онъ названъ Иваномъ Гурьевичемъ, но это ошибка. Ивану Гурьевичу въ 1832 году было только 14 лѣтъ.

Шелапутинъ, Өедоръ Андреевичъ и Василій Григорьевичъ Рахмановы, Николай Дмитріевичъ Царскій, Василій Ефремовичъ Соколовъ, Өедоръ Боковъ, Максимъ Горѣловъ, Иванъ Александровъ, Өедоръ Карташевъ; сынъ умершаго попа, занимавшійся дѣлами Шелапутина по Рогожскому кладбищу, Василій Акимовъ; Иванъ Васильевичъ Окороковъ, Егоръ Воробьевъ, Неокладной, Свѣшниковъ, Мотылевъ и другіе. Совѣщаніе началось разсужденіями на вопросъ,— принимать или не принимать единовѣріе. Говорили и за, и противъ. Попросилъ слова и секретарь иргизскій. Силою краснорѣчія и блестящими софизмами успѣлъ онъ убѣдить собраніе, что только старая вѣра непреложна и истинна, что только она одна даетъ жизнь и вѣчное спасеніе. Могучимъ помощникомъ Авөонію явился попъ Иванъ Матвѣевичъ, слово котораго было закономъ для многихъ раскольниковъ, особенно для его духовныхъ дѣтей, которыхъ много было на соборѣ. Тутъ-же связалъ онъ московскихъ старшинъ, а затѣмъ постепенно и всѣхъ остальныхъ страшною клятвою никогда и ни въ какомъ случаѣ не покидать старообрядства и подъ страхомъ вѣчнаго осужденія не открывать имѣющей возвѣститься великой тайны. Затѣмъ объявилъ, что въ собраніи находится великій подвижникъ, страдалецъ за вѣру отеческую, отъ Господа одаренный разумомъ и книжнымъ ученіемъ.

— Онъ возвѣститъ вамъ тайну сію,—сказалъ попъ Ястребовъ,—онъ укажетъ средство отклонить навсегда затрудненія въ недостаткѣ священниковъ; онъ дастъ нашему богоспасаемому обществу новую силу, крѣпость и жизнь. Вотъ онъ,—сказалъ попъ, выводя Кочуева на середину.—Отверзите уши ваши и того послушайте.

Смиренною, притворно-робкою поступью вышелъ на середину, ведомый старшимъ рогожскимъ попомъ,

невзрачный, приземистый, худощавый, двадцатиосьмилѣтній Аѳоній. Осуществлялись пылкія его мечтанія: что думалъ онъ въ Хвалынскѣ, въ саратовскомъ лѣсу, въ Жигуляхъ, въ Симбирскѣ, то сбывалось. Ему внимаютъ именитѣйшіе старообрядцы царствующаго града Москвы, на него съ уваженіемъ смотрятъ представители старообрядства всей Россіи. Тихимъ, ровнымъ, вкрадчивымъ голосомъ изложилъ онъ проектъ свой.

Для осуществленія предположенія Кочуевъ предложилъ сначала съѣздить въ Петербургъ и попробовать достигнуть предназначенной цѣли путемъ законнымъ; въ случаѣ же неудачи послать довѣренныхъ лицъ въ Турцію и Грецію, чтобы склонить къ себѣ одного изъ находящихся не у дѣлъ митрополита. О мѣстѣ пребыванія будущаго раскольничьяго іерарха не сказалъ ни слова. Да объ этомъ на сей разъ никому и въ голову не пришло.

Тѣмъ не менѣе предложеніе иргизскаго секретаря принято было съ восторгомъ, хотя и не всѣми. Кромѣ Ястребова, все рогожское духовенство, какъ не имѣвшее доселѣ ни отъ кого законной зависимости, никакъ не хотѣло согласиться на осуществленіе проекта Кочуева и предлагало остаться попрежнему. Царскій съ своею партіею настаивалъ, чтобы, не вдаваясь въ такое новое, еще невѣрное и во всякомъ случаѣ опасное дѣло, ходатайствовать у правительства о возстановленіи силы правилъ 1822 года относительно пріема вновь бѣглыхъ поповъ. Но Шелапутинъ, Ѳедоръ Рахмановъ, Боковъ и Горѣловъ крѣпко ухватились за мысль Кочуева и предлагали тотчасъ же просить у правительства дозволенія имѣть своего епископа, обѣщаннаго въ прошломъ столѣтіи, а въ случаѣ рѣшительнаго отказа — устроить тайно старообрядческую іерархію. Василій Григорьевичъ Рахмановъ и Ѳедоръ Ананьевичъ Карташовъ, сначала молчавшіе, теперь

сильно поддерживали эту мысль. Кочуевъ торжествовалъ. Для примиренія раздѣлившихся партій онъ предложилъ вести два дѣла разомъ: ходатайствовать о возстановленіи правилъ 1822 года, представивъ правительству записку о невозможности старообрядцамъ присоединиться къ единовѣрію, и въ то-же время вести дѣло объ учрежденіи іарархіи. И то, и другое онъ принималъ на себя. Всѣ согласились, кромѣ поповъ. Они съ негодованіемъ оставили собраніе, разумѣется за исключеніемъ Ивана Матвѣевича [1]).

Рогожскій соборъ имѣлъ не одно засѣданіе. Въ виду «оскудѣнія священства» постановили нѣкоторыя правила въ явную противность установленнымъ древнею церковью правиламъ, оправдывая себя любимымъ выраженіемъ старообрядцевъ: «по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ». Такимъ образомъ, на этомъ соборѣ установлена была заочная исповѣдь, предоставлено право не имѣющимъ іерейскаго сана чернецамъ не только исповѣдовать и пріобщать, но даже постригать въ монашество. Пользуясь такимъ расширеніемъ власти, нѣкоторые монахи, по захолустьямъ, вѣнчали даже свадьбы.

Стали толковать о людяхъ способныхъ на подвигъ хожденія по разнымъ иноземнымъ государствамъ для отысканія архіерейства. Лаврентьевскій игуменъ Симеонъ заявилъ, что у него въ монастырѣ есть монахи, не по одному разу бывавшіе за границей, люди смѣлые, ловкіе, предпріимчивые, имѣющіе связи и знакомства съ монахами раскольничьихъ монастырей въ Турціи, Молдавіи и Буковинѣ. На отправленіе сихъ паломни-

---

[1]) Протоіерей Арсеньевъ. *Записка о дѣйствіяхъ Кочуева* и *Записка о Рогожскомъ кладбищѣ.* Ероѳея Іевлева, саратовскаго мѣщанина, соговарища Кочуева, *Записка объ австрійскихъ архіереяхъ*, доставленная имъ мнѣ въ 1853 году. Іевлевъ вмѣстѣ съ Кочуевымъ былъ высланъ изъ Петербурга въ 1844 году

ковъ нужны были деньги. Открыли подписку, и въ самое короткое время собрали два милліона рублей ассигнаціями. Главными жертвователями были: Шелапутинъ, Θедоръ и Василій Рахмановы, Θедоръ Карташевъ, Иванъ Окороковъ, Егоръ Воробьевъ, Николай Царскій, Неокладной и Свѣшниковъ. Собранныя деньги положили на Рогожскомъ, а распорядителемъ ихъ сдѣлался Кочуевъ [1]), переѣхавшій на кладбище, гдѣ ему дали одинъ изъ двухъ домовъ конторщика Синицына. Рѣшено было привлечь и Королёвское общество въ Петербургѣ къ участію въ этомъ дѣлѣ и къ пожертвованіямъ. Въ Петербургъ для этой цѣли вызвался ѣхать Θедоръ Рахмановъ.

---

1) Протоіерей Арсеньевъ. *Записка о дѣйствіяхъ Кочуева.*

ГЛАВА ВТОРАЯ

Королевскіе

Спустя полвѣка послѣ того какъ въ русскомъ народѣ возникъ церковный расколъ старообрядства, въ то самое время, когда онъ началъ распадаться па секты поповскую и безпоповскую, волею Петра I, на берегахъ Невы, возникла новая столица. Основатель ея не жаловалъ раскольниковъ. Въ фанатическихъ защитникахъ старины онъ видѣлъ закоренѣлыхъ враговъ своихъ нововведеній и торжественно объявилъ ихъ «лютыми непріятелями, государю и государству непрестанно зло мыслящими». При всей широтѣ своего воззрѣнія на свободу совѣсти, для нихъ однихъ признавалъ онъ необходимыми мѣры неумолимой строгости. Всякаго званія и всякаго вѣроисповѣданія людей желалъ онъ видѣть въ новой столицѣ, не желалъ однихъ раскольниковъ. Раскольники не любили Петра и въ свою очередь не желали изъ старыхъ, русскихъ «богоспасаемыхъ градовъ и весей» переселяться въ новый «нѣмецкій бургъ», гдѣ, по ихъ понятіямъ, каждая пядь земли осквернена была грѣховнымъ нечестіемъ. При жизни Петра раскольники не имѣли осѣдлости въ Петербургѣ.

Но «нѣмецкій бургъ» сдѣлался «царствующимъ градомъ всея Россіи», и Русь потянула къ нему, какъ до

того тянула къ старинной Москвѣ. Потянуло, наконецъ, на невскія устья и старообрядцевъ. Сначала явились они на Охтѣ въ средѣ тамошнихъ плотниковъ и судостроителей, а потомъ и въ самомъ Петербургѣ, въ средѣ людей торговыхъ и промышленныхъ.

Московскіе раскольники преимущественно принадлежали и принадлежатъ къ поповщинской сектѣ; до половины XVIII столѣтія въ ней почти вовсе не было безпоповцевъ; въ Петербургѣ же, напротивъ, главная масса раскольниковъ слѣдовала и слѣдуетъ ученію разныхъ отраслей безпоповщины. Первые поселившіеся въ Петровой столицѣ раскольники были изъ нынѣшнихъ Олонецкой и Новгородской губерній, гдѣ особенно развитъ расколъ безпоповскій. Поповцы въ замѣтномъ количествѣ явились въ Петербургѣ не раньше сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія.

То были по преимуществу переселенцы изъ Московской, Тверской и Ярославской губерніи, привлеченные торговыми выгодами. Число ихъ постепенно увеличивалось, и въ 1756 году они имѣли уже свою моленную, въ домѣ богатѣйшаго изъ тогдашнихъ петербургскихъ поповцевъ, купца Гутуева [1]). Обыкновенно эта моленная называлась «Гутуевскою»; этимъ именемъ называлась и самая община поповцевъ въ Петербургѣ. До 1762 года Гутуевская моленная оставалась негласною. Дочь Петра, безусловно вѣрившая въ непогрѣшимость всѣхъ дѣйствій своего родителя и находившаяся подъ вліяніемъ духовенства, не отличавшагося въ то время духомъ терпимости, ни подъ какимъ видомъ не дозволяла раскольникамъ отправлять въ своей резиденціи

---

1) Домъ Гутуева, въ которомъ была устроена моленная, находился въ центрѣ города, близъ Сѣнной площади, въ Спасскомъ переулкѣ. По имени Гутуева называется большой островъ на взморьѣ, принадлежащій теперь городу Петербургу.

богослужебные ихъ обряды. Оттого Гутуевская моленная и содержалась въ глубокой тайнѣ. Едва скончалась Елисавета, петербургскіе старообрядцы открыто стали совершать службу въ своей моленной. Сохранилось преданіе, что самъ Петръ III разрѣшилъ имъ это. Указы его о сочиненіи особаго положенія о раскольникахъ [1]) и о назначеніи на Керженецъ особыхъ опекуновъ для защиты тамошнихъ келейныхъ жителей отъ притѣсненій [2]) даютъ поводъ думать, что преданіе это не лишено основанія. Облегченіе раскольниковъ, начавшееся въ кратковременное царствованіе Петра III, ободрило «Гутуевцевъ», прежде всѣхъ иногородныхъ собратій своихъ воспользовавшихся дарованною свободой. Вслѣдъ за тѣмъ Екатерина II цѣлымъ рядомъ узаконеній облегчила тяжкое дотолѣ положеніе старообрядцевъ, и они съ каждымъ годомъ стали болѣе и болѣе переселяться изъ внутреннихъ губерній, изъ Сибири и даже изъ-за литовскаго рубежа въ сѣверную столицу. Вскорѣ Гутуевская моленная уже не могла вмѣщать быстро умножавшихся прихожанъ. Въ 1771 году, въ то самое время, когда въ Москвѣ заводились Рогожское и Преображенское кладбища, въ Петербургѣ послѣдователи поповщины получили правительственное дозволеніе на устройство двухъ моленныхъ, вмѣсто упраздненной по причинѣ тѣсноты Гутуевской. Возвести для этихъ моленныхъ отдѣльныя зданія петербургскимъ старообрядцамъ, однако, не было дозволено. Они должны были довольствоваться моленными, устроенными въ видѣ домовыхъ церквей. Одна такая находилась въ домѣ купца Родіона Захарова, въ Апраксиномъ

---

[1]) 29-го января 1762 г. См. *Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи*, т. XV, № 11,420

[2]) 7-го февраля 1762 г. См. *Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи*, т. XV, № 11,440

переулкѣ, у Семеновскаго моста, другая на отведенномъ правительствомъ для раскольниковъ кладбищѣ, на Волковомъ полѣ. На этомъ кладбищѣ, по примѣру Рогожскаго, устроенъ былъ и богадѣльный домъ, но въ гораздо меньшихъ размѣрахъ.

Гутуевская община находилась въ духовной зависимости отъ Стародубья. Изъ тамошняго Покровскаго монастыря Гутуевцы получали «исправленныхъ» поповъ, запасные дары и мнимо-древнее муро. Клинцы снабжали ихъ книгами, выходившими изъ-подъ станковъ тамошней старообрядческой типографіи, съ цензурнаго дозволенія суражскаго нижняго земскаго суда, а также вѣнчиками и разрѣшительными молитвами, возлагаемыми на усопшихъ. Изъ старообрядческихъ монаховъ являлись въ Петербургѣ преимущественно стародубскіе, а чаще всего изъ сосѣдняго съ Стародубьемъ, одного изъ вѣтковскихъ монастырей, Лаврентьева. Свято сохраняя старыя правила и обряды Стародубья, Гутуевцы приходящихъ отъ великороссійской церкви принимали третьимъ чиномъ, безъ перемазанія. Впрочемъ, случаи такихъ пріемовъ въ Петербургѣ были чрезвычайно рѣдки и потому не могли возбуждать разногласія въ тамошнемъ старообрядскомъ обществѣ. Вообще въ Петербургѣ раскольники всѣхъ сектъ никогда не отличались духомъ прозелитизма, и случаевъ совращенія изъ православія тамъ было весьма немного, сравнительно съ другими мѣстами. Умножились петербургскія раскольничьи общины исключительно посредствомъ переселеній старообрядцевъ изъ другихъ городовъ и селеній [1]).

---

[1]) Но этого нельзя сказать о разныхъ ересяхъ, появлявшихся въ Петербургѣ въ концѣ прошлаго и въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія: скопческой, хлыстовской и ея отраслей, нашедшихъ послѣдователей и въ высшихъ сословіяхъ столицы (общество полковницы Букс-

Болѣе тридцати лѣтъ въ петербургской общинѣ не было ни споровъ, ни раздоровъ. Наконецъ московскіе Рогожцы, враждовавшіе со Стародублянами изъ-за перемазанія, произвели раздѣленіе и въ Петербургѣ. Извѣстно, что и на перемазанскомъ соборѣ, бывшемъ въ Москвѣ въ декабрѣ 1779 года, крамольная партія нововводителей, во главѣ которой стоялъ Никита Павловъ, одержала верхъ надъ отвергавшими нововводное перемазаніе [1]). Глава послѣднихъ, московскій купецъ Григорій Ѳедоровичъ Ямщиковъ, въ домѣ котораго начался соборъ, не хотѣлъ, по окончаніи его, оставаться въ Москвѣ, гдѣ продолжались и умножались нескончаемыя ссоры, доходившія до открытаго насилія, ибо раздорники не одинъ разъ пытались доказать необходимость перемазанія кулаками и дубинами. Онъ переселился въ Петербургъ, гдѣ старообрядцы и слышать не хотѣли о перемазаніи. Въ средѣ петербургскихъ старообрядцевъ онъ тотчасъ же пріобрѣлъ большое значеніе и сталъ во главѣ ихъ. Пользуясь такимъ положеніемъ, Ямщиковъ ревностно поддерживалъ общеніе петербургскихъ старообрядцевъ съ отвергнувшимъ перемазаніе Стародубьемъ и всячески отстранялъ вліяніе усиливавшихся съ каждымъ днемъ рогожскихъ кривотолковъ. Но не долго могъ онъ поддерживать внутренній миръ и братское согласіе между петербургскими старообрядцами.

Вліятельнѣйшіе (до переселенія Ямщикова въ Петербургъ) старообрядцы не совсѣмъ дружелюбно смотрѣли на него. Имъ было крайне досадно, что новый человѣкъ сразу занялъ положеніе, совершенно уничто-

---

гевденъ въ 1817 году, ея дочери, по мужѣ Татариновой, въ тридцатыхъ, и Адамитовъ или Еввина клуба въ сороковыхъ годахъ). Въ этихъ сектаторскихъ общинахъ прозелитизмъ былъ довольно силенъ.

[1]) Андрея Журавлева, *Историческое извѣстіе о раскольникахъ*, 313—336.

жавшее ихъ значеніе. Особенно негодовалъ на это богатый купецъ Иванъ Никитичъ Ильинъ, до тѣхъ поръ глава петербургской старообрядской общины. Съ самаго пріѣзда Ямщикова сталъ онъ къ нему во враждебное отношеніе, хотя и не открытое. Этимъ воспользовались московскіе кривотолки и съ Рогожскаго кладбища кинули на берега Фонтанки камень раздора. Небывалыя дотолѣ въ средѣ петербургскихъ старообрядцевъ разномыслія, внутреннія несогласія и самое раздвоеніе возникли между ними, благодаря вмѣшательству рогожскихъ богослововъ, ссорами и побоями утверждавшихъ свое ученіе о перемазаніи.

Еще во время перемазанскаго собора въ Москвѣ, глава противной Ямщикову партіи, Никита Павловъ, съ рогожскимъ попомъ Александромъ, 24-го декабря 1779 года писали въ Петербургъ посланіе, въ которомъ, доказывая необходимость пріема никоніанъ вторымъ чиномъ, посредствомъ перемазанія, предостерегали петербургскую общину отъ противника этого ученія, Никодима, и его «хитросплетенныхъ кривосказаній». Никодимъ, душа партіи Ямщикова, впослѣдствіи основатель единовѣрія, какъ стародубскій инокъ, былъ хорошо извѣстенъ въ Петербургѣ и пользовался тамъ общимъ уваженіемъ. Поэтому на рогожское посланіе въ Петербургѣ сначала не было обращено особеннаго вниманія... Рогожцамъ даже не отвѣчали. Но когда въ Петербургъ переселился Ямщиковъ, и прежніе столпы тамошней поповщины потеряли прежнее значеніе, рогожское посланіе было вынуто изъ-подъ спуда, и въ Петербургѣ возбужденъ былъ вопросъ о перемазаніи. Ямщиковъ, вѣрный убѣжденіямъ, изъ-за которыхъ покинулъ родину, ревностно возсталъ противъ перемазанія и всѣми силами старался удалить изъ среды петербургскихъ старообрядцевъ самые толки объ этомъ предметѣ, повсюду внесшемъ въ старообрядство вражду

и раздоры. Но Ильинъ, руководившійся болѣе личнымъ недоброжелательствомъ къ своему недругу, чѣмъ желаніемъ утвердить нововводное перемазаніе въ Петербургѣ, составилъ сильную партію изъ богатѣйшихъ петербургскихъ старообрядцевъ, сталъ съ нею въ открыто-враждебное отношеніе къ Ямщикову и вошелъ въ письменныя сношенія съ Рогожскимъ кладбищемъ. Партію Ильина составляли: Иванъ Яковлевичъ Маришинъ, Семенъ Васильевичъ Савиновъ, Иванъ Ивановичъ Миловъ, Өедоръ Ивановичъ Автамоновъ, Викулъ Михайловичъ Кочерыжниковъ, Өедоръ Лукинъ, Петръ Макаровъ, Иванъ Смирновъ и другіе. Черезъ два года по полученіи въ Петербургѣ посланія съ перемазанскаго собора, 29-го ноября 1781 года, они послали на Рогожское, къ попу Александру и попечителямъ Ивану Семеновичу и Александру Степановичу (фамиліи ихъ намъ неизвѣстны), вопросы, въ которыхъ просили разрѣшенія нѣкоторыхъ недоумѣній относительно перемазанія [1]). Рогожскіе старшины не медлили и въ 1782 году прислали отвѣты, которые однако не всѣхъ удовлетворили. Изъ пославшихъ вопросы, Миловъ, богатый несравненно болѣе Ильина, отсталъ отъ его партіи и многихъ увлекъ за собой. Раздѣленіе общины совершилось. Партія Ильина приняла перемазаніе, вошла въ общеніе съ Рогожскимъ кладбищемъ, и разорвала связи съ стародубьемъ надолго, до тѣхъ поръ почти, когда, около 1816 года, и тамъ окончательно утвердилось перемазанье. Партія Ямщикова осталась вѣрною доселѣ существовавшимъ въ Петербургѣ стародубскимъ правиламъ; она была гораздо многочисленнѣе, зато члены ея были бѣднѣе единомыш-

---

[1]) *Посланіе* 24-го декабря 1779 года. *Вопросы Ильина* и *Рогожскіе отвѣты* напечатаны въ *Сборникѣ для исторіи старообрядства* Н. Попова, II, 244 и пр., но по неисправному списку.

ленниковъ Ильина, а потому менѣе сильны. Миловъ присталъ къ Ямщикову.

Произошли ожесточенные споры, вражда закипѣла между партіями, и хотя дѣло не дошло ни до рогожскихъ кулаковъ, ни до стародубскихъ дубинокъ, но злобы и ненависти и въ Петербургѣ оказалось не меньше, чѣмъ въ Москвѣ и слабодахъ Стародубскихъ. За ненавистью послѣдовали взаимныя проклятія, произнесено было слово «анаѳема», и внутренній миръ дотолѣ единодушной общины окончательно былъ разрушенъ. Приверженцы Ильина съ приверженцами Ямщикова прервали общеніе и въ пищѣ, и въ молитвѣ. А молитвенный домъ въ городѣ былъ одинъ. Перемазанцы овладѣли моленной въ домѣ Захарова и не пускали въ нее послѣдователей Ямщикова и Милова. Кладбищемъ на Волковомъ полѣ съ моленной и богадѣльней они же овладѣли. Ямщиковъ помогъ горю своихъ собратій. У него еще въ Москвѣ была богато устроенная моленная, со множествомъ старинныхъ иконъ, книгъ и разной церковной утвари, которую онъ сначала поставилъ было въ моленной Захарова и на Волковомъ полѣ. Теперь, послѣ долгихъ пререканій, едва не дошедшихъ до судебнаго разбирательства, онъ взялъ изъ обѣихъ моленныхъ свои вещи и перенесъ ихъ въ свой большой каменный домъ, стоявшій рядомъ съ Захаровскою моленной. Такимъ образомъ въ Апраксиномъ переулкѣ явились двѣ поповщинскія моленныя: въ Ямщиковской служилъ попъ стародубскій, принятый третьимъ чиномъ, въ Захаровской—бѣглый изъ Владимірской эпархіи и перемазанный на Иргизѣ попъ Василій Андреевъ. Десять лѣтъ стояли рядомъ эти моленныя. Такое сосѣдство послужило къ большему усиленію вражды и нерѣдко подавало поводъ къ соблазнительнымъ сценамъ. Чтобы положить этому конецъ, Ильинъ перенесъ перемазанскую моленную изъ дома Захарова въ свой,

находившійся на правой сторонѣ Фонтанки, между Чернышевымъ и Аничковымъ мостами. Это было въ 1792 году.

Партія непріемлющихъ перемазаніе, во главѣ которой стояли Ямщиковъ и Миловъ, какъ уже сказано, были многочисленнѣе рогожской партіи Ильина, и хотя въ ней находилось менѣе людей богатыхъ, зато не мало было людей вліятельныхъ по своимъ знакомствамъ съ тогдашними правительственными лицами. Довольно сказать, что имъ покровительствовалъ всемогущій тогда князь Потемкинъ. Никодимъ и другіе Стародубляне, бывая въ Петербургѣ, поддерживали и скрѣпляли связи этой партіи съ тѣми стародубскими общинами, которыя, отвергая перемазаніе, стремились къ большему сближенію съ православною церковью. Еще за два года до Высочайшаго утвержденія извѣстныхъ Платоновскихъ правилъ единовѣрія, въ 1798 году значительнѣйшая часть прихожанъ Ямщиковской моленной изъявила желаніе принять православнаго священника отъ мѣстнаго митрополита на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ въ 1785 году дозволено было старообрядцамъ, новопоселеннымъ въ Таврической области и давно жившимъ въ намѣстничествахъ Черниговскомъ и Новгородсѣверскомъ, принимать священниковъ. Во главѣ согласившихся на такое примирѣніе съ православною церковью былъ Миловъ. Ямщиковъ не былъ въ числѣ согласныхъ и не пустилъ въ свою моленную православнаго священника. Поэтому Миловъ, для новообратившихся къ единовѣрію, устроилъ въ своемъ домѣ, на Захарьевской улицѣ, временную церковь [1]). Это была первая единовѣрческая церковь въ Петербургѣ. Вскорѣ Миловъ, на свое иждивеніе, построилъ близъ своего

---

[1]) *Собраніе постановленій по части раскола, по вѣдомству святѣйшаго синода*, т. I, стр. 766—768.

дома особую каменную церковь во имя св. Николая Чудотворца. Она существуетъ до сихъ поръ и извѣстна подъ именемъ «Миловской». Въ 1800 году прихожанамъ ся отдана старообрядческая часовня на Волковомъ полѣ, тогда же обращенная въ единовѣрческую церковь.

До обращенія Милова въ единовѣріе, Ямщиковская партія была, какъ сказано выше, многочисленнѣе и сильнѣе перемазанцевъ. Теперь вышло наоборотъ. Оставшихся съ Ямщиковымъ въ расколѣ было несравненно меньше, чѣмъ прихожанъ моленной Ильина. Вскорѣ умеръ стародубскій попъ, служившій въ Апраксиномъ переулкѣ, и духовныя его дѣти, за неимѣніемъ другого стали ходить къ иргизскому попу Василью Андрееву. Наконецъ, пожаръ 1804 года положилъ конецъ Ямщиковской партіи и раздѣленію петербургской старообрядческой общины. Сгорѣли обѣ моленныя, Ямщикова и Ильина. Ямщиковъ не возобновилъ своей, да и возобновлять ее было почти не для кого. Его единомысленники частію перешли въ Миловскую единовѣрческую церковь, частію присоединились къ усилившимся перемазанцамъ, число которыхъ постепенно увеличивалось посредствомъ переселеній въ Петербургъ раскольниковъ изъ разныхъ городовъ внутренней Россіи. Черезъ недѣлю послѣ пожара они устроили временную моленную [1]), а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Толмазовомъ переулкѣ [2]), въ домѣ мѣщанина Петрова, у

[1]) Въ квартирѣ московскаго купца Өедора Рѣшетова, жившаго въ Щербаковомъ переулкѣ въ домѣ Өедора Ильина.

[2]) Не въ нынѣшнемъ Толмазовомъ переулкѣ, но въ существовавшемъ до постройки Александринскаго театра и Палерояля. Этотъ Палерояль однако не состоялся, и въ зданіяхъ, для него построенныхъ, были помѣщены театральное училище и дома министра внутреннихъ дѣлъ, департамента казенныхъ врачебныхъ заготовленій и министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ. Отъ стараго Толмазова переулка

нихъ явилась новая моленная, устроенная также просторно и богато, какъ и существовавшая въ домѣ Ильина. Черезъ шесть лѣтъ (въ 1810 году), и она была истреблена пожаромъ, а въ 1811 году явилась снова въ несравненно болѣе обширномъ видѣ на Ивановской улицѣ, въ домѣ купца 1-й гильдіи, старообрядца, Владиміра Королева.

Эта моленная, открыто существовавшая въ продолженіе тридцати трехъ лѣтъ (1811—1844) была извѣстна подъ названіемъ «Королёвской». Самая община петербургскихъ старообрядцевъ по ея имени стала называться «Королёвской», какъ нѣкогда по Гутуевской моленной называлась Гутуевскою. Теперь уже болѣе двадцати лѣтъ прошло со времени уничтоженія Королёвской моленной, а послѣдователи поповщины въ Петербургѣ и доселѣ еще называются «Королёвскими».

Весь верхній этажъ обширнаго каменнаго дома обращенъ былъ въ домовую церковь съ иконостасомъ, уставленнымъ древними иконами въ драгоцѣнныхъ украшеніяхъ. Въ ней устроенъ былъ алтарь съ престоломъ, впрочемъ не освященнымъ; поэтому и литургіи здѣсь не совершалось. Въ нижнемъ этажѣ зданія помѣщались больница и келарня (кухня со столовой). Въ особомъ деревянномъ флигелѣ помѣщалась богадѣльня, на полтораста кроватей; внутреннее ея устройство было такое же, какъ и въ Москвѣ на Рогожскомъ кладбищѣ, но въ меньшихъ размѣрахъ. Рядомъ съ домомъ Королева, находился домъ старообрядца же Груздева, въ которомъ жилъ попъ Василій Андреевъ съ сыномъ Иваномъ, уставщикомъ Королёвской моленной. Тутъ-же жили и пѣвцы.

остается до сихъ поръ небольшой тупикъ на набережной Фонтанки, близъ Чернышева моста Сказываютъ, что моленная Петрова была на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Александринскій театръ.

Оба дома, Королёвскій и Груздевскій, хотя оффиціально и считались частною собственностью, но въ дѣйствительности еще съ 1811 года составляли принадлежность всего петербургскаго старообрядскаго общества, а въ 1824 году у крѣпостныхъ дѣлъ с.-петербургской гражданской палаты явлена была купчая крѣпость на продажу купцомъ Королевымъ каменнаго дома *с.-петербургскому старообрядческому обществу* за 40,000 рублей [1]).

Едва была устроена Королёвская моленная, какъ охтенскій протоіерей Андрей Ивановичъ Журавлевъ, извѣстный авторъ *Историческаго извѣстія о раскольникахъ*, 18-го апрѣля 1811 года донесъ петербургскому митрополиту Амвросію, что раскольники устроили на Ивановской улицѣ, въ домѣ Груздева, моленную и имѣютъ при ней бѣглаго попа. Началось дѣло. Полиціймейстеру графу Васильеву поручено было произвесть формальное слѣдствіе. Онъ нашелъ моленную со всѣми церковными принадлежностями, кромѣ сосудовъ, но не въ домѣ Груздева, какъ писалъ протоіерей Журавлевъ, а въ домѣ Королева. Въ первомъ, какъ оказалось, жилъ престарѣлый попъ Василій Андреевъ. Бумаги этого попа были въ порядкѣ, у него былъ паспортъ, выданный ему въ Саратовѣ и подписанный тамошнимъ губернаторомъ Панчулидзевымъ. Въ этомъ паспортѣ попъ Василій названъ былъ «отпущеннымъ въ Петербургъ священникомъ Нижневоскресенскаго (что̀ на Иргизѣ) монастыря». Панчулидзевъ не имѣлъ права выдавать такихъ паспортовъ, но попъ не виноватъ же былъ въ томъ, что губернаторъ далъ ему видъ, какого не долженъ былъ выдавать. Другое дѣло—моленная, при которой служилъ Василій Андреевъ: ей грозила серьезная опасность. Старообрядцы, послѣ пожара въ

---

[1]) *Собраніе постановленій по части раскола*, 440 и 441.

домѣ Ильина, построили ее безъ разрѣшенія мѣстной власти, и потому она подлежала уничтоженію. Но дѣло, произведенное графомъ Васильевымъ, кончилось благопріятно для старообрядцевъ. Состоялась слѣдующая резолюція императора Александра Павловича, собственноручно имъ написанная 20-го августа 1811 года: «не дѣлать какихъ либо новыхъ о ней (моленной) распоряженій, поелику оная часовня не есть вновь заведенная, а оставить ее попрежнему до общаго разсмотрѣнія подобныхъ сему обстоятельствъ» [1]. Послѣ того Королёвская моленная существовала уже гласно, служеніе въ ней производилось открыто, попъ Василій оставленъ въ покоѣ, и графъ Васильевъ возвратилъ ему отобранныя у него при обыскѣ поручи Продолжалъ священодѣйствовать у Королёвскихъ этотъ попъ, дожилъ до ста лѣтъ и умеръ около 1840 года [2].

Съ тѣхъ поръ какъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ оставленіи Королёвской моленной неприкосновенною, прихожане ея, наперерывъ другъ передъ другомъ, стали украшать и обогащать ее. Старопечатныя Евангелія, обложенныя драгоцѣнными окладами, золотые кресты, сребропозлащенныя, унизанныя жемчугами и осыпанныя брилліантами и другими дорогими камнями иконы, великолѣпныя плащаницы, хоругви и разныя другія церковныя принадлежности снесены были въ Королёвскую моленную богатыми ревнителями древняго благочестія и благолѣпія храма.

---

[1]) *Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ* 1839 г., № 79.

[2]) Въ 1816 году на попа Василія донесъ петербургскому митрополиту протопопъ Вшевскаго погоста (Лужскаго уѣзда) Галактіонъ Барсовъ, что онъ разрѣшилъ крестьянину Петру Лазареву и другимъ непосвященнымъ совершать крещеніе и нѣкоторыя другія требы. Попъ Василій избѣгнулъ за то преслѣдованія (см. тоже дѣло).

Вскорѣ петербургская моленная сдѣлалась одною изъ богатѣйшихъ старообрядческихъ церквей, хотя снаружи и ничѣмъ не отличалась отъ обыкновенныхъ домовъ столицы: тотъ-же ровный, гладкій фасадъ безъ всякихъ украшеній, съ двумя рядами оконъ: ни купола, ни креста, ни колоколовъ, ни даже наддверной иконы у входа не было видно; за то внутреннее устройство отличалось богатствомъ, блескомъ и даже нѣкотораго рода вкусомъ.

Не бывало у Королёвцевъ ни соборнаго служенія съ девятью или двѣнадцатью попами, ни торжественныхъ крестныхъ ходовъ вокругъ часовенъ или на іордань, какъ это водилось на Рогожскомъ; не звонили на Ивановской улицѣ въ колокола, какъ на Иргизѣ; не ходили съ иконами и крестами для молебновъ на поля, какъ на Керженцѣ. За то иного рода торжество раскола бывало здѣсь отъ времени до времени. Въ праздничные дни въ Королёвской моленной, рядомъ съ купцами и мѣщанами, одѣтыми въ кафтаны стариннаго покроя, стояли въ мундирахъ, нерѣдко съ орденами, офицеры и даже генералы древляго благочестія, «благочестивая рать небрѣемая, Христовы стрѣльцы, сирѣчь казаки» [1]), это—Линейцы, Уральцы и Донцы, вызываемые въ Петербургъ, въ собственный Его Величества конвой, и въ ту пору бывшіе всѣ поголовно въ расколѣ. Кромѣ казаковъ, молившихся въ Королёвской часовнѣ по старинной лѣстовкѣ, исповѣдовавшихся и причащавшихся у попа Василія, на свадьбахъ и на похоронахъ богатыхъ старообрядцевъ не въ диковинку было встрѣтить хорошихъ знакомыхъ ихъ и пріятелей,

---

[1]) *Греческій Златоструй*, раскольническая рукопись. Въ ней такъ называются казаки-старообрядцы. Въ этой статьѣ, между прочимъ, идетъ рѣчь о нашествіи Наполеона въ 1812 году, и говорится, что Богъ даровалъ побѣду именно «небрѣемой рати, Христовымъ стрѣльцамъ».

иногда даже родственниковъ, въ парадныхъ мундирахъ, въ лентахъ и звѣздахъ. Въ дни совершенія такихъ обрядовъ надъ кѣмъ-либо изъ членовъ значительнѣйшихъ старообрядческихъ семействъ, Ивановская улица во всю почти длину ея, а отчасти и Кабинетская, были заставлены каретами, и для наблюденія за порядкомъ при разъѣздѣ наряжались къ моленной полицейскіе чины. Похоронныя процессіи, сопровождаемыя длинною вереницей экипажей, съ полицейскими чинами и жандармами по сторонамъ, тянулись иногда по улицамъ столицы отъ Королёвской моленной до Волкова поля и даже до Охты. Такой блескъ придавалъ особое значеніе Королевскимъ въ средѣ ихъ одновѣрцевъ. Монахи и монахини иргизскихъ, керженскихъ и стародубскихъ скитовъ и монастырей, находившіеся въ Петербургѣ со сборными книжками или для «стоянія неугасимой свѣчи», въ качествѣ канонницъ и читалокъ, возвратившись въ свои темныя захолустья, разсказывали объ этомъ блескѣ петербургскаго старообрядства съ обычными прикрасами и преувеличеніями. По разсказамъ ихъ, Королевская община пользовалась будто-бы въ Петербургѣ покровительствомъ высокопоставленныхъ лицъ; въ своихъ разсказахъ и письмахъ они называли этихъ лицъ по именамъ, увѣряя, что втайнѣ эти знатные люди сами принадлежатъ къ старой вѣрѣ, и если брѣютъ бороды и ходятъ въ православныя церкви, такъ единственно для приличія Такого рода слухи въ свое время имѣли печальныя послѣдствія. Видя совершенное противорѣчіе въ дѣйствіяхъ мѣстной власти съ мнимымъ покровительствомъ расколу сильныхъ людей въ Петербургѣ, жившіе въ отдаленныхъ отъ столицы мѣстахъ раскольники пришли къ естественному заключенію, что мѣстныя власти не имѣютъ никакихъ повелѣній объ ограниченіи ихъ самовольства. Появились въ разныхъ мѣстахъ подложные указы о

свободѣ раскольническаго богослуженія [1]), появились подстрекатели, и дѣло дошло до того, что, напримѣръ, въ 1837 году, при обращеніи Средне-Никольскаго монастыря на Иргизѣ въ единовѣрческій, раскольники оказали открытое сопротивленіе самому губернатору, такъ что пришлось для усмиренія ихъ прибѣгнуть къ вооруженной силѣ. Современемъ открылось, что все это было прямымъ послѣдствіемъ подстрекательства людей, которые, желая въ мутной водѣ рыбу ловить, увѣряли раскольниковъ, что въ Петербургѣ никто и не думаетъ о водвореніи единовѣрія, что это выдумано губернскимъ начальствомъ, для того и составившимъ будто-бы подложное Высочайшее повелѣніе. Подстрекателемъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, оказался извѣстный уже читателямъ Аѳоній Кузьмичъ Кочуевъ.

Въ тридцатыхъ годахъ во главѣ Королёвскаго общества стояли братья Громовы: Сергѣй и Ѳедулъ Григорьевичи. Родомъ были они Гусляки, земляки Рахмановымъ, Солдатенковымъ, Досужеву и другимъ вліятельнымъ Рогожцамъ того времени. Поселясь въ Петербургѣ, Громовы удачно занялись лѣсною торговлей, стали скупать лѣсныя дачи въ Новгородской и Олонецкой губерніяхъ, сплавлять въ столицу бревна, брусья и дрова, и, выгодно продавая ихъ, быстро умножили свое богаство. Удачная покупка у графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской лѣсныхъ дачъ и пристани на Невѣ, извѣстной подъ именемъ «Графской биржи» [2]), довела состояніе ихъ до огромныхъ размѣровъ.

---

[1]) Подложные указы о свободѣ раскольническаго богослуженія стали появляться между старообрядцами съ 1835 г., и Аѳоній Кузьмичъ Кочуевъ едва-ли не былъ основателемъ этого рода литературы.

[2]) «Графская лѣсная биржа» находится въ Петербургѣ, на лѣвомъ берегу Невы, близъ Смольнаго монастыря. Она называется и «Громовскою», но болѣе извѣстна подъ прежнимъ названіемъ «Графской». Другая

Какъ ни значителенъ былъ врученный Громовыми набожной наслѣдницѣ Чесменскаго героя капиталъ, но дѣйствительная цѣнность пріобрѣтеннаго ими имѣнія была далеко выше его. Благодаря этой покупкѣ, предпріимчивые и дѣятельные Гусляки значительно расширили свои обороты и, сдѣлавшись одними изъ первыхъ богачей Петербурга, заняли первенствующее мѣсто въ Королёвскомъ обществѣ.

Попечителями Королевской моленной они были еще въ концѣ двадцатыхъ годовъ, и съ тѣхъ поръ, вмѣстѣ съ купцомъ Григорьемъ Дмитріевичемъ Дмитріевымъ [1]), управляли всѣми дѣлами петербургской старообрядской общины. Значеніе Громовыхъ въ кругу петербургскихъ старообрядцевъ было такъ велико, что въ тридцатыхъ годахъ Королёвскую моленную безразлично звали и «Громовскою», а нѣкоторые петербургскіе жители, незнакомые съ расколомъ, даже и все поповское сословіе называли обыкновенно «Громовской вѣрой». Изрѣдка такое названіе встрѣчается даже въ бумагахъ офиціальныхъ. Изъ Громовыхъ особенно ревностенъ былъ къ расколу старшій братъ, Сергѣй Григорьевичъ. До самой смерти [2]), онъ, въ качествѣ попечителя, управлялъ Королёвскою моленной, и она, своимъ благолѣпіемъ и блескомъ служенія, немало обязана его усердію. Жена его, Елена Ивановна, беззавѣтно преданная расколу, усердствовала еще болѣе, чѣмъ мужъ ея. Первая по богатству изъ петербургскихъ старообрядокъ, она дорожила своимъ первенствомъ, ревниво

«Громовская биржа», или «Громовскій лѣсной дворъ», находилась у Чернышева моста, между Фонтанкой и переулками Чернышевымъ и Щербаковымъ.

[1]) Въ сектаторской перепискѣ онъ извѣстенъ былъ подъ именемъ Боровкова и Каретника. Жилъ близъ съѣзжаго дома Каретной части, на Невскомъ проспектѣ.

[2]) Умеръ въ 1840 году.

оберегала его и имѣла значительное вліяніе не только на Королёвскую, но и на многія иногородныя общины старообрядства. Она не забывала щедрыми подаяніями ни скитовъ, ни монастырей, ни иноковъ и поповъ, снабжая ихъ не только деньгами, книгами, иконами и разною церковною утварью, но даже и до-никоновскими антиминсами, которые добывала за деньги извѣстнымъ ей путемъ изъ каѳедральныхъ ризницъ и пересылала куда слѣдовало въ переплетныхъ доскахъ какой-нибудь книги самаго невиннаго содержанія [1]). Въ разныхъ монастыряхъ и скитахъ проживали старицы на счетъ Елены Ивановны. Въ Петербургѣ не было старообрядческой обители, за то въ домѣ Громовой и при Королёвской моленной, на ея иждивеніи, постоянно живало по нѣскольку монахинь и послушницъ; онѣ читали каноны по умершимъ и вели назидательныя бесѣды съ благочестивою хозяйкой. Быть «читалкой у Громихи» составляло величайшую честь для раскольническихъ монахинь и бѣлицъ. Какъ великаго счастія, добивались онѣ этой чести. Повсюду Елена Ивановна пользовалась уваженіемъ ея одновѣрцевъ, и монастырскія власти самой Бѣлой Криницы называли эту ревнительницу древляго благочестія не иначе, какъ «госпожей дому Израилева, истинною рабою Христовой» [2]).

Ѳедулъ Григорьевичъ Громовъ былъ не менѣе брата ревностенъ и усерденъ къ расколу, но болѣе его остороженъ. Будучи знакомъ со знатными людьми, съ нѣкоторыми изъ нихъ водя хлѣбъ-соль и находясь въ короткихъ сношеніяхъ съ сановниками, очень высоко поставленными, онъ боялся скомпрометировать себя слишкомъ явнымъ участіемъ въ раскольническихъ пред-

---

1) *Слѣдственное дѣло объ Аѳоніи Кочуевѣ.*

2) *Письмо изъ Бѣлокриницкаго монастыря отъ Геронтія и Павла къ Алексѣю Васильевичу Великодворскому,* 20-го іюля 1840 г.

пріятіяхъ. Положивъ устройству заграничной іерархіи прочное начало и втайнѣ заправляя этимъ дѣломъ, Ѳедулъ Громовъ, повидимому, устранялся отъ него и даже приказалъ своимъ домочадцамъ написать къ властямъ Бѣлой Криницы, чтобъ онѣ не адресовали своихъ писемъ на его имя и даже кому-бы то ни было въ его домъ.

Королёвскіе, а особенно Громовы—отличались отъ рогожскихъ своихъ единовѣрцевъ, а еще болѣе отъ старообрядцевъ провинціальныхъ, нѣкоторою долей образованія и внѣшними формами свѣтскости. Около 1830 года у Королёвскихъ уже не замѣчалось той замкнутости, какая и донынѣ еще существуетъ въ нѣкоторыхъ домахъ Таганки, Покровскаго, Нѣмецкаго рынка и Замоскворѣчья. Въ ту пору Рогожцы жили еще по образцу *Домостроя*, мать Пульхерія еще проповѣдывала о «несообщеніи со еретики», а попы налагали тяжелыя епитиміи за свѣтскія удовольствія [1]).

---

1) Мы имѣемъ подъ руками списокъ епитимій, наложенныхъ безпоповскими наставниками Преображенскаго кладбища въ началѣ сороковыхъ годовъ на болѣе значительныхъ членовъ-прихожанъ Ѳедосѣевскаго Преображенскаго кладбища и Покровской моленной поженившихся. Сотнямй и тысячами поклоновъ они должны были заглаживать посѣщеніе клубовъ, собраній, театра и маскарадовъ, ношеніе моднаго платья, куреніе сигаръ; а одна молодая женщина, принадлежавшая къ богатому дому, за верховую ѣзду должна была долгое время очищать себя земными поклонами. Вотъ извлеченіе изъ *Обличенія грѣховъ*, составленнаго отцами Преображенскаго кладбища въ 1846 г.: «Евстафій Петровичъ Б—нъ и жена его Александра Сидоровна принадлежатъ къ Покровской моленной поженившихся. Уличенія согрѣшеній: ѣзда верхомъ на сѣдлахъ нѣмецкихъ, сидѣніе Александры Сидоровны на лошади бокомъ съ сигарой, въ мужской шляпѣ, въ платьѣ съ сатанинскимъ хвостомъ (амазонка). Ѣзда обоихъ супруговъ на конныя ристалища въ сопровожденіи наемнаго наставника конной ѣзды, гаерски одѣтаго (берейторъ). Иродіадина пляска обоихъ на сборищахъ (на балахъ и вечерахъ), соблазнительный покрой одежды мужа и жены, употребленіе мясной пищи по постамъ, питіе кофею даже съ молокомъ, ядѣніе травы салата. Иванъ Ѳедоровичъ Г—въ и жена его Марья Павловна, по Покровской моленной,

Лишь немногіе московскіе старообрядцы осмѣливались, не слушаясь рогожскихъ проповѣдей и не боясь эпитимій, выѣзжать въ щегольскихъ коляскахъ подъ Новинское и въ Сокольники, и тамъ, въ строгомъ молчаніи, созерцать шумную суету міра сего. Въ Петербургѣ было не то. Еще до 1812 года тамъ поселился владѣлецъ несмѣтныхъ богатствъ, старообрядецъ, жившій открыто и роскошно, Злобинъ. Онъ первый подалъ столичнымъ раскольникамъ примѣръ соглашенія религіозныхъ уставовъ древляго благочестія съ усло-

---

оба уличаются въ томъ же, въ чемъ и предыдущіе, только хотя Марья Павловна не ѣздитъ верхомъ, за то излишне предается театральнымъ зрѣлищамъ и Иродіадиной пляскѣ, порочитъ взоръ свой конскими ристалищами. Е. Ѳ. Г., по Покровской моленной, обличается въ сожитіи съ иноплеменной иновѣркой изъ Польши. Прокопій Филипповичъ К—въ и жена его Анна Павловна, по Покровской моленной, обличаются, какъ и Б—ны. Павелъ Назаровичъ Р—нъ, по Ѳедосѣевскому согласію, ради антихристовыхъ наградъ вдался въ разныя непотребства, участвуетъ въ сонмищахъ антихристовыхъ, клубами называемыхъ, играетъ въ карты, нумерныя зерна (лото), посѣщаетъ бѣги, куритъ сигары. Иванъ Васильевичъ С—въ, по Ѳедосѣевскому согласію, — куритъ сигары. Братъ его, Иванъ же Васильевичъ С—въ, по Ѳедосѣевскому согласію, предался изученію черной магіи, разгнѣвалъ демоновъ до того, что они на немъ разорвали рубашку; молитвами наставниковъ Василія Тимоѳеевича и Андрея Ефимовича, хотя и отчитанъ, но еще бѣсъ, въ немъ пребывающій, водитъ часто его въ театръ. Семенъ (жена его Анна Кондратьевна) и Емельянъ И—вы, по Ѳедосѣевскому согласію, обличаются въ ѣздѣ верхомъ на иноземныхъ сѣдлахъ, въ одѣяніяхъ соблазнительныхъ; Анна Кондратьевна въ стягиваніи тѣла своего ради потѣхи демонской (корсетъ, надѣваемый на балы), въ ношеніи даже въ самой моленнѣ иноземныхъ перчатокъ изъ собачьей шкуры, оскверненіи чрезъ это самаго молитвеннаго храма. Ерофей Аѳанасьевичъ К—въ, по Покровской моленной, обличается въ ристаніи на бѣгу и въ человѣкоугодіи въ этомъ мастерствѣ. Иванъ и Павелъ Васильевичи О—вы, по Ѳедосѣевскому согласію, въ куреніи сигаръ. Аѳиногенъ Н—въ, Николай Н—въ и Ефимъ Ѳедоровичъ Г—въ, всѣ трое по Покровской моленной, обличены въ куреніи сигаръ, питьѣ кофея, яденіи мяса по постамъ. Книжные Преображенскаго кладбища: Кузьма В—въ и Петръ В—въ сами сознались, что при питіи водки демонъ понуждаетъ ихъ курить сигары въ сараѣ, гдѣ покойниковъ ставятъ». (Рукопись, мнѣ принадлежащая). Тѣ-же грѣхи наказывались строгими эпитиміями и на Рогожскомъ кладбищѣ. Относительно костюма.

віями быта образованнаго общества. Украшая свою родину (городъ Вольскъ) красивыми постройками, строя тамъ богатую часовню, Злобинъ задавалъ въ Петербургѣ такіе пиры для знатнѣйшихъ людей того времени, что послѣ о нихъ недѣли по двѣ говорило все высшее петербургское общество. Въ то время какъ супруга его снабжала свою Вольскую часовню древними драгоцѣнными утварями и пріобрѣтала плащаницу, будто-бы вышитую еще до перваго вселенскаго собора [1]), Злобинъ устраивалъ въ окрестностяхъ Петер-

---

на Рогожскомъ было гораздо строже, чѣмъ на Преображенскомъ. На послѣднемъ давно уже можно было видѣть среди молящихся одѣтыхъ въ модные сюртуки, а женщинъ въ шляпкахъ. На Рогожскомъ этого до сего времени не допускается. Мужчины должны ходить въ часовню не иначе, какъ въ кафтанѣ стараго покроя, а женщины въ сарафанахъ, съ головами, покрытыми платками въ-роспускъ. Послѣ 1812 года, Мошанскіе первые, а за ними и немногіе другіе—стали ѣздить на гулянья подъ Новинское и въ Сокольники и за то считались людьми погибшими, особенно во мнѣніи провинціальныхъ старообрядцевъ. Въ *Повѣсти о томъ, что сдѣлали Рогожскаго кладбища попечители въ 1816 г.*, находятся слѣдующія обличенія москвичей діаконовца города Орла, Тужилина:

Если тѣхъ почтенныхъ особъ поколебались сердца,
То немаловажная есть потеря любимаго ими образца;
Во многіе праздники, торжества—
Представляетъ гульбища и комедіи Москва,
Ваши богачи почитаютъ за должность
Хранить узаконенную вами осторожность,
Въ означенную вами церковь (*не перемазанскую*) ходить почитаютъ за великую причину,
А если пропустятъ позорище, оскорбляются, не видѣвши того чину.

Въ Петербургѣ было не то: тамъ, еще съ первыхъ годовъ царствованія императора Александра I, богатые раскольники, усвоивъ свѣтскую жизнь, пользовались общественными увеселеніями и т. п.

[1]) Плащаница (за дорогую цѣну купленная въ Кіевѣ) бархатная, вышитая шелками и золотомъ, будто бы устроенная еще до перваго Никейскаго собора константинопольскимъ патріархомъ С. Митрофаномъ, имѣетъ греческую надпись. Она теперь въ Вольской единовѣрской церкви, въ которую обращена Злобинская часовня. Н. И. Костомаровъ

бурга праздники съ музыкой, фейерверками и роскошными ужинами, на которые собиралась вся столичная знать. Въ то время какъ Пелагея Михайловна командовала Иргизомъ, собственноручно сдирала съ недостойныхъ, по ея мнѣнію, поповъ ризы и за разныя провинности собственноручно таскала ихъ за волосы, сожитель ея игралъ въ карты съ министрами [1]), бывалъ на раутахъ и балахъ великосвѣтскаго общества, водился съ иностранцами, покупалъ дорогія картины и статуи, о чемъ безъ ужаса не могли вспомнить иргизскіе фанатики Къ довершенію ихъ ужаса, единственный сынъ Злобина женился на англичанкѣ... Разореніе Злобина и быстрый переходъ его отъ несмѣтнаго богатства къ нищенству жившіе по захолустьямъ фанатики объясняли карой Господней за отступленіе отъ старыхъ обычаевъ, но это не остановило членовъ Королёвской общины въ посильномъ подражаніи житью-бытью знаменитаго вольскаго старообрядца... Въ тридцатыхъ годахъ поселились въ Петербургѣ екатеринбургскіе милліонеры-старообрядцы, Зотовъ и зять его Харитоновъ [2]).

осматривалъ эту плащаницу въ 1856 году и нашелъ, что она вовсе не такъ древняя, что въ вышитой надписи вовсе нѣтъ упоминанія, что Митрофанъ, устроившій плащаницу, былъ царьградскій патріархъ, и въ ней даже нѣтъ слова «патріархъ», а вмѣсто его стоитъ γηράρχος (начальникъ старцевъ). (*Саратовскія Губернскія Вѣдомости* 1857 г. № 19).

[1]) Однажды на вечерѣ у одного знатнаго лица Злобинъ игралъ въ карты, къ нему подошелъ оберъ-полиціймейстеръ и сказалъ: «Василій Алексѣичъ, у васъ въ домѣ пожаръ». Злобинъ совершенно спокойно отвѣчалъ: «На пожарѣ должно быть вамъ, а не мнѣ», и продолжалъ игру. Домъ сгорѣлъ и въ немъ векселя и другіе документы. Это пошатнуло благосостояніе богача, а рискованныя и неудачныя предпріятія по поставкамъ во время отечественной войны совсѣмъ доконали его. Мильонеръ сталъ нищимъ. Передъ смертію онъ обратился въ единовѣріе. (*Саратовскія Губернскія Вѣдомости* 1875 г., статья о городѣ Вольскѣ.).

[2]) Въ началѣ царствованія императора Николая были обнаружены злоупотребленія (не сектаторскія) на принадлежавшихъ имъ горныхъ за-

Они не водили, правда, подобно Злобину, хлѣба-соли съ лицами, стоявшими во главѣ центральной администраціи, но все-таки жили открыто, находились въ близкомъ знакомствѣ съ вліятельными людьми коммерческаго міра и второстепенными лицами петербургской бюрократіи. Земляки Злобина—вольскіе купцы Сапожниковы, имѣвшіе въ рукахъ своихъ обширныя рыбныя ловли на низовьяхъ Волги, земляки Зотова—Расторгуевы, владѣльцы горныхъ заводовъ въ Пермской губерніи, проживая въ Петербургѣ, вели такую же открытую, свѣтскую жизнь. Громовы, достигнувъ богатства, вошли въ ту-же колею. Они не чуждались общественной жизни и ея удовольствій, роскошно отдѣланный домъ свой наполнили рѣдкими картинами

водахъ въ Пермской губерніи. Тесть и зять были высланы оттуда, и первый нѣкоторое время жилъ въ Кексгольмѣ подъ надзоромъ полиціи. Впослѣдствіи имъ дозволено было жить въ Петербургѣ. На похоронахъ Зотова (въ началѣ сороковыхъ годовъ) на улицахъ столицы, среди мундировъ и лентъ, явился бѣглый попъ Кириллъ въ полномъ облаченіи. Это послужило поводомъ къ дѣлу о Королёвской моленной. Около того же времени въ Королёвскомъ домѣ случился пожаръ, которому не дали распространиться, но все же онъ повредилъ моленную. Вопреки закону, неправильно опираясь на резолюцію Александра I, раскольники приступили къ поправкамъ. Возникло и объ этомъ дѣло. По разсмотрѣніи его, было найдено, что «купленный раскольниками для моленной, въ 1824 году, отъ купца Королева, домъ не можетъ оставаться въ ихъ владѣніи, потому что раскольническія общества правительствомъ не признаются, а слѣдовательно и не имѣютъ права пріобрѣтать и владѣть имуществами, такъ какъ въ 442 ст. Сводѣ Гражд. Законовъ (изд. 1842 г.) постановлено, что владѣніе вообще признается *незаконнымъ*, когда владѣлецъ, по званію своему, не имѣетъ права владѣть пріобрѣтеннымъ имуществомъ. Равнымъ образомъ и существованіе въ помянутомъ домѣ моленной на будущее время не можетъ быть допущено, по той причинѣ, что оный долженъ перейти въ частныя руки и что отъ бывшаго въ томъ домѣ пожара моленная требуетъ исправленія, а 62 статьею Свода устав. о предупрежд. и пресѣч. преступ. воспрещено какъ построеніе вновь раскольническихъ моленныхъ и молитвенныхъ домовъ, такъ и передѣлка и возобновленіе прежнихъ ни по какому случаю. При такихъ обстоятельствахъ комитетъ о раскольникахъ принялъ во вниманіе, съ одной стороны, что раскольники-

и другими произведеніями искусства, устроили едва-ли не первую теперь въ Петербургѣ оранжерею, давали блестящіе пиры, выѣзжали на балы, въ театры, концерты, воспитывали дѣтей по-европейски, жертвовали деньги на разныя благотворительныя учрежденія, завели образцовый дѣтскій пріютъ въ Петербургѣ. Но это не мѣшало имъ оставаться ревностными старообрядцами и даже стать во главѣ задуманнаго на Иргизѣ и одобреннаго на Рогожскомъ кладбищѣ смѣлаго предпріятія.

Послѣ Громовыхъ самыми вліятельными людьми въ Королёвскомъ обществѣ были купцы Дрябины и упомянутый уже Григорій Дмитріевичъ, онъ же и Боровковъ.

ники за купленный ими отъ купца Королева домъ, какъ значится въ неправильно совершенной и засвидѣтельствованной петербургскими присутственными мѣстами купчей крѣпости, заплатили 40 000 рублей ассигнаціями, почему въ отношеніи денежной суммы неудобно было бы нарушить право собственности, а съ другой, что 1077 и 1078 статьями Свода законовъ гражданскихъ, лицамъ, получающимъ такія имущества, которыми они владѣть по закону права не имѣютъ, предоставляется шестимѣсячный срокъ на продажу ихъ. Вслѣдствіе этого комитетъ полагалъ: предоставить министру внутреннихъ дѣлъ сообщить петербургскому генералъ-губернатору слѣдующее распоряженіе, для исполненія существующихъ постановленій: 1) Объявить управляющимъ означеннымъ домомъ купцамъ Громову и Дмитріеву, что, за силою приведенныхъ выше узаконеній, они должны немедленно находящуюся въ томъ домѣ моленную обратить въ жилые покои, и затѣмъ самый домъ продать частному лицу въ шестимѣсячный срокъ, совершивъ купчую крѣпость отъ своего имени, не упоминая въ актахъ и объявленіяхъ о такъ-называемомъ ихъ «старообрядческомъ обществѣ». 2) Полиціи неослабно смотрѣть, чтобы вмѣсто сей моленной не было раскольниками учреждено другой, а потому доставить заключеніе о находящихся въ помянутой моленной предметахъ богослуженія, которые не могутъ считаться частною собственностью, а *составляютъ принадлежность церквей*». Марта 21-го 1844 года императоръ Николай изволилъ разсматривать этотъ журналъ. См. *Собраніе постановленій по части раскола*. Спб. 1858 г. Стр. 440—442. Несмотря на 2-й пунктъ постановленія, тотчасъ по упраздненіи Королёвской моленной возникло въ Петербургѣ нѣсколько тайныхъ, главнѣйшая у Дмитріева

Никита Васильевичъ Дрябинъ находился въ родствѣ съ Громовыми. Его жена, по имени Анна, пріятельница Елены Ивановны Громовой, не уступала этой «госпожѣ дому Израилева» ни въ преданности расколу, ни въ усердіи къ монастырямъ и скитамъ, ни въ странноприимствѣ келейныхъ матерей, пріѣзжающихъ въ Петербургъ за сборами съ Иргиза, Керженца и слободъ Стародубья. Григорій Дмитріевичъ Дмитріевъ, онъ же и Боровковъ, извѣстный въ сектаторской перепискѣ подъ именемъ Каретника, другъ Ѳедула Громова [1]), бывшій вмѣстѣ съ нимъ долгое время попечителемъ Королёвской моленной, велъ дѣятельную переписку съ иногородными старообрядцами по дѣламъ вѣры и пользовался повсюду огромнымъ почетомъ. Его домъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ пріютовъ для пріѣзжавшихъ въ Петербургъ по своимъ дѣламъ старообрядцевъ; чрезъ Григорья Дмитріевича велись сверхъ того дѣла торговыя, коммиссіонныя и транспортныя петербургскихъ старообрядцевъ съ приволжскими и около-московскими ихъ одновѣрцами.

Кромѣ названныхъ членовъ Королёвской общины, особенною ревностью къ старообрядству отличались въ Петербургѣ купцы Скрябины, Фалины и Зиновьевскіе. Но гораздо важнѣе ихъ были люди молодые, не видные по своему положенію, не обладавшіе богатствами, неизвѣстные знатнымъ людямъ и не выходившіе изъ своего замкнутаго круга въ суету жизни общественной. Отличаясь рѣдкими природными дарованіями, огромною начитанностью и дѣятельною энергіей, не знавшею никакихъ препонъ и противодѣйствій,

---

1) *Письмо Ѳед. Вас. Великодворскаго изъ Петербурга въ Бѣлую Криницу къ Геронтію* безъ означенія года (вѣроятно въ 1841). Въ домѣ Дмитріева, на Невскомъ проспектѣ, противъ съѣзжаго дома Каретной части, по закрытіи Королёвской моленной, существовала тайная старообрядческая моленная.

эти молодые люди возвышались надъ единовѣрными богачами и незамѣтно для нихъ самихъ обратили ихъ въ послушныя свои орудія. То были крестьяне, мѣщане и ямщики, жившіе на «Графской биржѣ» въ качествѣ Громовскихъ приказчиковъ и при Королевской моленной въ качествѣ дьячковъ и уставщиковъ. Изъ этой среды вышли люди, удивившіе всѣхъ необычайными своими похожденіями. Съ рѣдкимъ самоотверженіемъ проникли они въ отдаленныя страны Востока, отыскивая небывалыхъ старообрядскихъ архіереевъ; ни болѣзни, ни морскія бури, ни разбои полудикихъ жителей Азіатской Турціи не могли остановить ихъ; они въ Константинополѣ вступили въ непосредственныя связи съ агентами Чарторыйскаго; они, при пособіи іезуитовъ, проникли въ блистательные салоны Вѣны, въ пріемную эрцгерцога Лудвига и на аудіенцію самого императора Фердинанда; они ораторствовали на революціонномъ сеймѣ въ Прагѣ чешской; они написали старообрядческое богословіе для представленія императору Фердинанду; они устроили въ предѣлахъ Буковины раскольническую іерархію съ босносараевскимъ митрополитомъ во главѣ; они на нѣкоторое время сдѣлались руководителями милліоновъ старообрядцевъ, обитающихъ въ Россіи, Австріи, Турціи, Малой Азіи, Египтѣ и другихъ отдаленныхъ странахъ.

Изъ молодыхъ людей, жившихъ въ тридцатыхъ годахъ у Громовыхъ, особенно замѣчательны были братья Великодворскіе. Вотъ что мы знаемъ объ этомъ семействѣ.

По старой новгородской дорогѣ, по которой лѣтъ сорокъ тому назадъ устроено петербургское шоссе, рядомъ съ городомъ Валдаемъ, длинною улицей протянулся древній ямъ Зимогорье, извѣстный еще во времена борьбы Москвы съ Новгородомъ. Всѣ зимогорскіе жители приписаны были къ яму и по всей

[illegible] тны подъ именемъ «валдайскихъ ямщиковъ», хотя и не всѣ занимались прадѣдовскимъ промысломъ ямской гоньбы. Таковъ былъ и ямщикъ Василій Великодворскій, записной старообрядецъ. Онъ не гонялъ почты, а содержалъ постоялый дворъ, въ которомъ обыкновенно останавливались его одновѣрцы, ѣздившіе въ Петербургъ изъ разныхъ губерній по торговымъ и другимъ дѣламъ. Постоялый дворъ не принесъ богатства Великодворскому, обремененному многочисленнымъ семействомъ, за то доставилъ ему и дѣтямъ его знакомство и даже дружескія связи съ сильными людьми въ старообрядствѣ. У него было шесть сыновей: знаменитый впослѣдствіи Петръ (Павелъ Бѣлокриницкій). Алексѣй, два Василія, два Ѳедора и дочь Наталья. Дѣти Великодворскаго одарены были рѣдкими способностями, особенно двое старшихъ. Научившись читать еще въ малолѣтствѣ, съ юныхъ лѣтъ они пристрастились къ чтенію старопечатныхъ и старописьменныхъ книгъ, которыми снабжалъ ихъ Корытовъ, зажиточный купецъ города Валдая и попечитель тамошней старообрядской моленной.

Съ раннихъ лѣтъ старшіе сыновья Великодворскаго рѣзко разнились между собой. Старшій, Петръ, мягкаго, кроткаго нрава, имѣлъ стремленіе къ жизни созерцательной и, начитавшись Прологовъ и другихъ сказаній о житіи святыхъ, почувствовалъ наклонность къ жизни аскетической и остался вѣренъ своему призванію. Еще ребенкомъ, бѣгая по низменнымъ берегамъ Валдайскаго озера и съ свойственнымъ раскольнику враждебнымъ чувствомъ взирая на зданія Иверскаго монастыря, воздвигнутаго патріархомъ Никономъ, Петръ Великодворскій развивалъ въ себѣ ревность не по разуму къ такъ-называемому древлему благочестію и проникался враждой къ господствующей церкви, враждой, не допускавшей ни снисхожденія, ни

безпристрастнаго разсужденія. Такимъ онъ остался и на всю жизнь. Судя по фотографическому портрету, снятому съ него въ городѣ Черновицахъ, незадолго до смерти, это былъ человѣкъ воли непреклонной и энергіи необычайной. Длинное, худощавое лицо съ прямымъ, красиво очерченнымъ носомъ, крутой лобъ, умные, проницательные глаза подъ густыми бровями, легкая улыбка на губахъ и небольшая борода—вотъ какова была наружность этого человѣка, сдѣлавшагося едва-ли не самымъ замѣчательнѣйшимъ дѣятелемъ въ русскомъ расколѣ. По отзыву всѣхъ знавшихъ его, это былъ человѣкъ обширнаго ума, живого характера, обладавшій рѣдкимъ даромъ слова и умѣвшій привлекать къ себѣ сердца окружавшихъ [1]). Жизни былъ онъ самой строгой и правилъ самыхъ честныхъ. Въ его положеніи онъ могъ бы нажить огромное состояніе, но, проживъ вѣкъ свой нестяжательнымъ инокомъ, не только ничего не оставилъ по смерти, но все что имѣлъ пожертвовалъ на созданную имъ бѣлокриницкую митрополію. Ему стоило лишь захотѣть—и омофоръ тотчасъ же былъ бы у него на плечахъ, ему стоило только слово сказать—и его сдѣлали-бы не только епископомъ, но даже самимъ «митрополитомъ всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ»; но, уклоняясь отъ всякихъ почестей, Великодворскій умеръ простымъ монахомъ. Уваженіе, которымъ онъ пользовался у старообрядцевъ, доходило до благоговѣнія: каждое

---

[1]) Н. И. Надеждинъ, видѣвшій Павла (Петра) Великодворскаго въ 1845 году въ Бѣлой-Криницѣ, такъ выражается о немъ: «Павелъ, голова чрезвычайно бойкая, отличный говорунъ, большой начетчикъ, искушенный во всѣхъ тонкостяхъ раскольническаго суемудрія; отъ этого человѣка, еще молодого, лѣтъ подъ тридцать, такъ и пышетъ свѣжею, живой Москвой». *О заграничныхъ раскольникахъ* напечатано въ I томѣ *Сборника* В. Кельсіева, стр. 93. Но въ 1845 году Павлу было около тридцати пяти лѣтъ. Моложавое лицо его ввело въ заблужденіе покойнаго Надеждина.

слово его считалось святымъ. Онъ былъ душой старообрядческой іерархіи: митрополиты только служили обѣдни, а дѣйствовалъ онъ. И пока былъ живъ Великодворскій, все держалось въ Бѣлой-Криницѣ, держалось единственно его умомъ. Какъ скоро онъ умеръ—все пошло на иной ладъ. Не оставилъ по себѣ преемника Великодворскій, и старообрядческая іерархія тотчасъ же по смерти его стала распадаться.

Едва старшіе Великодворскіе достигли совершеннолѣтія, отецъ ихъ умеръ, и хозяиномъ нераздѣльнаго дома остался Петръ Васильевичъ. Онъ оказался совершенно неспособнымъ продолжать родительское дѣло. Каждый вечеръ зазывать проѣзжающихъ извозчиковъ, предлагая имъ дешевый овесъ и варево и перебраниваясь съ сосѣдями, каждое утро считаться съ постояльцами, торгуясь и бранясь за каждую копѣйку, заготовлять сѣно, овесъ и другіе припасы, приготовлять обѣды и ужины,—все это было не подъ силу Петру Великодворскому, у котораго съ юныхъ лѣтъ голова занята была совсѣмъ другими думами. Къ тому же хозяйки въ домѣ не было, а безъ хозяйки держать постоялый дворъ невозможно. Вдова Великодворская, вскорѣ по смерти мужа, постриглась въ иночество, принявъ имя Алевтины [1]), сыновья были не женаты, а Наталья Васильевна въ хозяйки не годилась. Между тѣмъ рекрутскіе наборы слѣдовали одинъ за другимъ, а семья Великодворскихъ по ревизской сказкѣ состояла изъ семи душъ, стало быть сдача рекрута была для нея неизбѣжна. Залежныхъ денегъ на покупку квитанціи не было, а Петръ, Алексѣй и братья ихъ не къ тому были готовлены, не такъ росли и воспитывались, чтобы сдѣлаться на всю жизнь солдатами. За-

---

[1]) Послѣ она жила на Рогожскомъ кладбищѣ въ обители матери Александры, съ которою потомъ и переселилась въ Бѣлую-Криницу.

вязанныя еще отцомъ ихъ знакомства съ богатыми старообрядцами выручили на этотъ разъ Великодворскихъ и въ то же время сблизили ихъ съ главами петербургскаго старообрядства. Разъ Сергѣй Григорьевичъ Громовъ проѣзжалъ черезъ Валдай и останавливался у знакомыхъ ему Великодворскихъ. Побесѣдовавъ съ гостемъ отъ писанія, Петръ Васильевичъ разсказалъ ему про свое горе, и Громовъ тотчасъ же далъ ему денегъ на квитанцію. Чтобы заработать эти деньги, Алексѣй Великодворскій поступилъ въ услуженіе къ Громовымъ и поселился въ Петербургѣ на ихъ «Графской биржѣ». Вслѣдъ затѣмъ Петръ Великодворскій передалъ отцовскій домъ меньшимъ братьямъ, а самъ поступилъ земскимъ въ мѣстное волостное правленіе.

Алексѣй былъ начитанъ не менѣе брата и не менѣе его преданъ расколу, но, не будучи проникнутъ, какъ тотъ, духомъ аскетизма и не будучи склоненъ къ мистицизму, имѣлъ болѣе практическій взглядъ на жизнь и пошелъ по другой дорогѣ. Въ скоромъ времени его коротко узнали хозяева. Онъ понравился имъ своимъ умомъ, своею начитанностью, знаніемъ богослужебнаго устава и безпредѣльною ревностью къ древлему благочестію. Громовы стали отличать Алексѣя отъ другихъ служителей, и вскорѣ кабальный работникъ съ Графской биржи переселился въ домъ Сергѣя Григорьевича, сдѣлался его другомъ, ежедневнымъ собесѣдникомъ «госпожи дому Израилева» и главнымъ уставщикомъ Королёвской моленной. Въ его рукахъ сосредоточилась сектаторская переписка петербургской поповщины съ иногородными старообрядскими общинами. Онъ обзавелся семействомъ [1]), и Громовы отвели ему помѣстительную квартиру на

---

[1]) Жену его звали Ариной Ивановной, у него была дочь Александра.

своемъ дворѣ. Тогда Алексѣй Васильевичъ меньшихъ братьевъ одного за другимъ помѣстилъ на службу къ Громовымъ. Они частію жили въ Петербургѣ, частію разъѣзжали по Новгородской и Олонецкой губерніямъ, исполняя порученія хозяевъ. Только Өедоръ старшій остался въ родительскомъ домѣ, но и онъ нерѣдко гостилъ у Громовыхъ въ Петербургѣ.

Петръ Великодворскій не долго служилъ земскимъ писаремъ. Не знаемъ причинъ, заставившихъ его оставить волостное правленіе; почитатели памяти его говорятъ, что дѣятельность земскаго не удовлетворяла Петра Васильевича, что ему хотѣлось болѣе обширнаго поприща дѣятельности. Мистицизмъ и аскетизмъ, которыми онъ былъ проникнутъ съ юности, не могли примирить его съ обязанностями писаря. Оставивъ эту должность, онъ часто и подолгу гостилъ у брата въ Петербургѣ, короче познакомился съ Громовыми и въ ихъ домѣ завелъ обширныя связи съ старообрядцами разныхъ мѣстностей, особенно съ стародубскими и вѣтковскими.

Въ русскомъ народѣ ходитъ много сказаній о кладахъ, зарытыхъ въ старые годы разбойниками или спрятанныхъ во время непріятельскихъ нашествій. Мѣста закопанныхъ сокровищъ народная фантазія окружила различными сверхъестественными существами, оберегающими древнія драгоцѣнности. Въ рѣдкой мѣстности не ходилъ слухъ о такихъ кладахъ. Есть даже рукописныя тетрадки, въ которыхъ описываются мѣстности каждаго клада, условія, при которыхъ можно имъ воспользоваться, и даже тѣ страхи и наважденія нечистой силы, которые, однако, можно побѣдить извѣстными словами и обрядами. Петру Великодворскому сдѣлалось извѣстно одно изъ такихъ мѣстонахожденій дорогого клада. Отъ кого-то онъ узналъ, будто въ погребу усадьбы одного помѣщика хранится

встарину закопанный кладъ: золото, серебро, жемчугъ и камни самоцвѣтные, иконы старинныя, чудотворныя, разная утварь церковная древнихъ лѣтъ. Разгорѣлось воображеніе Петра Великодворскаго при извѣстіи о такихъ сокровищахъ, дорогихъ не столько по цѣнности металла и камней, сколько по древности, ибо досужая молва говорила, будто бы святынѣ, зарытой въ погребу, будетъ не менѣе тысячи лѣтъ... Но какъ достать такой кладъ? Какъ придти въ помѣщичью усадьбу съ заступами и начать копать погребъ?

Вполнѣ увѣренный въ дѣйствительности клада, Великодворскій подыскалъ товарищей и съ ними отправился въ Петербургъ, чтобы просить самого государя о дозволеніи вырыть кладъ изъ помѣщичьяго погреба.

Онуфрій, епископъ браиловскій и намѣстникъ бѣлокриницкаго митрополита (нынѣ единовѣрческій инокъ), коротко знавшій Великодворскаго, прожившій съ нимъ въ любви и совѣтѣ болѣе пятнадцати лѣтъ, пользовавшійся полною его довѣренностью, такъ разсказываетъ со словъ его объ этомъ дѣлѣ: «Петръ Васильевичъ валдайскій съ товарищами подавалъ прошеніе императору, что-бы было дозволено имъ кладъ у одного помѣщика на помѣстьѣ въ погребу вынуть: злато и серебро, иконы старинныя и чудотворныя сохраняются. Полиція (петербургская), слѣдившая за подавателями прошенія, ихъ похватала. Они отъ просьбы отреклись на допросахъ» [1]). Тогда, какъ Великодворскій былъ въ Петербургѣ по этому дѣлу, ему привидѣлся странный сонъ. Видѣлъ онъ, что стоитъ передъ нимъ Николай Чудотворецъ въ голубой фелони съ Евангеліемъ въ лѣвой рукѣ. Отставивъ въ сторону правую руку, святитель благословилъ спящаго и сказалъ: «все есть какъ

---

1) Записка Онуфрія: *Объ основаніи бѣлокриницкой іерархіи и о митрополитѣ Амвросіи*, написанная въ 1866 году.

меня видишь». Сонъ этотъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Петра Васильевича. Онъ разсказалъ его близкимъ, и тѣ рѣшили, что сновидѣніе предвѣщаетъ счастливый исходъ дѣла о кладѣ. Когда же кладъ не достался, Великодворскій сталъ объяснять свой сонъ предвѣстіемъ какого-то важнаго дѣла, которое ему суждено совершить. Впослѣдствіи, когда онъ всецѣло предался устроенію заграничной митрополіи, онъ всегда держалъ въ памяти странное сновидѣніе и непонятную фразу, имъ слышанную, безъ малѣйшаго сомнѣнія вѣря въ успѣхъ начатаго предпріятія, для большинства казавшагося несбыточнымъ. Когда же достигъ онъ цѣли, написалъ *Сказаніе о явленіи святителя Николая* и, сообразно съ сновидѣніемъ, заказалъ въ Россіи мѣстную икону Николая Чудотворца, въ ростъ человѣческій, въ голубой ризѣ, съ Евангеліемъ и съ отставленною въ сторону благословляющею рукой. Эта икона поставлена имъ въ Бѣлой Криницѣ, въ большой монастырской церкви, у сѣверныхъ дверей на лѣвой сторонѣ [1]). Липоване очень уважаютъ эту икону.

Сонъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Петра Великодворскаго. Съ дѣтства склонный къ мистицизму, самую мысль о случайности сновидѣнія почиталъ онъ за грѣховную и всѣми силами души вѣрилъ, что оно предвѣщаетъ ему нѣчто особенное, предрекаетъ совершеніе великихъ дѣлъ, къ исполненію

---

[1]) Онуфрій въ запискѣ *Объ основаніи бѣлокриницкой митрополіи* говоритъ: «Проживавши въ С.-Петербургѣ по дѣлу клада, являлся ему Никола Чудотворецъ въ ризѣ голубой, въ лѣвой рукѣ Евангеліе, а правой, отставивши отъ себя руку, благословляетъ его спящаго. Никола Чудотворецъ, какъ явился и благословивши, сказалъ ему, что *все есть какъ меня видишь*. Къ чему это слово? Еще искать епископа не было начато, а дѣло о кладѣ шло, и онъ явился ему. Послѣ онъ это явленіе описалъ, и икону написалъ въ ростъ человѣка, и икона эта привезена въ бѣлокриницкій монастырь, поставлена въ церкви на лѣвой сторонѣ у западныхъ дверей и теперь всѣмъ зрима».

которыхъ онъ предназначенъ судьбою. Утвердившись въ этой мысли, онъ рѣшился оставить міръ и принять иночество, къ которому давно имѣлъ стремленіе. Оставивъ гостепріимный домъ Громова, Петръ Васильевичъ уѣхалъ изъ Петербурга, недолго пробылъ на родинѣ и отправился въ Стародубье. Здѣсь, переходя изъ монастыря въ монастырь и присматриваясь къ жизни иноковъ, не нашелъ обители, которая хотя-бы сколько-нибудь соотвѣтствовала составленному имъ понятію о монашествѣ. Распущенность нравовъ въ Стародубьѣ поразила молодого аскета, и онъ бѣжалъ въ предѣлы вѣтковскіе. Здѣсь, въ пустынномъ монастырѣ Лаврентьевѣ, Петръ Великодворскій поступилъ послушникомъ къ иноку Аркадію (Шапошникову), впослѣдствіи лаврентьевскому игумену, а теперь епископу славскому. Петръ Васильевичъ жилъ при немъ не мало времени, занимаясь изученіемъ старыхъ книгъ и пребывая въ жизни созерцательной.

Кромѣ братьевъ Великодворскихъ, еще нѣсколько человѣкъ живало у Громовыхъ въ качествѣ приказчиковъ, не занимаясь коммерческими дѣлами, но служа въ Королёвской моленной. Изъ петербургской городской думы получали они приказчичьи свидѣтельства съ тою лишь цѣлію, чтобы не быть въ числѣ людей, проживающихъ въ столицѣ безъ опредѣленныхъ занятій и тѣмъ не обратить на себя вниманія полиціи. Не только дьячки, уставщики, пѣвцы и другіе причетники Королёвской моленной, но и значительная часть богадѣленныхъ стариковъ, проживавшихъ при ней, также значились офиціально громовскими приказчиками и служителями. Въ числѣ ихъ особенно замѣчателенъ былъ землякъ Великодворскихъ, валдаецъ родомъ, Игнатій Еремеевичъ Чистяковъ, человѣкъ ловкій и большой мастеръ сманивать въ расколъ православныхъ священниковъ и іеромонаховъ. Нѣкоторое время жилъ у Гро-

мовыхъ мѣщанинъ посада Крылова [1]), Звѣревъ, человѣкъ ловкій, бойкій и чрезвычайно энергическій. Онъ не былъ большимъ начетчикомъ, не былъ знатокомъ уставовъ старообрядства, но за древлее благочестіе готовъ былъ въ огонь и въ воду. Этотъ пылкій молодой человѣкъ энергіею едва-ли не превосходилъ самого Петра Великодворскаго, уступая ему во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. За старую вѣру онъ готовъ былъ сложить голову, и не мало бывало съ нимъ хлопотъ у Громовыхъ. Нерѣдко, особенно какъ бывало попадетъ ему въ голову, Звѣревъ начиналъ при постороннихъ ругаться надъ православною церковью и собираться идти въ синодъ для обличенія его членовъ въ мнимой неправотѣ господствующей церкви. Громовы сочли опаснымъ держать при себѣ такого безпокойнаго человѣка и постарались подъ благовиднымъ предлогомъ выпроводить Звѣрева изъ Петербурга. Впослѣдствіи, принявъ монашество, съ именемъ Алимпія, и перемѣнивъ заграницей фамилію Звѣрева на Милорадова, онъ пріобрѣлъ громадную извѣстность въ старообрядствѣ.

Монахи и монахини, пріѣзжавшіе въ Петербургъ изъ разныхъ скитовъ и монастырей за сборами, обыкновенно привитали въ страннопріимныхъ покояхъ при Королёвской моленной, кромѣ взысканныхъ особыми милостями и расположеніемъ Громовыхъ, Дрябиныхъ или Каретника. Такіе счастливцы останавливались въ ихъ домахъ. Всѣ они, по возможности, исправляли при моленной чередовую службу. Изъ скитовъ керженскихъ, пермскихъ, уральскихъ и иргизскихъ мало пріѣзжало въ Петербургъ [2]), эти держались больше Москвы. Съ

---

1) Полтавской губерніи, на правомъ берегу Днѣпра, противъ города Кременчуга.

2) Изъ шестидесяти обителей, находившихся въ шестнадцати керженскихъ и чернораменскихъ скитахъ, лишь изъ Манефиной обители Комаровскаго скита племянница игуменьи Маргариты, Мавра Гавриловна

петербургскою поповщинскою общиной въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ находились преимущественно черниговскіе, вѣтковскіе, кіевскіе и бессарабскіе монастыри. Такимъ образомъ, старообрядскія общины обѣихъ столицъ какъ-бы раздѣлили между собой Россію. Къ Рогожскимъ тянула восточная часть, къ Королёвскимъ западная. Казаки линейные и донскіе тянули, однако, больше къ Королёвскимъ, что зависѣло отъ постояннаго пребыванія въ Петербургѣ чередовавшихся командъ, входившихъ въ составъ собственнаго Его Величества конвоя и состоявшихъ въ то время поголовно изъ раскольниковъ.

Когда на Рогожскомъ происходили совѣщанія по случаю оскудѣнія священства, и Авфоній Кузмичъ призывалъ русское старообрядство къ основанію независимой іерархіи, изъ Бессарабіи ѣхалъ въ Петербургъ молодой инокъ Геронтій, только-что избранный настоятель Серковскаго старообрядскаго монастыря [1]) Этотъ человѣкъ замѣчателенъ въ исторіи русскаго старообрядства не менѣе Петра Великодворскаго. Помѣщичій крестьянинъ Серпуховскаго уѣзда, сельца Ермолова [2]),

---

Иванова, да изъ обители Андрониковыхъ Оленевскаго скита инокиня Зэѣнислава ѣзжали каждогодно въ Петербургъ и находились въ сношеніяхъ съ Громовыми и Дрябиными. Мавра Гавриловна, дѣвушка въ сороковыхъ годахъ еще молодая, какъ не постриженная, одѣвалась въ Петербургѣ по послѣдней модѣ и привозила въ Комаровъ сундукъ съ платьями и шляпками, чтобы хоть полюбоваться на нихъ, вспоминаючи развеселое петербургское житье-бытье.

[1]) Серковскій или Сырковскій старообрядческій мужской монастырь былъ основанъ бѣжавшими изъ Россіи раскольниками еще до присоединенія Бессарабіи къ Россійской имперіи. Находился онъ подлѣ селенія Серкова или Сыркова въ Оргѣевскомъ цинутѣ (уѣздѣ), на землѣ, принадлежащей Аѳонской горѣ. Когда эта страна входила еще въ составъ Молдавіи, аѳонскіе отцы уступали подъ раскольничій монастырь принадлежавшій имъ участокъ земли за извѣстную годовую плату. Серковскій монастырь закрытъ въ 1845 году по распоряженію правительства.

[2]) Ермолово, принадлежавшее г-жѣ Нащокиной, а отъ нея по наслѣдству доставшееся ея дочери, г-жѣ Окуловой, лежитъ въ 22 верстахъ

Герасимъ Исаевичъ Колпаковъ съ рожденія (1803 г.) находился въ расколѣ поповщинскаго согласія и, по собственному его сознанію, съ дѣтства получилъ стремленіе къ иноческой жизни. Выучившись читать, онъ предался чтенію и изученію уважаемыхъ старообрядцами книгъ. Одаренный отъ природы рѣдкими способностями ума, еще въ отроческихъ лѣтахъ онъ обратилъ на себя вниманіе окрестныхъ ревнителей раскола, не безъ основанія ожидавшихъ, что изъ Герасима выйдетъ замѣчательный дѣятель по дѣламъ ихъ вѣры. Жизнь барщиннаго крестьянина не много лестнаго сулила ему въ будущемъ; притомъ семья, къ которой принадлежалъ онъ, состояла изъ четырехъ душъ; онъ былъ младшій братъ и притомъ холостой [1]), стало-быть ему грозила участь, вмѣсто иноческой камилавки, носить солдатскую шапку. Девятнадцати лѣтъ Герасимъ женился на однодеревенской дѣвушкѣ Степанидѣ, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ брака ушелъ изъ

отъ Серпухова, направо отъ рѣчки Лопасни, при прудахъ и ключѣ, называемомъ «Ольхово болото». Теперь въ немъ 30 дворовъ, 108 мужского и 135 женскаго пола душъ. *Списокъ населенныхъ мѣстностей Московской губерніи*, № 5495.

1) Въ ревизской сказкѣ 6-й народной переписи 1811 года по сельцу Ермолову, помѣщицы Пащокиной, подъ № 4, записана семья крестьянина Исаіи Иванова Колпакова, умершаго въ 1803 году, на 42 году отъ роду. Она состояла изъ вдовы его Татьяны Прохоровой и сыновей: Ивана, сданнаго въ рекруты въ 1797 году, Егора, Андрея, Тихона и новорожденнаго послѣ 5 ревизіи Герасима. Онъ родился въ годъ смерти своего отца. Въ ревизской сказкѣ 8-й народной переписи (1834 года), подъ № 9, показаны: въ бѣгахъ Герасимъ Исаевъ съ 1823 года (съ 1822 по 1823 онъ ходилъ съ паспортомъ); его мать Татьяна Прохорова и братъ Тихонъ съ женой Авдотьей, съ тремя малолѣтними сыновьями и двумя малолѣтними же дочерьми, въ бѣгахъ съ 1827 года; его жена Степанида и дочь Наталья въ бѣгахъ съ 1831 года. Изъ ревизскихъ сказокъ 6, 7 и 8 народныхъ переписей видно, что до 1816 года изъ сельца Ермолова побѣговъ никогда не было, а между 7-ю и 8-ю ревизіями изъ 120 человѣкъ мужского пола бѣжало 14, т. е. одна девятая часть; изъ 141 женщины 8;— все раскольники. Изъ семьи Колпакова съ 1822 по 1831 г. бѣжало 5 мужчинъ и 6 женщинъ, а осталось 5 человѣкъ обоего пола.

Ермолова съ годовымъ паспортомъ и болѣе туда не возвращался. Этотъ побѣгъ былъ въ 1822 году. Замѣчательно, что въ одинъ годъ (1803) родившіеся, въ одинъ годъ (1822) и бѣжали ради аскетическихъ подвиговъ: Кочуевъ изъ Горбатова отъ родителей, а Колпаковъ изъ Ермолова отъ беременной жены. Это были люди, которымъ впослѣдствіи суждено было сдѣлаться главными дѣятелями при устройствѣ бѣлокриницкой митрополіи.

Тогда всѣ бѣглые великоруссы, особенно помѣщичьи крестьяне, стремились въ Новороссію. Тѣ изъ нихъ, которые держались старообрядства, уходили преимущественно на берега Днѣстра, гдѣ и заселили слободы, бывшія дотолѣ весьма незначительными, какъ напримѣръ, нынѣшній городъ Маяки, Плоское, Куничное (Куница), Грубно, Кулишовку и другія. Герасимъ Колпаковъ пошелъ проторенным путемъ въ эту сторону и въ 1823 году, поселясь въ Серковскомъ монастырѣ, приписался къ нему, вѣроятно по фальшивому паспорту, и платилъ податной окладъ [1]). Здѣсь онъ принялъ малое постриженіе и получилъ имя Нектарія [2]). Жившіе въ Бессарабіи старообрядцы имѣли постоянно сношенія съ своими единоплеменными единовѣрцами-липованами, поселенными въ сопредѣльныхъ Буковинѣ,

---

[1]) Показаніе Геронтія, данное въ Петропавловской крѣпости через десять съ половиной лѣтъ по заключеніи, 22-го ноября 1857 года. Въ *дѣлѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ* 1853 г., № 34.

[2]) Показаніе Геронтія, данное въ 1842 году дѣйствительному статскому совѣтнику Липранди, находящееся въ *дѣлѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ*, 1847 г. № 39. Тогда Геронтій говорилъ, будто онъ уроженецъ бѣлокриницкій и постриженъ былъ 19 лѣтъ отъ роду въ малый образъ, съ именемъ Нектарія, іеромонахомъ Симеономъ, а въ 1839 г. въ большой образъ, съ именемъ Геронтія, іеромонахомъ Иринеемъ. Въ 1857 году въ Петропавловской крѣпости коменданту ея сказалъ, что постриженъ въ Сырковѣ, но про имя Нектарія умолчалъ.

Молдавіи и Турціи. Братія Серковскаго монастыря нерѣдко посѣщала молдавскіе монастыри и липованъ, населявшихъ четыре слободы въ Буковинѣ. Ходить за границу Колпаковъ началъ, вѣроятно, съ 1826 года [1]).

Въ 1830 году, въ послѣднихъ числахъ августа, старообрядскіе иноки Нектарій и Ефремъ съ австрійскими паспортами перешли черезъ границу въ Волынскую губернію. Императоръ Николай Павловичъ, разсматривая вѣдомость волынскаго губернатора объ иностранцахъ, прибывшихъ изъ-за границы, замѣтилъ имена Никитарія (?) и Ефрема и повелѣлъ на будущее время не впускать подобныхъ иностранцевъ въ предѣлы русскаго государства [2]). Едва-ли этотъ Никитарій не былъ Колпаковъ. Въ началѣ 1831 года онъ находился въ Серковѣ [3]) и въ Куреневскомъ старообрядскомъ монастырѣ [4]), гдѣ съ 1827 или 1828 года жила его мать, принявшая также постриженіе. Около тогоже времени Нектарій принялъ постриженіе въ великій образъ, при чемъ получилъ имя Геронтія.

Двадцативосьмилѣтній Геронтій, со сборною книжкой Серковскаго монастыря, отправился въ 1831 году въ Петербургъ къ Королёвскимъ благодѣтелямъ. Вѣроятно, завернулъ онъ по дорогѣ въ родное Ермолово, увидѣлъ покинутую жену и еще не знавшую отцовскихъ ласкъ девятилѣтнюю дочь... Когда Геронтій направлялъ путь изъ Москвы къ Петербургу, его жена

---

[1]) Въ показаніи, данномъ въ 1857 г., онъ говоритъ, что жилъ постоянно въ Серковѣ до 1826 года.

[2]) *Собраніе постановленій по части раскола,* стр. 122.

[3]) Подольской губерніи близъ Ольгополя. Тамъ мужской и женскій монастыри, основанные еще въ то время, какъ Подолія была подъ властію польскихъ королей. Замѣчательно, что Куреневскій раскольничій монастырь владѣлъ крестьянами до самаго манифеста 19-го февраля 1861 года. (См. А. Г. Тройницкаго, *Крѣпостное населеніе въ Россіи*).

[4]) Въ городѣ Черкасахъ, Кіевской губерніи, въ тамошнемъ раскольничьемъ женскомъ монастырѣ.

Степанида съ девятилѣтнею дочерью бѣжала изъ Ермолова... Впослѣдствіи обѣ онѣ жили въ Черкасскомъ монастырѣ, гдѣ Пелагея Герасимова воспитывалась подъ надзоромъ и попеченіемъ матушки игуменьи Манефы.

Геронтій, по словамъ покойнаго Надеждина, лично его знававшаго, былъ человѣкъ безъ образованія, но удивительно ловкій, распорядительный и большой краснобай [1]). По отзывамъ близко знавшихъ его старообрядцевъ, онъ былъ хорошимъ начетчикомъ, но мало разумѣлъ силу писанія. За то былъ отличнымъ хозяиномъ и домостроителемъ и въ качествѣ монастырскаго настоятеля былъ человѣкъ незамѣнимый. Предпріимчивость Геронтія не знала никакихъ препятствій: дѣйствуя съ неустанною энергіей, онъ всегда съ успѣхомъ выходилъ изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Жизни былъ строгой и велъ себя прилично, съ достоинствомъ. Въ Петербургѣ Геронтій былъ замѣченъ Сергѣемъ Громовымъ, и тотъ приблизилъ къ себѣ серковскаго сборщика. Весной 1832 года, когда московскіе послы пріѣхали въ Петербургъ, Геронтій жилъ у Громова, проводя дни и ночи въ задушевныхъ бесѣдахъ съ Алексѣемъ Васильевичемъ Великодворскимъ.

---

[1]) Надеждина, *О заграничныхъ раскольникахъ* напечатано въ *Сборникѣ* В. Кельсіева, I, 93.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Рогожскіе послы въ Петербургѣ

Рогожскій соборъ кончился въ январѣ 1832 года, но назначенные имъ для переговоровъ съ Королёвскими послы отправились въ Петербургъ не ранѣе конца мая. Промедленіе произошло вслѣдствіе несогласій, снова возникшихъ между партіями Рахмановскою и Царскаго. Мы видѣли, что это несогласіе проявилось еще на самомъ соборѣ, но было тотчасъ же прекращено, благодаря ловкости Кочуева. Но какъ скоро разъѣхались изъ Москвы иногородные депутаты, несогласія возникли вновь и съ бо̀льшею силой. Рогожскіе попы, за исключеніемъ Ястребова, сильно противились исканію архіерейства, не желая разстаться съ независимостью и своевольствомъ. Пришелъ великій постъ, и они внушали на духу, чтобы духовныя дѣти ихъ всячески береглись затѣй Рахманова, говоря, что эти затѣи могутъ быть пагубны не только для Рогожскаго кладбища, но и для всего старообрядства; Ястребовъ своимъ исповѣдникамъ внушалъ противное. Къ Пасхѣ несогласія Рогожцевъ дошли до открытаго раздора. Царскій хотя и пожертвовалъ довольно значительную сумму на задуманное предпріятіе, но вскорѣ съ своею партіей сталъ настаивать, чтобы Рахмановы и ихъ еди-

номышленники отказались отъ своей затѣи. Найти правильнаго архіерея, который бы достоинъ былъ «возродить корень древлеправославной іерархіи», едва-ли дѣло сбыточное, говорили они, и во всякомъ случаѣ, найдемъ-ли мы епископа, не найдемъ-ли его, наизбѣжно возбудимъ противъ себя строгія преслѣдованія правительства, и тогда послѣдуетъ не только конечное «оскудѣніе священства», но и совершенное истребленіе старой вѣры. Вмѣсто того, чтобы пускаться въ столь опасныя предпріятія, Царскій, его партія и рогожскіе попы, кромѣ Ястребова, попрежнему стали требовать, чтобы старообрядскія общества продолжали ходатайствовать о возстановленіи правилъ 1822 года, то-есть о дозволеніи вновь принимать на убылыя мѣста бѣглыхъ отъ православной церкви священниковъ, и чтобы ничего другого не предпринимали. Партія Царскаго особенно усилилась, когда къ ней пристали Леонтій Дмитріевичъ Мотылевъ и Иванъ Кирсановичъ Бѣловъ, попечители Рогожскаго кладбища.

Личное мнѣніе кладбищенскихъ попечителей всегда имѣло большое вліяніе на внутреннія дѣла Рогожскаго общества. Избранные этимъ обществомъ (хотя не безъ интригъ), извѣстные высшему столичному начальству, иногда даже утверждавшіеся имъ въ своемъ званіи, попечители имѣли какъ-бы оффиціальное значеніе какихъ-то посредниковъ между старообрядскимъ обществомъ и правительственною властью. Въ случаѣ надобности, они хорошо умѣли пользоваться такимъ положеніемъ своимъ для достиженія личныхъ цѣлей или цѣлей той партіи, къ которой принадлежали. Усиленная соучастіемъ попечителей, партія Царскаго взяла теперь рѣшительный верхъ. Ни богатство Рахмановыхъ, ни хитрая проповѣдь попа Ивана Матвѣевича не могли болѣе одолѣть ее. Къ тому-же получены были крайне неутѣшительныя для Кочуева и Рахмановыхъ письма отъ

нѣкоторыхъ иногородныхъ депутатовъ, бывшихъ на соборѣ. Осторожно переданная ими надежнѣйшимъ старообрядцамъ мысль объ архіереѣ встрѣчена была въ нѣкоторыхъ обществахъ не только съ холодностью, но даже съ враждебнымъ чувствомъ. Ревнители «новой старины» боялись, не будетъ-ли это отступленіемъ отъ правилъ древляго благочестія, доселѣ со временъ Никона не имѣвшаго своихъ епископовъ. Самозванцы Аѳиногенъ и Анѳимъ были памятны раскольникамъ, и теперь они страшились повторенія соблазновъ, внесенныхъ этими пройдохами въ старообрядство.

Съ рѣдкимъ успѣхомъ начатое Кочуевымъ дѣло, казалось, погибало. Мечты иргизскаго секретаря разрушались; не сбывались ожиданія Рахмановыхъ и другихъ богачей, которымъ, не столько для устраненія собственнаго священства, сколько ради удовлетворенія личнаго честолюбія — такъ усердно желалось имѣть собственныхъ архіереевъ. Ловкій, изворотливый Аввоній и на этотъ разъ ихъ выручилъ. Онъ убѣдилъ попечителей и партію Царскаго не мѣшать по крайней мѣрѣ затѣянному предпріятію. «Будьте въ сторонѣ, — говорилъ онъ имъ, — и положитесь во всемъ на Королёвскихъ. Пусть они руководятъ дѣломъ. Захотятъ они искать архіерея — будемъ искать, не захотятъ — забудемъ о нашемъ предположеніи и вмѣнимъ его яко не бывшее. А вы между тѣмъ порадѣйте о святой церкви, устраните великую нужду, утолите духовную жажду древлеправославныхъ христіанъ, походатайствуйте у правительства о дозволеніи попрежнему принимать отъ великороссійской церкви священниковъ» Попечители и Царскій согласились. Кочуевъ самъ вызвался написать Мотылеву и Бѣлову записку для подачи московскому генералъ-губернатору и исполнилъ обѣщаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принималъ на себя ходатайство въ Петербургѣ о возстановленіи правилъ

1822 г. Такимъ образомъ, Рогожское общество уступило въ этомъ дѣлѣ первое мѣсто петербургскому. Мы увидимъ, какъ впослѣдствіи, безъ споровъ и борьбы, оно возвратило потерянное было старѣйшинство.

Пока собиралось въ Петербургъ рогожское посольство, Кочуевъ писалъ записку для попечителей. Ѳедору Рахманову наскучило дожидаться. Съ Окороковымъ и Суетинымъ онъ уѣхалъ въ Петербургъ, приказалъ Кочуеву ѣхать вслѣдъ за нимъ, какъ-только отдѣлается. Ѣхать Кочуеву велѣно было вмѣстѣ съ другимъ рогожскимъ грамотѣемъ, Прокопомъ Васильевичемъ Кузнецовымъ, брилліантщикомъ.

Вскорѣ записка была готова, и Мотылевъ съ Бѣловымъ подали ее князю Д. В. Голицыну 31-го мая. Вотъ это произведеніе пера Авѳоніева, любопытное во многихъ отношеніяхъ:

«Мы, граждане древней столицы, московскіе 1, 2 и 3-й гильдіи купцы и мѣщане, изъ числа кореннаго россійскаго народа, нося на себѣ таковое званіе на ряду съ другими исповѣданіями, свято повинуемся государственнымъ законамъ, исправляемъ по выборамъ общества гражданскія службы и съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, по званію каждаго, исполняемъ обязанности повиновенія къ начальству, и во всѣхъ случаяхъ доказали вѣрность къ престолу и отечеству. По отправленію же службы Всемогущему Богу по древлепечатнымъ книгамъ, послѣ уничтоженнаго Великою Екатериною II названія «раскольника», носимъ имя «старообрядцевъ», до лѣтъ же московскаго патріарха Никона составляли единое, совокупное христіанское стадо, единаго пастыря и единую церковь имѣли.

«Со вступленіемъ на патріаршество Никона, при послѣдовавшемъ въ то время вновь напечатаніи церковныхъ книгъ, оказались противу древлепечатныхъ немалыя разности и въ чиноположеніяхъ и обрядахъ

святыя церкви. Что усмотрѣвъ тогда, предки наши, по чувству ихъ совѣсти и душевнаго страха, усомнились и не пожелали принять въ обрядѣ никакихъ измѣненій, тѣмъ паче, что содержавшіе тѣ самые обряды и отправлявшіе богослуженіе и всѣ тайны по древлепечатнымъ священнымъ книгамъ: благочестивіи россійскіе цари, боголюбивіи великіе князья и святители, яко то: святіи Петръ, Алексій, Іона и Филиппъ московскіе и преподобный Сергій и прочіе многіе россійскіе чудотворцы, святостію житія просіявшіе и нетлѣніемъ и чудесы прославленіе отъ Бога. А потому, желая неизмѣнно во всемъ быть послѣдователями таковыхъ, святостію прославленныхъ отъ Бога мужей, по апостольскому гласу, завѣщевающему «поминать наставники, взирать на скончаніе жительства и подражать вѣрѣ ихъ», остались при старыхъ чиноположеніяхъ и обрядахъ святыя церкви. Но чрезъ таковое непріятіе новопечатныхъ книгъ, послѣдовало тогда отъ духовныхъ властей стѣсненіе. То дабы не сдѣлать насилія совѣсти, измѣненіемъ древнихъ преданій, и соблюсти оную непорочно предъ Богомъ, многіе изъ предковъ нашихъ рѣшились нѣкогда, оставя любезное отечество и съ нимъ всѣ общественныя выгоды, удалиться — одни за границы польскія, другіе въ сибирскія, необитаемыя тогда пустыни и степи, и заселясь тамъ, имѣли съ собою священниковъ, съ ними удалившихся, и до лѣтъ облегченія участи ихъ, отправляли службу Божію и христіанскія таинства втайнѣ. Премудрая великая государыня, императрица Екатерина II, удостовѣрясь въ утѣснительномъ положеніи и охотномъ снесеніи всѣхъ бѣдствій, къ пресѣченію оныхъ, изъ единаго своего соболѣзнованія, всемилостивѣйшимъ манифестомъ 1762 года, декабря 4-го и указомъ правительствующаго сената того-жъ года, декабря 14-го, даровала отлучившимся за границу всепрощеніе, позво-

лила селиться въ Саратовской, Черниговской и прочихъ губерніяхъ и повелѣла съ записныхъ старообрядцевъ сложить двойной окладъ, манифестомъ 17-го марта 1775 года 17-мъ пунктомъ, запрещеніе на вступленіе въ бракъ безъ позволенія мѣстнаго начальства разрѣшила, а денежныя пошлины съ женящихся тайно, не у церквей, отмѣнила. И объявлена полная свобода въ Россіи всѣхъ вѣроисповѣданій отправлять богослуженіе по чину и исповѣданію праотцевъ своихъ.

«Такимъ высокомонаршимъ милосердіемъ оживленные старообрядцы, разсѣянные за границы чужеземныхъ государствъ, съ восторгомъ спѣшили возвратиться въ любезное свое отечество, и казалось, что дарованною свободою они изъ мертвыхъ воскресли, или перешли въ новую жизнь. Съ того времени старообрядцами во многихъ городахъ, а наипаче въ Черниговской, Могилевской губерніяхъ, Стародубовскихъ слободахъ и въ Саратовской губерніи, по рѣкѣ Иргизу, на отведенныхъ отъ правительства мѣстахъ, воздвигнуты многіе монастыри, церкви и молитвенные храмы, между прочимъ и мы, первопрестольнаго града жители, московскаго сословія старообрядцы, на отведенномъ отъ правительства предкамъ нашимъ въ 1771 году за Рогожскою заставой кладбищѣ, убѣждаясь духомъ человѣколюбія и страданія къ бѣднымъ, устроили каменныя и деревянныя богадѣльни, въ которыхъ нынѣ содержится на общемъ иждивеніи прихожанъ (доброхотнымъ подаяніемъ) обоего пола престарѣлыхъ и увѣчныхъ до 1000 душъ, кромѣ подкидываемыхъ и воспитывающихся младенцевъ. При ономъ же богадѣльномъ домѣ три каменные молитвенные храма имѣются, при которыхъ съ давнихъ лѣтъ, въ полотняной церкви Рождества Спасителя міра, повременамъ отправлялось служеніе божественной литургіи. Но въ 1823 г., отправленіе оной отъ правительства, неизвѣстно намъ по-

чему, воспрещено; въ молитвенныхъ же храмахъ, находящихся у насъ по Высочайшей волѣ, священниками и дьяконами служба Божія и таинства по древлепечатнымъ книгамъ Вседержителю Богу и понынѣ отправляются. Священники таковые, рукополагаемые въ великороссійской церкви, сначала принимаемы были старообрядцами тайно, и тѣ только, которые, по вѣрѣ и внушенію совѣсти ихъ, пожелаютъ быть съ нами во единомысліи и отправлять богослуженіе и таинства по древлепечатнымъ книгамъ и чиноположеніямъ святыя церкви. Но по мѣрамъ, тогда принимаемымъ со стороны мѣстныхъ начальствъ для преслѣдованія таковыхъ священниковъ, они не имѣли нигдѣ постояннаго себѣ жительства, а, переходя изъ мѣста въ мѣсто, изъ одной губерніи въ другую и назирая свою паству, скрытно отправляли у старообрядцевъ богослуженіе и нужнѣйшія христіанскія таинства и требы, отчего происходили немалыя затрудненія въ отправленіи христіанскихъ требъ и таинствъ неудобства. Даже самое правительство и мѣстныя начальства не могли знать, гдѣ, сколько и какіе находятся священники, и не имѣли точнаго свѣдѣнія о числѣ родившихся, умершихъ и бракосочетавшихся старообрядческаго сословія, отчего въ отправленіи подушныхъ податей, рекрутской повинности и даже въ самихъ присутственныхъ мѣстахъ по разнымъ предметамъ, касательно старообрядцевъ, происходили немалыя затрудненія и недоумѣнія. Такимъ образомъ, со времени облегченія Великою Екатериною II участи старообрядцевъ, при всеобщемъ духѣ вѣротерпѣнія, издревле отличающемъ Россію, хотя и получили они полную свободу въ отправленіи своего богослуженія, но изъясненныя выше сего затрудненія, отъ неимѣнія положительныхъ правилъ происходящія, вполнѣ не прекратились.

«Принявъ бразды правленія, вѣчно достойный славы, государь императоръ Александръ I (кромѣ милостей

изъ царственныхъ устъ его, старообрядцы ничего касающагося до совѣсти ихъ не слыхали), по вступившимъ отъ нѣкоторыхъ губернскихъ начальствъ донесеній, относящихся до тѣхъ старообрядцевъ и священниковъ ихъ, всеобъемлющій духъ сего незабвеннаго монарха, въ указѣ 1803 года 21-го февраля начерталъ, что правило, принятое его величествомъ, состоитъ въ томъ, чтобы, не дѣлая насилія совѣсти и не входя въ розысканіе внутренняго исповѣданія вѣры, строго воспрещать соблазны, не въ видѣ ересей, но какъ нарушеніе общаго благочинія и порядка, а въ указѣ 1816 г. 9-го декабря, данномъ на имя херсонскаго гражданскаго губернатора, о переселеніи духоборцевъ, изрекъ сіи достойныя памяти слова: «что не о переселеніи ихъ помышлять надлежитъ, но о «объ огражденіи «скорѣе сихъ самыхъ отъ всѣхъ излишнихъ притязаній, «за разномысліе въ видѣ спасенія и совѣсти, по коему «принужденіе, ни стѣсненіе никогда участія имѣть не «могутъ».

«Руководимый таковыми высокими правилами, усмотрѣвъ бдительнымъ прозорливымъ своимъ окомъ изъ выше упомянутыхъ донесеній нѣкоторыя стѣсненія по дѣламъ старообрядцевъ, отъ неустройства происходящія, и желая тишины и спокойствія всѣмъ своимъ вѣрноподданнымъ, всемилостивѣйше благоволилъ для единообразнаго къ общему всѣхъ старообрядцевъ руководству даровать Высочайше изложенныя въ 26-й день марта 1822 года правила, каковыя, по восшествіи на прародительскій престолъ, нынѣ благополучно царствующій государь императоръ Николай Павловичъ, изъявляя то-же желаніе полнаго счастія всѣмъ своимъ вѣрноподданнымъ, соизволилъ оныя Высочайшимъ указомъ въ 15-й день сентября 1826 года утвердить, которымъ всѣ, прежде построенныя и существующія церкви, молитвенные храмы и часовни повелѣно оста-

вить въ настоящемъ ихъ положеніи, не дѣлая притѣсненій, и самый порядокъ перехода къ намъ священниковъ и діаконовъ, существующій у старообрядцевъ, болѣе полутора столѣтія, получилъ установленную форму, которымъ позволено жить при старообрядческихъ церквахъ, молитвенныхъ домахъ и часовняхъ, отправлять богослуженіе и таинства по старопечатнымъ книгамъ и вести для порядка метрики. Симъ прекратились бывшія до того неустройства и возстановленъ благоустроенный законный порядокъ, правительству извѣстно стало число старообрядцевъ и священниковъ, у нихъ находящихся, и самыя дѣла по присутственнымъ мѣстамъ, касательно старообрядцевъ, получили правильный ходъ и законное теченіе. Успокоенные симъ старообрядцы, благословляя милосердіе вѣнценосца, изливали теплѣйшія моленія къ Царю Царей о здравіи и долгоденствіи его императорскаго величества и всего августѣйшаго дома.'

«Такимъ образомъ, на основаніи выше изложенныхъ и Высочайше утвержденныхъ правилъ, и были вездѣ принимаемы старообрядцами приходящіе къ нимъ, по внутреннему убѣжденію совѣсти, ихъ священники и діаконы, каковыхъ у насъ въ Москвѣ, при Рогожскомъ кладбищѣ, находилось девять священниковъ и два діакона, что и продолжалось до 1827 года. Но въ семъ году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, объявлена была намъ отъ мѣстнаго начальства Высочайшая воля, состоящая въ томъ, чтобъ означенныхъ священниковъ и діаконовъ оставить у насъ въ покоѣ, а сверхъ сихъ вновь болѣе уже не принимать. Но какъ въ послѣдствіи времени, смертію и по другимъ обстоятельствамъ [1]), означенное число священниковъ уменьшилось до пяти, каковое количество, по числу многочисленности прихо-

---

[1]) То есть за переходомъ нѣкоторыхъ священниковъ въ православіе.

жанъ Рогожскаго въ Москвѣ кладбища (коихъ какъ въ столицѣ, такъ и въ губерніи ея можетъ оказаться до 50,000) [1]), весьма недостаточно, такъ что и нынѣ уже въ самой столицѣ нужнѣйшія христіанскія требы и таинства исправляемы бываютъ съ большимъ затрудненіемъ; а кольми паче въ уѣздѣ и губерніи ея, гдѣ издавна построенные молитвенные храмы, въ которыхъ всегда находящимися при оныхъ священниками, какъ-то: Бронницкаго и Богородскаго уѣздовъ въ деревняхъ: Чулковой, Слободищахъ и прочихъ, отправлялось богослуженія, христіанскія требы и таинства, но нынѣ, по неимѣнію священниковъ, остаются впустѣ, и даже въ нѣкоторыхъ воспрещено старообрядцамъ собираться для общаго молитвословія, почему живущіе тамъ старообрядцы лишаются: умирающіе—христіанскаго напутствованія, умершіе—должнаго погребенія, а младенцы—святаго крещенія.

«Видя таковое бѣдственное положеніе въ дѣлѣ спасенія души и обращаясь къ самимъ себѣ, съ горестію помышляемъ, что во времени благоустроенный вышеупомянутыми, Высочайше утвержденными мудрыми правилами, законный порядокъ перехода къ намъ священниковъ неминуемо обратится на прежде бывшее неустройство, тѣмъ болѣе, какъ невозможно намъ быть безъ священства, отъ котораго, по вѣрѣ нашей, чрезъ совершаемыя имъ таинства, получаемъ мы освященіе, то нѣкоторые изъ старообрядцевъ по необходимости найдутся имѣть у себя не явное священство, а почему и должно для нихъ послѣдовать отъ мѣстныхъ начальствъ преслѣдованіе, а по присутственнымъ мѣстамъ въ дѣлахъ, касательно старообрядцевъ, паки прежде бывшія затрудненія и недоумѣнія, и самое правительство не будетъ имѣть о числѣ родив-

1) Офиціальная цифра, нѣсколько даже уменьшенная.

шихся, умершихъ и бракосочетавшихся старообрядцевъ и находящихся у нихъ священниковъ точнаго свѣдѣнія. Какая отъ сего неустройства произойти можетъ польза, разсуждать не осмѣливаемся.

«Находясь въ столь прискорбномъ для души настоящемъ положеніи и опасаясь будущихъ послѣдствій, возымѣли мы смѣлость въ 1827 г. повергнуть къ стопамъ великаго государя императора всеподданническое прошеніе, въ коемъ, объясняя угнетающія насъ обстоятельства, умоляли его благость о дозволеніи намъ попрежнему, на основаніи вышеупомянутыхъ, Высочайше дарованныхъ намъ правилъ, принимать приходящихъ къ намъ священниковъ и діаконовъ, въ чемъ питая несомнѣнную надежду на милосердіе и великодушіе августѣйшаго монарха нашего, ожидаемъ его милостиваго снисхожденія. Но между тѣмъ, крайне стѣсняемся мы въ вышеозначенныхъ обстоятельствахъ, почему въ 1831 году подали на имя министра внутреннихъ дѣлъ, г. Новосильцева, прошеніе о принятіи вновь на убылое мѣсто уволеннаго отъ своего начальства заштатнаго священника владимірской епархіи, села Рясницъ, Ивана Петрова Сергіевскаго [1]), изъявившаго добровольное согласіе имѣть жительство при московскомъ старообрядческомъ нашемъ Рогожскомъ кладбищѣ и отправлять богослуженіе и христіанскія таинства по древлепечатнымъ книгамъ. Вслѣдствіе таковаго прошенія послѣдовало на оное Высочайшее повелѣніе: взять отъ насъ объяснительное показаніе касательно просимаго нами священника, желаемъ ли мы принять онаго какъ правильно уволеннаго духовнымъ начальствомъ, на правилахъ единовѣрческихъ церквей,

---

[1]) Рясницы или Расницыно, казенное село Александровскаго уѣзда, въ 116 верстахъ отъ уѣзднаго города. Попъ Сергіевскій находился тайно при часовнѣ въ городѣ Вереѣ.

на что, по чувствамъ нашей совѣсти, объявили мы, въ данномъ 1831 г., въ іюлѣ мѣсяцѣ, вашему сіятельству объясненіи, что на правилахъ единовѣрческихъ церквей принять означеннаго священника Сергіевскаго мы не желаемъ, и впредь принимать на таковыхъ правилахъ священниковъ, по совѣсти нашей, изъявить согласія не можемъ, потому болѣе, что несовмѣстнымъ съ совѣстію почитаемъ имѣть пастыря не единомысленна съ нами, поелику таковый не по вѣрѣ и усердію его къ святочтимымъ нами древнимъ обрядамъ и чиноположеніямъ святыя церкви, внушеннымъ совѣстію, отправлять будетъ богослуженіе и христіанскія таинства, по древлепечатнымъ книгамъ, а токмо по волѣ и по предписанію духовнаго его начальства, безъ сердечнаго къ тому расположенія и душевнаго чувства, на которое призираетъ благость Божія, а потому и сомнѣваемся противу совѣсти нашей принять и ввѣрить такому нелицемѣрно дѣло душевнаго спасенія нашего, въ которомъ праведно судящему Богу, Создателю душъ нашихъ, дать отвѣтъ почитаемъ себя обязанными.

«Объяснивъ, такимъ образомъ, выше сего причины, подвергнувшія многолюдное сословіе старообрядцевъ въ крайнее положеніе по недостатку священнослужителей, осмѣлились нынѣ прибѣгнуть къ особой помощи и покровительству вашего сіятельства, какъ государственнаго намѣстника, коему ввѣрено внутреннее управленіе древней столицы, заключающей въ себѣ многіе разноплеменные народы, даже и не христіанскаго исповѣданія, изъ коихъ каждому мудрыми законами дарованы права по совѣсти ихъ отправлять безпрепятственно въ построенныхъ на то храмахъ ихъ служеніе, у коихъ и браки, совершаемые ими по ихъ обрядамъ, признаются во всѣхъ отношеніяхъ родства и наслѣдства законными, но только одни старообрядцы,

всегда вѣрные сыны отечества, точные исполнители всѣхъ гражданскихъ обязанностей, не имѣютъ еще совершеннаго счастія удостоиться, къ довершенію многихъ къ намъ милостей и снисхожденія, получить Высочайшее разрѣшеніе о дозволеніи имъ принимать попрежнему для совершенія таинствъ священниковъ и діаконовъ, на правилахъ, Высочайше изложенныхъ въ 26-й день марта 1822 года и въ 15-й день сентября 1826 года всемилостивѣйше утвержденныхъ.

«И какъ по просьбѣ нашей о дозволеніи намъ принимать попрежнему священниковъ и діаконовъ, судьба участи великаго числа старообрядцевъ зависить будетъ единственно отъ милосердаго вашего разрѣшенія, въ каковомъ случаѣ старообрядцы московской столицы и губерніи ея умоляютъ ваше сіятельство взойти въ крайнее совѣсти ихъ положеніе, быть представителемъ и ходатаемъ за нихъ у подножья престола милосердаго монарха о снисхожденіи въ изъявленіи имъ просимой милости къ успокоенію ихъ совѣсти и духа» [1]).

Болѣе трехъ лѣтъ рогожскіе попечители ожидали благопріятныхъ для себя послѣдствій отъ этой записки. Но они ждали напрасно. Ни ходатайство ихъ въ Москвѣ, ни «хожденіе по дѣламъ» Кочуева въ Петербургѣ, ни просьбы, подаваемыя ими разнымъ начальствующимъ лицамъ и даже особамъ Царской фамиліи, не увѣнчались тѣмъ успѣхомъ, какого они ожидали. Правительство твердо стояло на своемъ. Считая оскорбительнымъ для церкви дозволеніе православнымъ священникамъ уклоняться въ расколъ, оно не только не возстановляло правилъ 1822 года, но съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе стѣсняло старообрядцевъ.

---

[1]) *Дѣло канцеляріи московскаго генералъ-губернатора*, 31-го мая 1832 года, № 42.

Здѣсь не лишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ о главномъ лицѣ рогожскаго посольства, Ѳедорѣ Андреевичѣ Рахмановѣ, который въ то время стоялъ во главѣ задуманнаго предпріятія образовать заграничную іерархію.

Въ рогожскомъ обществѣ въ тридцатыхъ годахъ существовалъ кружокъ богачей, вышедшихъ изъ Гуслицкой волости, особенно же изъ Вохны [1]). Земляки связаны были между собою дружбою, единомысліемъ, а нѣкоторые даже родствомъ. Всѣ были сваты другъ съ другомъ. Къ этому кружку принадлежали и Рахмановы, до 1812 года крестьяне большой помѣщичьей деревни Слободищи, что въ Гуслицахъ [2]). Рахмано-

1) *Статистическое описаніе Рогожскаго кладбища* 1845 года. Рукопись. Часть II. Изъ нея видно, что къ этому кружку, кромѣ Рахмановыхъ, принадлежали: а) почетный гражданинъ Николай Осиповъ, прежде крестьянинъ села Вохны, а потомъ богатый купецъ, имѣвшій 10 миліоновъ ассигнаціями капитала, домъ въ Пятницкой части и суконную фабрику; б) Терентій Егоровичъ Солдатенковъ, также изъ Вохны, имѣвшій до 13 миліоновъ ассигнаціями, нѣсколько домовъ и миткалевую фабрику; в) Аллилуевы, также изъ Вохны, хлѣбные торговцы, составившіе этимъ торгомъ капиталъ до трехъ мильоновъ; г) Досужевъ, также изъ Вохны, торговлей сукномъ составившій капиталъ въ одинъ миліонъ; д) Александръ Ивановичъ Гречухинъ, также прежде вохонскій крестьянинъ, хлѣбною торговлей нажившій дома въ Москвѣ и до 700 тысячъ капитала, е) Ѳедоръ Ивановичъ Симоновъ, прежде крестьянинъ Гуслицкой волости, составившій состояніе хлѣбною торговлей, а потомъ имѣвшій до двухъ миліоновъ капитала и бумагопрядильную фабрику; ж) Иванъ Никитичъ Царскій, прежде гуслицкій крестьянинъ, потомъ лѣсною торговлей составившій капиталъ въ 700 тысячъ руб. Къ тому-же кружку принадлежали: Кулаковы Григорій, Егоръ и Иванъ Степановичи, мучные торговцы, мать ихъ до 1812 года была купчихой 2-й гильдіи, имѣли домъ въ Яузской части и въ 12 миліоновъ капиталъ, и Соколовъ Василій Ефремовичъ, прежде московскій мѣщанинъ, а потомъ купецъ, имѣвшій посессіонную суконную фабрику и капиталъ въ 10 мильоновъ.

2) Богородскаго уѣзда. Деревня Слободищи, при рѣчкѣ Гуслицѣ очень большая, въ ней 235 дворовъ и болѣе полуторы тысячи душъ ревизскаго населенія. Прежде принадлежала г-жѣ Жеребцовой, потомъ перешла къ г. Норду. Въ Слободищахъ находится раскольничья моленная, богато украшенная Рахмановымъ. *Списокъ населенныхъ мѣстностей Россійской Имперіи*, XXIV, № 600.

выхъ было три брата: Ѳедоръ, Алексѣй и Дмитрій, и кромѣ того двоюродный братъ Василій Григорьевичъ Откупившись отъ крѣпостной зависимости, они приписались въ купцы по городу Ардатову, но жили въ Москвѣ, производя, посредствомъ прикащиковъ, обширную торговлю на Волгѣ. Въ апрѣлѣ 1825 Рахмановы пожертвовали пятьдесятъ тысячъ рублей въ пользу комитета о раненыхъ, за то вскорѣ получили званіе потомственныхъ почетныхъ гражданъ и переписались въ московское купечество, но объявили капиталъ по 1-й гильдіи не раньше 1845 года, хотя давно ихъ считали въ восьми милліонахъ. Старшій изъ Рахмановыхъ, Ѳедоръ Андреевичъ, былъ человѣкъ добрый и щедрый, но не отличался ни особенными способностями, ни начитанностью, ни какою-либо долей образованія.

Мало разумѣя грамоту, немного заикаясь и притомъ картавя, не могъ онъ сдѣлаться мужемъ совѣсти», но богатство и щедрость его заставили забывать природные недостатки. Угодники льстили ему, и Ѳедоръ Андреевичъ, встрѣчая отовсюду удивленіе своему «высокому уму», возмечталъ, что онъ и въ самомъ дѣлѣ необыкновенно умный и даже дѣловой человѣкъ. Былъ онъ крайне честолюбивъ, всячески искалъ извѣстности и почета и, полагая, что съ большими деньгами все возможно, онъ, недавно бывшій крѣпостнымъ, захотѣлъ быть дворяниномъ. Въ то время купцу можно было достигнуть дворянства посредствомъ ордена, и Ѳедоръ Андреевичъ дѣлалъ одно за другимъ значительныя пожертвованія на общую пользу, надѣясь такимъ образомъ достигнуть дворянскаго достоинства. Дворянство сильнаго и богатаго члена рогожской общины Шелапутина не давало спать Рахманову. И вотъ онъ, не жалѣя быстро нажитыхъ денегъ, сыплетъ ихъ щедрою рукой на общеполезныя

дѣла, но вожделѣнный орденскій крестъ какъ кладъ не дается, правительство считаетъ неприличнымъ сдѣлать рогожскаго туза кавалеромъ [1]). Для удовлетворенія непомѣрнаго честолюбія Ѳедора Андреевича оставалось одно поприще—среда раскола. Его «тайности» только и могли удовлетворить стремленія Рахманова. Здѣсь ему, какъ ревностнѣйшему рачителю о древлеблагочестивой церкви, былъ и почетъ, и уваженіе, и первое мѣсто въ собраніяхъ. Здѣсь имѣлъ онъ значеніе, участвовалъ во всѣхъ совѣщаніяхъ, подавалъ совѣты попамъ и игуменьямъ, «началилъ» уставщиковъ, пѣвцовъ, читалокъ и призрѣваемыхъ въ богадѣльняхъ. Его слушали съ уваженіемъ, зная, что каждое подобное вмѣшательство Рахманова въ кладбищенскія дѣла

---

1) Такъ, напримѣръ, въ 1840 году, во время голода, по вызову московскаго генералъ-губернатора князя Голицына, составилась компанія нѣсколькихъ богатыхъ московскихъ купцовъ, съ цѣлію отвращенія хлѣбнаго недостатка въ столицѣ и для продажи хлѣба по уменьшенной цѣнѣ. Въ этой компаніи приняли участіе изъ православныхъ: Кумянины, Колесовъ, Алексѣевы, изъ раскольниковъ: Рахмановы, Шелапутинъ, Терентій Солдатенковъ и Василій Соколовъ. Они собрали до миліона рублей. Въ 1841 году Ѳедоръ Рахмановъ получилъ за это прямо золотую медаль на Владимірской лентѣ, а Алексѣю и Василію Рахмановымъ и Шелапутину было объявлено высочайшее благоволеніе. Рахмановы были представлены къ орденамъ (которые, впрочемъ, въ это время уже не приносили купцамъ дворянскаго достоинства). по комитетъ министровъ нашелъ, что хотя оказанная ими услуга достойна вознагражденія, по раскольникамъ менѣе вредныхъ сектъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и поповщинская, можно только за превосходную заслугу или общеполезный подвигъ назначать награды, исключая орденовъ, которыми вовсе неприлично украшать ихъ. Императоръ Николай Павловичъ утвердилъ это положеніе комитета 25-го іюля 1841 года. (*Собраніе постановленій по части раскола*, стр. 388). Рахмановы и ихъ земляки Гречухинъ и Аллилуевы, а также Кулаковы, имѣвшіе передъ голоднымъ годомъ большіе хлѣбные запасы, въ то же время нажили огромныя деньги: въ покупкѣ хлѣбъ обошелся имъ по 80 к., а они продали его по 3 р. 80 к. По своимъ, старообрядцамъ, продавали по своей цѣнѣ, отчего еще болѣе пріобрѣли къ себѣ уваженіе рогожскаго общества и гуслицкаго населенія, куда даже отправляли хлѣбъ для безвозмездной раздачи своимъ землякамъ. (*Статистическое описаніе Рогожскаго кладбища*. Рукопись).

непремѣнно кончится щедрымъ отъ него подаяніемъ. Величали его «свѣтлые разсудки» и «высокій умъ», славили усердіе его къ вѣрѣ отеческой, хвалили его милосердіе къ бѣднымъ, превозносили всѣ дѣла его, а тихонько въ сторонѣ подсмѣивались надъ «господиномъ Блакимъ» [1]). Видя со всѣхъ сторонъ уваженіе, доходившее до крайняго низкопоклонства, Ѳедоръ Андреевичъ уже не ставилъ никого выше себя и съ полною увѣренностью говорилъ, что все Рогожское только имъ и держится. Изъ переписки Кочуева знаемъ, что Рахмановъ надменно говаривалъ на кладбищѣ: «вы моимъ стараніемъ и моими успѣхами только и благополучны, безъ меня вы бы не умѣли и къ ставцу лицомъ сѣсть», а рогожскіе жители и жительницы низко за то ему кланялись и говорили со смиреніемъ: «точно такъ, милостивый благодѣтель нашъ, Ѳедоръ Андреевичъ: только вами и дышемъ».

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Рахмановъ подробно разсказалъ Громовымъ обо всемъ происходившемъ на рогожскомъ соборѣ и сталъ съ ними совѣтоваться о томъ, какъ приступить къ дѣлу Громовы не давали рѣшительнаго отвѣта и не высказывали окончательнаго своего мнѣнія. Окороковъ и Суетинъ совѣщались о томъ же предметѣ съ Дмитріевымъ. Имя Аѳонія у всѣхъ было на устахъ. Много было говорено объ его умѣ и начитанности, о знаніяхъ его дѣлъ церковныхъ, объ его краснорѣчіи и о тѣхъ подвигахъ, которые онъ принималъ на себя до поступленія въ Иргизскій монастырь. Королёвскіе ждали его нетерпѣливо, но онъ медлилъ, ибо не успѣлъ еще кончить записку для Мотылева и Бѣлова.

---

[1]) Ѳедоръ Рахмановъ заикался и картавилъ. Читая вслухъ молитвы, онъ вмѣсто «благого и вѣрнаго раба Твоего» произносилъ «блакого и вѣрнаго раба», отчего и прозванъ былъ «Блакимъ». (*Слѣдственное дѣло о Кочуевѣ*).

Въ маѣ Кочуевъ съ Кузнецовымъ пріѣхали наконецъ въ Петербургъ. Путешествіе его въ невиданную еще до тѣхъ поръ столицу совершилось благополучно, если не считать неблагополучіемъ свалившейся въ ровъ подлѣ шоссе кибитки съ рогожскими грамотѣями. Въ Петербургѣ Кочуевъ былъ встрѣченъ съ распростертыми объятіями всѣми важнѣйшими членами Королёвскаго общества. Молва объ его подвигахъ, рекомендательныя письма уважаемаго Королёвцами Силуяна, отзывы Рахманова, Окорокова и Суетина — отворили ему двери во всѣ старообрядскіе дома Петербурга. Всякому прихожанину Королёвской моленной желательно было хоть посмотрѣть на знаменитаго подвижника и «страдальца за старую вѣру», обладающаго рѣдкимъ знаніемъ старинныхъ уставовъ, искуснымѣ перомъ и необыкновеннымъ даромъ слова. Громовы приняли его съ особымъ уваженіемъ и любовію. Кочуевъ водворился въ ихъ домѣ. Они стали смотрѣть на Авѳонія какъ на человѣка, воздвигнутаго самимъ Богомъ на спасеніе и возстановленіе бѣдствующей церкви древляго благочестія.

Вотъ онъ, бѣдный горбатовецъ, еще недавно закупавшій небольшія партіи сухого судака, воблы и коренной рыбы на низовьяхъ Волги, еще такъ недавно державшій проповѣдь въ лѣсахъ, безмолствовавшій въ Жигуляхъ и юродствовавшій въ Симбирскѣ, широковѣщательно разглагольствуетъ въ Грŏмовскихъ роскошныхъ комнатахъ, ходитъ по мелко-штучному паркету и дорогимъ коврамъ, среди тропическихъ растеній, при свѣтѣ только-что появившихся тогда у насъ карсельскихъ лампъ. Ему, еще недавнему бѣдняку, ходившему босикомъ, въ одной рубашкѣ по Симбирску, съ благоговѣніемъ внимаютъ одни изъ первѣйшихъ богачей Петербурга. Кочуевъ прислуживаетъ въ моленной отцу Василію, Кочуевъ ведетъ умную бесѣду съ

Великодворскимъ и Чистяковымъ, Кочуевъ услаждаетъ душеспасительными словами Елену Ивановну, о Кочуевѣ всѣ толкуютъ, всѣ оказываютъ Кочуеву глубокое уваженіе.

Громовы съ живымъ сочувствіемъ приняли проектъ Кочуева, но по наружности отнеслись къ нему какъ къ дѣлу невозможному, и рогожскимъ посламъ наотрѣзъ отказали отъ содѣйствія Рахмановскимъ затѣямъ. Но они хитрили. Сергѣй Григорьевичъ о предложеніи московскихъ пословъ сказалъ Алексѣю Великодворскому. Этотъ одобрилъ проектъ, но, успѣвъ въ короткое время узнать вдоль и поперекъ и Кочуева, и Рахманова съ Суетинымъ и Окороковымъ, посовѣтовалъ Громовымъ отклонить на первое время отъ дѣла московскихъ богачей, а Аѳонія Кузьмича удержать при себѣ. Рахмановъ гордился своимъ дѣломъ, какъ-будто оно было ужь сдѣлано, и былъ неостороженъ, разсказывая слишкомъ многимъ старообрядцамъ о московскомъ предпріятіи. Такимъ образомъ, благодаря его излишней разговорчивости, дѣло могло огласиться, какъ уже и огласилось-было въ Москвѣ. Великодворскій справедливо опасался, что такимъ образомъ намѣренія старообрядцевъ могутъ сдѣлаться извѣстными правительству, которое, конечно, приметъ строгія мѣры, чтобы уничтожить затѣю въ самомъ ея началѣ. Для этого онъ и предполагалъ отстранить до поры до времени участіе въ дѣлѣ московскихъ старообрядцевъ и даже отклонить ихъ отъ него, сказавъ, что исканіе архіерейства дѣло несбыточное и крайне опасное. Громовы, посовѣтовавшись съ Григоріемъ Дмитріевымъ, такъ и поступили: Рахманову, Окорокову и Суетину отъ имени всего Королёвскаго общества объявили рѣшительный отказъ отъ всякаго участія въ дѣлѣ исканія архіерейства и совѣтовали имъ, чтобъ они лучше вмѣстѣ съ партіей Царскаго ходатайство-

вали о возстановленіи правилъ 1822 года. Окорокова и Суетина тотчасъ же убѣдили Громовы, и они уѣхали изъ Петербурга. Но не такъ легко было убѣдить упрямаго Рахманова. Онъ настаивалъ на своемъ, горячо спорилъ и обижался, что не хотятъ во всемъ поступить, какъ онъ хочетъ. Къ крайнему изумленію Рахманова, Кочуевъ, тайно уже склонившійся на сторону Великодворскаго, громко и рѣшительно заговорилъ то-же, что̀ говорили и Громовы. Мало того, Ѳедоръ Андреевичъ получилъ непріятныя для его самолюбія извѣстія изъ Москвы: Окороковъ разсказалъ на кладбищѣ, какъ петербургскіе старообрядцы приняли рогожское предложеніе, передалъ всѣ опасенія Громовыхъ и открыто присталъ къ Царскому. За нимъ послѣдовали и другіе. Всѣ охладѣли къ дѣлу, за которое взялись-было такъ горячо. Попъ Иванъ Матвѣевичъ молчалъ. Надо думать, что онъ былъ посвященъ въ тайные замыслы столповъ Королёвскаго общества, подобно конторщику Синицыну, которому обо всемъ сообщилъ Кочуевъ. Такимъ образомъ дѣло повидимому рушилось окончательно, но оно только начиналось.

Оскорбившійся Рахмановъ излилъ досаду на Кочуева и Кузнецова, и по обыкновенію сталъ «началить» ихъ. «Куда вамъ, дуракамъ, противъ меня идти? Я знаю что̀ надо дѣлать, вы должны меня во всемъ слушаться. А вы съ Громовыми заодно. Что бы вы всѣ безъ меня были? Только моими стараніями и успѣхами вы и были благополучны. Безъ меня вы и къ ставцу лицомъ сѣсть не умѣете. Кочуевъ съ Кузнецовымъ о нападкахъ «Блакого» писали на Рогожское кладбище одному изъ уставщиковъ, Петру Осиповичу Смыслову, державшемуся партіи Царскаго. Смысловъ, не подозрѣвая хитрости Кочуева, считалъ его искренно перешедшимъ на сторону Царскаго и отвѣчалъ шутливымъ письмомъ, совѣтуя вооружиться терпѣніемъ и сказать

напрямки Рахманову, что пора его прошла, что разумные люди взяли верхъ надъ тщеславными богачами, и что въ Москвѣ все переходитъ на сторону противную «Блакому» [1]).

Рахмановъ, обращаясь въ средѣ Королёвскихъ старообрядцевъ, съ каждымъ днемъ чувствовалъ свое положеніе болѣе и болѣе неловкимъ. Въ Петербургѣ ему не угодничали, не кланялись, не удивлялись «мудрымъ рѣчамъ» его и отъ предпріятія, которымъ онъ думалъ на вѣки прославить свое имя, отказались равнодушно, иногда даже смѣялись надъ нимъ. Пожертвовавъ въ Королёвскую моленную пудовыя свѣчи, съ затаеннымъ чувствомъ оскорбленнаго самолюбія покинулъ Ѳедоръ Андреевичъ негостепріимные, по его мнѣнію, берега Невы и возвратился въ домъ свой.

---

[1]) Вотъ отрывки изъ письма Смыслова, отъ 9-го іюня 1832 г. изъ Москвы (подлинникъ *въ слѣдственномъ дѣлѣ о Кочуевѣ*): «Охъ вы, мои добліи страстотерпцы, претерпѣвшіе страшное пораженіе отъ паденія вашего въ канаву. Читая письмо ваше, усматриваю ваше несчастіе, еще въ пути васъ постигшее,—не могъ удержаться отъ смѣха... охъ бишь, извините, отъ сердечнаго соболѣзнованія вашего несчастія. Какъ это вы, сердечненькіе, спятили съ пути истиннаго и упали въ канаву! Радуюсь, что скоро возстали и исправились. Вижу также, что вы ненавидимы и претерпѣваете отъ одного Блакого и вѣрнаго раба повсечасно жестокіе выговоры за московскія событія—ну, что дѣлать? я увѣренъ, что у васъ еще и сверхъ онаго неудовольствія еще остается много терпѣнія. Также онъ проповѣдуетъ большую потерю вообще всѣхъ старообрядцевъ и будто бы мы стараніями и успѣхами его были только и благополучны, а безъ него теперь будто уже и не умѣемъ сѣсть къ ставцу лицомъ. Ахъ, онъ окаянный! Какъ онъ могъ произнести такія слова, которыя покроютъ вѣчнымъ стыдомъ ихъ только самихъ? Скажите ему, что лукъ сильныхъ изнеможе, а не могущіе уже препоясашася силою... Онъ (Богъ) нынѣ скинулъ съ глазъ людей ту мрачную завѣсу, которая препятствовала многимъ видѣть свѣтъ истины... О Бозѣ сотворимъ силу и тою расколотимъ злобные и коварные замыслы всѣхъ богачей, стужающихъ намъ... Насчетъ московскихъ обстоятельствъ новаго ничего нѣтъ, только болѣе разговору въ противную сторону Блакова и вѣрнаго раба... Съ началомъ (Петрова) поста нынѣшняго хотятъ приступить къ избранію новыхъ попечителей».

На Рогожскомъ и думать перестали объ архіереяхъ. Нарушенное согласіе возстановилось. Всѣ единодушно постановили хлопотать о возстановленіи правилъ 1822 года, для чего и дали оставшемуся въ Петербургѣ Кочуеву довѣренность.

О предположеніи искать архіерея знали только Громовы, Дмитріевъ, Алексѣй Великодворскій, Кочуевъ да еще серковскій Игуменъ Геронтій. Они раздѣляли увѣренность всѣхъ почти старообрядцевъ, что гдѣ то на Востокѣ сохранилась неповрежденная православная вѣра и архіереи древляго благочестія. Надобно отыскать эту страну и уговорить одного изъ тамошнихъ епископовъ принять въ свое управленіе вдовствующую въ Россіи старообрядскую церковь. Вопросъ о томъ—гдѣ устроить каѳедру древлеблагочестиваго епископа окончательно рѣшилъ Геронтій. Необходимо устроить ее, говорилъ онъ, внѣ предѣловъ Россіи, но неподалеку отъ границы. Для этого предстояло избрать мѣстность въ Турціи, Молдавіи или въ Австріи. Въ Турціи, то есть въ Добруджѣ, сочли основаніе архіерейской каѳедры невозможнымъ: султанъ исполняетъ всякую волю русскаго правительства и по первому требованію его уничтожитъ каѳедру; притомъ-же живущіе въ Добруджѣ старообрядцы, Некрасовцы, народъ грубый, буйный, едва ли въ ихъ мѣстахъ епископъ будетъ безопасенъ. О Молдавіи и говорить нечего: она находилась тогда подъ совершенною властію Россіи. Оставалась Австрія. Геронтій, какъ самовидецъ, разсказалъ о трехъ слободахъ, населенныхъ въ Буковинѣ липованами русскаго происхожденія, и о томъ, что въ одной изъ нихъ, Бѣлой-Криницѣ, есть маленькій монастырекъ, въ которомъ, по его мнѣнію, можно было бы устроить епископскую каѳедру. Но бѣда въ томъ, что часть тамошнихъ липованъ совершенные безпоповцы, а другая болѣе значительная, хотя и прі-

емлетъ священство, но, придерживаясь отчасти согласія чернобольцевъ, сочувствуетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ безпоповству. Монаховъ тамъ мало, да и тѣ вовсе ненадежны. Прежде чѣмъ заводить въ Бѣлой-Криницѣ епископа, надо наполнить ее достойными монахами изъ Россіи, которые бы образовали изъ себя настоящее старообрядское братство.

Гдѣ же сыскать путешественниковъ, которые бы рѣшились отправиться въ дальнія странствованія для открытія древлеблагочестиваго епископа? Кочуевъ вспомнилъ, что на рогожскомъ соборѣ игуменъ Лаврентьева монастыря Симеонъ говорилъ, что есть у него люди способные на такое дѣло. Лаврентьевскіе монахи коротко были извѣстны Королёвскому обществу, ибо часто пріѣзжали въ Петербургъ за сборами; многихъ изъ нихъ хорошо знали Громовы. Придумали послать изъ этого монастыря на Востокъ искателей архіерейства, а впослѣдствіи лучшихъ изъ лаврентьевской братіи переправить за границу для образованія изъ нихъ бѣлокриницкаго братства. Завести обо всемъ этомъ переговоры съ лаврентьевскою братіей поручено было Геронтію, который для того, возвращаясь въ свой Серковскій монастырь, долженъ былъ, минуя Москву, ѣхать по бѣлорусскому тракту и въ Могилевской губерніи остановиться на нѣкоторое время въ Лаврентьевѣ монастырѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Лаврентьевъ монастырь

Въ Могилевской губерніи, близъ славной нѣкогда старообрядской слободы Вѣтки, въ 12-ти верстахъ отъ нынѣшняго уѣзднаго города Гомеля, среди дремучаго столѣтняго бора, между трясинъ и болотъ, находился уединенный поповщинскій монастырь Лаврентьевъ, съ трехъ сторонъ окруженный глубокою, быстрою и омутистою Узой [1]). Вокругъ его стѣнъ жилья не было. Ближайшее находилось верстахъ въ полутора — это мельница Папера, на которой когда-то приготовляли писчую бумагу; потомъ въ опустѣлыхъ ея строеніяхъ проживали двѣ или три семьи крестьянъ изъ огромнаго Гомельскаго имѣнія. Въ шести верстахъ отъ монастыря находилась и доселѣ существующая деревенька Давыдовка, населенная православными бѣлоруссами, а съ небольшимъ въ девяти — небольшое старообрядское селеніе Миличи. Развалины Лаврентьева монастыря, уничтоженнаго въ 1844 году, и теперь существуютъ.

По дорогѣ къ нему, почти отъ самаго Гомеля начинался лѣсъ, сначала рѣдкій и мелкій, потомъ, чѣмъ

---

[1]) Рѣка Уза впадаетъ въ рѣку Сожъ.

дальше, тѣмъ гуще и рослѣе. Вокругъ самой обители дубы и осины достигали необычайной высоты и густоты; неприкосновенные росли они съ первой половины XVIII столѣтія; никогда звуки топора не оглашали этой заповѣдной дебри. Заботливо берегла этотъ боръ монастырская братія: онъ былъ и красою мѣста, и защитой пріютившейся въ чащѣ его обители. По узкой, пролегавшей къ монастырю этимъ лѣсомъ, дорожкѣ и въ ясный полдень бывало сумрачно; вѣчно шумѣвшія вершины развѣсистыхъ дубовъ, переплетясь въ высотѣ, представляли изъ себя темный густолиственный сводъ, не пропускавшій на землю солнечныхъ лучей. Идя по узкой, неровной, мѣстами покрытой обнаженными отпрысками дубовыхъ корней, дорожкѣ, въ этомъ таинственномъ полумракѣ, при однообразномъ шумѣ вершинъ, подходившій къ обители путникъ невольно проникался чувствомъ благоговѣйнаго страха. И вдругъ, у самыхъ почти воротъ монастырскихъ, поражала его быстрая перемѣна картины: вмѣсто темнаго, дремучаго бора, взору его представлялась небольшая веселая поляна, покрытая изумрудною зеленью; по ней, сверкая какъ-бы искрами, бѣжала рѣчка и почти окружала красиво выстроенную обитель. Высокія, почернѣвшія отъ времени, бревенчатыя стѣны окружали обительскія строенія. Надъ святыми вратами, обращенными къ лѣсу, стоялъ огромныхъ размѣровъ образъ Живоначальной Троицы. Когда солнце бросало лучи на эту надвратную икону, она какъ-бы горѣла переливами свѣтлыхъ радугъ, и вышедшій изъ лѣсного мрака путникъ невольно проникался чувствомъ уваженія къ мѣсту.

Лѣсъ, окружавшій обитель Лаврентьеву, въ глазахъ мѣстныхъ старообрядцевъ почитался какъ-бы священнымъ. За грѣхъ считали его трогать. Оберегали отъ порубокъ Лаврентьевъ лѣсъ и ходившія въ

народѣ легенды о болѣзняхъ и несчастіяхъ, преслѣдовавшихъ будто бы во всю жизнь того, кто, зная или не зная о неприкосновенности священной дубравы, дерзалъ срубить въ ней хоть одно дерево. Всѣ двѣнадцать дочерей Ирода, всѣ двѣнадцать лихоманокъ нападутъ на человѣка и станутъ мучить его до смерти. Вырубитъ въ лѣсу кто-нибудь дерево на домашнюю подѣлку — въ ту самую подѣлку на первый Спасъ [1]) ударитъ молнія, и сгоритъ домъ нарушившаго цѣлость Лаврентьева лѣса, а съ нимъ и деревня вся. И ничѣмъ того пожара утушить нельзя, кромѣ воды изъ рѣки Узы, освященной въ тотъ самый день перваго Спаса лаврентьевскимъ священникомъ. Свалившееся отъ старости дерево, сломившуюся вѣтвь нельзя поднять, не сказавъ: «Преподобный отче Лаврентіе, прости и благослови принять сіе древо за благословеніе» И ничего нечистаго изъ того древа дѣлать нельзя, и ничего ногами попираемаго; иначе въ домѣ сдѣлавшаго будутъ свары и ссоры и кровопролитіе, и тати расхитятъ все имущество. Даже грибы да ягоды нельзя сбирать въ томъ лѣсу безъ испрошенія благословенія у Лаврентія. Только деревца на троицкія березки да растущую по берегу Узы вербу для заутрени «Цвѣтнаго воскресенья» [2]) можно всякому брать невозбранно; да еще дозволялось рвать прутья — на Егорьевъ день коровъ па первое поле выгонять. А кто «русальные вѣнки» въ томъ лѣсу станетъ завивать или «кумиться» вокругъ дерева, а паче всего на день Предотечевъ [3]) «Купалины огни» зажигать, тому нѣсть прощенія ни

---

[1]) Августа 1 го.

[2]) «Цвѣтнымъ воскресеньемъ» называется воскресенье передъ Пасхой, иначе называемое «Вербнымъ воскресеньемъ», когда церковь воспоминаетъ входъ Іисуса Христа въ Іерусалимъ.

[3]) Іюня 24-го.

въ семъ вѣцѣ, ни въ будущемъ [1]). Не говоря уже о старообрядцахъ, даже православные бѣлоруссы уважали неприкосновенность Лаврентьева лѣса. Даже жиды боялись налагать на него руку. Они, вѣроятно, держали въ памяти неразъ повторившіеся случаи наказанія за неуваженіе, оказанное заповѣдному лѣсу. Въ архивахъ сохранились жалобы евреевъ на лаврентьевскихъ иноковъ, которые за ничтожныя порубки уважаемаго лѣса нещадно пороли племя Израилево вѣтвями священныхъ древесъ. Такими повѣрьями и такими обычаями охраняемый лѣсъ Лаврентьевъ росъ, старѣлъ, подгнивалъ и однажды отъ сильной бури разомъ повалился на огромномъ пространствѣ. Случилось это вскорѣ по закрытіи монастыря, въ концѣ сороковыхъ годовъ. Естественное явленіе старообрядцы объяснили чудомъ. «Разорили нашъ монастырь,—писали они въ Петербургъ,—разметали жилища наши, и мѣсто свято, храмъ молитвы, аки негодную овощную храмину раскидали. Погубили славную красоту церковную и распустили стадо Христовыхъ овецъ. Все изгибло, все травой поросло И красота драгоцѣнныхъ мѣстъ нашихъ, любезный нашъ, очамъ и сердцамъ нашимъ превождѣленный боръ, вящще ста лѣтъ укрывавшій иноковъ премирное житіе и многолиственными вѣтвями осѣнявшій святую обитель, не стерпя онаго опустошенія и устыдясь такого поношенія мѣста, волею вся держащаго въ руцѣ своей Со

---

1) *Сказаніе о житіи и отчасти чудесъ преподобнаго отца нашего Викентія, иже на Новомъ Крупцѣ.* Рукопись раскольническая, въ восьмушку; писана (т. е. переписана), по всей вѣроятности, не ранѣе тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія въ Сибири или въ Пермской губерніи плохимъ полууставомъ, переходящимъ въ скоропись, небрежно, со множествомъ орѳографическихъ ошибокъ, а мѣстами до такой степени безграмотно, что трудно доискаться смысла.

здателя, во единъ часъ паде на лицо земли, аки сѣно подъ косою»[1]).

Начало Лаврентьева монастыря относится къ тридцатымъ годамъ прошлаго столѣтія. На Страстной недѣлѣ 1735 года, полковникъ Сытинъ произвелъ такъназываемую «первую вѣтковскую выгонку». Сорокъ тысячъ бѣглыхъ великоруссовъ-старообрядцевъ, ушедшихъ отъ гоненій за литовскій рубежъ, силою оружія высланы были назадъ во владѣнія Анны Ивановны. Но высланы были не всѣ. Нѣкоторые изыскали способы укрыться отъ драгунскихъ и казачьихъ полковъ въ лѣсахъ, находившихся неподалеку отъ Вѣтки. Въ числѣ ихъ былъ инокъ Лаврентій. Преданіе говоритъ, что былъ онъ родомъ изъ Калуги, пришелъ еще во дни Петра I на Вѣтку, принялъ здѣсь иночество и, постригаясь, желалъ получить имя своего святого согражданина Лаврентія, Христа ради юродиваго, калужскаго чудотворца, которому, какъ увѣрялъ онъ свою братію, будто-бы приходился родственникомъ[2]). Не мало лѣтъ жилъ Лаврентій въ Вѣтковскомъ монастырѣ въ послушаніи у игумена Власія, былъ свидѣтелемъ и едва-ли даже не участникомъ пріема въ старообрядство епископа Епифанія. Избѣгнувъ высылки въ Россію, инокъ-схимникъ Лаврентій съ немногими изъ вѣтковской братіи удалился въ лѣсъ, на берега Узы, и здѣсь поставилъ келью и маленькую часовенку во имя Всемилостиваго Спаса лѣтомъ того же 1735 г., когда была произведена вѣтковская выгонка. Старообрядцы сходились къ Лаврентію, и черезъ немного

---

[1]) Письмо, подписанное буквами *г. и. П.* (грѣшный инокъ П.), и адресованное въ Петербургъ, Еленѣ Ивановнѣ Громовой, 14-го февраля 1848 года.

[2]) *Сказаніе о житіи и отчасти чудесъ преподобнаго отца нашего Викентія, иже на Новомъ Крупцѣ.* Тамъ объ этомъ родствѣ говорится утвердительно.

лѣтъ на мѣстѣ его келіи возникъ довольно людный монастырь, хотя и чрезвычайно бѣдный. Въ первые годы его существованія, пока еще вновь не заселились великорусскими выходцами «вѣтковскіе предѣлы», братія Лаврентія не столько ради подвига иноческаго, сколько ради нищеты невольной, питались нерѣдко дубовою корой да кореньями. Въ часовнѣ, кое-какъ срубленной изъ дубовыхъ деревьевъ, было всего шесть иконъ, принесенныхъ Лаврентіемъ изъ Калуги [1]). Не было на этихъ древнихъ, и потому уважаемыхъ старообрядцами иконахъ никакихъ украшеній, и только въ великіе праздники теплились передъ ними восковыя свѣчи; при обычной же, повседневной службѣ Лаврентій употреблялъ лучину. За то обитель отличалась строгостью устава и истинно-подвижническимъ житіемъ иноковъ. Бывали уклоненія отъ строгаго аскетическаго образа жизни, но рѣдко, и каждый разъ, какъ скоро кто-либо изъ братіи бывалъ замѣченъ въ уклоненіи отъ обительскихъ правилъ, его «смиряли нещадно». Если не внималъ онъ увѣщаніямъ настоятеля и братскаго собора, ставили его на поклоны; если и это не дѣйствовало, сажали на цѣпь въ подпольѣ; если же и на цѣпи инокъ не исправлялся, со срамомъ изгоняли его изъ монастыря, запрещая, подъ страхомъ немилосердныхъ побоевъ, близко подходить къ монастырской оградѣ.

Изъ пришедшихъ съ Лаврентіемъ Калужскимъ на берега Узы иноковъ, особенно отличался благочести-

---

[1]) Чуда Архангела Михаила въ Колоссаехъ, во имя котораго была устроена вторая часовня; потомъ икона эта стояла въ трапезной церкви, и ей бывалъ въ монастырѣ храмовой праздникъ 6-го сентября; Введенія во храмъ Богородицы, Срѣтенія Господня, Знаменія Богородицы. Остальныя двѣ иконы, принесенныя Лаврентіемъ, намъ неизвѣстны. Всѣ онѣ, сказываютъ, были искуснаго древняго письма и очень уважались старообрядцами. Гдѣ онѣ теперь—неизвѣстно. Едва-ли не въ Макаріевомъ единовѣрческомъ монастырѣ.

вою жизнію и строгими подвигами отшельничества нѣкто Викентій, инокъ-схимникъ, изъ Москвы пришедшій на Вѣтку еще въ первыхъ годахъ ея заселенія великорусскими выходцами. Лѣтъ черезъ пять по водвореніи старообрядской обители на берегахъ Узы, этотъ Викентій, съ благословенія Лаврентія, оставилъ ее ради вящшихъ подвиговъ и отошелъ на пустынножительство поближе къ тогдашней русской границѣ, къ литовскому рубежу, какъ тогда говорилось въ Россіи. Здѣсь, вблизи Стародубья, неподалеку отъ старообрядской слободы Крупцовъ, въ горѣ ископалъ своими руками Викентій пещеру и поселился въ ней. Стали и къ нему стекаться старцы и вскорѣ подлѣ пещеры схимника устроили скитъ съ двумя часовнями и нѣсколькими кельями. Прошло еще немного времени, и кругомъ скитской ограды образовалась изъ пришедшихъ великоруссовъ старообрядская слобода, получившая названіе Новыхъ Крупцовъ. Слава пещернаго жителя и крѣпкаго «древляго благочестія» хранителя, строгость жизни въ его скитѣ, еще бо́льшая, чѣмъ въ монастырѣ Лаврентьевомъ, привлекали къ новому мѣстожительству старообрядскихъ подвижниковъ и пріобрѣли ему великое уваженіе со стороны ихъ единовѣрцевъ. Вскорѣ Лаврентьевъ монастырь въ сравненіи съ обителью Викентія показался «жительствомъ слабымъ». И былъ онъ еще въ большей бѣдности, еще бо́льшую нищету и нужду терпѣли духовныя чада Викентія, чѣмъ братія, собранная Лаврентіемъ.

Въ такой же бѣдности, но и въ такой же славѣ подвижничествомъ оставались другіе старообрядскіе монастыри того края: Макаріевъ-Терловскій, устроенный около 1750 года, въ 32 верстахъ отъ Лаврентьева, инокомъ Макаріемъ, пришельцемъ изъ Верен,—Пахоміевъ, заведенный около 1760 также великорусскимъ выходцемъ, но не знаемъ изъ какого города, инокомъ

Пахоміемъ, и Асаховъ скитъ, построенный, одновременно съ Пахоміевымъ, старцемъ Іоасафомъ, пришедшимъ изъ города Гжатска. Асаховъ скитъ былъ неподалеку отъ Гомеля и назывался также Чолнскимъ или Чонскимъ, по урочищу «Чолнскій Обрывъ», на которомъ былъ построенъ.

Черезъ годъ послѣ того какъ воеводство Могилевское, въ которомъ находились названные старообрядскіе монастыри, было возвращено Россіи, умеръ Викентій Крупецкій. Собранный имъ скитъ неминуемо долженъ бы былъ уничтожиться самъ собою, ибо подъ русскимъ владычествомъ нельзя было разводить раскольничьихъ скитовъ, какъ водилось это при польскихъ короляхъ; при томъ же не осталось въ Крупцахъ послѣ Викентія ни единаго старца, который бы, равняясь покойному, могъ продолжать его дѣло. Особое обстоятельство поддержало однако Крупцы, хотя и не надолго. Изсохшее, изможденное долговременнымъ постомъ, молитвами, ношеніемъ тяжелыхъ веригъ, копаніемъ стосаженнаго коридора въ горѣ, тѣло столѣтняго почти Викентія, находясь въ холодной, но сухой пещерѣ, не предавалось тлѣнію. Скитники стали разглашать о святости почившаго своего настоятеля, и пошла по старообрядству громкая молва, что просвѣтилъ Господь своею милостію богоспасаемые Новые Крупцы, явилъ вѣрующимъ новоявленныя мощи угодника своего, инока схимника Викентія. Останки его крупецкіе скитники положили въ деревянную раку и поставили ее въ той самой пещерѣ, гдѣ подвизался онъ въ молитвенныхъ подвигахъ. Толпы богомольцевъ изъ старообрядскихъ слободъ сосѣдняго Стародубья одна за другой потекли на поклоненіе мощамъ преподобнаго Викентія Крупецкаго. Въ пещерѣ ежедневно пѣлись панихиды съ утра до вечера. Богомольцы брали изъ пещеры песочекъ, а изъ пещернаго, ископаннаго

руками Викентія колодца—воду. То и другое, считая за цѣльбоносную святыню, разносили по домамъ. Пошли толки о чудотвореніяхъ, бывающихъ у раки новаго угодника. Кто-то составилъ, впрочемъ довольно безтолково, а мѣстами и безграмотно: *Сказаніе о житіи и отчасти чудесъ преподобнаго отца нашего Викентія иже на Новомъ Крупцѣ*, гдѣ, по подобію старинныхъ «Прологовъ» и «Патериковъ», разсказывалось о подвигахъ Викентія, о крѣпкомъ его состояніи въ «древлемъ благочестіи», о примѣрахъ его прозорливости и даже о томъ, какъ онъ пророчествовалъ и какъ однажды, находясь послѣ долговременной молитвы въ состояніи восторженности духа, имѣлъ будто бы видѣнія. Но не долго чествовались старообрядцами Викентіевы мощи. Извѣстіе о нихъ дошло до Петербурга

Свѣдалъ про нихъ черниговскій архіерей Ѳеофилъ (Игнатовичъ). Священникъ приходской церкви въ селѣ Денисковичахъ [1]), Иванъ Еланскій, въ 1774 году донесъ ему, что «въ слободѣ Крупцѣ, близъ часовни, жившій въ выкопанной въ горѣ келіи старецъ именемъ Викентій (который какъ умеръ другой годъ) крупецкими раскольниками сысканъ, гдѣ и нынѣ оное тѣло лежитъ, о коемъ раскольники по раскольническимъ слободамъ разгласили, якобы тотъ старецъ Викентій, чрезъ ихъ раскольническую вѣру, въ святость пришелъ, и ходя изъ окольныхъ бѣлорусскихъ и раскольническихъ слободъ, тому тѣлу поклоняются» [2]). Несмотря на то, что Крупецъ и другія бѣлорусскія старообрядческія слободы находились въ области архіепископа могилевскаго, знаменитаго Георгія Конисскаго, черни-

---

[1]) Новозыбковскаго уѣзда Черниговской губерніи, при рѣчкѣ Адамовкѣ, въ 30 верстахъ отъ Чернигова, въ 15 отъ Новозыбкова.

[2]) *Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству св. синода*, I. 681—682.

говскій архіерей счелъ правильнымъ представить отъ себя святѣйшему синоду доношеніе священника Еланскаго. Синодъ 31-го августа 1775 года сдѣлалъ по рапорту архіерея слѣдующее постановленіе: «надлежитъ въ пещерѣ, въ которой раскольническія мощи лежатъ, отъ свѣтской команды приставить караулъ, и какое тамъ найдется мертвое тѣло, оное при опредѣленныхъ отъ епархіальнаго архіерея [1]) духовныхъ персонахъ, освидѣтельствовать, а потомъ оное зарыть въ землѣ, въ другомъ мѣстѣ, гдѣ бы раскольники знать и, вырывъ, обратно взять къ себѣ не могли, о семъ узнавъ предварительно, разглашаемыя ложныя мощи скрыть, то благоволилъ бы правительствующій сенатъ къ сему принять надлежащія мѣры, а при томъ бы и о раскольническихъ монастыряхъ, церквахъ и часовняхъ учинить подлежащее опредѣленіе и какое объ ономъ правительствующаго сената опредѣленіе послѣдуетъ, о томъ, святѣйшій синодъ увѣдомить» [2]).

«Свѣтская команда распорядилась нѣсколько иначе относительно Викентіева тѣла и Викентіева скита. Черниговской епархіи «духовныя персоны» (едва-ли не тотъ-же священникъ Иванъ Еланскій) довели до свѣдѣнія той свѣтской команды, что безъ малаго сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ происходила подобная же «коммиссія о ложно вымышленныхъ раскольниками мощахъ», что полковникъ Сытинъ во время первой вѣтковской выгонки отпустилъ было съ выселявшимися въ Стародубье раскольниками гробы съ ложными раскольничьими мощами Іоасафа, Ѳеодосія, Александра и Антонія, но что по повелѣнію императрицы Анны близъ Нов-

---

[1]) То-есть, казалось бы, могилевскаго архіерея, Георгія Конисскаго.

[2]) *Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода*, I. 682.

города Сѣверскаго тѣ гробы публично были вскрыты, и ложныя мощи сожжены. Примѣръ этотъ «свѣтскою командой» былъ принятъ за основаніе. Викентіево тѣло сожгли, пещеру зарыли, скитъ разрушили, скитниковъ розослали по мѣстамъ ихъ ревизской приписки. Но жгли останки Викентія, вѣроятно, не секретно; въ потухшемъ кострѣ старообрядцы отыскали обгорѣлыя кости, и кромѣ ихъ будто-бы оставшееся цѣлымъ сердце сожженнаго и даже часть его срачицы. Устроивъ изъ бѣлой жести небольшой ящикъ по подобію раки, они благоговѣйно положили въ него собранные останки и тайно передали ихъ въ болѣе безопасное мѣсто—братіи Лаврентьева монастыря. Молва о находящихся въ этомъ монастырѣ «святыхъ мощахъ» черезъ нѣсколько лѣтъ распространилась по бѣлорусскимъ старообрядческимъ слободамъ, а оттуда достигла до Стародубья и другихъ мѣстъ. Стали стекаться на поклоненіе Викентію въ Лаврентьевъ, какъ стекались дотолѣ въ Новые Крупцы. По отдаленнымъ мѣстамъ даже распространенъ былъ слухъ, что сожгли не трупъ Викентія, а самаго его заживо. Стали за то Викентія чтить страстотерпцемъ. Черезъ нѣсколько времени къ *Сказанію о житіи* его прибавленъ написанный напыщеннымъ и широковѣщательнымъ слогомъ искаженный разсказъ о томъ, какъ черниговскій архіерей Ѳеофилъ будто бы пыталъ, билъ кнутомъ и наконецъ сожегъ живьемъ Викентія за его крѣпость въ «древлемъ благочестіи». Разсказъ этотъ особенно сильно распространялся въ мѣстахъ отдаленныхъ, напримѣръ между сибирскими раскольниками. Прошли десятки лѣтъ, и въ самыхъ слободахъ бѣлорусскихъ нѣкоторые стали выдавать за непреложную истину сказку о томъ, что будто-бы въ Новыхъ Крупцахъ черниговскій архіерей живьемъ жегъ преподобнаго пещерника Викентія. Таковы были послѣдствія ревности не по разуму черни

говскихъ «духовныхъ персонъ» и слѣпого» усердія посланной въ комиссію «свѣтской команды». Безъ сомнѣнія, извѣстіе о томъ какъ поусердствовали надъ Викентіемъ духовныя персоны и свѣтская команда—до свѣдѣнія императрицы Екатерины не дошло. Не въ ея духѣ были такія распоряженія, положительно вредныя, ибо они-то и поддерживаютъ болѣе всего силу раскола

Въ іюлѣ 1775 года, пышно торжествуя въ Москвѣ славный Кучукъ-Кайнарджискій миръ, Екатерина пожаловала фельдмаршалу Румянцеву двѣнадцать наградъ, въ томъ числѣ «для увеселенія его—деревню въ пять тысячъ душъ въ Бѣлоруссіи». Эта деревня была мѣстечко Гомель съ 293 тысячами десятинъ земли, на которой, между многочисленными поселеніями бѣлоруссовъ, находились старообрядческія слободы и монастыри Лаврентьевъ, Макаріевъ, Пахоміевъ и Асаховъ или Чолнскій. Новый владѣлецъ Гомельскаго имѣнія благосклонно отнесся къ старообрядцамъ «своимъ подданнымъ», какъ онъ выражался, и постоянно покровительствовалъ ихъ монастырямъ. Вскорѣ по поступленіи этихъ монастырей во владѣніе кагульскаго героя умеръ Лаврентій, достигнувъ преклонной старости [1])

Старообрядцы разсказываютъ, что когда вокругъ смертнаго одра его собралась рыдающая братія, онъ благословилъ инока Ѳеофилакта быть по себѣ игуменомъ и всѣхъ обязалъ клятвой неуклонно и строго соблюдать заведенный имъ въ монастырѣ порядокъ и навсегда сохранить суровый уставъ иноческаго житія, введенный имъ при первоначальномъ поселеніи не берегахъ Узы. Связавъ такою клятвой иноковъ и бѣльцовъ, умирающій будто бы въ пророческомъ духѣ сказалъ: «Се нынѣ, отходя свѣта сего, могу съ Богопріимцемъ рещи:

---

[1]) Около 1778 года. Погребенъ въ Лаврентьевомъ монастырѣ.

Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, съ миромъ, яко видѣста очи моя спасеніе людей Твоихъ. Великій бояринъ, владѣтель мѣстъ сихъ, васъ безпечальныя сотворитъ и тѣмъ содѣлаетъ спасеніе ваше и святой обители сей. И богатство пріидетъ къ вамъ, братія, принесетъ же его нѣкій юноша, жившій съ нами и суеты ради міра отшедшій инуду». Пророчество Лаврентія сбылось. Дѣйствительно, Задунайскій и сыновья его покровительствовали обители. Дѣйствительно, жившій нѣкогда въ Лаврентьевой обители, купецъ Морозовъ въ 1832 году, почти столѣтнимъ старикомъ, возвратился въ покинутую въ юношествѣ обитель и до ста тысячъ рублей употребилъ на ея украшеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что сказаніе о предсмертной въ пророческомъ духѣ бесѣдѣ Лаврентія съ братіей составилось въ позднѣйшее время, когда уже оправдались мнимыя его прореченія. Особенно сомнительнымъ кажется намъ подлинность этого пророчества потому, что о немъ не сохранилось преданій ни въ самомъ Лаврентьевѣ монастырѣ, ни, сколько намъ извѣстно, у старообрядцевъ Петербурга, Москвы, Стародубья, Керженца и Иргиза. Сохраняется оно въ Пермской губерніи и въ Сибири и приписано къ тому самому *Сказанію о житіи Викентія*, въ которомъ разсказывается и о мнимомъ сожженіи его живымъ. Вѣроятно, это прибавочное сказаніе составлено въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія какимъ-нибудь выходцемъ изъ Лаврентьева монастыря въ сибирскіе или пермскіе предѣлы. По смерти Румянцевыхъ и Морозова, досужему уму легко было изобрѣсть пророчество Лаврентія на смертномъ одрѣ его. Упомянемъ еще объ одномъ сказаніи, заимствуя его изъ той-же сибирской раскольничьей рукописи. Умирающій Лаврентій завѣщалъ преемнику Ѳеофилакту возвратить останки Викентія въ Новые Крупцы. Это было исполнено, и дѣйствительно, жестяная рака

съ ними сохранялась въ Крупцахъ до 1838 года. Это извѣстно изъ дѣлъ офиціальныхъ.

Съ тѣхъ поръ какъ Румянцевъ-Задунайскій сдѣлался владѣльцемъ Гомельскаго имѣнія, для тамошнихъ старообрядскихъ монастырей настало золотое время. Подъ его защитой и покровительствомъ положеніе Лаврентьевой и другихъ обителей значительно улучшилось. Въ 1775 году гомельскіе старообрядцы, съ дозволенія фельдмаршала, устроили новые монастыри въ его владѣніяхъ, какъ, напримѣръ, женскій въ Спасовой слободѣ, составляющей какъ-бы предмѣстье Гомеля. Всѣ монастыри, находившіеся на земляхъ Задунайскаго надѣлены были имъ пахатными землями и сѣнокосами и получили право свободнаго въѣзда въ лѣса Гомельской экономіи, гдѣ могли рубить не только дровяной, но и строевой лѣсъ. Боръ вокругъ Лаврентьева монастыря самимъ владѣльцемъ сдѣланъ былъ заповѣднымъ. Игуменъ Ѳеофилактъ пользовался особеннымъ расположеніемъ кагульскаго героя и нерѣдко бывалъ у него въ Вишенкахъ. Здѣсь, въ бесѣдахъ съ фельдмаршаломъ, любившимъ богословскіе предметы, и съ покровительствуемымъ имъ Никодимомъ, впослѣдствіи основателемъ единовѣрія, Ѳеофилактъ, говорятъ, склонялся было къ сближенію съ церковью и изъявлялъ личное желаніе принять въ свой монастырь правильно и зависимаго отъ православнаго епископа священника. Но братія лаврентьевскаго упорно стояла на своемъ «древлемъ благочестіи», и водвореніе въ Лаврентьевомъ монастырѣ единовѣрія не состоялось. Зато монастырь Чолнскій принялъ его около 1800 года.

Въ декабрѣ 1796 года умеръ Задунайскій, и Гомельское имѣніе досталось старшему его сыну, графу Николаю Петровичу, впослѣдствіи канцлеру Россійской Имперіи. Гомель сдѣлался любимымъ его имѣніемъ, и графъ великолѣпно устроилъ его. Бывая въ Гомелѣ (а

онъ рѣдкій годъ не бывалъ въ немъ), графъ Румянцевъ непремѣнно посѣщалъ своихъ «подданныхъ», облеченныхъ въ камилавки и кафтыри. Въ Лаврентьевѣ и другихъ монастыряхъ встрѣчали его съ царскими, можно сказать, почестями. Заблаговременно извѣщенная о приближеніи знаменитаго гостя, монастырская братія выходила за ограду, встрѣчала графа съ колокольнымъ звономъ и пѣніемъ духовныхъ пѣсенъ. Навстрѣчу посѣтителю выносились кресты, иконы, хоругви, зажженныя свѣчи. Румянцевъ, приложась ко кресту, обыкновенно входилъ съ пѣніемъ иноковъ въ часовню, прикладывался къ образамъ и затѣмъ отправлялся къ настоятелю. Иногда принималъ участіе и въ братской трапезѣ. Можно представить, какое впечатлѣніе производили на старообрядцевъ, особенно жившихъ въ отдаленныхъ отъ Бѣлоруссіи краяхъ, такія посѣщенія ихъ монастырей столь важнымъ государственнымъ сановникомъ. Нимало не удивительно, что въ кругу старообрядскомъ и доселѣ есть старики, полагающіе за несомнѣнное, будто канцлеръ самъ придерживался «старой вѣры». Чѣмъ же инымъ, говорятъ они, можно объяснить то великое участіе, которое графъ Николай Петровичъ принималъ во всемъ относящемся до Лаврентьева и другихъ на его землѣ устроенныхъ монастырей? Онъ былъ ктиторомъ ихъ и втайнѣ придерживался «древляго благочестія». Одно то обстоятельство, что онъ пожертвовалъ въ Лаврентьевъ монастырь «походную икону» своего знаменитаго родителя, съ которою онъ подвизался противъ турокъ, не служитъ ли, говорятъ они, тому доказательствомъ?

Конечно, нельзя допустить, чтобы покойный канцлеръ былъ дѣйствительно раскольникомъ. Ни воспитаніе его, ни вся молодость его, проведенная заграницей среди дипломатовъ, ни отношенія его къ пастырямъ православной церкви не дозволяютъ ни на ми-

нуту сомнѣваться въ томъ, что онъ никогда не былъ раскольникомъ. Тѣмъ не менѣе въ извѣстныхъ намъ правительственныхъ архивахъ сохранились слѣды о странномъ покровительствѣ его старообрядскимъ монастырямъ, которое до нѣкоторой степени не можетъ не казаться загадочнымъ. Такъ, напримѣръ, въ августѣ 1838 года могилевскій губернаторъ Марковъ нашелъ въ Лаврентьевѣ монастырѣ довольно богатую ризницу, въ которой особенно замѣчательна была «небольшая старинная икона, въ позлащенномъ окладѣ, принесенная въ даръ канцлеромъ графомъ Н. П. Румянцевымъ и извѣстная подъ именемъ *походной*. Таковыя же иконы Румянцевъ принесъ и во всѣ прочіе монастыри и часовни, находившіеся въ Гомельскомъ его имѣніи».

Канцлеръ, тотчасъ какъ получилъ по смерти родителя Гомельское имѣніе, оказалъ особенное покровительство Лаврентьеву монастырю. Вскорѣ послѣ смерти Лаврентьева преемника, игумена Ѳеофилакта, когда монастырская братія была занята избраніемъ ему преемника, пріѣхалъ въ монастырь мѣстный коммиссаръ [1]) Харкевичъ и вмѣшался въ выборы. Произошли пререканія, за которыми послѣдовали угрозы коммиссара запечатаніемъ часовни и келій, разогнаніемъ иноковъ и даже гнѣвомъ недавно передъ тѣмъ воцарившагося императора Павла... Харкевичъ упомянулъ даже про кибитки, въ которыхъ повезутъ лаврентьевскихъ монаховъ въ Сибирь... Монахи перепугались и написали слезно-жалобное письмо къ своему «милостивому благодѣтелю и отцу» графу Н. П. Румянцеву, прося его защиты. Отвѣтное письмо къ Шустову, гомельскому казнохранителю, управлявшему въ то время всѣмъ Румянцевскимъ имѣніемъ, и подписанное самимъ Ру-

---

1) Въ родѣ нынѣшняго станового пристава

мянцевымъ, сохраняется доселѣ въ архивныхъ дѣлахъ, Вотъ оно:

«Яковъ Шустовъ! Съ полученія сего имѣешь объявить старообрядческаго Лаврентьева монастыря инокамъ, что я письмо ихъ получилъ и сожалѣю о смерти начальника ихъ Ѳеофилакта, тѣмъ болѣе, что онъ былъ, кажется, добрый и тихій человѣкъ. Но что-жь касается до жалобы ихъ въ притѣсненіи коммиссара Харкевича, то увѣрь ихъ, что оныя кончились отрѣшеніемъ, по достоинству, за произведенные имъ наглые и дерзкіе поступки, чрезъ причиненіе *моимъ подданнымъ* обидъ,— отъ должности. А на мѣсто его опредѣленъ коммиссаромъ Семковскій [1]) человѣкъ, по опытности знающій порядокъ, также и хранящій справедливость; слѣдовательно ожидать должны, что посредствомъ его не токмо они, но и всѣ *мои подданные* будутъ совершенно защищены отъ всякихъ угнетаній. 11-го апрѣля 1798 г. *Графъ Николай Румянцевъ*» «Получено мая 6-го дня 1798 года» [2]).

Самъ могилевскій губернаторъ получилъ при этомъ немалыя непріятности. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе

---

[1]) Полякъ-католикъ.

[2]) Это письмо графа Румянцева, съ другими подобными документами и съ разными денежными актами и долговыми обязательствами къ Лаврентьеву монастырю разныхъ старообрядцевъ Огороденской волости Гомельскаго (прежде Бѣлицкаго) уѣзда, тщательно сохранялось въ ризницѣ Лаврентьева монастыря. По упраздненіи его въ 1844 году, присланные правительствомъ чиновники ихъ не нашли, и десять лѣтъ всѣ полагали, что эти документы пропали. Впослѣдствіи оказалось, что ихъ вмѣстѣ съ мощами Викентія тайно взялъ съ собой послѣдній лаврентьевскій игуменъ, инокъ Аркадій (Шапошниковъ), впослѣдствіи экзархъ некрасовскій и епископъ славскій. Бумаги эти найдены въ 1854 году, чиновникомъ особыхъ порученій при бывшемъ харьковскомъ генералъ - губернаторѣ Кокошкинѣ, штабсъ-ротмистромъ Родзянко, во время обыска, произведеннаго имъ въ городѣ Черкасахъ, Кіевской губерніи, въ тамошнемъ женскомъ старообрядческомъ монастырѣ, въ келіи родной сестры Шапошникова, вдовы Анны Родіоновны Бѣликовой. Теперь онѣ хранятся въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

сорока почти лѣтъ, Лаврентьевъ и другіе монастыри, находившіеся на землѣ Румянцева, были какъ-бы изъяты отъ вѣдѣнія уѣздной и губернской администраціи.

Графъ Румянцевъ, заботясь о порядкѣ въ «своихъ» старообрядскихъ монастыряхъ и о твердомъ храненіи въ нихъ иноческаго устава, силою помѣщичьей власти а несравненно болѣе силою своего государственнаго значенія, распоряжался, ничѣмъ не стѣсняясь. Онъ изгонялъ изъ монастырей пришедшихъ со стороны раскольниковъ, если они чѣмъ-нибудь провинились передъ игуменомъ обители и передъ соборомъ монастырскимъ. Онъ приказывалъ тѣлесно наказывать монаховъ и бѣльцовъ, находившихся въ крѣпостной отъ него зависимости. Онъ самолично, или чрезъ управлявшаго Гомельскимъ имѣніемъ г. фонъ-Фока, разбиралъ монастырскія ссоры и неурядицы и строго наблюдалъ за непорочностью инокинь и бѣлицъ Спасовой слободы. Нѣмецъ фонъ-Фокъ [1]) переписывался по духовнымъ дѣламъ съ лаврентьевскимъ игуменомъ Симеономъ, и немного, конечно, смысля въ дѣлѣ раскола, пускался въ курьезныя разсужденія о правилахъ старообрядскаго житія, выдумывая при удобномъ случаѣ изъ своей головы небывалыя изреченія апостола Павла. Г. фонъ-Фокъ до того простеръ заботу о цѣломудріи разгульныхъ бѣлицъ и инокинь Спасовой слободы, что возвелъ въ санъ игуменьи дѣвичьяго монастыря инока, не принявъ во вниманіе, что избранная по его административнымъ соображеніямъ игуменья принадлежитъ не къ тому полу [2]).

---

[1]) Г. фонъ Фокъ впослѣдствіи былъ директоромъ особой канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ и завѣдывалъ дѣлами о раскольникахъ. Потомъ, въ началѣ царствованія императора Николая, былъ первымъ управляющимъ III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи.

[2]) Собственноручное письмо г. фонъ-Фока взято у Анны Бѣликовой. Вотъ оно: «Лаврентьева монастыря начальнику отцу Симеону, Чрезъ

Подъ покровительствомъ Румянцева, гомельскіе старообрядскіе монастыри достигли цвѣтущаго состоянія, особенно Лаврентьевъ. Во всѣхъ монастыряхъ было болѣе двухъ сотъ человѣкъ братіи, въ женскомъ же до тридцати монахинь, не считая огромной вереницы непостриженныхъ дѣвокъ. И въ мужскихъ и въ дѣвичьемъ монастырѣ, въ надеждѣ на мощную защиту государственнаго канцлера, преспокойно жили бѣглые и безпаспортные. Земская полиція Бѣлицкаго уѣзда не рѣшалась ихъ преслѣдовать, вѣроятно памятуя участь коммиссара Харкевича. Даже не на земляхъ Румянцева въ Бѣлицкомъ уѣздѣ привольно было жить

пятигодичное мое въ Гомелѣ пребываніе не вижу порядка, кромѣ разстройства, въ дѣвичьемъ слободы Спасовой монастырѣ, какъ монахини съ прочими бѣлицами безпорядочно жительствуютъ и принимаютъ къ себѣ различнаго рода бродягъ, за что въ прекращеніе ихъ своевольства не имѣющія надъ собой настоящей начальницы! За что я опредѣляю оный монастырь дѣвичій подъ ваше смотрѣніе и вѣдѣніе, дабы вы опредѣлили къ нимъ строгаго и честнаго поведенія монаха, который бы ихъ соблюдалъ и увѣщевалъ къ порядкамъ и житію законному, яже пишетъ (?) апостолъ Павелъ: «подобаетъ монахинямъ благоговѣйно, въ тихости, кротости, воздержаніи, въ постѣ и молитвахъ, а не въ пьянствѣ и злоглаголаніи». Но я васъ закону и обряду вашему не учу и не запрещаю, а какъ вы о законахъ сами учены, извѣстны, такъ и его наблюдайте и моленіе свое къ Богу простирайте. Во вторыхъ апостолъ Павелъ вопіетъ (?): «аще кто повинуется власти земной, той и повинуется Богу, аще кто противится власти земной, той противится и Богу». Но я вамъ вкрадцѣ (sic) пишу, за то, что вы о законахъ сами извѣстны. Безпорочное и Богу угодное житіе ваше, устройство и порядокъ, которое въ монастырѣ, вами управляемомъ, существуетъ, кротость, поведеніе и строгое ваше наблюденіе правилъ монашескихъ удостовѣряютъ меня, что вы возстановите въ дѣвичьемъ монастырѣ такой же порядокъ къ благоугодности Божіей и въ повиновеніи святыхъ Его заповѣдей. Еслижь бы вы, сверхъ чаянія моего, на обузданіе развращенныхъ и на приведеніе ихъ въ послушаніе, нужна быть могла власть свѣтская или помѣщичья, то извольте отнестись ко мнѣ или казнохранителю Шустову, коему надзоръ отъ меня порученъ, и ожидайте во всѣхъ случаяхъ, гдѣ къ порядку и устройству клонится, моего безпрекословнаго содѣйствія. *Іаковъ Фокъ*. Марта 9-го дня «1804 года, № 437». Курьезный документъ этотъ хранится въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

старообрядцамъ: въ началѣ нынѣшняго столѣтія неподалеку отъ Гомельскаго имѣнія устроился новый поповщинскій монастырь—Никольскій. Онъ заведенъ былъ въ имѣніи пана Поцѣя, помѣщика польскаго происхожденія.

Чѣмъ же объяснить такое покровительство графа Румянцева старообрядству? Знавшіе лично канцлера объясняютъ это очень просто. Графъ, собравшій (преимущественно у старообрядцевъ) драгоцѣнное собраніе старинныхъ русскихъ рукописей, находящихся нынѣ въ Московскомъ музеѣ, несмотря на огромное состояніе, несмотря на то, что у него не было потомства, былъ неимовѣрно скупъ. Такъ онъ Калайдовичу за такой трудъ, какъ *Іоаннъ экзархъ Болгарскій*, заплатилъ только 25 р. ассигнаціями; такую же плату получали отъ него и другіе составители и переводчики издаваемыхъ имъ книгъ. Ограждая «своихъ подданныхъ» старообрядцевъ, покровительствуя имъ, принося въ даръ ихъ монастырямъ родовыя иконы, Румянцевъ за безцѣнокъ, а большею частію и совсѣмъ даромъ пріобрѣлъ драгоцѣнное собраніе. Старообрядцы Лаврентьева и другихъ монастырей, посредствомъ своихъ агентовъ, повсюду собирали древнія рукописи и дарили ихъ могущественному покровителю.

По смерти Ѳеофилакта игуменомъ Лаврентьева монастыря избранъ Симеонъ (1797 г.), пользовавшійся большимъ уваженіемъ старообрядцевъ не только мѣстныхъ, но и отдаленныхъ. Особенно онъ былъ уважаемъ въ Петербургѣ. Былъ онъ уроженецъ города Ржева, пришелъ въ Лаврентьевъ монастырь еще въ молодости и прожилъ тамъ до преклонныхъ лѣтъ. Пользуясь особеннымъ покровительствомъ графа Румянцева, этотъ домостроительный игуменъ успѣлъ довести бѣдный до того монастырь до цвѣтущаго состоянія.

Въ Лаврентьевѣ монастырѣ была построена обшир-

ная холодная церковь, во имя Живоначальныя Троицы, деревянная на каменномъ фундаментѣ, о шести куполахъ. Рядомъ съ ней стояла колокольня къ колоколами и башенными часами съ боемъ. Другая часовня во имя Срѣтенія Господня, теплая, и при ней трапеза или келарня стояли неподалеку. Кромѣ того, въ оградѣ монастыря находились: большой домъ для настоятеля, семнадцать братскихъ келій, хлѣбный амбаръ, два сарая, конюшня—все деревянное. За оградою рига и другія хозяйственныя постройки. Все это построено при графѣ Николаѣ Петровичѣ Румянцевѣ и съ его разрѣшенія.

«Лаврентьевъ монастырь,—говоритъ въ своей запискѣ покойный В. А. Алябьевъ, бывшій въ немъ передъ самымъ закрытіемъ,—стоитъ на полуостровѣ образуемомъ рѣкою Узой, за которою на нѣсколько верстъ тянутся непроходимые болота и лѣса. Черезъ рѣку положены «кладки» [1], черезъ которыя раскольники при появленіи полицейскаго чиновника [2]) усылаютъ бродягъ и бѣглыхъ въ прилегающіе лѣса и болота. Этотъ монастырь самъ по себѣ, какъ и всѣ уединенныя мѣста, внушаетъ чувство благоговѣнія. Древность его, преданія, жизнь, повидимому, довольно строгая, дряхлыхъ и въ преклонныхъ лѣтахъ находящихся иноковъ—запечатлѣли въ народѣ это благоговѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ расширили молву о святости мѣста. Изъ Москвы, съ Дону и изъ отдаленныхъ губерній спѣшили усердствующіе и набожные раскольники приносить сюда дары. Приношеніе одного московскаго купца, который умеръ въ этомъ монастырѣ инокомъ, простиралось въ недавнемъ времени, по словамъ монастырскихъ жителей, до пятидесяти тысячъ рублей

---

[1]) Узенькіе безъ перилъ мосточки.
[2]) Это писано черезъ 13 лѣтъ по смерти канцлера Румянцева.

ассигнаціями [1]). Скопленное такими приношеніями богатство доказывается нынѣ, при всемъ умаленіи подаяній, многоцѣнною ризницей, образами въ дорогихъ окладахъ, изъ коихъ нѣкоторые стóятъ. по словамъ иноковъ же, отъ трехъ до пяти тысячъ рублей ассигнаціями, постройкой деревяннаго зданія подъ названіемъ «ризницы» [2]) и новыхъ келій вмѣсто сгорѣвшихъ отъ бывшаго въ монастырѣ пожара и, наконецъ, найденными въ монастырѣ хлѣбными запасами (1.000 четвертей). Такимъ образомъ знаменитость монастыря укоренилась, вліяніе его на народную массу усилилось до того, что онъ бралъ преимущество не только надъ

---

[1]) Здѣсь дѣйствительный статскій совѣтникъ Алябьевъ разумѣетъ Іоасафа Морозова, о которомъ было упомянуто выше и впереди будетъ сказано. Но монахи въ разговорахъ съ чиновникомъ министра (Алябьевымъ), уменьшили стоимость Морозовскаго вклада. Жившіе въ то время въ Лаврентьевомъ монастырѣ, теперь единовѣрческіе иноки, и московскіе старообрядцы. знающіе хорошо дѣло своей общины, единогласно утверждаютъ. что Морозовъ изъ своего милліона десятую долю отдалъ на монастырь.

[2]) Это трапезная церковь во имя Чуда Архангела Михаила иже въ Колосаехъ. Пожаръ былъ послѣ 1827 года, когда воспрещены новыя постройки и даже починки раскольническихъ часовенъ и молельныхъ. Поэтому лаврентьевскій игуменъ Аркадій, извѣщенный заблаговременно исправникомъ-католикомъ о пріѣздѣ министерскаго чиновника (Алябьева), вынесъ изъ трапезной церкви всю утварь, составляющую принадлежность церкви, и обратилъ такимъ образомъ храмъ въ ризницу. Въ этой ризницѣ хранились шесть иконъ, присланныхъ изъ Калуги основателемъ монастыря, его *Псалтирь*, по которой онъ молился, и другія его богослужебныя книги, считавшіяся святынею; икона Ржевской Богородицы. принесенная игуменомъ Симеономъ, которой въ Лаврентьевѣ монастырѣ праздновали, и другія вещи. Ризъ священническихъ парчевыхъ въ ризницѣ было 10, полупарчевыхъ 13, матерчатыхъ 31, всего 54; стихарей 29. Все это заимствовано нами изъ офиціальныхъ бумагъ, находящихся въ правительственныхъ архивахъ, гдѣ находится и подлинная записка Алябьева. Копію съ нея, нѣсколько отличную отъ офиціальной записки (только въ нѣкоторыхъ лишь выраженіяхъ) получили мы лично отъ В. А. Алябьева въ 1849 году на Керженцѣ, гдѣ, вмѣстѣ съ покойнымъ, приводили въ извѣстность тогдашнее состояніе знаменитыхъ нѣкогда скитовъ Керженскихъ и Чернораменскихъ.

другими монастырями Бѣлицкаго уѣзда, но и надъ находящимися въ слободахъ смежной Черниговской губерніи. Словомъ, Лаврентьевъ монастырь сдѣлался соборомъ раскольниковъ. Монахи-мѣщане [1])—это бывшіе купцы. Они принесли съ собой значительные капиталы, остающіеся въ ихъ рукахъ до смерти, а потомъ поступающіе въ собственность монастыря. Всѣ они занимаются собственнымъ хозяйствомъ и свойственнымъ каждому ремесломъ. Продавая свои произведенія въ Гомелѣ, куда отлучаются по своей волѣ, они все добытое ими не отдаютъ въ общую братскую кассу, но оставляютъ для себя. Избранный ими настоятель обязанъ кормить ихъ, одѣвать, оплачивать за нихъ подати и ходатайствовать у мѣстнаго начальства за ихъ проступки, что и исполнялъ, дабы сохранить свое званіе, употребляя для сего два средства: приношенія усердствующихъ и разсылку по разнымъ губерніямъ иноковъ для сбора подаяній. Всѣ собранныя такимъ образомъ деньги настоятель расходуетъ безотчетно, равно и сборщики подаяній отдаютъ набранное настоятелю тоже безотчетно. Здѣсь каждый молчитъ, хотя мысленно и увѣренъ въ обманѣ, въ которомъ каждый участвовалъ или надѣется, въ свою очередь, когда-нибудь участвовать. Столь обезпеченное состояніе иноковъ, при собственномъ каждаго достояніи, доставляетъ жителямъ монастыря жизнь спокойную, независимую, съ неограниченною волей каждому дѣлать все что хо-

---

[1]) При закрытіи Лаврентьева монастыря, изъ 36 монаховъ и 6 бѣльцовъ было купцовъ 3-й гильдіи, записанныхъ по городу Бѣлицамъ, двое (монахъ Антоній 82 лѣтъ и бѣлецъ Алексѣй Филатьевъ, жившій съ 1832 года); мѣщанъ 19 монаховъ и два бѣльца. Этихъ мѣщанъ-монаховъ было: записанныхъ по городу Бѣлицамъ, по Кременчугу и Калугѣ по 5, по Москвѣ 3, по городамъ Рѣчицѣ, Новозыбкову, Новогеоргіевску, Николаеву и Бендерамъ, и по посадамъ Добрянкѣ и Клинцамъ по одному. Бѣльцовъ-мѣщанъ было два бѣлицкихъ, одинъ екатеринославскій и одинъ рогачевскій. Всѣ они изъ купеческихъ фамилій.

четъ, не отдавая никому отвѣта въ своихъ дѣйствіяхъ. На церковныхъ службахъ монахи и бѣльцы бываютъ, когда приходитъ имъ охота молиться» [1])

Онуфрій, бывшій епископъ браиловскій и намѣстникъ бѣлокриницкаго митрополита, а потомъ инокъ Николаевскаго единовѣрческаго монастыря въ Москвѣ, жившій нѣкоторое время въ Лавреньевѣ монастырѣ, разсказываетъ, что сборщики, о которыхъ сейчасъ шла рѣчь, бывало напередъ сторгуются съ игуменомъ— сколько дать ему по возвращеніи: половину или треть, а остальное удерживали въ свою пользу. Отправляясь въ путь, каждый сборщикъ напечетъ бывало просфоръ, насушитъ ихъ цѣлый мѣшокъ и пойдетъ съ нимъ странствовать по городамъ и деревнямъ, увѣряя старообрядцевъ, что онъ антидоръ раздаетъ. За эти просфоры собирали очень много денегъ отъ доброхотныхъ дателей. Нѣкоторые въ особыхъ ящикахъ разносили св. дары, но были-ли они дѣйствительно освящены или нѣтъ—это же оставалось на совѣсти сборщиковъ. Особенно отличался въ Лаврентьевѣ монастырѣ сборщикъ старецъ Исаакій: никто бывало столько не наберетъ денегъ как онъ, ибо имѣлъ большое знакомство съ зажиточными старообрядцами. Бывшій лаврентьевскій инокъ Іоакимъ Кашинъ [2]) однажды изъ одного Моршанска привезъ семь тысячъ рублей.

Пока живъ былъ канцлеръ Румянцевъ, не только полиція не имѣла въѣзда въ старообрядскіе монастыри Гомельскаго имѣнія, но и православное духовенство лишено было возможности дѣйствовать на монастырскихъ жителей путемъ духовно-нравственнаго убѣжденія. Января 2-го 1826 года канцлеръ умеръ, и моги-

---

[1]) В. А. Алябьевъ, *Записки о Лаврентьевомъ монастырѣ.*

[2]) Московскій мѣщанинъ Іванъ Петровичъ Кашинъ, постриженникъ Лаврентьева монастыря.

левскій архіепископъ Гавріилъ не замедлилъ посѣтить Лаврентьевъ монастырь. Это было лѣтомъ того же 1826 года. Старообрядскіе иноки встрѣтили его съ почетомъ: звонили въ колокола, вышли навстрѣчу съ пѣніемъ, съ иконами, свѣчами, съ хлѣбомъ-солью. Архіепископъ благосклонно отнесся къ инокамъ, осмотрѣлъ ихъ обитель и сталъ уговаривать принять единовѣріе. Семь монаховъ изъ самыхъ значительнѣйшихъ, и во главѣ ихъ Іаковъ, подписали актъ о присоединеніи къ православію на условіяхъ единовѣрія. Архіепископъ представилъ этотъ актъ въ Петербургъ, но присоединеніе не состоялось. Какъ-скоро уѣхалъ Гавріилъ, въ Лаврентьевѣ монастырѣ возникли ссоры и распри, были и драки, во время которыхъ побѣда оставалась, разумѣется, за болѣе многочисленными противниками Іакова. Симеонъ въ это время уже одряхлѣлъ и не могъ возстановить порядка. Полиція, дотолѣ не вмѣшивавшаяся въ дѣла Лаврентьева монастыря, начала въ немъ распоряжаться. Дѣло поведено было такъ, что неизбѣжная ссора монастырскихъ жителей представлена была въ видѣ «бунта Іакова». Говорили и писали, что Іаковъ подписался на предложенный архіепископомъ Гавріиломъ актъ единственно съ цѣлію получить прибыльное мѣсто игумена. Говорили, что Іаковъ подверженъ запою—это дѣйствительно за нимъ водилось. Лаврентьевскіе монахи распространили слухъ, будто Іаковъ запоемъ пилъ и въ то время, когда въ монастырѣ былъ архіепископъ. Отъ имени братства написано было слезное просительное письмо о защитѣ къ брату канцлера, графу Сергѣю Петровичу, которому досталось Гомельское имѣніе. Въ архивныхъ дѣлахъ есть указаніе, что, по его ходатайству, въ Петербургѣ дѣло о присоединеніи къ единовѣрію нѣкоторыхъ изъ лаврентьевской братіи было оставлено безъ послѣдствій. Старообрядцы ободрились, увидя, что и по смерти

канцлера не лишились они сильнаго покровительства. Іаковъ съ единомышленниками былъ изгнанъ изъ монастыря съ позоромъ. Послѣ онъ жилъ въ Никольскомъ монастырѣ (Полоса), что близъ посада Клинцовъ. По настояніямъ родныхъ сестеръ, старообрядскихъ инокинь, онъ оставался въ расколѣ и умеръ въ немъ.

Тридцать два года управлялъ Симеонъ монастыремъ Лаврентьевымъ (1797—1829), держалъ въ немъ строгій порядокъ и возвысилъ въ средѣ старообрядцевъ доброе о немъ мнѣніе. Не богатствомъ украшеній церковныхъ, не многолюдствомъ иночествующей братіи, какъ монастыри иргизскіе, стародубскіе и керженскіе, прославился въ Симеоново время Лаврентьевъ монастырь, но благоустройствомъ. Отдаленный отъ селеній, а что еще важнѣе—не имѣвшій въ сосѣдствѣ женскихъ монастырей, не представлялъ онъ возможности развиться въ монашеской средѣ разгулу, обыкновенно господствовавшему въ обителяхъ старообрядскихъ. Пьянство случалось, но далеко не столь безобразное, какъ, напримѣръ, на Иргизѣ. Безъ мѣры предававшихся этому пороку смиряли тѣлесными наказаніями, сидѣньемъ въ поварнѣ на цѣпи и даже изгнаніемъ изъ монастыря. Но не столько монастырскія наказанія, сколько боязнь гнѣва могущественныхъ покровителей обители, Румянцевыхъ, воздерживала отъ безпорядковъ лаврентьевскую братію. И въ другихъ старообрядскихъ монастыряхъ бывали игумены не хуже Симеона — люди благочестивые и строгіе, но никогда не могли они содержать безпастушную свою братію въ такомъ повиновеніи, какъ содержалъ ее Симеонъ; нигдѣ не могли такъ сохранить благочиніе, какъ сохранялось оно въ монастыряхъ Гомельскаго имѣнія. По сознанію самихъ старообрядцевъ, столь нерѣдко бывающія въ средѣ ихъ безчинія, безобразные поступки

и другія нарушенія устава, отъ буйства охмѣлѣвшихъ подвижниковъ до соблазнительныхъ споровъ и взаимныхъ клятвъ, которыми въ послѣднее время столь усердно обмѣниваются самые ихъ епископы, происходятъ единственно вслѣдствіе отсутствія сильной власти, власти законной,—власти зорко наблюдающей за поступками духовенства и монашества. При отсутствіи ея—своеволіе неизбѣжно, и средствъ уничтожить его нѣтъ. Для монастырей Гомельскихъ государственный канцлеръ представлялъ, если не законную, то весьма сильную и вліятельную власть. Достаточно было Симеону, возведенному графскою волей въ должность благочиннаго надъ всѣми старообрядскими гомельскими монастырями, сказать одно слово о нарушителѣ монастырскаго благочинія,—его немедленно постигала грозная кара могущественнаго Румянцева (или выгонятъ, или выпорютъ). Не говоря уже о безчиніяхъ въ монастыряхъ мужскихъ, въ самыя даже любовныя похожденія обитательницъ дѣвичьяго монастыря заботливо проникалъ всесмиряющій взоръ государственнаго канцлера, а ревностный поборникъ цѣломудрія читалокъ, нѣмецкій человѣкъ фонъ-Фокъ, съ свойственною племени его акуратностью спѣшилъ все привести въ должный порядокъ. При такой сильной поддержкѣ, лаврентьевскому игумену не трудно было сохранять благочиніе въ монастыряхъ, ввѣренныхъ его попеченію.

Въ послѣдніе годы своей жизни, устарѣлый Симеонъ только носилъ званіе игумена. Лѣта и заботы утомили дѣятельнаго нѣкогда старца. Особенно ослабили его прежнюю энергію горькія испытанія 1826 года: смерть графа Николая Петровича, затѣмъ такъ-называемый «бунтъ Іакова» и, наконецъ, строгость новыхъ правительственныхъ мѣръ относительно старообрядства. Они разрушительно подѣйствовали на здоровье и силы Симеона. Обительскими дѣлами управлялъ каз-

ницей Бѣголѣпъ. Симеонъ умеръ въ 1829 году, и на мѣсто его въ игумены избранъ старецъ Михаилъ, дѣйствительнымъ же правителемъ сдѣлался новоприбывшій тогда изъ Кременчуга инокъ Аркадій Шапошниковъ, о которомъ рѣчь впереди [1]).

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ въ Лаврентьевѣ монастырѣ доживали свой вѣкъ старцы, поселившіеся тамъ еще въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Таковы были: старецъ Аѳанасій, пришедшій въ монастырь еще въ 1788 году и семьдесятъ лѣтъ въ немъ проживщій. Онъ значился въ книгахъ бѣлицкимъ мѣщаниномъ Андреемъ Тимоѳеевымъ, но вся монастырская братія говорила, что онъ не простого, а «высокаго рода». Дѣйствительно, Аѳанасій происходилъ изъ бѣдныхъ великороссійскихъ дворянъ и поступилъ въ Лаврентьеву обитель подъ чужимъ именемъ. Былъ онъ «препростъ человѣкъ», жилъ въ совершенномъ послушаніи и отсѣченіи своей воли, молился день и ночь, плакалъ и вообще велъ себя какъ младенецъ. Не былъ онъ юродивымъ, но проникнутый до послѣдней степени аскетизмомъ — дошелъ до состоянія младенческаго незлобія, но въ то-же время младенческой несмышленности. Его считали святымъ человѣкомъ, говорили будто подобныхъ старцевъ и въ древности мало бывало, гордились такимъ подвижникомъ, что́ не мѣшало однакоже лаврентьевскимъ мнихамъ потѣшаться иногда надъ слабоумнымъ. Жилъ въ Лаврентьевѣ съ 1798 года старецъ Игнатій — числившійся бѣлицкимъ мѣщаниномъ Иваномъ Прокофьевымъ. Это былъ строгой жизни монастырскій конюхъ, также не отличав-

---

[1]) Въ IX главѣ, основываясь на *Запискѣ о Рогожскомъ кладбищѣ* протоіерея Арсеньева, мы сказали, что на рогожскомъ соборѣ 1832 года находился лаврентьевскій игуменъ Симеонъ. Но Симеона въ это время уже не было въ живыхъ, а управлялъ монастыремъ Михаилъ, который, вѣроятно, и пріѣзжалъ въ Москву въ 1832 году.

шійся ни умомъ, ни энергіей, зато усердно исполнявшій келейное пра́вило, носившій тяжелыя вериги и до такой степени усилившій постъ, что въ иные дни питался лишь сѣномъ и овсомъ изъ однѣхъ яслей со ввѣренными попеченію его конями. Былъ въ Лаврентьевѣ строгій подвижникъ Илія (бѣлицкій мѣщанинъ Родіонъ Демидовъ) родомъ бѣлоруссъ, жившій въ монастырѣ съ 1803 года. Не менѣе его подвижническою жизнію отличался инокъ Сергій (московскій мѣщанинъ Семенъ Сергѣевичъ Масленниковъ, уроженецъ калужскій), сдѣлавшійся казначеемъ по смерти инока Боголѣпа. Высокаго роста, здоровый, даже тучный, считался онъ самымъ благообразнымъ и представительнымъ инокомъ изъ лаврентьевской братіи, человѣкъ былъ умный, отличался трезвостью и ревностью къ старообрядству, доходившею нерѣдко до слѣпого фанатизма. Но всѣхъ болѣе отличался строгимъ подвижничествомъ старецъ Харалампій. Давно изшелъ онъ изъ монастыря ради болѣе суровыхъ аскетическихъ подвиговъ и поселился въ лѣсу, питался кореньями, носилъ тяжелыя вериги и только разъ въ недѣлю, по субботамъ, приходилъ изъ пустынной келіи въ монастырь. Никто никогда не замѣчалъ, чтобы отецъ Харалампій на кого-нибудь осердился или о комъ-нибудь сказалъ укорительное слово. Онъ почти не спалъ, а иногда налагалъ на себѣ обѣтъ молчанія и безмолвствовалъ года по два и больше. Такая молва шла про отца Харалампія, и старообрядцы заживо сочли его святымъ. Жилъ еще въ Лаврентьевѣ монастырѣ замѣчательный старецъ, о которомъ мимоходомъ было уже упомянуто. Еще въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, старообрядецъ по рожденію, уроженецъ Москвы, восемнадцатилѣтній юноша Морозовъ, начитавшись *Патериковъ*, возжелалъ подражать жизни преподобныхъ пустынниковъ стараго времени.

Оставивъ родину и давъ предъ Богомъ обѣтъ сдѣлаться инокомъ, перешелъ онъ тогдашній литовскій рубежъ и явился къ Лаврентію. Лаврентій принялъ его къ себѣ въ послушники, но не болѣе трехъ лѣтъ пылкій юноша могъ раздѣлять труды и лишенія съ бѣдною еще тогда лаврентьевскою братіей. Смущали его и страсти, влекли онѣ юнаго Морозова назадъ, въ легкомысленно покинутый имъ міръ. Видя внутреннюю борьбу въ своемъ послушникѣ, самъ Лаврентій потребовалъ отъ него, чтобы оставилъ онъ пустынную обитель и, пока не утихнутъ въ немъ страсти, пожилъ бы въ мірѣ. На возраженія Морозова, что онъ далъ уже передъ Богомъ обѣтъ неисходнаго житія иноческаго, Лаврентій будто-бы сказалъ ему: «будетъ время—надѣнешь камилавку, а теперь поживи пока въ мірѣ» Объ этомъ-то юношѣ, разсказываютъ старообрядцы, предрекалъ умирающій Лаврентій, говоря, что принесетъ въ устроенную имъ обитель великое богатство нѣкій юноша, жившій въ монастырѣ, но суеты ради міра сего отшедшій инуду. Морозовъ, покинувъ монастырь, женился и занялся торговыми дѣлами. Счастье везло ему, и онъ вскорѣ составилъ хорошее состояніе. Переселившись въ Елисаветградъ, онъ сдѣлался тамъ самымъ значительнымъ купцомъ и нажилъ мильонный капиталъ. Жилъ онъ въ этомъ городѣ до тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Было ему почти сто лѣтъ, жизнь стала въ тягость. Свѣтъ опостылѣлъ, смерть не приходила. Много и слезно просилъ онъ Бога о кончинѣ, но тщетно. И пришло богатому купцу въ помышленіе, что до тѣхъ поръ не вкуситъ отъ смерти, пока не исполнитъ даннаго Богу и нарушеннаго во дни юности обѣта. И вотъ оставивъ міръ и почетъ, которымъ пользовался, направилъ онъ путь къ монастырю Лавреньеву. Его сопровождалъ вѣрный его приказчикъ, Данила Астафьевъ, не захотѣвшій разлучиться съ хо-

вяниномъ, рѣшившійся служить ему и въ монастырѣ. Поставили они себѣ въ Лаврентьевой обители келію, поселились въ ней и оба приняли иночество. Морозовъ наименованъ былъ Іоасафомъ, Астафьевъ—Дороѳеемъ. Это было въ 1832 году, въ то время, какъ началось дѣло исканія архіерейства. Пробывъ во иночествѣ лѣтъ шесть, Іоасафъ Морозовъ умеръ и былъ погребенъ подлѣ большой часовни, близъ гроба прежняго своего наставника, старца Лаврентія, основателя обители. До ста тысячъ рублей употреблено было имъ въ шесть лѣтъ на устройство монастыря, въ который пришелъ онъ искать смерти. Остальное богатство досталось родственникамъ. Хорошо устроенная келья Морозова была лучше игуменской и полна всякаго рода движимостью. По смерти хозяина досталась она пришедшему съ нимъ въ монастырь иноку Дороѳею.

Въ послѣдніе годы Симеонова игуменства большое значеніе въ Лаврентьевомъ монастырѣ получилъ старецъ Аркадій, пришедшій изъ Кременчуга съ восемью другими старообрядцами этого города [1]). Онъ поселился здѣсь въ 1825 году, незадолго до смерти покровителя старообрядцевъ гомельскихъ, графа Николая Петровича Румянцева. Когда въ 1826 году пріѣхалъ въ обитель могилевскій архіепископъ, по совѣту этого самаго Аркадія, съ первыхъ дней пребыванія въ монастырѣ возвысившагося надъ прочею братіей умомъ и ловкостью въ обхожденіи, нежданному гостю сдѣланъ былъ почетный пріемъ. Но когда вслѣдъ за тѣмъ извѣстный уже намъ Іаковъ вздумалъ обратиться въ единовѣріе, въ Аркадіѣ онъ нашелъ самаго сильнаго соперника. Стараніями кременчугскаго пришельца разстроено было намѣреніе соглашавшихся принять еди-

[1]) Въ томъ числѣ старцы Савва и Евфросинъ, впослѣдствіи съ Аркадіемъ ушедшіе въ Добруджу къ Некрасовцамъ.

новѣріе; онъ сочинялъ посланное къ графу Сергію Петровичу письмо, онъ возбуждалъ братію противъ Іакова и достигъ своей цѣли. Это возвысило Аркадія во мнѣніи старообрядцевъ, онъ стяжалъ своимъ поступкомъ славу крѣпкаго стоятеля за «древлее благочестіе» и сдѣлался настоящимъ правителемъ обители еще при жизни престарѣлаго Симеона. Самъ игуменъ и казначей Боголѣпъ ничего не дѣлали безъ совѣта съ нимъ; всякое слово Аркадія было словомъ рѣшительнымъ на монастырскомъ соборѣ. По смерти Симеона, избранъ былъ въ настоятели старецъ Михаилъ; при немъ вліяніе Аркадія на монастырскія дѣла еще больше усилилось. Послѣ кратковременнаго игуменства Михаила, братія единогласно избрала его въ настоятели.

Аркадій (Андрей) родомъ былъ изъ посада Клинцовъ, Черниговской губерніи, сынъ тамошняго мѣщанина Родіона Харлампіевича Шапошникова. По смерти родителей, онъ и всѣ братья и сестры его переселились въ Кременчугъ, кромѣ старшей сестры Татьяны, вышедшей замужъ на родинѣ за мѣщанина Черкасова. Старшій изъ братьевъ, Александръ, занимался въ Кременчугѣ соляною торговлей, двое другихъ, Василій и Андрей, писали иконы и продавали ихъ старообрядцамъ; младшая сестра, Анна, вышла замужъ за кременчугскаго купца Протопопова [1]).

---

[1]) Заимствуемъ изъ показаній родственниковъ Андрея Шапошникова (впослѣдствіи епископъ славскій) извѣстія объ его родѣ-племени. Сестра его, Анна Родіоновна Бѣликова, жившая въ 1854 году въ городѣ Черкасахъ, въ тамошнемъ женскомъ старообрядскомъ монастырѣ, находившемся подъ управленіемъ игуменьи Маргариты, на допросѣ показала: она купеческая вдова, 50 лѣтъ, родомъ изъ Клинцовъ, замужемъ была два раза: въ первомъ бракѣ за кременчугскимъ купцомъ Василіемъ Васильевичемъ Протопоповымъ, умершимъ въ 1835 году, когда уже братъ ея Андрей былъ настоятелемъ Лаврентьева монастыря; во второмъ бракѣ за кременчугскимъ же купцомъ Гаврилой Степановичемъ Бѣликовымъ, умер-

Андрей Родіоновичъ Шапошниковъ, будучи еще очень молодымъ человѣкомъ, женился въ Кременчугѣ на *вдовѣ* Хіоніи Яковлевнѣ, дочери тамошняго купца, Якова Ивановича Дударева, человѣка достаточнаго. Хіонія Яковлевна отъ перваго мужа Игнатія, по фамиліи намъ неизвѣстнаго, имѣла двухъ сыновей: Михаила и Самуила, которые, можетъ быть, и до сихъ еще поръ занимаются выдѣлкою овчинъ въ Кременчугѣ. Мо-

---

шимъ въ 1837 г. Родители наши, клинцовскіе мѣщане, отецъ, Родіонъ Харлампіевичъ Шапошниковъ, и мать, Доминика Петровна, уже скончались. У нихъ были дѣти: Александръ, давно умершій, Василій, жившій въ 1854 г. въ Кременчугѣ въ своемъ домѣ, онъ (въ то время былъ) приказчикомъ у купца Чибисова, торгующаго солью. Василій Родіоновичъ женатъ на кременчугской мѣщанкѣ Иринѣ Трофимовнѣ Романовой, у нихъ дѣти: Иванъ 18 и Марья 16 лѣтъ. Другой братъ—Андрей Родіоновичъ, во иночествѣ Аркадій; былъ онъ въ Лаврентьевѣ монастырѣ прежде инокомъ, а въ 1835 году, когда ѣздилъ къ князю Паскевичу въ Варшаву, былъ уже настоятелемъ того монастыря. По уничтоженіи Лаврентьева монастыря, Аркадій ушелъ въ Турцію, и первое письмо писалъ къ сестрѣ изъ Тульчи, гдѣ объяснялъ, что, *«онъ получилъ землю и насадилъ виноградъ»*, и что вообще тамъ жизнь хорошая. Онъ звалъ къ себѣ за границу обѣихъ сестеръ, уже овдовѣвшихъ, но онѣ, не зная навѣрное, гдѣ братъ ихъ находится, и не имѣя достаточныхъ средствъ для поѣздки за границу, приглашенія его не приняли. Аркадій былъ женатъ въ Кременчугѣ на Хіоніи Яковлевнѣ Дударевой. Отца ея звали Яковъ Ивановичъ, умеръ онъ года три тому назадъ, оставивъ домъ дочери Хіоніи, которая и теперь (въ 1854 году) въ немъ живетъ. Она вышла за Аркадія *вдовою*, сначала была за какимъ-то Игнатомъ, отъ коего у ней два сына, пасынки Аркадію — Михайло да Самойло, оба они выдѣлываютъ овчины въ Кременчугѣ. Отъ отца Аркадія у Хіоніи былъ сынъ, но умеръ въ малолѣтствѣ. Аркадій съ Хіоніею Яковлевною жилъ года три, а потомъ, не знаю за что, разошлись; она осталась въ Кременчугѣ, а онъ пошелъ въ Лаврентьевъ монастырь. Онъ и братъ Василій долго жили въ Кременчугѣ, занимаясь иконописаніемъ. У самой Анны Родіоновны Бѣликовой двѣ дочери, племянницы Аркадію: Васса за кременчугскимъ купцомъ Яковомъ Андреевичемъ Шульгинымъ и Евдокія, уже умершая, бывшая замужемъ за мѣщаниномъ Петромъ Фатовымъ; у Евдокіи было нѣсколько дочерей, и старшую дочь ея, внучку Бѣликовой, Елену Петровну. Фатовъ недавно (1854 г.) выдалъ замужъ за Ѳедора Полякова; вѣнчались они въ посадѣ Крюковѣ у отца Луки (старообрядскаго). Живетъ Анна Родіоновна Бѣликова въ Черкасскомъ женскомъ монастырѣ, въ особой кельѣ, съ своею послушницей, мѣщанкой города Николаева, Настасьею Миновною Юрко-

лодая вдова, кажется, не принесла семейнаго счастія Андрею Родіоновичу. Онъ имѣлъ отъ нея сына, умершаго въ младенчествѣ, и вскорѣ послѣ его рожденія начались у мужа съ женой несогласія. Въ 1824 году, послѣ трехлѣтней супружеской жизни, Шапошниковъ тайно оставилъ постылую жену и пасынковъ и вмѣстѣ съ другими восемью старообрядцами ушелъ изъ Кременчуга «душу спасать» [1]). На родинѣ, въ Клинцахъ,

---

вой 23 лѣтъ. Отецъ Настасьи, Мина Юрковъ, занимается въ Старомъ Осколѣ хлѣбными подрядами; поступила Настасья въ монастырь въ 1833 г. по обѣту, данному во время болѣзни, постриглась въ монахини съ именемъ Аркадіи, 20-го іюля 1834 года. Сама Анна Родіоновна Бѣликова не пострижена. При обыскѣ у Бѣликовой найдена жестяная рака Викентія, въ которой, кромѣ останковъ этого схимника, находились, по объясненію Бѣликовой, часть камня отъ Гроба Господня и часть Животворящаго Древа. Все это сохранилось въ Лаврентьевомъ монастырѣ. При уничтоженіи монастыря Аркадій скрылъ эти вещи и, уходя за границу, отдалъ сестрѣ на сохраненіе. Была у Аркадія еще сестра, Татьяна Родіоновна, вышедшая замужъ за мѣщанина Черкасова въ Клинцахъ еще до переселенія Шапошниковыхъ въ Кременчугъ. Въ 1845 году Аркадій, удаляясь изъ Клинцовъ (куда, какъ въ мѣсто ревизской приписки, былъ высланъ подъ надзоръ полиціи въ 1844 г. при закрытіи Лаврентьева монастыря), оставилъ сестрѣ своей, Черкасовой, бумаги, взятыя имъ изъ Лаврентьева монастыря, въ томъ числѣ приведенныя выше: письмо графа Н. П. Румянцова къ Якову Шустову, письмо фонъ-Фока къ игумену Симеону, а также видъ, данный Аркадію княземъ Паскевичемъ, и объясненіе игумена Симеона въ Бѣлицкое духовное правленіе о состояніи монастыря. Свѣдѣнія эти требовалъ извѣстный ученый протоіерей Иванъ Григорьевичъ, бывшій тогда гомельскимъ протопопомъ. Симеонъ даетъ ему самые короткіе и уклончивые отвѣты 27-го ноября 1823 года. Кромѣ того, у Бѣликовой, въ бумагахъ Аркадія, найдено много долговыхъ обязательствъ Лаврентьеву монастырю и рекрутскихъ квитанцій, которыя Аркадій бралъ подъ залогъ даваемыхъ разнымъ окрестнымъ мѣщанамъ и крестьянамъ денегъ. По просроченнымъ закладнымъ рекрутскія квитанціи поступали во владѣніе монастыря, и Аркадій торговалъ ими. Всѣ эти бумаги и самыя рекрутскія квитанціи, оставшіяся непроданными, находятся въ архивныхъ дѣлахъ.

[1]) Вотъ что писалъ Аркадій изъ Славы къ сестрѣ своей, Аннѣ Бѣликовой, въ Кременчугъ. Пожелавъ добраго здоровья и совѣтуя ей оставить суету міра сего (что она и исполнила, поселясь въ Черкасскомъ монастырѣ), Аркадій пишетъ: «Приходи въ нашу пустыню, она пріемлетъ всѣхъ; не безъ труда достигнуть, но призывай Бога въ помощь. Онъ те-

Андрею жить не захотѣлось, и онъ рѣшился «бѣгати въ пустыню». Пошли кременчугскіе выходцы въ Лаврентьевъ монастырь. Здѣсь страннопріимный Симеонъ принялъ ихъ подъ гостепріимную сѣнь своей обители. Узнала Хіонія Яковлевна, гдѣ укрылся ея сожитель, собралась наскоро и прискакала въ Лаврентьевъ, торопясь, чтобы застать мужа, пока еще онъ не надѣлъ

бя не оставитъ и защитить и покрыетъ отъ навѣтъ вражіихъ, а если найдутся тебѣ единомышленныя, то можешь и тѣхъ вести на трудный и тѣсный путь, *только не принимай къ себѣ Хіонію Я., ибо она не способна къ сему житію; пусть молится на мѣстѣ, идѣ же пребываетъ, если же и она покусится сюда, то я не пребуду здѣсь, но отъиду въ дальній путь, амо же Богъ наставитъ*; сего не разглашай никому, а умолчи; пиши въ Яссы, на имя Якова Ивановича Желѣзникова». Это письмо писано Аркадіемъ еще до посвященія его въ епископы, т. е. до 1854 года. Понятно, почему онъ, еще съ 1847 года хлопотавшій о полученіи архіерейскаго омофора (хотя и не вѣрилъ въ правильность бѣлокриницкой іерархіи), такъ боится своей сожительницы, что хочетъ даже въ случаѣ прибытія ея въ Славу бѣжать «амо же Богъ наставитъ», то-есть по-просту сказать—куда глаза глядятъ. Не говоря уже о томъ, что въ Кременчугѣ въ свое время были, быть-можетъ и невѣрные, злорѣчивые толки о зазорномъ будто-бы поведеніи Хіоніи Яковлевны (а жену оплазиву не подобаетъ имѣти священному чину), прибытіе ея въ Славу огласило бы тщательно скрываемую до тѣхъ поръ Аркадіемъ тайну, что былъ онъ женатъ на вдовѣ. По церковнымъ правиламъ, кто былъ женатъ на вдовѣ, не можетъ быть и діакономъ, не только архіереемъ. Въ *Памятникѣ происходящихъ дѣлъ Бѣлокриницкаго старовѣрческаго монастыря* подъ 9-мъ августа 1847 года, № 33, читаемъ: «прибыли сего числа изъ Турціи отъ задунайскихъ Некрасовцевъ въ Бѣлую Криницу депутаты изъ обители Славской: инокъ Евфросинъ, изъ казаковъ Григорій Архиповъ и Исай Ивановъ, изъ купцовъ: Савва Ивановичъ Рукавишниковъ и Онисимъ Ивановичъ съ сыномъ, и представили митрополиту Амвросію трехъ благоговѣйныхъ иноковъ: двухъ Аркадіевъ и Іакова, которыхъ и просятъ хиротонисать для ихъ задунайскихъ обществъ: перваго во епископа, второго во священноиноки, третьяго во діаконы. Повелѣно митрополитомъ: быть собору для лучшаго разсмотрѣнія и постановленія задунайскимъ обществамъ епископа и послѣдующихъ». Подъ № 34, отъ 11 го августа, въ томъ же *Памятникѣ происходящихъ дѣлъ Бѣлокриницкихъ* читаемъ: «по благоусмотрѣнію господина митрополита Амвросія и освященнаго собора: инока Аркадія Дороѳеева во епископы, инока Іакова въ діаконы, а другой Аркадій сильно заболѣлъ». Такимъ образомъ, Аркадій Дороѳеевъ, по фамиліи Лысый, находившійся потомъ съ 1854 года въ

иноческой мантіи. Три дня, три ночи проплакала она у воротъ монастыря, не допустили ее на свиданіе, дали на возвратный путь денегъ, и она воротилась въ Кременчугъ. Андрей Шапошниковъ, постригшись въ иночество и получивъ имя Аркадія, пріобрѣлъ, какъ сказано выше, большое вліяніе на дѣла монастырскія и снискалъ уваженіе лаврентьевской братіи.

заточеніи въ Суздальскомъ монастырѣ, предназначавшійся во священники, поставленъ былъ во епископы, а кандидатъ въ архіереи Аркадій Шапошниковъ, бывшій настоятелемъ Лаврентьева монастыря, не удостоенъ Амвросіемъ даже діаконства. Онуфрій, бывшій намѣстникъ Бѣлокриницкаго монастыря, находившійся на этомъ соборѣ и вообще заправлявшій дѣломъ постановленія старообрядскихъ архіереевъ, затѣмъ инокъ московскаго Никольскаго единовѣрческаго, что на Преображенскомъ кладбищѣ въ Москвѣ, монастыря, объясняетъ, что Амвросій и бѣлокриницкій соборъ не удостоили Аркадія Шапошникова архіерейскаго сана именно потому, что онъ былъ женатъ на вдовѣ, и что тогда же было рѣшено первопрестольнымъ старообрядскимъ митрополитомъ, чтобъ Аркадій Шапошниковъ никогда во всю свою жизнь не былъ удостоиваемъ никакихъ священныхъ должностей, ибо посвященіе женатаго на вдовѣ не дѣйствительно, и таковой епископъ, по правиламъ святыхъ отецъ, не есть епископъ. Но чтобы не подать повода къ соблазну, посовѣтовали Аркадію Шапошникову притвориться больнымъ, что онъ и сдѣлалъ. Но ему очень хотѣлось омофора. Строгій до другихъ относительно соблюденія церковныхъ правилъ, Аркадій былъ весьма снисходителенъ къ себѣ; онъ постарался замять о женитьбѣ на вдовѣ и въ 1854 году, при смутныхъ обстоятельствахъ края (Добруджи во время крымской войны), успѣлъ достичь архіерейства. А между тѣмъ Хіонія Яковлевна еще года за четыре до архіерейства своего супруга стала было собираться въ Славу; неподалеку отъ сожителя «душу спасать». Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ Аркадію пришлось бы бѣжать изъ Славы, «амо же Богъ наставитъ». Дѣло, однако, обошлось благополучно. Хіонія Яковлевна осталась въ Россіи, а супругъ ея сдѣлался преосвященнымъ владыкой. Говорятъ, будто дѣло сладилось на деньгахъ, будто епископъ Аркадій исправно выплачивалъ своей супругѣ въ извѣстномъ размѣрѣ пенсію, чтобъ она не ѣздила за границу. Говорятъ, будто и пасынки преосвященнаго получаютъ отъ него гораздо больше, чѣмъ выручаютъ за овчины, за то, чтобы молчали, въ какой степени свойства приходятся они владыкѣ славскому. Не знаемъ жива ли теперь Хіонія Яковлевна и гдѣ она пребываетъ, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ она здравствовала въ Кременчугѣ и извѣстна была подъ именемъ *владычицы*, на томъ основаніи, что покинувшій ее супругъ достигъ сана преосвященнаго владыки.

Онъ былъ одаренъ обширнымъ умомъ и рѣдкою энергіей. Въ Лаврентьевѣ держалъ онъ себя съ большимъ достоинствомъ и строго соблюдалъ иноческія правила. На совѣтахъ мнѣнія его преобладали надъ мнѣніями прочихъ. Онъ отличался въ средѣ лаврентьевской братіи разнообразною и обширною начитанностью и умѣлъ хорошо писать—ясно, кратко, выразительно, хотя и весьма крупнымъ, прямымъ почеркомъ, который знакомъ намъ по архиву министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ сохраняется не мало автографовъ Аркадія въ многочисленныхъ прошеніяхъ, подаваемыхъ имъ передъ закрытіемъ монастыря Лаврентьева. Не покидалъ Аркадій и въ обители, гдѣ водворился, кременчугскаго своего занятія: писалъ иконы. Доселѣ съ особеннымъ уваженіемъ хранятся у иныхъ старообрядцевъ образа его кисти. Необыкновенная память, рѣдкая быстрота соображенія, всегдашнее умѣнье найтись и благоразумно поступить въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ—отличали Аркадія отъ прочей лаврентьевской братіи. Громовы были въ восторгѣ отъ него, и старики петербургскаго Королёвскаго общества доселѣ не могутъ нахвалиться такимъ «знаменитымъ мужемъ», каковъ былъ Аркадій. Старообрядцы, лично знавшіе Аркадія въ Лаврентьевѣ, единогласно отзываются о нравственныхъ его качествахъ съ большою похвалой. При другой обстановкѣ, въ другой средѣ, изъ этого человѣка долженъ бы былъ выработаться рѣдкій и замѣчательный дѣятель.

Аркадій сдѣлался игуменомъ Лаврентьева монастыря въ 1832 году. Въ это же время Гомельское имѣніе перешло въ другія руки. Покровительствовавшій старообрядцамъ этого имѣнія не менѣе своего брата, графъ Сергѣй Петровичъ, послѣдній въ родѣ Румянцевыхъ, не имѣлъ законныхъ наслѣдниковъ, но у него были три побочныя дочери, по фамиліи Кагуль-

скія, въ память славной побѣды ихъ дѣда, которымъ нельзя было по закону передать родового имѣнія. Чтобъ обратить его въ деньги, надо было продать. Но румянцевскія имѣнія были изъ такихъ, какія по своей многоцѣнности не всегда могутъ имѣть покупателей. Счастливый случай помогъ графу. За взятіе Варшавы въ 1831 году императоръ Николай осыпалъ по-истинѣ царскими милостями фельдмаршала князя Паскевича, въ числѣ данныхъ ему наградъ былъ милліонъ рублей на покупку имѣнія. Узнавъ о желаніи Румянцева продать Гомельское имѣніе, Паскевичъ поручилъ одному изъ пользовавшихся его довѣренностью офицеровъ осмотрѣть его. Обозрѣвая продажную вотчину, довѣренный фельдмаршала встрѣтился съ Аркадіемъ, который доставилъ ему не мало свѣдѣній о дѣйствительномъ положеніи румянцевскаго имѣнія и способствовалъ выгодному для покупщика окончанію дѣла. Когда покупка была совершена и Гомельская вотчина перешла къ князю Паскевичу, въ видѣ заповѣднаго майората безъ переоброченія, Аркадій, въ награду за свое усердіе, просилъ позволенія представиться фельдмаршалу въ Варшавѣ. Паскевичъ охотно согласился на это, и въ концѣ 1834 года Аркадій, вмѣстѣ съ монахомъ Іоилемъ [1]), отправился въ Варшаву. Ласково были они приняты намѣстникомъ Царства Польскаго и изъяснили ему о нуждахъ своего и другихъ старообрядскихъ монастырей, устроенныхъ въ Гомельскомъ имѣніи. Паскевичъ подтвердилъ права, данныя этимъ монастырямъ Румянцевыми, и, прощаясь съ Аркадіемъ и Іоилемъ, въ январѣ 1834 года, далъ имъ нѣчто въ родѣ охраннаго листа на проѣздъ до Лаврентьева, за

---

[1]) Калужскій мѣщанинъ Иванъ Лаврентьевъ Поповъ, жившій въ Лаврентьевомъ монастырѣ съ 1815 года. Это не тотъ Іоиль, который впослѣдствіи ушелъ изъ Лаврентьева за границу.

собственноручнымъ подписомъ и приложеніемъ намѣстнической печати. Этотъ документъ, найденный въ 1854 году при обыскѣ у жившей въ Клинцахъ сестры Аркадія, Татьяны Черкасовой, находится нынѣ въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Вотъ онъ:

«Могилевской губерніи, Бѣлицкаго уѣзда, старообрядческаго Лаврентьева монастыря, въ имѣніи моемъ состоящаго, настоятель Аркадій и инокъ Іоиль, пріѣзжавшіе въ Варшаву для личнаго объясненія со мною по дѣламъ своего и другихъ двухъ, тамъ же находящихся старообрядческихъ монастырей, отправляются отсюда обратно, почему, въ полномъ вниманіи къ подъятому ими для столь дальняго путешествія труду, желая предохранить ихъ отъ всякихъ на обратномъ пути остановокъ, прошу гг. начальниковъ, по предъявленіи имъ сего, дѣлать помянутымъ инокамъ свободный пропускъ и въ случаѣ надобности оказывать имъ законное покровительство. Въ Варшавѣ, 28-го января 1835 года. Намѣстникъ Царства Польскаго, генералъ-фельдмаршалъ *князь Варшавскій*».

Намѣстникъ, въ этомъ листѣ, Аркадія и Іоиля, можно сказать офиціально, называетъ—одного настоятелемъ, а другого инокомъ, хотя это и противорѣчило Высочайше утвержденному положенію комитета министровъ 21-го декабря 1817 г. и закону, вошедшему въ изданный уже тогда *Сводъ Законовъ* [1]). Впослѣдствіи, находясь въ рукахъ такого ловкаго человѣка, какъ Аркадій, листъ князя Паскевича вводилъ въ заблужденіе многихъ раскольниковъ. Очевидно, что всѣ отношенія намѣстника Царства Польскаго къ лаврентьевскому настоятелю ограничивались нѣкоторыми услугами послѣдняго и обѣщаніемъ новаго владѣльца Го-

---

[1]) *Сводъ Закон.* т. XVI, Уставъ о предупр. и пресѣчен. преступл. ст. 61.

мельскаго имѣнія не нарушать данныхъ Румянцевыми правъ старообрядскимъ монастырямъ на пользованіе лѣсомъ и участками пахатной и сѣнокосной земли; но впослѣдствіи, когда началось дѣло устройства русскими старообрядцами въ австрійскихъ владѣніяхъ митрополитской каѳедры, документъ Паскевича, какъ сказываютъ, игралъ роль немаловажную. Полученіе его Аркадіемъ было одновременно съ началомъ исканія архіерейства. Впослѣдствіи, когда иные вліятельные старообрядцы опасались принимать дѣятельное участіе въ этомъ предпріятіи, говоря, что осуществленіе его есть противленіе волѣ государевой, что оно можетъ повредить всему старообрядскому обществу, ловкіе люди, въ родѣ Аѳонія Кочуева или братьевъ Великодворскихъ, убѣждали нерѣшительныхъ тѣмъ, что будто бы основаніе заграничной іерархіи не противно волѣ государя. Конечно, говорили они имъ, государь не допуститъ учрежденія митрополіи въ самой Россіи, но онъ ничего не имѣетъ противъ учрежденія ея за границей или даже въ Царствѣ Польскомъ. Такой близкій къ царю человѣкъ, такой довѣренный сановникъ, какъ князь Паскевичъ, говорили они, нарочно вызывалъ настоятеля лаврентьевскаго въ Варшаву для совѣщаній по этому предмету. Довѣрчивый вѣрилъ на слово, а менѣе довѣрчивому ловкіе люди совѣтовали съѣздить въ Лаврентьевъ монастырь и попросить игумена Аркадія только показать ему «Паскевичеву бумагу». Онъ показывалъ ее охотно, ибо она льстила его самолюбію, и видѣвшіе вѣрили во все и сами увѣряли другихъ.

Несмотря на энергическія усилія, принимаемыя Аркадіемъ, благочиніе въ Лаврентьевскомъ монастырѣ, которымъ онъ славился при игуменѣ Симеонѣ, быстро стало падать. Безъ сомнѣнія, главнѣйшею причиной того было прекращеніе патронатства Румянцевыхъ.

Страху лаврентьевскимъ инокамъ не стало, вотъ причина возникшихъ въ монастырѣ неслыханныхъ дотолѣ безпорядковъ. Прежде всего пьянство водворилось въ иноческихъ келіяхъ, суровыя мѣры Аркадія не могли его уменьшить; упившіеся иноки ни во что ставили стараго игумена, приказаній его не исполняли, чуть не каждый день затѣвали крамолу. Унять безчинниковъ было некому и нечѣмъ, ибо боязнь, что самъ Румянцевъ вмѣшается въ дѣло, прекратилась. Говорятъ, будто бы Аркадій жаловался на безчиніе иноковъ въ письмѣ къ Паскевичу, но фельдмаршалъ не только себя, но и управленіе своей Гомельской экономіи устранилъ отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла монастырей и отъ опеки надъ нравственностью старообрядскихъ иноковъ. Иные изъ строгихъ подвижниковъ, не стерпя возникшихъ въ Лаврентьевой обители безобразій, покинули ее. Монастырь отъ того не опустѣлъ. Иноковъ стало даже больше, чѣмъ при Симеонѣ, но почти всѣ они были «слабы житіемъ» и ходили «по волямъ своимъ». Немало мучился съ ними Аркадій, ревностно желавшій возстановленія благочинія, которымъ прежде славился управляемый имъ монастырь, но силъ его недоставало. Прежде иноки Лаврентьева и другихъ Гомельскихъ монастырей видались между собой только разъ въ недѣлю, по понедѣльникамъ, на базарѣ въ Гомелѣ, куда сходились продавать свои рукодѣлья, собирать подаянія за поминовенія и потолковать между собою объ общихъ дѣлахъ. Теперь чуть не каждый день стали они бродять въ Гомель и обыкновенно возвращались оттуда мертвецки пьяные. Иные пропадали по нѣскольку дней, иные шатались изъ монастыря въ монастырь другъ къ другу въ гости, и каждое гощеніе безъ водки не обходилось. Кромѣ гостей, отъ времени до времени стали появляться въ монастыряхъ и гостьи. Тщетно

Аркадій началилъ братію, она его больше и слушать не хотѣла. Напрасно игуменъ приковывалъ пьяныхъ, какъ водилось прежде, при Румянцевѣ, къ цѣпи на поварнѣ; монахи съ цѣпи уходили, пропала, наконецъ, и самая цѣпь, и ее видѣли послѣ у какого то жида въ шинкѣ. Благочестивые пустынножители ее пропили. Измученный Аркадій сознавалъ свое безсиліе; нерѣдко говаривалъ онъ близкимъ своимъ: «хоть бы ужь поскорѣй запечатали нашъ монастырь!»

Еще болѣе заботы, еще болѣе опасеній причиняли Аркадію нѣкоторые обитатели Лаврентьева монастыря, люди трезвые, начитанные, строгой жизни и безукоризненные, но непокорные и властолюбивые. Примѣръ Іакова, хотѣвшаго, посредствомъ перехода въ единовѣріе и обращенія Лаврентьева монастыря въ единовѣрческій, достигнуть въ немъ игуменства, не остался безъ подраженія. Румянцевыхъ не стало, и некому было вновь отвратить отъ монастырей Гомельскаго имѣнія, грозившую въ тридцатыхъ годахъ всѣмъ старообрядскимъ монастырямъ, участь упраздненія или обращенія въ единовѣрческіе. Въ Лаврентьевѣ и Макарьевѣ явились иноки, желавшіе сдѣлаться единовѣрцами. Игумены лаврентьевскій Аркадій и макарьевскій Матвѣй и преемникъ послѣдняго Θеофилактъ [1]) употре-

[1]) Игуменъ Макарьева монастыря Матвѣй (мѣщанинъ Огороденскаго общества, Бѣлицкаго уѣзда Могилевской губерніи, Мартынъ Васильевичъ Смирновъ) жилъ въ обители съ 1819 года; онъ былъ на игуменствѣ преемникомъ Евлогія, принявшаго въ 1825 году въ расколъ греческаго архимандрита Геронтія, управлялъ монастыремъ лѣтъ десять и въ 1840 г. оставилъ свою должность вслѣдствіе внутреннихъ несогласій, но оставался жить въ томъ же монастырѣ. Преемникомъ его былъ Θеофилактъ (Черниговской губерніи, посада Климова, мѣщанинъ Θедоръ Матвѣевъ). Въ 1843 году изъ пятнадцати монаховъ Макарьева монастыря семеро изъявили желаніе присоединиться къ единовѣрію. Θеофилактъ, узнавъ, что правительство хочетъ монастырь его обратить въ единовѣрческій, вмѣстѣ съ Матвѣемъ подкопался ночью подъ запечатанную уже казенны

били всѣ средства, чтобъ избавиться какъ-нибудь отъ этихъ людей. Въ то время въ Лаврентьевѣ водворился молодой инокъ Іоакимъ [1]), человѣкъ достаточный, съ большими связями въ старообрядскомъ мірѣ, начитанный, пылкій, всѣмъ увлекающійся и чрезвычайно нетерпѣливый. Онъ былъ трезвой жизни и врагъ всякихъ безпорядковъ въ иноческомъ житіи, особенно же разврата, болѣе и болѣе водворявшагося въ Лаврентьевѣ монастырѣ. Другъ и землякъ его, Павелъ Андреевъ, отлично знавшій церковный уставъ, лучшій пѣвецъ въ монастырѣ и хорошо писавшій, былъ единомысленъ съ нимъ. Они успѣли составить партію изъ

ми печатями холодную часовню, поднялъ въ алтарѣ полъ, и оба игумена выбрали всю лучшую ризницу, утварь, древнія иконы, словомъ — все цѣнное и уважаемое старообрядцами. Послѣ того, Матвѣй отправился куда то за сборомъ, Ѳеофилактъ отправилъ въ Бѣлую-Криницу инока Галактіона (мѣщанинъ Огороденскаго общества Григорій Артемьевъ Кожемякинъ 53 лѣтъ), а два послушника: Зиновій Ивановъ и Михаилъ Ивановъ (изъ Новаго-Крупца, 75 лѣтъ) отправились въ Малиноостровскій старообрядскій монастырь Черниговской губерніи. Они-то и разнесли по разнымъ мѣстамъ богатое достояніе Макарьева монастыря, выкраденное двумя настоятелями. Когда Макарьевъ монастырь, по Высочайшему повелѣнію 27-го ноября 1844 года, обращенъ былъ, наконецъ, въ единовѣрческій, у монаховъ не осталось даже хлѣба въ достаточномъ количествѣ —все вывезъ Ѳеофилактъ. Обокраденная Матвѣемъ и Ѳеофилактомъ церковь сгорѣла 22-го февраля 1867 года.

[1]) Московскій мѣщанинъ Иванъ Петровичъ Кашинъ, постриженникъ Лаврентьева монастыря. Родители его торговали пшеницей и были люди богатые. Іоакимъ имѣлъ большое знакомство и разъ, съѣздивъ въ Моршанскъ за сборомъ, привезъ оттуда, какъ было нами упомянуто, 7,000 рублей ассигнаціями. Онъ оставался въ Лаврентьевѣ до 1844 года, то-есть до самаго его уничтоженія. Послѣ того жилъ онъ въ черниговскихъ посадахъ и по другимъ мѣстамъ, познакомился съ Рахмановыми, особенно же сблизился съ Діонисіемъ (Дмитрій Андреевичъ Рахмановъ). Съ нимъ въ 1848 году поѣхалъ въ Керженскій скитъ (Нижегородской губерніи, Семеновскаго уѣзда), гдѣ въ іюлѣ былъ арестованъ за безписьменность и заключенъ въ тюрьму. Здѣсь въ началѣ 1849 года онъ присоединился къ единовѣрію. Послѣ того Іоакимъ жилъ нѣкоторое время въ Керженскомъ скиту, обращенномъ въ единовѣрческій монастырь въ томъ же 1849 году, и былъ рукоположенъ въ іеромонахи. Потомъ онъ жилъ въ Черниговской губерніи.

немногаго, впрочемъ, числа трезвыхъ монаховъ. Партіи этой хотѣлось на мѣсто Аркадія посадить Іоакима, а средство для того видѣли они въ принятіи единовѣрія. Но они скрывали такое намѣреніе до поры до времени, ибо при первомъ неосторожномъ словѣ авторитетъ ихъ тотчасъ же бы палъ. Но Аркадій, проникнувъ замыслы ихъ, всею душой возненавидѣлъ Іоакима и Павла Андреева и вступилъ съ ними въ тайную, но упорную и дѣятельную борьбу. Напрасно старался Аркадій внушить братіи, что противники его идутъ по стопамъ Іакова, замышляютъ сдѣлать монастырь единовѣрческимъ, Іоакимъ и сторонники его такъ были осторожны, что такія слова проникавшаго намѣренія ихъ игумена считались навѣтами, внушенными недоброжелательствомъ къ людямъ, открыто порицавшимъ нѣкоторыя изъ его распоряженій. Борьба съ Іоакимомъ для Аркадія была несравненно труднѣе, чѣмъ съ водворившимися въ его обители поборниками разгула.

По документамъ, которыми мы пользуемся, можно было бы представить пространное сказаніе о дѣяніяхъ сихъ поборниковъ разгула въ монастыряхъ Гомельскаго имѣнія. Ограничимся сказаніемъ лишь объ одномъ старомъ и хромомъ гулякѣ—регистровомъ товарищѣ Колычевѣ, баснословные разсказы котораго, будучи усвоены Лаврентьевской братіей, содѣйствовали въ нѣкоторомъ отношеніи дѣлу исканія архіерейства за предѣлами Россіи.

Въ концѣ прошлаго столѣтія въ Московскомъ университетѣ слушалъ лекціи медицинскаго факультета уроженецъ Новгородъ-Сѣверскаго намѣстничества, регистровый товарищъ Константинъ Константиновичъ Колычевъ. Онъ былъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, когда поступилъ въ университетъ студентомъ или вольнымъ слушателемъ, навѣрно не знаемъ. Почему-то курса онъ не кончилъ,

по крайней мѣрѣ у него впослѣдствіи не было диплома на званіе врача. Живя въ Москвѣ, Колычевъ познакомился съ старообрядцами Рогожскаго согласія, а черезъ нихъ сблизился съ земляками своими, старообрядцами Стародубья. Онъ хлопоталъ о признаніи его въ дворянскомъ достоинствѣ, но не получилъ его, что не помѣшало однако же ему до конца жизни называться дворяниномъ, да еще принадлежащимъ къ старинной русской фамиліи Колычевыхъ и, на этомъ основаніи, родственникомъ святого Филиппа, митрополита московскаго, который, какъ извѣстно, былъ изъ этой фамиліи. У знакомыхъ московскихъ старообрядцевъ встрѣтился онъ однажды съ пріѣхавшими въ Москву за обычными сборами старицами Оленевскаго скита, что̀ на Керженцѣ, и узналъ отъ нихъ, что въ числѣ тамошнихъ обителей есть одна, основанная еще въ концѣ XVII столѣтія внукою брата митрополита, старообрядской инокиней, схимницею Анѳисою Колычевою. Константинъ Константиновичъ сказался роднею и Анѳисѣ, отправился на Керженецъ, былъ встрѣченъ тамъ съ большимъ почетомъ и немало веселыхъ дней и ночей провелъ въ обители мнимой родственницы, въ обществѣ молодыхъ инокинь и бѣлицъ. Потомъ разъѣзжалъ онъ по разнымъ старообрядскимъ общинамъ, живалъ на Дону, на Кубани, на Уралѣ и въ Сибири, и сблизившись въ старообрядцами, самъ перешелъ въ поповщинское согласіе и записался въ купцы. Хотя Колычевъ и не имѣлъ медицинскаго диплома, но лѣчилъ и даже составилъ себѣ извѣстность счастливымъ лѣченіемъ старообрядцевъ. Онъ собиралъ библіотеку и былъ прославленъ въ средѣ раскольниковъ за необычайно умнаго и ученаго человѣка. Въ 1805 г. Колычевъ сталъ печатать для старообрядцевъ книги. Извѣстно, что старообрядцы, воспользовавшись дозволеніемъ императрицы Екатерины II открывать всякому же-

лающему вольныя типографіи, завели въ 1784 г. такую въ посадѣ Клинцахъ Типографія эта, принадлежавшая тамошнему купцу Θедору Карташеву, была закрыта въ 1797 г., когда по повелѣнію императора Павла всѣ вольныя типографіи прекратили свою дѣятельность. Хотя въ 1801 году императоръ Александръ Павловичъ и согласился было на возстановленіе въ Клинцахъ типографіи, чтобы перепечатывать въ ней до-никоновскія книги для старообрядцевъ, но, по мнѣнію ярославскаго архіепископа Павла, принятому всѣмъ святѣйшимъ синодомъ, въ Москвѣ учреждена была типографія единовѣрческая, получившая право монополіи на «переводы», то-есть на переписку старопечатныхъ богослужебныхъ книгъ. Несмотря на то, въ 1805 г. старообрядцы завели двѣ типографіи безъ дозволенія правительства. Одну въ Клинцахъ завелъ тотъ-же Карташевъ, другую въ мѣстечкѣ Яновѣ [1]) Константинъ Константиновичъ Колычевъ, бывшій въ то время кіевскимъ купцомъ. На деньги московскаго купца Дмитрія Θедорова (сто червонцевъ) купилъ онъ старообрядскую типографію у московскаго мѣщанина Павла Ивановича Селезнева, которую этотъ содержалъ тайно въ городѣ Махновкѣ, Кіевской губерніи. Посредствомъ факторовъ-евреевъ Колычевъ купилъ у Селезнева эту типографію лишь съ двумя станками, но значительно увеличилъ ее и работалъ въ Яновѣ на десяти и даже на двѣнадцати станкахъ. Ноября 24-го 1814 года Θедоровъ передалъ Колычеву въ управленіе Яновскую типографію по формально совершенной довѣренности. Для старообрядцевъ печатались въ Яновѣ: *Страсти Христовы*, *Житіе Василія Новаго*, *О лжеучителяхъ*, *Аввы Дороθея*, *Поученіе Іоанна Златоуста*, *Псалтирь*, *Часословъ*. *Евангеліе*, *Шестодневъ*, *Толковыя Евангелія*,

---

[1]) Литинскаго уѣзда, Подольской губерніи.

Канонники, Ефремъ Сиринъ. Въ выходахъ этихъ книгъ обыкновенно выставлялось мѣсто печатанія и первоначальныя буквы именъ Колычева (К. К. К.) и купца Ѳедорова (Д. Ф.). Чтобы судить о количествѣ напечатанныхъ Колычевымъ книгъ, достаточно упомянуть, что типографія его существовала двѣнадцать лѣтъ (1805—1817) и что онъ самъ далъ показаніе графу Холоневскому [1]), производившему въ 1817 г. надъ нимъ слѣдствіе, что «книги изъ типографіи Яновской отпускаемы имъ были въ годъ четыре раза, количествомъ по одной тысячѣ всякой отправки, въ Москву, къ довѣрителю его Ѳедорову». Стало быть, Колычевымъ переслано изъ Янова къ московскимъ старообрядцамъ во все время существованія Яновской типографіи около сорока восьми тысячъ экземпляровъ. Колычевъ не ограничивался, впрочемъ, печатаніемъ однѣхъ книгъ для старообрядцевъ, онъ печаталъ вѣнчики и разрѣшительныя молитвы какъ старообрядцамъ, такъ и по заказамъ православныхъ священниковъ, напримѣръ яновскаго протоіерея Степана Левицкаго. Кромѣ того Колычевъ печаталъ книги и для католиковъ, на польскомъ языкѣ: *Zloty Oltarzyk*, *Oficyuszki*, *Elemcniarz*, *Hrabia Olgorusky*, словари польско-латинскій и русско-польскій. Печаталъ также и другія книги на латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Всѣ этого рода книги печатаемы были имъ съ цензурнаго разрѣшенія отъ виленскаго университета. Типографія Колычева въ іюлѣ 1817 года была запечатана; тогда онъ переѣхалъ изъ Янова въ селеніе Майданъ Почапинецкій, и здѣсь снова завелъ тайную типографію съ однимъ

---

[1]) Графъ Холоневскій, полякъ и католикъ, былъ владѣльцемъ Янова; онъ жилъ въ этомъ мѣстечкѣ и ему, по званію маршала Литинскаго повѣта (литинскаго уѣзднаго предводителя), поручено было производство формальнаго слѣдствія надъ Колычевымъ.

станкомъ для печатанія старообрядскихъ книгъ; она сгорѣла 25-го октября 1821 года. Послѣ того Колычевъ сталъ заниматься больше лѣченіемъ, собирать травы и дѣлать лѣкарства, которыхъ при обыскѣ въ 1822 году нашлось у него нѣсколько шкаповъ. Но не могъ онъ разстаться съ полюбившимся ему печатнымъ дѣломъ: въ 1822 г. въ третій разъ завелъ тайную типографію и въ томъ-же году отправилъ въ Москву съ купцомъ Избупкинымъ тысячу книгъ и шесть тысячъ букварей. Въ 1823 году, согласно съ мнѣніемъ московскаго архіепископа Филарета и тогдашняго министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н Голицына, всѣ типографскія принадлежности и старообрядскія книги, отобранныя у Колычева въ Майданѣ Почапинецкомъ и прежде того въ Яновѣ, были истреблены. Гражданскія книги, составлявшія библіотеку Колычева, и медикаменты, въ которыхъ не найдено ничего недозволеннаго,—ему возвращены [1]).

Съ 1817 года Колычевъ въ разныя судебныя мѣста и разнымъ лицамъ подавалъ множество просьбъ о возвращеніи ему типографіи, а потомъ о вознагражденіи его за истребленныя типографскія принадлежности и книги. Не получая желаемаго, рѣшился онъ снова приняться за тайное печатаніе старообрядскихъ книгъ, но уже заграницей. Для того ѣздилъ онъ къ Некрасовцамъ, но тѣ и слышать не хотѣли ни о типографіи, ни о новопечатныхъ книгахъ. Говорили они: «тѣ только книги святы, что́ печатаны при патріархѣ Іосифѣ». За всякія другія вводителя новшествъ обѣщали «намочить», то-есть въ куль да въ воду. Года четыре пробылъ Колычевъ заграницей, побывалъ въ Константинополѣ, пробирался къ казакамъ, живущимъ въ Малой Азіи, но едва убрался оттуда по-добру по здорову. Во

---

[1]) О старообрядскихъ типографіяхъ помѣщаемъ особое приложеніе.

время начавшейся у насъ войны съ турками въ 1828 году, былъ онъ еще у Некрасовцевъ, потомъ какъ-то перебрался въ русскій лагерь, а отсюда вышелъ въ Россію. Но желаніе завести вновь типографію не покидало Колычева, и вздумалъ онъ устроить четвертую на своемъ вѣку тайную типографію въ монастырѣ Лаврентьевѣ, куда и пришелъ въ 1829 году. Въ это время было ему уже лѣтъ подъ семьдесятъ, давно уже онъ былъ хромъ и ходилъ на костыляхъ. Съ большимъ почетомъ принятъ былъ Колычевъ игуменомъ Симеономъ, братія взирала на него съ особеннымъ уваженіемъ, какъ на дворянина-старообрядца [1]), хотя въ

[1]) Старообрядцы всѣхъ толковъ чрезвычайно дорожатъ дворянами, принадлежащими къ ихъ согласіямъ. Не говоря о томъ, что они весьма почитаютъ единовѣрцевъ своихъ, дворянъ изъ казаковъ уральскихъ, кубанскихъ, терскихъ и донскихъ, всегда они съ гордостью упоминаютъ о князьяхъ Мышецкихъ (братьяхъ Денисовыхъ), о Спиридонѣ Потемкинѣ. Ѳедорѣ Токмачевѣ (устроителѣ скитовъ на Керженцѣ), объ Анфисѣ Колычевой, основательницѣ обители въ Оленевѣ, о княжнѣ Болховской, двоюродной сестрѣ царицы Евдокіи Ѳедоровны, основательницѣ обители Бояркиныхъ въ скитѣ Комаровѣ, о галицкой помѣщицѣ Свѣчиной, основательницѣ скита Улангерскаго, и проч. Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія жилъ въ одномъ изъ Керженскихъ скитовъ (Улангерѣ) инокъ Іона Сухонинъ. Онъ былъ мелкопомѣстный дворянинъ того же Семеновскаго уѣзда, въ которомъ находился и скитъ, пріютившій его. Несмотря на то, что Іона Сухонинъ былъ полоумный, онъ пользовался огромнымъ уваженіемъ старообрядцевъ. До высылки въ 1853 г. изъ Керженскихъ скитовъ постороннихъ лицъ, жила въ Улангерѣ вдова одного гофъ-фурьера; на нее смотрѣли какъ на боярыню, удалившуюся отъ царскаго двора ради правой вѣры. Въ обители Бояркиныхъ скитскія матери съ гордостію показывали на вѣнцѣ храмового ихъ образа Нерукотвореннаго Спаса александровскую ленту и орденъ, которые были привѣшены къ нему основательницей обители, княжной Болховскою въ XVIII столѣтіи. Орденскіе знаки достались ей по смерти внучатнаго ея племянника, генералъ-аншефа Василія Абрамовича Лопухина, у котораго она жила въ домѣ до уклоненія въ расколъ и до поступленія въ скитъ. Нѣкоторые видятъ въ раскольникахъ демократическое направленіе; напротивъ, раскольники очень любятъ разные знаки отличія, а дворянами, находящимися въ средѣ ихъ, всегда гордились и теперь гордятся. Слово «боярскаго рода» у нихъ много значитъ. Даже и лжедворяне, въ родѣ Константина Константиновича Колычева, у нихъ бываютъ въ немалой чести.

дѣйствительности онъ и не имѣлъ дворянскаго достоинства, какъ на мнимаго родственника святого Филиппа, какъ на странствователя по дальнимъ зарубежнымъ старообрядскимъ «палестинамъ», какъ на врача-старообрядца и, наконецъ, какъ на великаго ревнителя по «древлему благочестію», претерпѣвшаго столько бѣдъ за распространеніе полезныхъ у старообрядства книгъ. Заведеніе въ Лаврентьевѣ типографіи было по мысли приближавшемуся ко гробу отцу Симеону и ближайшимъ къ нему инокамъ. И слава, и большіе барыши отъ распродажи книгъ обольщали ихъ. Надѣясь, что подъ крѣпкою защитой графа Сергѣя Петровича Румянцева они безпрепятственно поведутъ печатное дѣло, они отвели Колычеву особую, помѣстительную келью, гдѣ предположено было поставить и станокъ. Типографія, однако, не состоялась. Кажется, самъ Румянцевъ не одобрилъ затѣи своихъ «подданныхъ». Колычевъ остался, однако, въ монастырѣ, и вмѣсто шрифтовъ, кассъ и станковъ наполнилъ свою келью лѣкарствами. Самъ собиралъ травы, самъ сушилъ ихъ, самъ составлялъ лѣкарства. Стали къ нему стекаться больные изъ окрестныхъ мѣстъ, и не только старообрядцы, но и православные, католики и даже евреи. Слава о безмездномъ врачѣ-безсребренникѣ распространилась по Бѣлоруссіи; иные, конечно, считали его знахаремъ, колдуномъ, увѣряя, что на снадобья онъ что то нашептываетъ, заговоры говоритъ. Сперва Колычевъ въ самомъ дѣлѣ не бралъ денегъ за лѣченіе, но по смерти Симеона, случившейся вскорѣ по водвореніи врача-типографщика въ обители Лаврентьевой, не сталъ онъ отказываться отъ посильнаго вознагражденія за врачеваніе, впрочемъ, не иначе, какъ бутылками и штофами, которые и распивалъ съ самими болящими и съ винолюбивыми иноками, къ немалому горю Михаила. Не зналъ игуменъ, какъ и быть съ Колыче-

вымъ: съ каждымъ днемъ онъ больше и больше спаивалъ честную братію. И жаль было Михаилу прогнать такую знаменитость, и не могъ онъ оставаться равнодушнымъ, видя, какъ славный мужъ распространяетъ въ пустынной обители горькое пьянство. Одинъ случай рѣшилъ, наконецъ, судьбу Колычева, избавивъ отца Михаила отъ нашедшей на монастырь напасти. Къ Колычеву, какъ уже сказано, приходили изъ разныхъ мѣстъ больные разными недугами за исцѣленіемъ. Которые были «по древлему благочестію» и лѣченіе которыхъ требовало не мало времени, тѣхъ оставляли въ Лаврентьевой обители на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, и жили такіе въ кельѣ Колычева или по сосѣдству съ нею. Однажды привезли къ безмездному врачу двухъ дѣвушекъ: одну четырнадцатилѣтнюю съ ракомъ на груди, другую семнадцатилѣтнюю съ бѣльмомъ на глазу. Обѣ были помѣщены въ кельѣ сѣдого какъ лунь и хромого Колычева. Онъ началъ ихъ пользовать. Черезъ нѣсколько времени родители той и другой жаловались игумену и братіи, что престарѣлый врачъ обѣимъ дѣвушкамъ сдѣлалъ насиліе. Нашлись тому неоспоримыя доказательства. Молва о преступленіи Колычева распространилась, родители обезчещенныхъ дѣвушекъ потребовали отъ монастыря значительное денежное вознагражденіе, грозя въ противномъ случаѣ судебнымъ преслѣдованіемъ. Дѣлать было нечего, Михаилъ поспѣшилъ удовлетворить обиженныхъ изъ монастырской казны, по общему приговору соборныхъ старцевъ, а Колычева съ позоромъ изгнали изъ монастыря, задержавъ все его имущество для пополненія суммы, заплаченной монастыремъ. Старый сластолюбецъ, на костыляхъ, съ мѣшкомъ за плечами, побрелъ въ Москву. Здѣсь жилъ онъ до конца сороковыхъ годовъ, шатаясь изъ дома въ домъ и питаясь подаяніемъ. Онъ умеръ въ Москвѣ, будучи де-

вяноста лѣтъ отъ роду и почти совершенно выживъ изъ ума.

Въ Лаврентьевѣ Колычевъ прожилъ года три либо четыре, то-есть все почти время настоятельства отца Михаила. Былъ онъ человѣкъ словоохотливый и умѣлъ красно говорить, а будучи выше всѣхъ жителей обители по образованію, естественно увлекалъ ихъ разсказами. Много видалъ онъ на своемъ вѣку, много странствовалъ по сушѣ и по морямъ и любилъ разсказывать про видѣнное и слышанное, не скупясь при этомъ на прикрасы собственнаго вымысла. Разсказывалъ онъ про житье-бытье старообрядцевъ по разнымъ мѣстамъ Россіи, про скиты и монастыри, про жительство отшельниковъ въ лѣсахъ Пермскихъ, Кайгородскихъ и Ветлужскихъ; про гробницы разныхъ старообрядскихъ угодниковъ, разсказывалъ чудныя повѣсти о невидимыхъ градахъ и монастыряхъ, о славномъ озерѣ Свѣтлоярѣ, о Бѣловодьѣ или Опонскомъ царствѣ, куда будто бы самъ ходилъ. Разсказывалъ онъ и про житье «славнаго войска Кубанскаго», то-есть Некрасовцевъ, про житье потомковъ казаковъ, живущихъ въ Майносѣ и около Синопа; разсказывалъ, наконецъ, и о такихъ заграничныхъ поселеніяхъ русскихъ старообрядцевъ, какихъ никогда и не бывало. Лаврентьевцы заслушивались разсказовъ Колычева и во всемъ вѣрили ему на́-слово.

Легковѣрныхъ собесѣдниковъ красноглаголиваго Колычева не столько интересовали разсказы его про житье Некрасовцевъ и про разныя диковинки, будто-бы видѣнныя и слышанныя имъ во время дальнихъ странствованій, какъ баснословныя сказанія его о небывалыхъ старообрядскихъ церквахъ и при нихъ епископахъ, пребывающихъ будто бы на Востокѣ. Колычевъ увѣрялъ, что самъ онъ видалъ старообрядскіе монастыри и великія лавры, и не только епископовъ

и митрополитовъ, но самого даже патріарха антіохійскаго. цѣло сохранившаго «древлее благочестіе». «Былъ я,—сказывалъ онъ,—за Египтомъ, живутъ тамъ старообрядцы русскаго языка, во области, нарицаемой Емаканъ; тамъ у нихъ истинная вѣра сіяетъ какъ солнце: много церквей и монастырей, много святыхъ мощей и чудотворныхъ иконъ, и есть тамъ епископы истинно-древлей православной вѣры: молятся и благословляютъ въ два перста, аллилуію сугубятъ и служатъ на семи просфорахъ. А то еще на Черной Горѣ, за Сербской землей, гдѣ подвизался преподобный Никонъ Черныя Горы и писалъ *Уставъ*, тамъ есть свой «древляго благочестія» епископъ, онъ и землею правитъ по закону церковному, а не по гражданскому.» Такимъ образомъ Колычевъ и черногорскаго владыку сдѣлалъ въ своихъ разсказахъ старообрядцемъ. Лѣтъ черезъ пятнадцать послѣ того какъ баснословилъ онъ въ Лаврентьевѣ, старообрядскіе искатели архіерейства въ самомъ дѣлѣ пробрались было къ черногорцамъ, но едва убрались отъ нихъ цѣлы. Разсказывалъ Колычевъ и про «стрѣльцовъ», будто бы ушедшихъ изъ Россіи отъ гоненій на старую вѣру въ Персію и тамъ доселѣ будто бы соблюдающихъ «древлее благочестіе» ни въ чемъ неизмѣнно и имѣющихъ своихъ епископовъ, зависящихъ отъ патріарха антіохійскаго.

Много было толковъ между старообрядцами, жившими въ Бѣлоруссіи и Стародубьѣ, по поводу розсказней хромого паломника. Переходя изъ устъ въ уста, они дѣлались болѣе и болѣе баснословными и даже принимали характеръ фантастическій. Къ сказочнымъ сокровеннымъ святымъ мѣстамъ старообрядцы не замедлили пріурочить чуть не рай небесный. Въ тѣхъ мѣстахъ, благословенныхъ Господомъ, разсказывали досужіе повѣствователи, въ тѣхъ мѣстахъ, уготованныхъ самимъ Царемъ небеснымъ для своихъ избран-

ныхъ, каждый, какъ во дни Соломона, живетъ подъ виноградомъ своимъ, подъ своею смоковницей; земли тамъ не пашутъ, хлѣбъ самъ родится; рыбы въ рѣкахъ такое множество, что зачерпни только ведромъ— и вынешь рыбы столько, что цѣлый день большая семья сыта будетъ. За скотомъ ухода никакого, безъ пастуховъ стада пасутся по тучнымъ пажитямъ, а къ вечеру коровы сами подходятъ къ домамъ, чтобъ ихъ подоили. Работать не надо, живи вѣкъ свой, руки сложа, только благодари Господа за Его милости. И между людьми тамошними ни ссоръ, ни вражды не бываетъ; живутъ они въ мирѣ, въ любви да совѣтѣ: судовъ нѣтъ, для того, что судить некого: не бываетъ въ тѣхъ блаженныхъ мѣстахъ преступленій, нѣтъ у тамошнихъ людей никакихъ пороковъ, всѣ живутъ яко ангели на небесѣхъ, отъ того и начальства нѣтъ никакого, кромѣ духовныхъ отцовъ и епископовъ.

Этимъ не удовольствовались слагатели басенъ. Еще до 1830 года ходилъ между старообрядцами слухъ, передаваемый, впрочемъ, за великую тайну, о благочестивомъ Персидскомъ царствѣ. Колычевъ говорилъ только про «стрѣльцовъ», будто бы живущихъ въ Персіи; какой то досужій языкъ прибавилъ, что тамъ, у этихъ «стрѣльцовъ», у сей «благочестивой Христовой рати небрѣемой», пребываютъ не только истинные, старой вѣры епископы, бояре и вои, но самъ царь древлеблагочестивый, прямой потомокъ царя Михаила Ѳеодоровича Романова. Вотъ отрывокъ изъ письма, отправленнаго изъ Стародубья въ Керженецъ въ іюлѣ 1830 г.

«Еще же повѣдаю вамъ, матушка, какъ Христосъ хранитъ непорочную невѣсту свою, святую церковь, по неложному своему обѣщанію, что пребудетъ съ нами на землѣ до скончанія вѣка. Истинные свидѣтели отъ нашихъ христіанъ подъ клятвою увѣряютъ, что

въ Персидской землѣ много обрѣтается нашихъ древлеблагочестивыхъ христіанъ, бѣжавшихъ изъ Россіи отъ огнепальнаго гоненія Никона патріарха. Идѣ же святый мученикъ Іаковъ, за Христа пострадавый (зри о семъ въ *Прологѣ* 27-го ноября), тамо нынѣ благочестіе сіяетъ, яко свѣтило. Не точію священнаго чина иноковъ исполнена страна та, но и епископы древлеблагочестивые въ ней есть, имѣютъ даже царя своего, благовѣрнаго и христолюбиваго. Егда Никонъ патріархъ возвѣя на церковь всемрачную бурю и ересей море великое и пространное на Россійское царство испусти, царь же Алексій Михайловичъ и весь синклитъ и вся вои во слѣдъ онаго отца ересемъ пошли, тогда убо старѣйшій царевичъ, царя Алексія Михайловича сынокъ, не восхотѣлъ отступити отъ истинно древней православной вѣры и крѣпко утвердися въ староцерковномъ благочестіи. И воздвиже на него царь гнѣвъ свой, и томленъ бысть царевичъ во единой отъ царскихъ палатъ, яко въ темницѣ, обаче ни поколебати, ни къ своимъ волемъ преклонити не возмогоша. И бѣжа тотъ старѣйшій царевичъ, съ благочестивыми стрѣльцами и съ казаками, за море, въ Персидскія страны и пріятъ бысть персидскимъ царемъ набожно (?), испроси у него земли ради населенія съ тѣми стрѣльцами и казаками. И устроилъ тамо благовѣрное царство и пріятъ отъ антіохійскаго патріарха, благочестива суща, митрополита и епископовъ, священый же и иноческій чинъ и доживе до старости, устрояя царство, честнѣ животъ свой скончаj, на царство же Персидское благослови сына своего старѣйшаго. И до дней нашихъ царскій благочестивый корень тамо не изсяче. Аще и не пространно царство, обаче по Спасову словеси: «не бойся, малое стадо», благочестіемъ сіяюще, яко до Никона патріарха вся Россія сіяла, то малое царство пребываетъ десницею

Господисю прикровенно. И выходу оттуда благочестивымъ христіаномъ въ наши мѣста нѣтъ, приходящихъ же туда нашихъ христіанъ съ великою радостію пріемлютъ. Тако сіяетъ сокровенная Божія церковь, чистая и непорочная невѣста Христова, и такое Божіемъ милосердіемъ соблюдается царство то благочестивое по писанію, яко имать церковь быти до скончанія вѣка и врата адовы не одолѣютъ. Истинно извѣщаю вамъ, матушка пречестная инокиня Екатерина, что нѣкіе отъ нашихъ христіанъ ходили въ Еросалимъ (Іерусалимъ) поклонитися живоносному гробу Господню и святымъ мѣстамъ спасительныхъ страстей Христовыхъ и доходили до того мѣста, и въ томъ безъ сумнѣнія подъ клятвою утверждаютъ» [1]).

Такимъ образомъ, память о самозванцѣ-царевичѣ Алексѣѣ Алексѣевичѣ, бывшемъ у Стеньки Разина (ходившаго и въ Персію), воскресла въ средѣ старообрядцевъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ нашего столѣтія. Пущенная въ ходъ, вѣроятно вслѣдствіе баснословныхъ сказаній Колычева, сказка о Персидскомъ царствѣ и о царѣ изъ дома Романовыхъ поддерживалась отчасти и солдатами изъ старообрядцевъ, воротившимися изъ Персидскаго похода 1826 года. Вслѣдствіе извѣстной склонности нашихъ солдатъ, побывавшихъ въ дальнихъ походахъ, разсказывать сельщинѣ-деревенщинѣ разныя диковинки съ обильнымъ украшеніемъ краснымъ словцомъ, басня о раскольничьемъ царствѣ въ Персіи разошлась по разнымъ мѣстностямъ [2]). Въ своемъ мѣстѣ мы разскажемъ,

---

[1]) Письмо отъ 13-го іюля 1830 г., подписанное *г. и. Е.*, то-есть «грѣшная инокиня Е.» (вѣроятно, ѣздившая за сборами), къ игуменьѣ Екатеринѣ, бывшей въ Комаровскомъ скитѣ, Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи.

[2]) Замѣчательно, что изданная въ 1831 году (то-есть во время распространенія толковъ о мнимомъ персидскомъ царѣ изъ дома Романо-

какъ искатели архіерейства устремились въ персидскіе предѣлы, претерпѣвая страшныя лишенія въ пустынныхъ мѣстахъ Малой Азіи, и гибли тамъ отъ болѣзней, тщетно разыскивая благочестивое царство. Сколько силъ по пустякамъ растрачено было на эти исканія! При иной обстановкѣ, при иномъ образованіи, люди, погибшіе отъ болѣзней въ пустыняхъ, могли бы стать на ряду съ самоотверженными путешественниками изъ западной Европы, проникавшими въ неизвѣданную глубину Африки и во внутренность Австралійскаго материка. Нельзя не сочувствовать энергіи и самоотверженію русскихъ людей, пускавшихся въ многотрудныя дальнія странствія, но нельзя и не сожалѣть, что ихъ силы потрачены были лишь на разысканіе небывалыхъ архіереевъ и баснословнаго царя.

Во время Рогожскаго собора, бывшаго въ началѣ 1832 года, когда зашла рѣчь о людяхъ, способныхъ искать по иноземнымъ государствамъ епископовъ «древляго благочестія», лаврентьевскій игуменъ, какъ мы уже сказали въ своемъ мѣстѣ, заявилъ, что у него въ монастырѣ есть такіе люди, не по одному разу бывшіе за границей, люди смѣлые, ловкіе и готовые на все. Вѣроятно, разумѣлъ онъ Колычева, жившаго въ то время еще въ Лаврентьевой обители, хотя по преклоннымъ его лѣтамъ (подъ семьдесятъ лѣтъ) едва-ли

выхъ) книжка г. Берха *Царствованіе царя Алексѣя Михайловича*, въ которой едва-ли не впервые въ русской печати говорилось о самозванцахъ-царевичахъ Алексѣѣ и Симеонѣ Алексѣевичахъ (I—261 и 279), разошлась въ значительномъ числѣ экземпляровъ между старообрядцами. Въ любомъ скитѣ или монастырѣ старообрядскомъ можно было найти эту книгу. У Аѳонія Кочуева было нѣсколько экземпляровъ ея. До тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, сколько намъ извѣстно, раскольники не толковали о Персидскомъ царствѣ. По крайней мѣрѣ не сохранилось о томъ ни малѣйшихъ намековъ ни въ извѣстныхъ намъ раскольничьихъ рукописяхъ и письмахъ, ни въ обозрѣнныхъ нами правительственныхъ архивахъ.

можно было разсчитывать на самоличныя его странствія. А можетъ быть, увлеченные разсказами его, нѣкоторые изъ лаврентьевской братіи въ это время и сходили уже за границу, и ихъ-то разумѣлъ лаврентьевскій игуменъ въ предложеніи, сдѣланномъ на Рогожскомъ соборѣ.

Въ Лаврентьеву обитель, какъ сказано въ предыдущей главѣ, долженъ былъ заѣхать, по порученію петербургскихъ коноводовъ поповщины, Громовыхъ, пробиравшійся изъ столицы назадъ въ свой Серковскій монастырь игуменъ Героній. Пріѣхавъ въ Лаврентьевъ осенью 1832 г., онъ пробылъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, съ осторожностію исполняя данное ему въ Петербургѣ порученіе. Присмотрѣвшись къ монастырскимъ порядкамъ, замѣтилъ онъ, что по столь важному дѣлу нечего ему и входить въ сношенія съ игуменомъ Михаиломъ, человѣкомъ старымъ и озабоченнымъ мелочами обыденной жизни монастыря: посылкой за сборами, закупкой припасовъ, кормленьемъ братіи и исправленіемъ обычныхъ богослуженій. Осторожно повелъ Геронтій рѣчь съ Аркадіемъ. Аркадій уже зналъ, что возникшая на Рогожскомъ соборѣ затѣя объ учрежденіи заграничной старообрядской іерархіи всѣми оставлена, что Рахмановъ уѣхалъ изъ Петербурга ни съ чѣмъ, и что въ Москвѣ никто и не думаетъ болѣе объ осуществленіи кочуевскаго предположенія. Какъ только Геронтій завелъ съ нимъ объ этомъ дѣлѣ рѣчь, онъ отнесся къ нему даже съ негодованіемъ, говоря, что такія затѣи, вмѣсто пользы старообрядству, принесутъ ему одну пагубу. «Если и теперь,— говорилъ Аркадій Геронтію,—стѣсненія старообрядства въ Россіи съ каждымъ мѣсяцемъ усиливаются, что будетъ, если правительство узнаетъ объ этихъ замыслахъ? Если бы даже удалось намъ устроить заграничную іерархію, какія невзгоды постигли бы

тогда старообрядцевъ въ Россіи! Кромѣ того,—продолжалъ онъ,—и слова его оправдались на дѣлѣ,—пріемъ епископа къ старообрядцамъ будетъ «новшествомъ», ибо со дней Павла Коломенскаго, въ продолженіе ста семидесяти лѣтъ, не бывало у насъ епископа; это «новшество» неминуемо произведетъ раздоръ и раздѣленіе въ старообрядствѣ [1]). «Люди, хорошо и близко знающіе Аркадія Шапошникова, увѣряютъ, что онъ былъ противъ старообрядской іерархіи даже и тогда, какъ она уже основалась; что онъ до тѣхъ поръ не примирился съ нею, пока самъ не попалъ въ архіереи. Даже и во дни своего архіерейства, еще не много лѣтъ тому назадъ, поспоривъ на письмахъ съ Кирилломъ Бѣлокриницкимъ, Аркадій писалъ къ нему: «Да что мы съ тобой за архіереи?», явно высказывая, что не вѣритъ въ законность принятаго сана [2]).

Осторожный и сдержанный Геронтій не пускался болѣе въ разсужденія съ Аркадіемъ объ учрежденіи заграничной іерархіи. Черезъ нѣсколько времени завелъ онъ съ нимъ другую бесѣду, о переселеніи кого-нибудь изъ лаврентьевцевъ за границу, въ знакомую ему Бѣлую-Криницу, гдѣ бы, по петербургскому громовскому проекту, образовать братство изъ людей

---

1) *Письмо Геронтія къ Алексѣю Великодворскому* изъ Серкова монастыря, 3-го февраля 1833 года.

2) Подлинное письмо Аркадія къ Кириллу, въ которомъ онъ такъ выражается, въ Москвѣ, и находилось у насъ подъ руками. О немъ скажемъ современемъ въ своемъ мѣстѣ. Упомянемъ здѣсь лишь поводъ, побудившій Аркадія сказать такія неутѣшительныя для старообрядства слова. Кириллъ упрекнулъ его въ томъ, что онъ, какъ женатый на вдовѣ, по правиламъ святыхъ отецъ, не есть законный архіерей. Противъ такого аргумента сказать Аркадію было нечего, и онъ выразилъ ту мысль, что для старообрядцевъ и такіе архіереи, какъ онъ съ Кирилломъ, подходящи. «Какіе мы съ тобой архіереи, коли по правдѣ сказать?» написалъ онъ «митрополиту бѣлокриницкому и всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ» Кириллу. Такъ несостоятельность старообрядской іерархіи сознается самими ихъ іерархами.

хорошихъ, начитанныхъ и степенныхъ. Аркадій былъ и противъ этого. Завелъ, наконецъ, Геронтій рѣчь объ отправленіи въ восточныя страны ходоковъ для отысканія древлеблагочестивыхъ епископовъ не ради приглашенія ихъ въ Россію, не для того, чтобъ они поставили русскимъ старообрядцамъ епископа, но единственно для удостовѣренія, справедливы ли распространившіеся въ послѣднее время о нихъ слухи. И тутъ не встрѣтилъ сочувствія Аркадія. Вѣроятно, убѣдясь, что Аркадій не только не будетъ пособникомъ затѣянному въ Петербургѣ дѣлу, но еще, пожалуй, станетъ ему противодѣйствовать, Геронтій не входилъ болѣе съ нимъ въ разговоры о томъ, за чѣмъ былъ присланъ. Бесѣдовали Аркадій съ Геронтіемъ о хозяйственныхъ дѣлахъ; тутъ они сошлись: и тотъ и другой были отличные домостроители. Они разстались добрыми пріятелями [1]).

Живя немалое время въ Лаврентьевѣ, Геронтій успѣлъ узнать тамошнихъ иноковъ. Съ лучшими изъ нихъ была у него ведена рѣчь объ исканіи архіерейства и о томъ, какъ бы завести въ заграничной Бѣлой-Криницѣ благоустроенную обитель съ иноками хорошей жизни, преданными старообрядству, начитанными и энергическими. Такія слова Геронтія пришлись имъ по сердцу. Нѣкоторые изъ нихъ заявили даже желаніе тотчасъ же двинуться въ путь—искать архіерея. Иноки Аркадій Лысый, Ираклій Сорокинъ и другіе рѣшились идти въ невѣдомыя страны. Всего охотниковъ странствовать набралось до двѣнадцати человѣкъ. Не говоря ни слова игумену Аркадію о своихъ намѣреніяхъ, одинъ за другимъ выбрались они изъ Лаврентьева, какъ-бы за сборомъ подаяній, и перешли

---

[1]) *Письмо Геронтія къ А. Великодворскому* изъ Серкова монастыря, 3-го февраля 1833 года.

за молдавскую границу, гдѣ и собрались въ тамошнемъ Мануиловскомъ старообрядскомъ монастырѣ. Въ 1833 году было совершено ими первое хожденіе на Востокъ для поисковъ древлеблагочестивыхъ епископовъ.

Одновременно съ лаврентьевскими, даже, быть-можетъ, нѣсколько раньше, старообрядцы и изъ другихъ мѣстъ отправились на Востокъ искать тѣхъ блаженныхъ мѣстъ, гдѣ «древлее благочестіе» сіяетъ. Въ 1833 году вообще стало замѣтно небывалое дотолѣ въ средѣ старообрядческой явленіе: до того времени они совершенно равнодушно относились не только къ святынямъ кіевскимъ, но и къ святымъ мѣстамъ Палестины. «Хоть и святы мѣста, да въ рукахъ Никоніанъ,—говорили ихъ начетчики,—и потому благодати тамъ нѣтъ, одна мерзость запустѣнія, Даніиломъ пророкомъ предвозвѣщенная; не для чего ходить туда». И старообрядцы слушались начетчиковъ, ходили только къ своимъ святымъ мѣстамъ на поклоненіе: въ лѣса пермскіе, къ тамошнему ихъ святому Іову, къ угодникамъ керженскимъ [1]), на Иргизъ и пр. [2]). Во Ржевѣ

---

[1]) Софронтій въ лѣсу подлѣ большой дороги изъ Нижняго въ Вятку, у деревни Діанова, верстъ пять до города Семенова; Никандръ за деревней Песочной близъ той же дороги; Арсеній близъ деревни Ларіоновой, Ефремъ, Варлаамъ, Илія, Ѳекла, Голендуха и Фотинія въ Поломскихъ лѣсахъ и Козленецкихъ болотахъ.

[2]) Филаретъ жилъ еще въ концѣ XVII или въ самомъ началѣ XVIII столѣтія. О часовнѣ, бывшей на его могилѣ, и о томъ, что туда на Троицынъ день сходятся богомольцы, производилось дѣло еще въ 1732 году (*Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія* Г. В. Есипова, I, 236—269). Ровно черезъ сто лѣтъ, то-есть въ 1832 году, о ней возникло вновь дѣло. Коллежскій ассесоръ Бороздинъ, бывши случайно въ лѣсу, видѣлъ сборище народа на Ѳеодоритовой могилѣ и донесъ о томъ московскому генералъ-губернатору. Онъ писалъ: «На означенномъ мѣстѣ есть признаки могилы, находятся на столбѣ малые мѣдные образа и совершается раскольниками служеніе при многочисленномъ стеченіи народа изъ ближнихъ и даже нѣкоторыхъ дальнихъ деревень, въ дни Вознесенія

оглашены были части мощей святого Саввы, именно глава его, взятая будто-бы раскольниками изъ московскаго Андроньева монастыря во время французскаго

Господня и Пятидесятницы; въ народѣ есть молва, что тутъ жилъ какой-то пустынникъ Ѳеодоритъ; во время народныхъ сборищъ бываетъ тамъ продажа нѣкоторыхъ мелочныхъ товаровъ и даже вина». Московскій совѣщательный о раскольникахъ комитетъ 8-го іюня 1832 года рѣшилъ, «чтобы воспрепятствовать раскольническимъ сборищамъ на могилѣ Ѳеодорита, предоставить военному генералъ-губернатору войти въ сношеніе съ владѣльцемъ того мѣста, генералъ-маіоромъ Рахмановымъ, нельзя ли упогребить оное мѣсто для земледѣлія, такъ чтобы слѣды могилы чрезъ то были закрыты, и земля сдѣлана была неудобною для народнаго собранія». Г. Рахмановъ 10-го іюля 1832 года отвѣчалъ между прочимъ слѣдующее: «на берегу небольшой вершины находится межа, и при оной пахатная земля принадлежитъ крестьянамъ казенной деревни Лобановой. Раскольники утверждаютъ, что близь той вершины, въ моемъ лѣсу, имѣется могила святого будто-бы Ѳеодорита, и во дни Вознесенія Господня и Пятидесятницы собираются въ деревнѣ Лобановой, изъ которой выходятъ на упоминаемую межу для молебной службы, которую отправляетъ имъ вмѣсто попа дѣвка, живущая въ означенной деревнѣ Лобановой. При семъ бываютъ иногда пріѣзжіе изъ Ржева и изъ Гжатской пристани. Приходящіе на мѣсто ставятъ столбикъ, вѣшаютъ на оный мѣдные образа, читаютъ по книжкѣ будто-бы панихиду, вырываютъ землю изъ-подъ берега, по коему пролегаетъ межа, будто для исцѣленія отъ болѣзней; но продажа вина и мелочного товара не бываетъ при сборищѣ у мнимой могилы, которой даже и признаковъ нѣтъ, кромѣ ямы подъ межой, изъ которой они руками таскаютъ землю. Но, можетъ-быть, таковая продажа производится въ домахъ деревни Лобановой; на мѣстѣ же сборища ни пьяныхъ или какого шума не бываетъ, и раскольники оныхъ не терпятъ. Такъ какъ неподалеку отъ сего мѣста, въ дачахъ моихъ, я имѣю скотный дворъ, то однажды при обозрѣніи онаго мнѣ случилось внезапно наѣхать на мѣсто и застать собравшихся раскольниковъ, которыхъ я со всею кротостію уговаривалъ, чтобъ они прекратили правительствомъ воспрещаемыя сборища, или ходатайствовали бы о позволеніи построить молебную; другихъ же способовъ къ прекращенію ихъ сборища я употребить не могъ, ибо пристанище ихъ бываетъ въ казенной деревнѣ, и изъ оной выходятъ они не на мое владѣніе, а на межу между моей и казенною землей. Раскольники продолжаютъ и понынѣ собираться, хотя столбъ, на которомъ поставляются ими образа, пастухами моими бываетъ выбрасываемъ. Запахать же оное мѣсто нѣтъ возможности, во первыхъ потому, что, находится на самомъ берегу вершины, во-вторыхъ потому, что, запахивая оное, должно будетъ запахать межу, но сіе ни къ чему не послужитъ, ибо

разгрома [1]). И сюда потихоньку ходили молиться. Около Москвы, въ Волоколамскомъ уѣздѣ, между деревнями Лобановой и Ховалью, въ лѣсу, погребены болѣе ста лѣтъ тому назадъ старцы Филаретъ и Ѳеодоритъ. Сюда на поклоненіе имъ собиралось множество народа не только окрестнаго, но изъ Москвы, изъ Ржева, изъ Гжатска, преимущественно же въ праздники Вознесенія и Троицы. Такъ много стало ходить сюда поклонниковъ, что въ эти дни на Ѳеодоритовой могилѣ устраивались даже сельскія ярмарки. Кромѣ того, по разнымъ мѣстамъ оглашены были древнія иконы чудотворными, напримѣръ Казанской Богородицы въ скитѣ Шарпанскомъ, Николая Чудотворца въ Глафириной обители Комаровскаго скита [2]), Казанской Богородицы въ Макарьевомъ монастырѣ, что́ въ Гомельскомъ имѣніи, и много другихъ по разнымъ мѣстамъ. Сюда ходили набожные старообрядцы, минуя

они подрываются изъ вершины подъ берегъ». Черезъ семь лѣтъ послѣ этого московскій митрополитъ писалъ гражданскому губернатору Олсуфьеву, что сборища на Ѳеодоритовой могилѣ продолжаются. «Мѣсто оное, въ прошломъ 1838 году, по распоряженію духовнаго начальства,—писалъ митрополитъ,—было свидѣтельствовано благочиннымъ села Плоскаго, Николаевской церкви священникомъ, и оказалось, что тамъ есть впадина, мало похожая на могилу, и въ ней лежитъ дикій камень, довольно не малый, вросшій въ землю; при ней поставленъ деревянный столбъ, вновь тщательно обдѣланный и покрытый новымъ тесомъ, подъ крышей коего поставленъ мѣдный образъ Казанской Божіей Матери. Собранія въ томъ мѣстѣ, по донесенію благочиннаго, бываютъ, какъ и прежде, на день Вознесенія Господня и на день Сошествія Святаго Духа». (*Дѣло въ архивѣ московскаго генералъ-губернатора* 1852 года). Впослѣдствіи, однако, раскольники собирались для моленій на Ѳеодоритовой могилѣ.

[1]) Впослѣдствіи однимъ раскольникомъ она была отдана соборному протоіерею города Ржева, извѣстному отцу Матвѣю Александрову (съ которымъ Гоголь былъ въ перепискѣ). По этому случаю производилось дѣло, и какъ не было доказательствъ, что это дѣйствительно мощи св. Саввы, то и отдали главу на храненіе въ ризницу Тверского каѳедральнаго собора.

[2]) Оба въ Семеновскомъ уѣздѣ.

древнія святыни, какъ находящіяся въ храмахъ и обителяхъ православныхъ. Съ 1833 года старообрядцы поповщинскаго согласія, и только одного поповщинскаго, стали въ значительномъ количествѣ ходить на поклоненіе въ Кіевъ, откуда пробирались въ свои монастыри. Стали ходить и въ Іерусалимъ. Въ Константинополѣ и въ Палестинѣ чаще и чаще стали являться невиданные тамъ дотолѣ кафтыри и камилавки старообрядскихъ иноковъ. Появленіе тамъ старообрядцевъ замѣчено было и нашими дипломатическими агентами; они сообщали о томъ для свѣдѣнія правительству. Видѣли въ этомъ начало сближенія раскольниковъ съ православною церковью; никто и не догадывался, что странствователи-старообрядцы стремятся на Востокъ совсѣмъ съ иною цѣлію—отыскать вожделѣнныя святыя мѣста, своихъ единовѣрцевъ и небывалыхъ своихъ архіереевъ.

Съ 1833 года между старообрядцами распространились такъ-называемыя *Іерусалимскія письма.* Намъ извѣстны два такія письма, но ихъ было пущено въ обращеніе несравненно больше. Въ Саратовской губерніи ходило по рукамъ *Сказаніе нѣкоего христолюбца о облагочестіи во Египтѣ.* Авторъ не назвалъ, разумѣется, своего имени, но полагать можно, что онъ былъ изъ иргизскихъ монаховъ. Вотъ оно:

«Лѣта 7341 (то-есть 1833), говоритъ онъ, на праздникъ святыя Пасхи были мы съ товарищемъ во святомъ градѣ Ерусалимѣ и у гроба Господня, зрѣли како вси вѣры еретическія на единомъ мѣстѣ молятся. Отслужатъ свою службу проклятіи Армене, на ихъ мѣсто пойдутъ проклятіе Латины, потомъ Сирійцы, потомъ же Кофты (Копты), и Арабы, всѣ въ шапкахъ и чуть не голы, пляшутъ и бѣснуются, тутъ-же и греческіе служатъ. По истинѣ, смѣшеніе языковъ, каково бысть по потопѣ у столпа Вавилонскаго. Иска-

хомъ благочестія и не обрѣхомъ ни во Ерусалимѣ, ни въ Виѳлеемѣ, ни на рѣцѣ Іорданѣ—всюду пестро и развращенно; истиннаго же пѣнія и достойныя службы ко Господу нигдѣ нѣтъ. Молятся нѣкаково нелѣпо, и козлогласуютъ, и бѣснуются, и въ органы играютъ на мѣстѣ святѣ, въ запустѣніи сущемъ. И бывъ въ Ерусалимѣ, увѣдахомъ яко древлее благочестіе и святая непорочная вѣра Христова неблазненно соблюдается на островѣ Кипрѣ, иде же православный благочестивый архіепископъ, со епископы и со всѣмъ освященнымъ и мнишескимъ чиномъ непреткновенно вѣру соблюли и преданія, святыми отцы заповѣданыя, крѣпко хранятъ. И тотъ кипрскій архіепископъ ни подъ которымъ патріархомъ не состоитъ [1]); отъ того отъ самаго и сохранилъ вѣру и праведное житіе, не преткнувся на какую ересь или новшество. Будучи въ томъ зѣло самовидцами увѣрены, на Ѳоминой недѣлѣ пошли мы во градъ Іоппію, чая отплыть въ Кипръ. Но сѣдши въ корабль греческій, привезены были не на тотъ святый островъ, но въ великій градъ Александрію, во Египетскую страну. Обманомъ взяли насъ греки и обманомъ привезли во ину страну. Во Александріи не обрѣтохомъ благочестія, ниже въ Капрѣ [2]). И увѣдахомъ во ономъ градѣ, яко въ землѣ Ѳаваидской, глаголемой Емаканъ, благочестно Христова вѣра, отъ самихъ Апостолъ насажденная и напоенная, сохраняется. По великой рѣцѣ Нилу, обширностію и широтою яко *наша* Волга, плыли мы много дней и потомъ пѣши шли съ караванами Египтянъ (зѣло разбойныхъ сущихъ, почитай нагихъ насъ оставили) до мѣста Ема-

---

[1]) Кипрскій архіепископъ, равно какъ и синайскій, дѣйствительно автокеѳальны и не зависятъ отъ патріарховъ. И до сихъ поръ нѣкоторые старообрядцы, разсчитывая на старообрядство этихъ архіепископовъ, мечтаютъ объ единеніи съ ними, помимо вселенской православной церкви.

[2]) Въ подлинникѣ «Кагерѣ».

канъ. Тамо люди благочестивы: молятся въ два перста и благословляютъ яко же и Христосъ, аллилуію сугубятъ, а третіе: *слава Тебѣ Боже* возглашаютъ; крестятъ въ три погруженія во имя Отца и Сына и Святаго Духа, а не поливательно. Монастырь, въ немъ же насъ, странныхъ, христолюбцы, спаси ихъ Богъ, милосердно успокоили, и одежду намъ дали и всѣмъ довольны на обратный путь отпустили, стоитъ при древахъ и источникахъ и вельми красуется, будетъ *съ нашъ Криволучный* [1]). Братіи триста человѣкъ, а по пустынямъ и въ колибахъ подвизающихся, таковое же, сказываютъ, число. Игуменъ зѣло старъ и сѣдинами благоукрашенъ, милостивъ и держитъ братію строго, въ послушаніи. По истинѣ, въ томъ монастырѣ живутъ земные ангелы, небесные же человѣцы. И священнаго чина у нихъ довольно—іереевъ и діаконовъ. И сказывали намъ иноки того монастыря, что въ ихъ Емаканской землѣ три благочестивые епископа и полное освященіе. И пребыхомъ въ томъ монастырѣ три недѣли, увѣдахомъ и увѣрихомся яко церковь Божія не изсяче, аще и великими бурями ересей и новшествъ повсюду побораема, по неложному обѣтованію Христа Спаса, яко церковь святая пребудетъ до скончанія вѣка и врата адова не одолѣютъ».

Въ другомъ извѣстномъ намъ письмѣ, относящемся къ 1834 году, находится три сказанія о мнимыхъ старообрядскихъ епископахъ. Какъ видно, составлялъ его какой-то молдавскій старообрядецъ, Матвѣй Сидоровъ. Распространено оно было съ Рогожскаго кладбища по Москвѣ, по Московской губерніи [2]), а вѣро-

---

[1]) На Иргизѣ. По этому выраженію и думаемъ, что сказаніе это писано кѣмъ-либо изъ живішихъ на Иргизѣ.

[2]) Серпуховскій земскій исправникъ въ январѣ 1838 года донесъ, что экономической деревни Глазовой крестьянинъ Никита Ѳедоровъ, раскольникъ, живущій въ Москвѣ, на Рогожскомъ кладбищѣ, еще въ

ятно и по другимъ мѣстамъ. Вотъ это письмо, заключающее въ себѣ три сказанія.

«Прислана сія тетрадь изъ Еросалима въ 7342 (1833) году ноемврія въ 15 день. Былъ нѣкій человѣкъ, нашъ христіанинъ молдавскій, Матвѣй Сидоровъ, плѣненъ бысть отъ Срацинъ, и пришелъ въ Еросалимъ поклониться гробу Господню. Такожде обрѣте въ Еросалимѣ три человѣка, и сказали ему, что пришли такожде поклониться своему Создателю, а мы живемъ на Багдатѣ рѣкѣ. И сказали ему все жительство свое, и написали ему сію тетрадь. И повѣда тако братъ всѣмъ христіаномъ:

«*Сказаніе первое.* Свидѣтельствуемъ вамъ, христолюбивая наша братія, о христіанѣхъ, что на Дунаѣ рѣкѣ есть нашего согласія христіане даже до Ясс. Свидѣтельствуемъ о томъ и къ общей нашей пользѣ написали сіе. Если поревнуете избѣгнуть належащаго душевнаго глада, то можете къ намъ въ Еросалимъ отъ общества вашего прислать два или три человѣка для обстоятельнаго переговора; ибо всего за скоростію отъѣзда не могли написать. А мы въ Еросалимъ пришли три человѣка, ради поклоненія гробу Господню,

---

1836 году, лѣтомъ, прислалъ эти сказанія въ деревню Глазову крестьянину Василью Максимову, съ кѣмъ — не помнитъ, только съ раскольниками. Максимовъ показалъ сказанія пришедшему въ ихъ часовню, гдѣ онъ, Максимовъ, уставщикомъ, помѣщичьему крестьянину Филиппу Васильеву Бардину, который взялъ тетрадку на фабрику купца Путохина и показалъ ее православному рабочему Аксену Өедорову, а этотъ списавъ копію, представилъ ее Троицкаго собора протоіерею (доставившему митрополиту), а подлинникъ, по возвращеніи отъ Бардина. Максимовъ отослалъ обратно въ Москву къ Өедотову съ раскольниками, но съ кѣмъ именно—не помнитъ. На очной ставкѣ 10-го февраля 1838 года Максимовъ уличалъ Өедотова, что онъ получилъ отъ него въ 1836 г. присланную, не помнитъ съ кѣмъ, тетрадь. Өедотовъ отъ него отрекся. Смотритель Рогожскаго кладбища 27-го января 1838 года увѣдомилъ, что Өедотовъ живетъ на Рогожскомъ кладбищѣ въ числѣ псаломщиковъ и пѣвцовъ.

и будемъ во Еросалимѣ жить до Пасхи. Если посланные ваши сдѣлаютъ успѣхъ и въ сказанное время прибудутъ въ Еросалимъ, гдѣ могутъ о всемъ слѣдующемъ отъ насъ узнать. Если же во Еросалимѣ не будетъ насъ, разузнать о насъ во Свяліи (?), то-есть пристань корабельная, отъ Еросалима разстояніемъ верстъ шестьдесятъ. Если и тамо не случится намъ съ вами видѣться, то да спросятъ островъ Санторинъ. А ежели не застанутъ и въ Санторинѣ, то спрашивать во Египтѣ; тамо есть наши христіане, имѣютъ лавки и торгуютъ, и ихъ спрашивать о Багдатѣ рѣкѣ, на которой мы имѣемъ жилище, разстояніемъ пять сотъ верстъ отъ Египта, и мѣсто ко всему угодно, именуемое Емаканъ. Насъ тамъ не малое число, 5,000 или болѣе, имѣемъ же три епископа и поповъ изобильно. И когда у васъ належитъ душевный гладъ и ежели царь вашъ позволитъ, то *мы вамъ отправимъ епископа* и священниковъ къ душевнѣй пользѣ. А у насъ христіанская вѣра и святая соборная апостольская церковь яко солнце сіяютъ, изобильно же вамъ къ душевной пользѣ и тѣлесной. Еще свидѣтельствуемъ вамъ, что есть христіане между землею Турскою и Перситскою при рѣкѣ Курѣ, именуемые «стрѣльцы»

«*Второе сказаніе.* Еще свидѣтельствуемъ о христіанахъ. Сказаніе Гречанина въ Яссахъ, которой Гречанинъ прежде сего живалъ близъ Сербской земли у Никола Черныя Горы. Живутъ и тамо русскіе люди, близъ сербскаго града, званіемъ Бай. А въ тотъ градъ итти черезъ Дунай въ Болгарскую землю на Шведовъ; а отъ Шведова града на Перекветъ, а отъ Перееквета на Солнокъ, а отъ Солнока на Пегитъ, а отъ Пегита на Буддинъ, а отъ Буддина на Тричинъ, а отъ Тричина на Бай; недалеко тутъ русскіе люди живутъ. И тому же сказанію Гречанина сходно сказаніе Марка иконописца, и ему, Марку, сказывалъ во Святой Горѣ

постриженникъ изографъ, именемъ Іоаннъ, родомъ москвичъ. Подлинно де есть зовомые Филиппы [1]) въ Сербской землѣ близь Никона Черныя Горы, а отъ Горы разстояніемъ ѣзды полтретья дня до Филипповъ, и ихъ два села большія, яко великіе грады; *въ тѣхъ двухъ селахъ два епископа православныхъ и древнихъ*.

«*Третіе сказаніе*. Сказаніе плѣнника Симеона Иванова, который былъ въ плѣну за Царемъ-Градомъ на Бѣломъ [2]) морѣ, на островѣ Азамирѣ (?). Сказывалъ оный плѣнникъ: «Были мы съ хозяиномъ Турчаниномъ на томъ же Бѣломъ морѣ на островѣ Карабузовѣ (?). Живутъ на томъ островѣ «стрѣльцы», двумя селами, въ тѣхъ селахъ двѣ церкви и попы». Гдѣ, сказывали ему, плѣннику, мы поповъ беремъ изъ другого острова, отъ монастыря Семнскаго, и той монастырь близъ Океана, а отъ острова Карабузова кораблемъ бѣгу 13 дней, а отъ Царя-Града до острова Карабузова 18 дней кораблемъ бѣгу. А градъ на островѣ Безароемъ (?), греческіе люди и села около русскихъ людей: первое Чемиликіой, второе Ахазиди; а «стрѣльцовъ» греки зовутъ русскими. А еще свидѣтельствуемъ: при Евфратѣ рѣкѣ есть множество христіанъ и монастырей. Видите, отцы и братіе, гдѣ есть христіане и что будемъ дѣлать увѣдавши сіе, или что будемъ требовать? Спросить въ Царѣ-Градѣ жителя цареградскаго, Ивана Васильевича, стрѣльца; живетъ подлѣ Кужины, пашины Меледы» [3]).

---

[1]) Филиппы — филипоны, липоване — такъ зовутъ старообрядцевъ въ югозападной Россіи, въ австрійскихъ, турецкихъ и румынскихъ владѣніяхъ.

[2]) Архипелагъ.

[3]) *Дѣло въ архивѣ московскаго генералъ-губернатора*, 1830 года. *Пашины Меледы*, то-есть у служителя какого-нибудь турецкаго паши.

Такъ-называемыя *Іерусалимскія письма* быстро расходились по разнымъ старообрядскимъ мѣстностямъ. Они читались, перечитывались, писались и переписывались нарасхватъ, съ каждымъ днемъ распространяясь болѣе и болѣе. Распространеніе этихъ *Писемъ* важно въ томъ отношеніи, что старообрядцы по всѣмъ ахолустьямъ узнали изъ нихъ, что заграницей есть христіане «древляго благочестія». До того многіе изъ нихъ не знали о существованіи заграничныхъ единовѣрцевъ или имѣли о нихъ самое смутное понятіе. Въ большинствѣ, и притомъ самомъ значительномъ большинствѣ старообрядцевъ, утвердилось было даже мнѣніе, что внѣ предѣловъ Россіи, въ государствахъ мусульманскихъ и латинскихъ, не только нѣтъ, но и быть не можетъ вѣры истинной. Еслибъ *Іерусалимскія письма* не были благовременно распространены, еслибы посредствомъ ихъ старообрядцы не узнали, что и внѣ Россіи можетъ существовать и существуетъ ихъ «древлее благочестіе», по всей вѣроятности, появленіе въ австрійскихъ предѣлахъ бѣлокриницкой іерархіи было бы встрѣчено ими съ крайнимъ недовѣріемъ. Они бы единогласно возопили тогда, что это не что иное какъ ловушка въ латинскую ересь, какъ и говорили нѣкоторые, несмотря на торжественное на всю Россію возвѣщеніе властей бѣлокриницкихъ «да не смущается сердце ваше, вѣруйте яко можетъ Богъ и въ чуждѣй благочестія странѣ свѣтильникъ свой поставити».

Петербургскіе дѣятели по дѣлу устроенія заграничной іерархіи воспользовались *Іерусалимскими письмами*. На Графской биржѣ Громовыхъ они переписывались во множествѣ экземпляровъ и распространялись посредствомъ сборщиковъ и сборщицъ, приходившихъ въ Петербургъ къ Королевскимъ за подаяніями. Ав-

онiй Кузмичъ Кочуевъ и Алексѣй Великодворскiй неутомимо разсылали ихъ по разнымъ мѣстностямъ, близкимъ и отдаленнымъ, подготовляя такимъ образомъ народъ къ радушному принятiю затѣяннаго ими дѣла.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Записка о старообрядскихъ типографіяхъ въ Клинцахъ, Махновкѣ, Яновѣ Майданѣ Почапніецкомъ.

Старообрядцы въ XVIII столѣтіи чувствовали большую нужду въ богослужебныхъ книгахъ. Какъ извѣстно, они принимаютъ книги лишь напечатанныя въ Москвѣ до второго лѣта патріаршества Никона, то-есть до 1654 года, когда былъ изданъ *Служебникъ*, заключающій первыя, по мнѣнію ихъ, «новшества никоніанскія». Во времена Никона и его преемниковъ, особенно при Іоакимѣ, книги первыхъ пяти патріарховъ, при замѣнѣ ихъ исправленными, отбирались отъ церквей и монастырей и истреблялись. То-же было и при Петрѣ I. У сибирскихъ раскольниковъ сохраняется преданіе, будто этотъ государь столько сжегъ старыхъ книгъ, что когда «пепелъ приказалъ лопатой развѣяти, и подгребли (мѣдныхъ) застежекъ отъ книгъ сорокъ пудъ» [1]. Конечно, это преувеличено, но основаніе сказанію есть. Со временъ Екатерины II, когда

[1] *Барнаульскіе отвѣты* или *Тюменьскій странникъ*. Рукопись. Сочиненіе это принадлежитъ крайней безпоповщинѣ, кажется бѣгунамъ, и составлено не ранѣе тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, ибо въ немъ упоминается о мощахъ св. Митрофанія Воронежскаго, которыя открыты въ 1832 году.

крутыя и фанатическія мѣры противъ раскольниковъ были прекращены, они стали печатать самыя необходимыя для нихъ книги въ тогдашнихъ польскихъ областяхъ, преимущественно же въ тамошнихъ православныхъ монастыряхъ, имѣвшихъ типографіи съ церковнославянскимъ шрифтомъ. Такъ ,напримѣръ, въ 1767 г. былъ перепечатанъ іосифовскій *Часословъ*, а въ 1780 *Псалтырь* въ Супраслѣ (близъ Бѣлостока). Когда были разрѣшены Екатериною II «вольныя типографіи», старообрядцы, клинцовскіе купцы: Желѣзниковъ, а потомъ Ѳедоръ Карташевъ, съ дозволенія новгородъ-сѣверскаго намѣстническаго правленія, завели въ посадѣ Клинцахъ типографію для печатанія «переводовъ», то-есть перепечатокъ до-никоновскихъ, московскаго изданія, богослужебныхъ книгъ. Сначала Карташевъ приставлялъ къ книгамъ своей клинцовской печати «выходы», въ которыхъ говорилось, будто онѣ напечатаны съ указнаго дозволенія польскаго короля Станислава Августа (Понятовскаго) въ Почаевѣ, въ Гроднѣ, въ Супраслѣ, въ Вильнѣ и пр., а съ 1786 года сталъ печатать съ означеніемъ, что книга печатана въ Клинцахъ, съ дозволенія суражскаго нижняго земскаго суда [1]). Но нѣкоторыя книги все-таки печатались съ выходомъ супрасльскимъ [2]), а другія, какъ, напримѣръ, *Зонаръ*, *Соловецкая*, *Челобитная*, *Скитское Покаяніе* и др., вовсе безъ выхода. Карташевъ печаталъ, кромѣ книгъ, вѣнчики и разрѣшительныя молитвы, полагаемые на умершихъ. Произведенія его типографіи отвозились въ

---

[1]) Напримѣръ, *Шестодневъ* 1786 года, *Діоптра* 1787, *Лимонарь* 1787, *Каноникъ* 1787, *Сынъ Церковный* 1787, кромѣ *Псалтырей*, *Часослововъ*, *Миней* и пр. т. п. Печатали и *Книгу о Вѣрѣ* и *Кириллову книгу* и др. безъ означенія мѣста печати.

[2]) Напримѣръ, изданныя въ 1788 году *Служебникъ*, *Скитское Покаяніе*, *Святцы*, *Альфа и Омега*. *Объ отцахъ и страдальцахъ Соловецкихъ*, *Страсти Христовы* и др.

Москву, а оттуда распространялись по всей Россіи. Это дѣло доставило въ скоромъ времени Карташеву значительное состояніе.

Въ 1797 году императоръ Павелъ запретилъ «партикулярныя типографіи» во всемъ государствѣ. Карташевъ прекратилъ свою дѣятельность. Но онъ хранилъ въ Клинцахъ принадлежавшіе къ его типографіи инструменты, шрифты, матеріалы и разныя вещи, а также и неконченныя печатаніемъ книги. Въ 1799 году узналъ о томъ малороссійскій военный губернаторъ Миклашевскій, и съ этого времени начались дѣла о старообрядскихъ типографіяхъ, продолжавшіяся до 1823 года. Производились эти дѣла въ обѣихъ столицахъ, въ Черниговской, въ Кіевской и въ Подольской губерніяхъ, какъ видно изъ слѣдующей, доставленной намъ записки:

«Въ 1799 году, по дошедшему до черниговскаго военнаго губернатора Миклашевскаго свѣдѣнію о существованіи типографіи у Карташева, она, командированнымъ штатной роты офицеромъ Чуряковымъ, найдена въ погребѣ, отобрана и представлена въ Черниговъ. Сія типографія состояла изъ двухъ станковъ съ принадлежностями и изъ отпечатанныхъ книгъ. Все сіе было отдано черниговскому городничему для храненія.

«Губернаторъ Миклашевскій немедленно приказалъ освидѣтельствовать представленные типографскіе инструменты, матеріалы и книги двумъ чиновникамъ, которые и донесли, что въ типографіи Карташева инструментовъ къ дѣланію *чего-либо фальшиваго* не найдено, а литеры служатъ лишь для отпечатыванія церковныхъ книгъ; изъ книгъ же, печатанныхъ въ той типографіи по оглавленіямъ видно, что онѣ печатались «съ указнаго дозволенія», свидѣтельствованы суражскимъ земскимъ судомъ и подписаны присутствующими въ томъ судѣ членами въ 1787 году. Въ 1800 году,

вслѣдствіе поданной Карташевымъ просьбы, черниговское губернское правленіе разрѣшило городничему книги, заарестованныя у Карташева, ему отдать, а принадлежащіе къ типографіи инструменты дозволить ему продать. Объ этомъ, правящимъ должность губернатора, вице губернаторомъ Руновскимъ тогда же донесено было генералъ-прокурору Обольянинову. Карташеву станки, книги и пр. были отданы, но продажа типографскихъ инструментовъ оставлена на томъ основаніи, что въ томъ же 1800 году отъ генералъ-прокурора Обольянинова черниговскій губернаторъ Френсдорфъ получилъ предписаніе, въ которомъ сказано: «Несмотря ни на что, непремѣнно оную типографію имѣть подъ присмотромъ, и по содержанію высочайшаго его императорскаго величества повелѣнія о непродажѣ типографіи, хранить ее впредь до повелѣнія».

«Въ маѣ 1801 года, незадолго предъ тѣмъ воцарившійся императоръ Александръ I лично присутствовалъ въ святѣйшемъ синодѣ. Въ этомъ засѣданіи между прочимъ обсуждался вопросъ о перепечатываніи для старообрядцевъ и единовѣрцевъ дониконовскихъ книгъ. Александръ Павловичъ повелѣлъ: «Типографіи въ посадѣ Клинцовскомъ быть по прежнему, съ тѣмъ, чтобы напечатаніе оныхъ книгъ производилось съ вѣдома и дозволенія святѣйшаго синода, и для того назначить синоду съ своей стороны способныхъ надзирателей и поднести о семъ докладъ» [1]). Вслѣдствіе сего повелѣнія святѣйшій синодъ 2-го іюня представлялъ государю, что «относительно печатанія, сходныхъ съ старопечатанными книгами, книгъ въ типографіи, въ Клинцовскомъ посадѣ состоящей, или гдѣ оная будетъ съ дозволенія правительства устроена, сообразно его императорскаго

---

[1]) *Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода*, II, 1 и 2.

величества волѣ, синодъ не оставитъ съ своей стороны сдѣлать въ свое время нужныхъ о семъ распоряженій»[1]).

Синодскій докладъ былъ утвержденъ, и святѣйшій синодъ, черезъ сенатъ, потребовалъ въ 1801 году увѣдомленія: «означенная въ Клинцовскомъ посадѣ типографія находится-ли въ Клинцахъ, и производится-ли въ ней книгопечатаніе, или оная гдѣ-либо уже въ другомъ мѣстѣ устроена; подъ чьимъ смотрѣніемъ и распоряженіемъ, какъ прежде состояла, такъ и теперь состоитъ? Также о количествѣ станковъ и другихъ для печатанія принадлежностей, инструментовъ и литеръ и какія въ той типографіи печатались книги? Дабы святѣйшій синодъ, получивъ свѣдѣнія, которыхъ онъ еще не имѣетъ, могъ приступить къ учиненію о семъ сообразно его императорскаго величества повелѣнію нужныхъ распоряженій, гдѣ таковые старообрядцы пожелаютъ имѣть типографію».

Черниговское губернское правленіе 5-го августа 1801 года подробно донесло синоду и сенату. Затѣмъ 18-го марта 1802 г. святѣйшій синодъ указомъ предписалъ черниговскому губернскому правленію: «Доставить свѣдѣніе, не было ли донесенія правленія 5-го августа 1805 г., а паче по силѣ именнаго высочайшаго, состаявшагося 9-го февраля 1802 года, указа [2]) пода-

---

[1]) *Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода*, II, 1 и 2.

[2]) Въ указѣ этомъ, между прочимъ, говорится объ *исключительномъ* правѣ синодальной и другихъ, въ вѣдомствѣ синода состоящихъ, типографій печатать церковныя или по священному писанію, вѣрѣ, либо толкованію закона и святости относящіяся книги. (*Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству св. синода.* II. 11). При слушаніи этого указа въ засѣданіи синода, члены его согласились съ мнѣніемъ ярославскаго архіепископа Павла, что на этомъ основаніи и печатаніе книгъ для старообрядцевъ должно быть подвѣдомственно синоду, такъ какъ книги эти также церковныя и до вѣры относятся. Всѣ дѣйствія синода, о которыхъ въ этой запискѣ говорится, имѣли болѣе финансовую цѣль.

вано въ оное правленіе просьбы отъ кого изъ старообрядцевъ о возобновленіи въ Клинцовскомъ посадѣ помянутой типографіи, и та типографія подъ смотрѣніемъ ли и нынѣ черниговскаго городничаго находится, или отдана въ чье-либо другое смотрѣніе, и не имѣетъ ли въ виду сіе правленіе, послѣ означеннаго его рапорта, новыхъ по сему предмету обстоятельствъ, могущихъ открыться въ теченіе времени. Ежели же бы кто о возобновленіи, или заведеніи въ Клинцовскомъ посадѣ, или другомъ мѣстѣ, той типографіи просилъ дозволенія для напечатанія въ оной книгъ, сходныхъ со старопечатными, то бы сіе правленіе, не давая само собой таковаго дозволенія, представило о томъ святѣйшему синоду обстоятельно, для соображенія того съ высочайшею его императорскаго величества волею, въ указѣ 2-го іюня 1801 года изъявленною.» Въ отвѣтъ на этотъ указъ, черниговское губернское правленіе 21-го апрѣля 1802 года донесло синоду, что ни отъ кого изъ старообрядцевъ просьбы о возобновленіи въ Клинцахъ типографіи и о возвращеніи ея подаваемо но было, что новыхъ обстоятельствъ по сему предмету не открылось, арестованная же типографія Карташева все еще находится попрежнему подъ смотрѣніемъ черниговскаго полиціймейстера.

Между тѣмъ клинцовскіе старообрядцы, узнавъ, что на возстановленіе типографіи въ посадѣ Клинцахъ состоялось высочайшее соизволеніе, обратились въ 1802 году съ ходатайствомъ о томъ къ малороссійскому генералъ-губернатору, князю Куракину. Князь Куракинъ, пользовавшійся особенною довѣренностью императора Александра Павловича, представилъ особый всеподданнѣйшій докладъ, ходатайствуя о разрѣшеніи открыть въ Клинцахъ типографію для печатанія старообрядскихъ книгъ.

Мая 2-го 1803 года министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Кочубей, сообщилъ князю Куракину, что государь утвердилъ его всеподданнѣйшій докладъ о возстановленіи въ Клинцовскомъ посадѣ старообрядческой типографіи на правилахъ въ томъ докладѣ изображенныхъ, а именно: 1) основать типографію отъ общества, а не какъ принадлежность частнаго человѣка; 2) ограничить, по настоящему количеству старообрядцевъ и ихъ церквей, число отпечатываемыхъ книгъ, присоединяя къ тому, чтобы имѣли право на полученіе нужныхъ книгъ и всѣ непользующіеся именемъ обращенныхъ къ церкви, и 3) присоединить для бо̀льшаго старообрядцевъ увѣренія къ духовной цензурѣ члена со стороны гражданской цензуры. Сообщая князю Куракину объ этомъ, министръ внутреннихъ дѣлъ объявилъ высочайшую волю и петербургскому митрополиту Амвросію для зависящихъ отъ него по тому распоряженій. Августа 1-го того же 1803 года святѣйшій синодъ къ князю Куракину препроводилъ при своемъ указѣ для свѣдѣнія и надлежащаго о томъ по вѣдомству его соображенія записку, составленную изъ дѣла, производившагося въ святѣйшемъ правительствующемъ синодѣ, о дозволеніи, для отправленія богослуженія въ церквахъ, даваемыхъ всѣмъ принесшимъ истинное раскаяніе раскольникамъ, печатать книги сходныя со старопечатными, съ тѣмъ, что «когда святѣйшій синодъ получитъ отъ него, князя Куракина, увѣдомленіе, то и съ своей стороны не оставитъ къ должному исполненію высочайшей его императорскаго величества воли учинить надлежащее распоряженіе». Въ эту записку внесено было мнѣніе синодальнаго члена, ярославскаго архіепископа Павла, уваженное святѣйшимъ синодомъ и удостоенное потомъ высочайшаго утвержденія. Сентября 14-го 1803 года министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Кочубей, объявилъ

малороссійскому генералъ-губернатору, князю Куракину, высочайшую волю, дабы онъ, князь Куракинъ, въ тѣхъ распоряженіяхъ, какія по сему случаю нужны быть могутъ, сообразовался съ разсужденіемъ преосвященнаго Павла, въ виду поставленнымъ, и что сіи распоряженія высшаго правительства суть уже послѣднія по предмету клинцовской типографіи, почему и должны служить закономъ для мѣстнаго начальства.

Въ указѣ святѣйшаго синода повелѣно: «Печатаніе книгъ можетъ быть производимо однѣхъ только дозволенныхъ и необходимыхъ для богослуженія, безъ малѣйшей въ нихъ перемѣны, въ чемъ виновные отвѣтствовать будутъ по законамъ, а по отпечатаніи каждаго таковаго названія книги, должно будетъ въ свое время прислать въ святѣйшій синодъ по два экземпляра для повѣрки съ прежними»

А въ высочайше утвержденномъ мнѣніи преосвященнаго Павла, архіепископа ярославскаго и ростовскаго, между прочимъ сказано: «Нужно святѣйшему синоду вѣдать, что̀ разумѣется подъ именемъ «цѣлаго общества», котораго типографія полагаетъ принадлежностью. Если сіе есть общество клинцовское, или раскольническое, общимъ церковнымъ правиламъ не согласующееся,—то дарованіемъ ему права типографіи не предполагается ли и политическое его сознаніе? Когда чрезмѣрно увеличится въ сей типографіи книгопечатаніе и продажа изъ нея церковныхъ книгъ усилится, то спасительная цѣль о пришедшихъ въ соединеніе и о единовѣрческихъ церквахъ можетъ ли быть доступна, или паче не испровергнется ли? Пріуспокоенное въ нихъ снисходительными мѣрами о достоинствѣ прежде печатныхъ книгъ мнѣніе, дарованнымъ симъ ихъ обществу правомъ возбудившись паки, не возродитъ ли новые споры и упорства? Ибо что церковь по единому чадолюбному снисхожденію и хри-

стіанской терпимости дѣлаетъ, не будутъ ли какъ они, такъ и всѣ раскольники, почитать сіе достояніемъ, матерью отъ чадъ неправильно отторгнутымъ, а всегда имъ по праву принадлежавшимъ? Не содѣлаетъ ли это клинцовскія книги любимѣйшими простому народу, учебными у дѣтей его и употребительными во всякихъ случаяхъ? Затѣмъ, кромѣ сильнаго потрясенія въ церковныхъ постановленіяхъ, не положится ли спасительнымъ мѣрамъ, какія отческое его императорскаго величества, кротчайшаго во владыкахъ земныхъ, попеченіе предпріяло для распространенія народнаго просвѣщенія и для водворенія между поселянами вящшаго благонравія, дѣйствовать, сильная преграда? Ибо опытъ доказалъ, да и нынѣ у всѣхъ на виду, что потаенно напечатанныя и въ публику выпущенныя прежде изъ сей типографіи книги почти утроили число противящихся церкви, и что для навождаемыхъ сими книгами всякое средство просвѣщенія неуспѣшно, ибо все то признаютъ они нововведеннымъ и еретическимъ. Народныя губернскія и градскія училища ихъ дѣтьми нигдѣ не посѣщаются. Намѣренія святѣйшаго синода въ напечатаніи сихъ книгъ для единовѣрческихъ церквей было и есть: дабы чрезъ то пресѣчь могущія вкрасться въ употребленіе развратныя книги и предупредить зло, каковое происходило и происходить можетъ отъ печатанія оныхъ разное своемысліе утверждающее. Что и его императорское величество, іюля 2-го дня 1801 года, высочайше утвердить соизволилъ, повелѣвъ назначить синоду съ своей стороны способныхъ надзирателей. Поводомъ такому положенію послужили вышесказанныя вышедшія изъ сей прежде потаенной типографіи и пущенныя въ публику книги, иныя хотя и церковно принятыя, но съ искаженіемъ или опущеніемъ, ихъ обличающихъ текстовъ для поддержанія ихъ суевѣрія; другія, хотя также извѣстныхъ писате-

лей, но церковно не признанныя и никогда въ печати не бывшія, напечатанныя же ими своемысленно и также съ порчею противъ подлинныхъ переводовъ; третьи безыменныя, неизвѣстныя, противныя ученію христіанскому и церковной исторіи, противонравственныя: *Цвѣтники*, *Каноны* разнымъ святымъ и на разные случаи; четвертыя, вновь сочиненныя, поносительныя на церковь, съ выборомъ словъ урывками изъ Священнаго писанія и даже укорительныя царской власти, и всѣ ложью и клеветами исполненныя; такого роду: *Соловецкая Челобитная*, *Страданія Соловецкихъ мучениковъ*, кои всѣ были мятежниками противъ государя царя Алексѣя Михайловича. Изданіе въ публику такого рода книгъ есть зло гражданское, церковное и нравственное. Въ правилахъ высочайше утвержденнаго всеподданнѣйшаго доклада князя Куракина, какія для раскольниковъ нужны книги, не опредѣлено, но положено быть съ духовной и гражданской стороны по одному, и то цензорамъ, а не надзирателямъ (какъ то высочайшею волею повелѣно), которыхъ обязанности совершенно между собою разнствуютъ: цензора должность есть разсматривать только предлагаемые ему для напечатанія книги, какія же напечатаны будутъ, за тѣ онъ не отвѣчаетъ; а надзирателя типографіи обязанность есть, никакой не печатать книги безъ одобренія цензуры, и за каждую напечатанную въ оной книгу долженъ онъ правительству отвѣтствовать».

Мнѣніе архіепископа Павла заключается слѣдующими словами: «А хотя святѣйшій синодъ и опредѣляетъ предпоставить въ виду г. генералъ-губернатору въ возобновляемой въ Клинцовской типографіи не другія печатать книги, какъ съ печатныхъ при всероссійскихъ патріархахъ: Іовѣ, Гермогенѣ, Филаретѣ, Іоасафѣ и Іосифѣ, но по моему мнѣнію надлежитъ и

здѣсь принять въ разсужденіе будетъ ли имѣть силу сіе положеніе святѣйшаго синода у такого общества, которое почитаетъ себя внѣ церковнаго правительства и внѣ обязанности повиноваться синоду? И мѣры, какія онъ предписывать будетъ въ печатаніи книгъ, ограждаются ли закономъ, а въ случаѣ нарушенія оныхъ гражданское правительство будетъ ли поставлять своею обязанностью судить по тѣмъ мѣрамъ о виновныхъ и ихъ винѣ? Ибо въ подносимомъ отъ князя Куракина, высочайше конфирмованномъ докладѣ, ничего о томъ не сказано. Сіи то обстоятельства поставляю я весьма нужными къ принятію въ разсмотрѣніе прежде, нежели пущена будетъ въ дѣйствіе типографія, дабы со всѣхъ сторонъ опредѣлить ее правилами, далѣе бы коихъ и общество, и печатаніе въ ней книгъ простираться не могли, что и полагаю я быть согласнымъ какъ высочайшей его императорскаго величества волѣ о распоряженіяхъ, какія сдѣлать преосвященному митрополиту предоставлено, такъ и правиламъ благоразумія, которое совѣтуетъ прежде нежели прорвана будетъ плотина, удерживающая въ рѣкѣ воду, которой дать теченіе нужда заставляетъ, обезопасить ближайшія селенія отъ потопленія»

Князь Куракинъ, принявъ указъ святѣйшаго синода какъ бы за знакъ неохотнаго дозволенія возобновить въ посадѣ Клинцовскомъ типографію, отнесся о томъ 24-го августа 1803 года къ министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею, а впослѣдствіи представлялъ въ 1806 году святѣйшему синоду: «что по затрудненіямъ, найденнымъ преосвященнымъ ярославскимъ Павломъ о возобновленіи типографіи въ Клинцахъ, и соображая тѣ правила, которыя почтены необходимыми при учрежденіи типографіи, находитъ онъ, князь Куракинъ, что для точнаго удостовѣренія, чтобы было только

печатаніе книгъ, принадлежащихъ къ служенію въ церквахъ, полезнѣе будетъ, если дозволеніе о заведеніи типографій ограничить на одну только въ Москвѣ типографію, о которой просили единовѣрцы, въ Москвѣ живущіе, и гдѣ присмотръ, святѣйшимъ правительствующимъ синодомъ требуемый, съ большимъ удобствомъ учредиться можетъ».

Такимъ образомъ прекратились дѣйствія по сему предмету князя Куракина. О возобновленіи типографіи въ посадѣ Клинцовскомъ ни отъ него, ни отъ преемника его, генералъ-губернатора, князя Лобанова-Ростовскаго, по Черниговской губерніи никакихъ распоряженій послѣ того до 1811 года не было.

На представленіе черниговскаго губернскаго правленія по просьбѣ, поданной въ 1811 года сыномъ уже умершаго тогда Ѳедора Карташева, Акимомъ Карташевымъ, о возобновленіи въ посадѣ Клинцовскомъ типографіи, послѣдовалъ указъ святѣйшаго синода отъ 28-го іюня 1812 года. Въ этомъ указѣ, между прочимъ, сказано: «Распоряженіе синода, по сему предмету было сообщено бывшему малороссійскому генералъ-губернатору князю Куракину въ 1803 году, к притомъ препровождена изъ дѣла записка. Нынѣ же, по открытіи въ Клиновскомъ посадѣ типографіи, *производящей печатаніе* старообрядческихъ книгъ на девяти станахъ, оная, какъ безъ дозволенія существующая, со всѣми принадлежащими къ ней инструментами и найденными книгами, совѣтникомъ черниговскаго губернскаго правленія Изюмовымъ запечатана и поручена надзору суражскаго земскаго суда, а самъ онъ, Карташевъ, по явкѣ его къ малороссійскому генералъ-губернатору съ просьбой о дозволеніи ему имѣть типографію и производить въ ней печатаніе старообрядческихъ книгъ, былъ имъ губернаторомъ во всѣхъ предметахъ, по сему случаю, со всею снисхо-

дительностью, которая въ таковыхъ дѣлахъ требуется, допрошенъ» и такъ далѣе.

Что касается до двухъ становъ и прочихъ при нихъ инструментовъ и литеръ, заарестованныхъ въ 1799 году и оставленныхъ у черниговскаго полицій-мейстера, то изъ дѣлъ черниговскаго губернскаго правленія видно, что они поступили въ губернскія типографіи, черниговскую и полтавскую, и тамъ перелиты на гражданскія литеры. Существовавшіе девять становъ въ клинцовской типографіи Карташевымъ и его отцомъ были учреждены вновь.

«Разсматривая всѣ обстоятельства дѣла сего, я нахожу,—писалъ въ святѣйшій синодъ черниговскій генералъ-губернаторъ,—1) что открытая нынѣ въ Клинцовскомъ посадѣ купца Карташева типографія существовала съ 1805 года, не только безъ всякаго дозволенія, но и безъ вѣдома о ней начальства и безъ надлежащаго надзора, повелѣннаго волею монаршею; 2) печатаніе въ ней книгъ производимо было безъ всякаго свидѣтельства и исполненія распоряженій св. синода и представленія къ разсмотрѣнію его по два экземпляра книгъ; 3) между прочими книгами печатались и такія, которыя, мнѣніемъ преосвященнаго архіепископа ярославскаго Павла, найдены недозволенными, какъ-то: *Цвѣтнички* и *Каноны* съ самовольными добавленіями, что значится изъ собственныхъ его, Карташева, показаній, и 4) что производство оной типографіи въ продолженіе сего времени, бывъ безъ всякаго за онымъ надзора отъ начальства, увеличилось до чрезмѣрности, такъ что угрожало послѣдствіями своими, объясненными въ мнѣніи преосвященнаго архіепископа Павла; а потому, не считая себя въ правѣ разрѣшить производство той типографіи, я приказалъ оставить оную со всѣми ея принадлежностями и найденными при ней книгами запечатанною, подъ надзоромъ суража-

скаго нижняго земскаго суда, впредь до послѣдующаго о томъ распоряженія. Для чего, представляя все сіе благоусмотрѣнію высшаго правительства, испрашиваю на оное повелѣнія».

Допросъ, снятый черниговскимъ генералъ-губернаторомъ съ Карташева, состоялъ въ слѣдующемъ: «1817 года 7-го февраля, посада Клинцова, 3-й гильдіи купецъ Акимъ Карташевъ, бывъ спрошенъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, показалъ: 1) Я и отецъ мой дозволенія на устройство типографіи не имѣли, а въ 1804 году узнали мы, что государь императоръ дозволилъ въ Клинцовской слободѣ типографію; но объявленія о томъ ни отъ кого не было, и было ли о томъ отцу моему объявлено, не знаю. 2) Отцомъ моимъ устроена типографія въ 1805 году на шесть становъ, а три стана прибавлены мною въ 1809 году, о томъ подавалъ ли отецъ мой кому объявленіе, не знаю: я же не подавалъ, но просилъ черниговское губернское правленіе о дозволеніи мнѣ имѣть типографію въ 1806 и 1811 годахъ. 3) Объявленъ мнѣ указъ синода, что о томъ представлено бывшему генералъ-губернатору князю Куракину; но какъ отъ онаго, такъ и отъ преемника его, я ничего не слыхалъ, а производилъ книгопечатаніе, потому что и умершій въ 1805 году отецъ мой при жизни своей производилъ оное. 4) Книгопечатаніе производимо было ни подъ чьимъ надзоромъ; и книгъ печатанныхъ для свидѣтельства я никуда не представлялъ, а перепечатывалъ самъ, по увѣренности, что оныя правительствомъ дозволены. 5) Перепечатывались слѣдующія книги: *Азбуки*, *Часовники*, *Псалтыри* и иныя, необходимо нужныя для обученія дѣтей; касающіяся къ церковному кругу: *Канонники*, *Праздничныя Минеи*, *Общія Минеи*, *Цвѣтнички*,—книги сіи были во время дозволенной типографіи свидѣтельствованы суражскимъ

земскимъ судомъ; дѣлалъ я сверхъ того нужныя, но непротивныя закону добавленія въ книгахъ, мною перепечатанныхъ; *Праздничная Минея* не была свидѣтельствована суражскимъ земскимъ судомъ, но дозволена старообрядцамъ; равно и *Цвѣтники* не были свидѣтельствованы, но печатаны по выбору изъ свидѣтельствованныхъ книгъ. 6) Во всѣхъ годахъ печатались каждый годъ отъ 1.000 до 1.200 экземпляровъ всякой книги, а *Псалтырей* и болѣе. 7) Продаваемы были эти книги въ Москву московскому купцу Якову Игнатьеву, живущему у Рогожской заставы, на Вороньей улицѣ, въ собственномъ домѣ, а равно по мелочамъ въ собственномъ домѣ продавалъ я желающимъ; бѣднымъ же давалъ безденежно. 8) Продажу оную я производилъ явно, по увѣренности, что оная не противна правительству. 9) Управлялъ типографіею я самъ, а надсматривалъ надъ оной клинцовскій мѣщанинъ Василій Соболевъ, онъ же и Сухоруковъ. 10) Рабочихъ въ типографіи употреблялось не равное число, отъ 12 до 25, наймомъ изъ клинцовскихъ обывателей старообрядческой вѣры. 11) Типографія не находилась ни подъ чьимъ покровительствомъ, ибо я былъ увѣренъ, что сіе не противно волѣ государя императора 12) У родителя моего до 1799 года были гражданскія буквы, ибо онъ печаталъ съ 1797 по 1799 годъ, съ вѣдома и по условію черниговскаго губернскаго правленія, въ городѣ Черниговѣ, но въ 1799 году оныя губернскимъ правленіемъ у насъ отобраны, и болѣе таковыхъ не оставалось и доселѣ не было. 13) Извѣстенъ я, что есть таковая же типографія въ Махновкѣ или около оной, подлинно не знаю; извѣстенъ, что оттоль таковыя же книги доставлялись въ Москву. 14) Производится ли въ той типографіи печатаніе недозволенныхъ книгъ,—не знаю, но видѣлъ я продаваемыя въ Москвѣ книги таковыя же, которыя перепе-

читывались у меня и которыхъ не полагаю запрещенными. 15) Болѣе сего ничего не имѣю показать, ибо ничего о томъ не знаю и не слыхалъ».

Въ журналѣ комитета министровъ 14-го апрѣля 1817 года по дѣлу о типографіи Карташева сказано слѣдующее: «Слушана записка управляющаго министерствомъ полиціи о старообрядческой типографіи купца Карташева, Черниговской губерніи, при посадѣ Клинцовскомъ. (Записка сія въ оригиналѣ препровождена къ тайному совѣтнику князю Александру Николаевичу Голицыну). Комитетъ, усматривая изъ донесенія малороссійскаго военнаго губернатора, что относительно существованія типографіи для печатанія старообрядческихъ книгъ, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Кочубей, 14-го сентября 1803 года, сообщилъ бывшему малороссійскому генералъ-губернатору князю Куракину высочайшую его императорскаго величества волю, дабы онъ, въ нужныхъ по сему случаю распоряженіяхъ, сообразовался съ высочайше утвержденнымъ разсужденіемъ синодальнаго члена, преосвященнаго архіепископа ярославскаго Павла, который не былъ согласенъ на предположенное святѣйшимъ синодомъ дозволеніе; но какъ князь Куракинъ, вслѣдствіе сего, не сдѣлалъ ничего положительнаго, а представлялъ только полезнѣйшимъ ограничить заведеніе таковыхъ типографій на одну типографію въ Москвѣ, и гдѣ присмотръ, касательно печатанія старообрядческихъ книгъ требуемый, съ большею удобностью учредиться можетъ, то комитетъ и полагалъ: обстоятельство сіе передать на уваженіе святѣйшаго синода, съ тѣмъ, чтобы рѣшительное заключеніе по оному, чрезъ комитетъ министровъ, внесено было на высочайшее его императорскаго величества благоусмотрѣніе, до того же времени книгъ въ клинцовской типографіи печатать не дозволять; равнымъ образомъ

поручить управляющему министерствомъ полиціи запретить таковое же печатаніе въ Махновкѣ, буде дѣйствительно есть тамъ типографія».

При подписаніи журнала генералъ-отъ-артиллеріи графъ Аракчеевъ объявилъ, что государь императоръ, по разсмотрѣніи меморіи комитета министровъ, положеніе онаго высочайше утвердить соизволилъ. Тогда комитетъ министровъ опредѣлилъ: «сообщить обо всемъ этомъ управлявшему министерствомъ полиціи графу Вязмитинову и тайному совѣтнику князю А. Н. Голицыну выписками изъ сего журнала къ надлежащему исполненію». Записка управлявшаго министерствомъ полиціи, внесенная въ комитетъ, по которой состоялось приведенное положеніе, отправлена къ князю А. Н. Голицыну. Управлявшій тогда министерствомъ полиціи, с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ графъ С. К. Вязмитиновъ 30-го апрѣля 1817 года, сообщилъ о рѣшеніи комитета министровъ малороссійскому военному губернатору, для надлежащаго распоряженія, и тогда же предложилъ кіевскому гражданскому губернатору приказать, тотчасъ по полученіи бумаги, сдѣлать точнѣйшую выправку изъ дѣлъ: дѣйствительно ли въ Махновкѣ есть старообрядческая типографія, и если есть, то съ какого времени существуетъ, кѣмъ устроена, кѣмъ содержится, съ чьего позволенія открыта, какія печатаетъ книги и куда ихъ отсылаетъ. Обо всемъ этомъ кіевскій губернаторъ долженъ былъ подробнѣйшимъ образомъ увѣдомить графа Вязмитинова, приказавъ между тѣмъ, если типографія существуетъ, закрыть ее и впредь до повелѣнія не позволять производить въ ней печатанія.

Кіевскій гражданскій губернаторъ, 6-го іюня 1817 года, донесъ министру полиціи, что въ городѣ Махновкѣ дѣйствительно была старообрядская типографія, находившаяся въ содержаніи московскаго купца Селе-

нева, но по несостоятельности хозяина къ дальнѣйшему ея содержанію, еще въ 1810 году, прекратила печатаніе и всѣ шрифты, какіе въ ней были, забраны кіевскимъ купцомъ Константиномъ Колычевымъ Подольской губерніи Литинскаго уѣзда въ мѣсточко Яновъ, гдѣ въ настоящее время и производится печатаніе.

Управляющій министерствомъ полиціи 19-го іюня 1817 г. предложилъ подольскому гражданскому губернатору: если въ мѣстечкѣ Яновѣ окажется типографія, принять тѣ же мѣры, которыя сейчасъ исчислены относительно типографіи Селезнева, еслибъ она была была найдена въ Махновкѣ. Нѣсколько прежде того подольскій архіепископъ Іоанникій, 6-го мая 1817 года, писалъ подольскому губернатору: «находящійся въ Подольской губерніи Литинскаго повѣта въ мѣстечкѣ Яновѣ раскольникъ Константинъ Колычевъ, заведя типографію, печатаетъ въ ней разныя раскольническія книги, которыя розвозитъ для продажи въ разныя россійскія мѣста и до такой степени увеличилъ оную типографію, что на двѣнадцати прессахъ не только раскольничьи книги, но даже вѣнчики для погребенія мертвыхъ тѣлъ дѣлаетъ», Архіепископъ Іоанникій, увѣдомляя объ этомъ губернатора, просилъ его распоряженія о нарядѣ со стороны гражданской чиновника къ произведенію изслѣдованія о типографіи Колычева. Узнавъ, что печатаніе Колычевымъ старообрядскихъ книгъ въ Яновѣ началось еще съ 1809 года, что объ этомъ было производимо слѣдствіе, и не зная настоящаго хода дѣла, губернаторъ 2-го іюля 1817 г. поручилъ литинскому повѣтовому маршалу (уѣздному предводителю дворянства) графу Холоневскому, узнать чрезъ сношеніе съ кѣмъ слѣдуетъ, на чемъ означенное слѣдствіе пріостановлено и кто причиной его неокончанія, а между тѣмъ въ мѣстечкѣ Яновѣ [1]) произвесть,

[1]) Оно принадлежало этому самому графу Холоневскому.

при бытности духовнаго депутата, слѣдствіе безъ всякаго отлагательства: когда именно старообрядская типографія, съ чьего дозволенія и на чьемъ коштѣ устроена, какія въ ней печатаются книги и куда онѣ отпускаются. И когда откроется, что сія типографія раскольникомъ Колычевымъ или другимъ кѣмъ-либо устроена самовольно, то, прекративъ книгопечатаніе, сдѣлать подробнѣйшее описаніе всѣмъ инструментамъ и имѣющимся въ наличности книгамъ и вѣнчикамъ и все, что̀ только могло-бы открыться, опечатать и не допускать болѣе Колычева къ таковому книгопечатанію до рѣшительнаго о той типографіи постановленія, равномѣрно акуратно розыскать куда и сколько Колычевъ вывозилъ отпечатанныхъ въ своей типографіи книгъ, на какихъ діалектахъ и съ аппробаціи-ли цензуры, оныя печатаны, или нѣтъ. Вслѣдъ за тѣмъ подольскій губернаторъ, въ отвѣтъ на предписаніе министерства полиціи отъ 19-го іюня, послалъ 29-го августа 1817 г. списокъ съ представленія слѣдственной комиссіи, въ мѣстечкѣ Яновѣ учрежденной подъ предсѣдательствомъ графа Холоневскаго. Произведеннымъ слѣдствіемъ открыто: 1) Типографія въ Яновѣ устроена неизвѣстно за сколько лѣтъ назадъ, и о состояніи оной будто бы было извѣстно губернскому начальству. Печатаніе въ ней старообрядческихъ книгъ существовало еще во время управленія ею московскимъ мѣщаниномъ Павломъ Ивановымъ Селезневымъ. Колычевъ въ 1805 году купилъ эту типографію съ двумя станками у яновскихъ евреевъ, на капиталъ московскаго 2-й гильдіи купца Дмитрія Ѳедорова, за 100 червонцевъ и умножилъ ее восемью добавочными и однимъ недѣйствующимъ прессами; онъ управляетъ типографіей по довѣренности купца Ѳедорова, данной ему 24-го ноября 1814 г. 2) Печатаются въ яновской типографіи книги, однѣ на польскомъ діалектѣ, какъ-то подъ названіемъ: *Златой*

алтарикъ, *Элементаржъ*, *Словари польско-латинскій и русско-польскій*, *графъ Олгорусскій и Офиціушки*; а другія на русскомъ діалектѣ старообрядческія духовныя, на основаніи указовъ 1801 года іюня 2-го, 1803 и 1799 годовъ февраля 10-го, которыя напечатаны по благословенію святѣйшихъ патріарховъ московскихъ Филарета Никитича, Іоасафа, Іосифа по десятое лѣто, а царя Алексѣя Михайловича по седьмое, и по которымъ святѣйшій синодъ благословляетъ священство исправлять службу Божію въ старообрядческихъ приходахъ, а именно: ***Страсти Христовы***, ***Василія Новаго поученія***, ***О Лжеучителяхъ***, ***Священно-инока Дороѳея***, ***Іоанна Златоуста поученія***, ***Псалтыри***; ***Евангелія Толковыя***, ***Канонники***, ***Шестодневъ*** , имѣющій службу на осемъ гласовъ, ***Ефрема Сирина***, ***Аввы Дороѳея***. Книги во время производства типографіи отпускаемы имъ были въ годъ четыре раза количествомъ по одной тысячѣ всякой отправки въ городъ Москву, къ вѣрителю его Ѳедорову. Вѣнчики печаталъ онъ, Колычевъ, по требованію яновскаго священника Стефана Левицкаго, и такое требованіе произвелъ Левицкій два раза: въ 1814 году лично, а въ 1817, при бытности въ Яновѣ, чрезъ пріѣзжавшаго изъ Каменца родного брата его Григорія. На сіи вѣнчики давалъ онъ, Левицкій, собственную форму, каковая доставила ему отпечатать вѣнчиковъ въ первый разъ на его бумагѣ 2 000 экземпляровъ, составляющихъ по десяти вѣнчиковъ на каждомъ, съ полученіемъ платежа только за бумагу, а во второй также 2.000, на представленной священникомъ Левицкимъ бумагѣ безъ платежа; затѣмъ отобраны имъ, Левицкимъ, формы, и онъ, Колычевъ, уже никому затѣмъ не печаталъ таковыхъ.

Комиссія, бывшая подъ предсѣдательствомъ графа Холоневскаго, опредѣлила: «Поелику старообрядецъ Колычевъ, на устроеніе въ мѣстечкѣ Яновѣ типографіи

отъ гражданскаго правительства письменнаго дозволенія не предъявилъ, а ссылается голословно, что оная учреждена за нѣсколько лѣтъ назадъ и о состояніи ея вѣдаетъ будто-бы гражданское начальство, да и имѣются на то въ литинскомъ нижнемъ земскомъ судѣ и у повѣтоваго стряпчаго разрѣшенія и указы: печатать старообрядческія книги, которыя духовнымъ сей консисторіи депутатомъ признаются быть греко-россійской восточной церкви противными и къ изданію не дозволенными, и другія яко бы цензурнаго дозволенія, на что̀ то же письменнаго вида не представилъ, а признаетъ самъ, что отпечаталъ старообрядческихъ вѣнчиковъ 4.000 экземпляровъ будто-бы для священника Левицкаго, для того учинить: 1) Въ литинскій нижній земскій судъ и къ повѣтовому стряпчему о сдѣланіи надлежащей между дѣлами выправки, есть-ли дѣйствительно отъ губернскаго правленія дозволѐніе на заведеніе старообрядцу Колычеву въ мѣстечкѣ Яновѣ типографіи и о послѣдующемъ требовать скораго увѣдомленія; для поспѣшнѣйшаго-же о семъ собиранія свѣдѣній, представить губернатору и просить въ разрѣшеніе его наставленія какъ поступить съ самимъ Колычевымъ за отпечатаніе имъ 4.000 вѣнчиковъ старообрядческихъ, который, состоя въ родѣ приказчика по довѣренности московскаго купца Дмитрія Ѳедорова, рѣшился на злоупотребленіе; до полученія-же отъ губернатора наставленія опечатать типографію со всѣми инструментами и книгами и предписать мѣстной экономіи имѣть надзоръ, дабы Колычевъ ничего изъ дому на сторону вывезти и самъ отлучаться впредь до разрѣшенія не могъ. 2) Священнику Левицкому послать повѣстку и требовать объясненія, когда именно и на какую надобность требовалъ онъ отпечатанія въ два раза по 2.000 экземпляровъ, составляющихъ каждый по десяти вѣнчиковъ, откуда имъ взята форма и да-

ваема была Колычеву на отпечатаніе вѣнчиковъ, гдѣ теперь оная находится и въ какую надобность то число вѣнчиковъ имъ употреблено».

На запросъ, сдѣланный священнику Левицкому, сей послѣдній не сознался, будто-бы заказывалъ вѣнчики, а показалъ, что покупалъ только изъ типографіи Колычева бумагу и въ ней нашелъ два листа, содержащіе по восьми старообрядческихъ вѣнчиковъ, и ихъ представилъ по начальству, въ чемъ сослался на исправника. Исправникъ показалъ, что онъ ничего не знаетъ, и священникъ Левицкій ему ничего о вѣнчикахъ не говорилъ, и что онъ, исправникъ, даже никакого понятія о типографіи въ Яновѣ не имѣлъ. На вторичный допросъ Колычевъ показалъ, что священникъ Левицкій привозилъ отъ брата своего, присутствующаго въ консисторіи, письмо, коимъ просилъ его, Колычева, о напечатаніи 2.000 экземпляровъ вѣнчиковъ, но письмо это потеряно; а въ 1816 году братъ священника Левицкаго, Григорій, просилъ его лично въ католическомъ яновскомъ костелѣ, о напечатаніи вторично 2.000 экземпляровъ вѣнчиковъ, и что напечатанные вѣнчики самъ Левицкій, бывши у него, лично взялъ. На то священникъ Левицкій лично въ комиссіи сказалъ, что дѣйствительно былъ у Колычева, но купилъ у него около 10-ти стопъ бумаги, и бумагу эту взялъ самъ, но вѣнчиковъ не заказывалъ и не бралъ; а на двукратныя повѣстки комиссіи, священникъ Левицкій не отвѣчалъ, требуя медленности до 20-го августа.

Такъ какъ дѣло это замедлилось, то слѣдственная комиссія просила у губернатора разрѣшенія: должна-ли типографія остаться опечатанною, или дозволить ему, Колычеву, продолжать печатаніе?

По представленіи объ этомъ подольскаго губернатора на разрѣшеніе министерства полиціи, 17-го сентября 1817 года получено отъ графа Вязмитинова слѣ-

дующее распоряженіе: «Сообразоваться въ отношеніи типографіи, въ мѣстечкѣ Яновѣ находящейся, съ положеніемъ на этотъ предметъ комитета господъ министровъ, состоявшимся 14-го апрѣля 1817 года, равно какъ и поступлено съ клинцовскою типографіей. О польской же типографіи удостовѣриться, было ли на заведеніе оной дано позволеніе купцу Колычеву, и поступить сообразно съ тѣмъ, что́ окажется.»

На дозволеніе завести въ Яновѣ польскую типографію Колычевъ никакихъ документовъ представить не могъ, какъ и о раскольническомъ печатаніи. Управлявшій министерствомъ полиціи 16-го августа 1818 года отнесся къ князю А. Н. Голицыну, прося его мнѣнія для рѣшительнаго заключенія по дѣлу о старообрядскихъ типографіяхъ. Князь А. Н. Голицынъ 20-го октября увѣдомилъ графа Вязмитинова, что положеніемъ комитета министровъ, состоявшимся въ 27-й день августа 1818 года, постановлено: «1) На основаніи высочайше конфирмованнаго во 2-й день іюня 1801 года доклада святѣйшаго синода въ разсужденіи изданія книгъ, сходныхъ съ старопечатными, по коимъ отправляется нынѣ богослуженіе не токмо въ единовѣрческихъ церквахъ, но даже и у раскольниковъ, не имѣющихъ церквей, по примѣру единовѣрцевъ нашихъ, имѣть одну только типографію, которой и быть въ Москвѣ, на иждивеніи прихожанъ тамошней единовѣрческой церкви, какъ они и прежде о семъ просили. 2) Типографіи сей, въ отношеніи печатанія въ оной книгъ, состоять подъ присмотромъ особыхъ чиновъ, которые имѣютъ быть опредѣлены отъ святѣйшаго синода. 3) *А дабы не могло послѣдовать сей типографіи подрыва отъ изданія подобныхъ книгъ* въ существующихъ нынѣ типографіяхъ въ посадѣ Клинцовскомъ и селеніи (sic). Махновкѣ, въ Черниговской губерніи (?) состоящихъ, то оныя уничтожить, съ строгимъ запрещеніемъ

печатанія въ нихъ и продажи книгъ, относящихся къ церковному служенію; а притомъ и *самый ввозъ таковыхъ книгъ изъ заграницы* оградить строжайшимъ запрещеніемъ и бдительнымъ надзоромъ. Въ противномъ случаѣ, если подобныя книги привезены будутъ изъ заграницы, то оныя конфисковать и, не предавая истребленію, отсылать въ московскую синодальную типографскую контору, или въ типографію при святѣйшемъ синодѣ состоящую, смотря по удобности; виновныхъ же въ провозѣ книгъ предавать сужденію по закону. 4) Содержателямъ типографіи, имѣющей открыться въ Москвѣ, на иждивеніе прихожанъ тамошней единовѣрческой церкви, предложить, не согласятся ли они купить всѣ принадлежности въ существующихъ нынѣ типографіяхъ Клинцовской и Махновской, по добровольному, впрочемъ, въ цѣнѣ соглашенію».

Это положеніе комитета министровъ, высочайше утвержденное въ Москвѣ 31-го декабря 1818, управлявшій министерствомъ полиціи разослалъ циркулярно ко всѣмъ начальникамъ губерній. Впослѣдствіи оно вошло въ *Полное Собраніе Законовъ* и въ *Сводъ Законовъ* [1]). Вслѣдствіе возникшаго вопроса со стороны министра финансовъ: какъ распознавать раскольническія книги отъ другихъ духовныхъ книгъ, привозимыхъ изъ заграницы, управлявшій министерствомъ полиціи входилъ въ сношеніе съ княземъ А. Н. Голицынымъ, который объяснилъ, что узнавать ихъ можно по церковнымъ литерамъ (?), почему, несмотря ни на время изданія ихъ, ни на иное какое-либо различіе, подвер-

---

[1]) *Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи*, № 27,611, и *Сводъ Законовъ*, томъ XIV, *Уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій*, ст. 65 и 66. Сравн. *Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода* II, 134—138. Подъ заграничными изданіями, вѣроятно, разумѣются напечатанныя въ Яссахъ, но въ то время тамъ раскольничьихъ книгъ еще не печаталось.

гать конфискаціи [1]). Что и было министромъ полиціи сообщено министру финансовъ 2-го іюня 1819 года и циркулярно всѣмъ генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и начальникамъ областей.

Повѣренный московскаго 2-й гильдіи купца Өедорова, кіевскій 3-й гильдіи купецъ Константинъ Константиновъ Колычевъ, 14-го августа 1819 года прислалъ въ министерство полиціи просьбу, въ которой писалъ, что «вслѣдствіе положенія комитета господъ министровъ объ уничтоженіи старообрядскихъ типографій, и вѣрителя его управляемая имъ типографія, переведенная изъ Махновки въ мѣстечко Яновъ, остается донынѣ съ іюля 1817 года, за печатаніе въ оной старообрядскихъ книгъ, подъ запрещеніемъ. Но какъ въ ней производилось тисненіе съ дозволенія виленскаго университета и на другихъ языкахъ, какъ-то: россійскомъ, польскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ, каковыя буквы, также какъ и церковныя, обще съ напечатанными въ немаломъ количествѣ книгами старообрядскими, находятся подъ секвестромъ, то и просятъ приказать выдать, кромѣ церковныхъ, упомянутыхъ діалектовъ буквы, дозволить безпрепятственное тисненіе оными книгъ попрежнему въ той же типографіи; а во-вторыхъ возвратить уже отпечатанныя старообрядскія книг, насчетъ коихъ и въ вышеприведенномъ положеніи комитета ничего не сказано, и разрѣшить продажу оныхъ, дабы чрезъ то не подвергнуть вѣрителя его еще въ бо́льшій и безъ того уже ощутительный убытокъ».

Управлявшій министерствомъ полиціи, имѣя въ виду два положенія комитета министровъ: 14-го апрѣля 1817 года и 27-го августа 1818, относящіяся до пе-

---

[1]) Стало-быть, и *Краковскій Часословъ* 1491 года, и *Скорининскую Библію* 1517, и венеціанскія и тюбингенскія изданія XVI ст, и т. п.

чатанія старообрядскихъ книгъ, положилъ: «дозволить въ яновской типографіи печатаніе книгъ гражданскихъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ можно, но со строгимъ наблюденіемъ со стороны мѣстнаго начальства, чтобъ подъ этимъ предлогомъ не было печатаемо книгъ старообрядскихъ; что же касается сихъ послѣднихъ, тамъ уже напечатанныхъ, то можно, кажется, въ отвращеніе убытка, предоставить содержателю типографіи, если онѣ противу книгъ, кои въ московской типографіи для печатанія оныхъ учрежденной, не различествуютъ, продать той типографіи по обоюдному въ цѣнѣ соглашенію. Впрочемъ, все сіе управляющій министерствомъ полиціи предаетъ на благоусмотрѣніе комитета гг. министровъ». О содержаніи просьбы Колычева онъ сообщилъ и князю А. Н. Голицыну.

Князь А. Н. Голицынъ, получивъ отношеніе графа Вязмитинова 9-го мая 1820 года, отнесся къ управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, что, по содержанію просьбы Колычева относительно книгъ церковной печати, онъ предлагалъ на разсмотрѣніе святѣйшаго синода; что же касается до книгъ гражданскихъ, которыя печатались въ яновской или махновской типографіяхъ на россійскомъ и иностранныхъ языкахъ, а потомъ арестованы, то объ оныхъ предписано отъ него, какъ отъ министра народнаго просвѣщенія, виленскому университету доставить подробныя свѣдѣнія: дѣйствительно ли въ помянутой типографіи дозволено было тисненіе книгъ гражданской печати съ дозволенія цензуры онаго университета, какого рода книги сіи, въ какомъ количествѣ онѣ были напечатаны, имѣлъ ли университетъ или цензура онаго какое-либо за симъ смотрѣніе и посредствомъ кого это смотрѣніе исполнялось. Святѣйшій синодъ предоставилъ князю Голицыну снестись съ кѣмъ слѣдуетъ объ истребованіи достовѣрныхъ свѣдѣній: какія именно церковныя книги,

напечатанныя въ махновской или яновской раскольнической типографіи, находятся подъ запрещеніемъ, и въ какомъ количествѣ экземпляровъ каждая книга напечатана и нынѣ находится.

Сообщая объ этомъ постановленіи святѣйшаго синода управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, князь Голицынъ просилъ сдѣлать зависящее отъ него распоряженіе, согласно мнѣнію святѣйшаго синода, и спрашивалъ не признаетъ-ли онъ за нужное потребовать свѣдѣніе не только о церковныхъ книгахъ старой печати, но и о книгахъ гражданскихъ, равно какъ и о типографскихъ принадлежностяхъ, заарестованныхъ въ яновской типографіи, дабы въ одно время можно было о тѣхъ и другихъ сдѣлать распоряженіе. Управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ истребовалъ эти свѣдѣнія отъ подольскаго губернатора и сообщилъ ихъ князю Голицыну.

Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ 17-го іюля 1822 года сообщилъ управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ: «преосвященный Филаретъ, архіепископъ московскій и коломенскій, 12-го іюня довелъ до свѣдѣнія, что его преосвященству представлены купленныя въ Москвѣ книги, такъ-называемыя *Златоустникъ* и *Славянская азбука*, печатанныя не въ тѣхъ типографіяхъ, которымъ дано на сіе право по узаконеніямъ. Вслѣдствіе чего, по отношенію его преосвященства, взято московскою полиціей и отослано, согласно съ узаконеніемъ, въ тамошнюю синодальную типографію великое количество подобныхъ книгъ недозволенной печати По сему случаю онъ, преосвященный Филаретъ, поручилъ московской консисторіи войти въ надлежащія сношенія объ открытіи виновныхъ въ недозволенномъ печатаніи; но какъ до него по слуху дошло, что таковое печатаніе продолжается, то онъ, принимая въ уваже-

ніе, что ввозъ въ Москву запрещенныхъ книгъ не всегда можетъ-быть открытъ, какъ сіе удалось нынѣ, проситъ меня, чтобы для прекращенія недозволеннаго печатанія и въ предотвращеніе большаго подрыва законнымъ типографіямъ, учинено было съ кѣмъ слѣдуетъ сношеніе, дабы немедленно обращено было вниманіе на мѣсто запрещеннаго книгопечатанія, къ пресѣченію злоупотребленія по сей части и для поступленія съ виновными по законамъ.» Съ тѣмъ вмѣстѣ преосвященный Филаретъ препроводилъ къ князю Голицыну вышепомянутыя книги: *Златоустникъ* и *Славянскую азбуку* и представленный ему выходный листъ *Псалтыри*, изъ котораго видно, что онъ печатанъ въ типографіи кіевскаго купца Константина Колычева, состоящей въ Подольской губерніи въ мѣстечкѣ Яновѣ.

Изъ дѣлъ департамента духовныхъ дѣлъ, управляемаго княземъ Голицынымъ, открылось: «1) что 27-го августа 1818 года утверждено комитетомъ гг. министровъ положеніе святѣйшаго правительствующаго синода объ уничтоженіи двухъ раскольническихъ типографій, безъ вѣдома правительства раскольниками заведенныхъ, изъ коихъ одна существовала Черниговской губерніи въ Клинцовскомъ посадѣ, а другая Подольской губерніи въ мѣстечкѣ Яновѣ, куда была переведена изъ селенія Махновки; 2) что вмѣсто сихъ двухъ типографій позволено старообрядцамъ, прихожанамъ московской единовѣрческой церкви, завести при ней на свой коштъ одну типографію, согласно съ прежнею ихъ о семъ просьбой, съ тѣмъ чтобъ оной быть въ отношеніи тисненія книгъ подъ присмотромъ особыхъ чиновъ, назначенныхъ святѣйшимъ правительствующимъ синодомъ. Въ предотвращеніе же могущаго послѣдовать подрыва сей новой типографіи отъ изданія подобныхъ книгъ въ вышеупомянутыхъ яновской и клинцовской типографіяхъ, строжайше запрещено, съ

уничтоженіемъ оныхъ, гдѣ-либо, кромѣ предположенной въ Москвѣ типографіи, печатать и продавать книги, относящіяся къ церковному служенію. Самый ввозъ таковыхъ книгъ изъ заграницы огражденъ строжайшимъ запрещеніемъ и бдительнымъ надзоромъ. Въ противномъ же случаѣ постановлено: ввезенныя изъ заграницы книги конфисковать и отсылать по удобности для храненія въ московскую синодальную типографскую контору или въ находящуюся при святѣйшемъ синодѣ типографію, а виновныхъ предавать сужденію по законамъ».

А какъ комитетомъ гг. министровъ было предоставлено министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія особо доложить по сему предмету государю императору, то его величество, по выслушаніи всеподаннѣйшаго доклада князя Голицына, 25-го мая 1819 года, Высочайше соизволилъ на таковое положеніе святѣйшаго синода, о чемъ князь Голицынъ того же числа довелъ до свѣдѣнія комитета министровъ. На основаніи сего заведена въ Москвѣ, при тамошней единовѣрческой церкви, типографія для изданія богослужебныхъ книгъ, сходныхъ съ старопечатными.

Поэтому князь Голицынъ обратился къ управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, прося его, дабы онъ употребилъ законныя мѣры, не токмо къ немедленному уничтоженію типографіи купца Колычева и подобныхъ оной, буде таковыя окажутся гдѣ-либо внутри государства но и къ надлежащему поступленію по законамъ съ помянутымъ Колычевымъ; тѣмъ болѣе, что возобновленное имъ, вопреки запрещенію правительства, печатаніе книгъ и тайный ввозъ оныхъ въ Москву и другія мѣста, безъ сомнѣнія, нанесли значительный подрывъ и убытокъ содержателямъ вышеозначенной московской старообрядской типографіи, и

что̀ главное, безъ того надзора, который учрежденъ для сей послѣдней.

Іюля 31-го 1822 года управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ предложилъ малороссійскому военному губернатору: велѣть чрезъ благонадежнаго̀ чиновника произвесть слѣдствіе: не было ли въ Клинцовскомъ посадѣ или гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ возобновлено печатаніе богослужебныхъ книгъ, и ежели гдѣ окажется, то, заарестовавъ всѣ книги и самую типографію, учредителя предать суду; типографію же и книги перевезти въ губернскій городъ, заарестовавъ оныя; обо всемъ арестованномъ въ министерство представить опись. То же предложено и подольскому губернатору. Князь Голицынъ объ этихъ распоряженіяхъ увѣдомленъ.

Сентября 23-го 1822 года, подольскій военный губернаторъ донесъ управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, что чиновникъ, которому поручено было изслѣдованіе по вышеозначенному предмету, отправясь на мѣсто, въ мѣстечко Яновъ, и узнавъ, что Колычевъ перешелъ на жительство въ селеніе, называемое Майданъ Почапинецкій, въѣзжалъ туда въ домъ Колычева и по обыску нашелъ въ кладовыхъ нѣкоторыя книги безъ переплета и большое количество разныхъ лекарствъ въ шкафахъ, а за оными также въ разныхъ тайныхъ мѣстахъ сокрытыя книги, безъ переплета, церковной печати, нашелъ также нѣсколько станковъ типографскихъ со снарядами и литерами, да особо три станка, хранившіеся въ помѣщичьемъ чуланѣ.

При слѣдствіи Колычевъ хотя и объяснялъ, что послѣ данной имъ подписки въ 1819 году онъ не печаталъ книгъ, но по розысканію открылось противное, именно: 1) переселясь въ село Майданъ-Почапинецкій, онъ возобновилъ тутъ печатаніе дополненій къ книгамъ, прежде не допечатаннымъ, какъ то: *Златоустнику*,

Славянской азбукѣ и выходному листу *Псалтири* (?). 2) Производилъ печатаніе на одномъ станкѣ (съ частью литеръ въ формѣ, бывшихъ не болѣе полпуда), который сгорѣлъ 1821 года октября 25-го, и съ этого времени не печаталъ болѣе ничего. 3) Изъ числа отпечатанныхъ книгъ, нѣкоторую часть пріѣзжавшимъ пилипонамъ (то-есть раскольникамъ) продалъ (прозванія покупателей не знаетъ) до тысячи книгъ, а шесть тысячъ листовъ *Азбуки* отправилъ въ Москву съ купцомъ Избушкинымъ; прочую же массу книжнаго товара, при немъ найденную предполагалъ продать оптомъ купцамъ московскимъ или кременчугскимъ, но изъ нихъ никто не явился.

Всѣ найденныя у Колычева книги и типографскіе инструменты арестованы и сданы по описи, по распоряженію повѣтового маршала, въ архивъ литинскаго повѣтового суда, вмѣстѣ съ прочими вещами, для храненія, впредь до дальнѣйшаго распоряженія. Найденные у Колычева медикаменты освидѣтельствованы и по описи арестованы до окончанія дѣла. По окончаніи слѣдствія о Колычевѣ положено сдѣлать распоряженіе объ отправленіи дѣла въ судебное мѣсто для суждения Колычева по законамъ за возобновленіе печатанія книгъ въ противность воспрещенія, сдѣланнаго ему отъ правительства; онъ преданъ надзору мѣстной полиціи, дабы не могъ скрываться до окончанія надъ нимъ суда. Донося объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ, подольскій губернаторъ представилъ шесть книгъ печати Колычева: *Злотоустникъ*, *Славянскую азбуку*, *Псалтирь*, *Канонникъ*, *Часословъ* и *Страсти Христовы*. Прочія же и книги и вещи не отправлены въ Петербургъ по огромному ихъ количеству, требовавшему большой издержки на перевозъ. Онѣ оставлены для храненія въ литинскомъ повѣтовомъ судѣ въ архивѣ.

Представленная подольскому губернатору опись найденному книжному и типографскому матеріалу, бумагамъ и книгамъ и вызолоченной медали, при именующемся кіевскимъ 3-й гильдіи купцомъ (онъ же и регистровый товарищъ) Константинѣ Колычевѣ, составленная Литинскаго повѣта въ мѣстечкѣ Яновѣ, августа 21-го дня 1822 года, представлена въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Ноября 2-го 1822 года, управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ князя Голицына объ открытіи и конфискованіи новой у Колычева тайной типографіи, въ которой найдены и тѣ самыя книги, о которыхъ писалъ московскій архіепископъ Филаретъ, и о томъ, что виновные преданы суду. Управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей при этомъ высказалъ князю Голицыну свое мнѣніе, что для прекращенія удобства къ подобному впредь покушенію раскольниковъ, онъ полагалъ бы совершенно истребить всѣ безъ изъятія вещи и типографскіе матеріалы, отобранные у Колычева.

Изъ розысковъ, сдѣланныхъ по распоряженію малороссійскаго военнаго губернатора, не видно, чтобъ въ завѣдываемомъ имъ краѣ существовала въ то время (1821—1822 г.) старообрядская типографія.

Князь А. Н. Голицынъ 11-го декабря 1822 года увѣдомилъ графа Кочубея, что все изложенное въ отношеніи его сообщалъ онъ архіепископу московскому Филарету; а послѣдній сообщилъ ему, что книги, поименованныя въ описяхъ, есть уже въ синодальной типографіи въ большомъ количествѣ и служатъ только къ обремененію ея; прочія же книги, составляющія собственную библіотеку Колычева, подъ узаконеніе не подходятъ; что требованіе въ синодальную или единовѣрческую типографію въ видѣ покупки — болѣе представляетъ затрудненія, нежели

пользы, а по симъ соображеніямъ онъ, архіепископъ московскій Филаретъ, полагаетъ, что изъ поименованныхъ въ описи книгъ и вещей ничего не нужно; только бы гражданскимъ правительствомъ приняты были точныя мѣры, чтобы тѣ книги и вещи впредь не остались предметомъ злоупотребленія. Сообщивъ объ этомъ отзывѣ московскаго архіепископа, князь Голицынъ присовокупилъ, что онъ раздѣляетъ мнѣніе графа Кочубея, а вѣрнѣйшимъ средствомъ къ отвращенію всякаго злоупотребленія въ семъ случаѣ считаетъ совершенное истребленіе всѣхъ книгъ и типографскихъ принадлежностей, отобранныхъ у купца Колычева.

Поэтому декабря 27-го 1822 года министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей предписалъ подольскому военному губернатору: «1) всѣ отобранныя у Колычева старообрядскія книги, типографскіе инструменты и матеріалы *истребить совершенно* подъ наблюденіемъ благонадежнаго чиновника; 2) книги гражданскія, составляющія собственную библіотеку Колычева, возвратить ему подъ росписку; 3) также и медикаменты, разсмотрѣвъ предварительно, не заключаютъ ли въ себѣ чего непозволительнаго, отдать Колычеву подъ росписку».

Въ дополненіе къ этой запискѣ прилагаемъ еще нѣкоторыя выписки изъ дѣлъ святѣйшаго синода, относящіяся до старообрядскихъ типографій:

I. Въ 1802 году, Черниговской губерніи, Зыбковскаго посада (нынѣ городъ Новозыбковъ) купецъ Алексѣй Козинъ, единовѣрецъ, входилъ въ святѣйшій синодъ съ прошеніемъ, въ которомъ, ссылаясь на послѣдовавшій по докладу святѣйшаго синода высочайшій указъ 2-го іюня 1802 года о дозволеніи въ клинцовской типографіи печатать книги, сходныя съ старопечатными, для отправленія по онымъ богослуженія

въ церквахъ, даваемыхъ, по высочайшему повелѣнію, всѣмъ принесшимъ истинное раскаяніе раскольникамъ, съ тѣмъ, чтобы печатаніе оныхъ книгъ производилось съ вѣдома и дозволенія святѣйшаго синода, и изъясняя, что хотя типографія сія и содержима была клинцовскими купцами Желѣзниковымъ и Рукавишниковымъ, но какъ они были сущіе раскольники и, по своему суевѣрію, противу старопечатныхъ книгъ дѣлали разныя поправки и искажали разными погрѣшностями, чрезъ что никто даже изъ самихъ раскольниковъ ихъ не покупалъ (?), то отъ сего означенное заведеніе и пресѣклось, да и впредь существовать не можетъ безъ злоупотребленія раскольниковъ, которые и нынѣ въ разныхъ мѣстахъ печатаютъ и продаютъ тайно старопечатныя книги, распространяя тѣмъ раскольническія суевѣрія. Но какъ печатаніе означенныхъ книгъ дозволено однимъ только присоединившимся изъ раскола къ церкви старообрядцамъ, то онъ, Козинъ, прилагая данную ему отъ тамошнихъ старообрядцевъ довѣреность, просилъ святѣйшій синодъ о дозволеніи ему въ посадѣ Зыбковскомъ завести таковую типографію, съ опредѣленіемъ къ ней надзирателя, съ тѣмъ, чтобы печатать въ оной книги съ указнаго только дозволенія, и *дать ему привилегію*, чтобъ одна только эта типографія имѣла право печатать таковыя книги. Состоявшимся вслѣдствіе сего прошенія опредѣленіемъ святѣйшаго правительствующаго синода, 10-го октября 1802 года, положено: означенное прошеніе, оставя съ него и съ приложеннаго при немъ вѣрющаго письма въ канцеляріи святѣйшаго синода копіи, подлинныя, съ надписаніемъ, отослать, при указѣ, въ малороссійское черниговское губернское правленіе, для отдачи ему, купцу Козину, обратно, для того: 1) что писано оно по формѣ на высочайшее его императорскаго величества имя, а во многихъ пунктахъ употребленъ

онъ, высочайшій его императорскаго величества титулъ, въ третьемъ лицѣ, каковыхъ прошеній, яко неисправныхъ, принимать не велѣно законами; 2) хотя бы сіе прошеніе и во всемъ, какъ должно, было исправно, то и тогда бы святѣйшій синодъ не могъ дать дозволенія на устроеніе просимой имъ въ Зыбковскомъ посадѣ, для печатанія книгъ, сходныхъ съ старопечатными, типографіи, потому что прописываемымъ высочайшимъ его императорскаго величества, 2-го іюня прошлаго 1801 года состоявшимся, указомъ повелѣно: «производить оное печатаніе съ вѣдома и дозволенія святѣйшаго синода въ типографіи, въ Клинцовскомъ посадѣ (а не Зыбковскомъ) состоящей, или гдѣ она будетъ, съ позволенія гражданскаго правительства, устроена.

II. Всеподданнѣйшій докладъ малороссійскаго генералъ-губернатора князя Куракина, высочайше утвержденный 19-го апрѣля 1803 года и сообщенный министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Кочубеемъ 2-го мая того же года [1]), былъ слѣдующій: «Всеавгустѣйшаго вашего императорскаго величества воля оставить каждаго спокойнымъ насчетъ принятаго имъ образа исповѣданія и церковнослуженія, сопровождаясь удовлетвореніемъ всѣхъ просьбъ старообрядцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ единовѣрцевъ (или къ церкви обращенныхъ), простерлась и въ томъ, что высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ прошлаго 1801 года іюня во 2-й день, послѣдовавшимъ на докладъ правительствующаго синода, относительно печатаемыхъ для употребленія въ церквахъ старообрядческихъ книгъ, повелѣно: «производить оное печатаніе съ вѣдома и дозволенія святѣйшаго синода, въ типографіи, въ Клинцовскомъ посадѣ состоящей, или

---

[1]) См. выше стр. 595.

гдѣ она будетъ, съ позволенія гражданскаго правительства, устроена». Помянутый посадъ находится въ губерніи Черниговской, и долгъ, возлагаемый на меня званіемъ моимъ, обязываетъ всеподданнѣйше вашему императорскому величеству донесть и испросить всевысочайшаго разрѣшенія въ слѣдующемъ: 1) не будетъ ли всевысочайшаго дозволенія, при возобновленіи прежде существовавшей въ Клинцовскомъ посадѣ типографіи, дабы упражненія ея были болѣе извѣстны и полезны, основать ее не такъ, какъ принадлежность частнаго человѣка, но цѣлаго общества, заплативъ единовременно за первыя заведенія хозяину ея подобающую сумму; 2) ограничивъ, по настоящему количеству старообрядцевъ и ихъ церквей, число отпечатываемыхъ книгъ, присоединить къ тому, чтобъ имѣли право на полученіе нужныхъ книгъ и всѣ не пользующіеся именемъ «обращенныхъ къ церкви» и оставшіеся подъ общимъ названіемъ «раскольниковъ», дабы сіи, не имѣя явнаго позволенія, не преподали средствъ или изъ сей же самой типографіи пользоваться книгами тайно, или учредить и новую, образомъ недозволеннымъ какъ и прежде, и наконецъ 3) къ прекращенію единожды навсегда поползновенія, вопреки закона и потаеннымъ образомъ снабжать себя книгами, симъ людямъ нужными, чтобы не удержала ихъ боязнь пустить дѣйствіе типографіи подъ тѣмъ предлогомъ, что будутъ оныя цензурованы духовенствомъ, къ коему они, по предразсужденіямъ своимъ, не довѣряютъ, присоединить цензора гражданскаго, для водворенія въ нихъ надѣянія, что уже ничто ихъ утѣснять не будетъ.

III. Вслѣдствіе высочайше утвержденнаго 31-го декабря 1818 года положенія комитета министровъ [1]),

---

[1]) См. выше стр. 113.

святѣйшій синодъ предписалъ московскому архіепископу Августину слѣдующее: «1) чтобъ онъ объявилъ о томъ положеніи комитета министровъ прихожанамъ московской единовѣрческой церкви, истребовавъ отъ нихъ письменное свѣдѣніе относительно учрежденія типографіи въ Москвѣ, для изданія богослужебныхъ книгъ, сходныхъ съ старопечатными, на отчетѣ ихъ, но подъ присмотромъ имѣющихъ опредѣлиться отъ святѣйшаго синода членовъ; 2) по полученіи имъ свѣдѣнія имѣетъ онъ, преосвященный, составить, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, свое мнѣніе, и, избравъ кандидатовъ изъ духовныхъ особъ въ смотрители за печатаніемъ таковыхъ книгъ, представить святѣйшему синоду на разсмотрѣніе».

IV. Правила о порядкѣ изданія въ московской единовѣрческой типографіи святѣйшимъ синодомъ утверждены 12-го января 1820 года. Вотъ они (дѣйствующія до нынѣ): «1) Означенную типографію, какъ имѣющую все потребное къ печатанію въ готовности, открыть; которой и состоять на иждивеніи и отвѣтственности прихожанъ московской единовѣрческой церкви, дозволяя имъ для внутренняго дѣйствія по типографіи избрать изъ себя двухъ или трехъ человѣкъ въ видѣ попечителей. 2) При типографіи сей быть двумъ надзирателямъ изъ духовныхъ особъ, которые избираются епархіальнымъ преосвященнымъ, а утверждаются святѣйшимъ синодомъ. 3) Прихожане единовѣрческой церкви, или сами, или чрезъ попечителей, каждый разъ представляютъ епархіальному преосвященному оригиналъ той богослужебной книги, которую намѣрены печатать, съ показаніемъ предполагаемаго количества въ изданіи экземпляровъ оной. Преосвященный московскій, поручивъ сей оригиналъ духовнымъ надзирателямъ для повѣрки или сличенія съ таковыми же, хранящимися въ библіотекахъ синодальной

или типографской; а по таковой повѣркѣ и сличеніи того оригинала, и представленіи онаго за своимъ подписаніемъ преосвященному, возвращается отъ него прихожанамъ или попечителямъ для напечатанія съ онаго. 4) По наборѣ съ сего оригинала и совершенномъ исправленіи корректурою каждаго листа, вносится таковый къ одному изъ духовныхъ надзирателей, который по надлежащей повѣркѣ онаго съ тѣмъ оригиналомъ подписываетъ и отдаетъ къ печатанію. 5) При всякой таковой отпечатанной книгѣ припечатывать такъ-называемый *выходный листъ* сходно съ печатаемыми въ духовныхъ типографіяхъ, впереди заглавнаго прежняго листа той книги; но послѣ словъ «напечатася сія книга (NN) въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ», дополнять: «въ типографіи единовѣрческой церкви, въ лѣто отъ сотворенія міра *такое-то*, отъ Рождества же во плоти Бога Слова *такое-то*, индикта *такого-то*, мѣсяца *такого-то*, съ книги напечатанной *тогда-то*, въ *такомъ-то* городѣ, при *такомъ-то* патріархѣ имя рекъ» и сей выходный листъ имѣетъ быть одной съ напечатанною книгой бумаги и одного на ней въ штемпелѣ года. 6) По отпечатаніи каждой книги, когда духовные надзиратели удостовѣрятъ, что она во всемъ сходна съ тѣмъ разсмотреннымъ оригиналомъ, съ котораго печаталась; то для будущаго изданія оставлять одинъ экземпляръ за ихъ скрѣпою, шнуромъ и печатью въ типографіи и три экземпляра, кромѣ того, представлять, чрезъ нихъ же, надзирателей, къ епархіальному преосвященному, а сей одинъ изъ нихъ въ святѣйшій синодъ, другой въ московскую онаго контору для храненія въ патріаршей библіотекѣ, а послѣдній оставлять для себя, и сверхъ того отсылать прямо изъ типографіи, по общевведенному порядку, въ библіотеки Публичную и Академіи Наукъ, а потомъ уже только книги поступаютъ

въ продажу. 7) Не возбраняется прихожанамъ московской единовѣрческой церкви имѣть для сей продажи при оной лавку. 8) Назначеніе цѣны книгамъ для продажи и распоряженіе суммою, какая отъ сего будетъ получаема, предоставляется непосредственному завѣдыванію самихъ прихожанъ; они же, по собственному усмотрѣнію, назначаютъ всѣмъ при типографіи людямъ жалованье; но если положено будетъ духовнымъ надзирателямъ, о томъ преосвященный митрополитъ Московскій Серафимъ имѣетъ донести святѣйшему синоду. 9) Прихожане московской единовѣрческой церкви, яко содержатели помянутой типографіи, о всемъ, что́ касаться будетъ по дѣйствію ея, сверхъ испрашиванія дозволенія на напечатаніе книгъ, входятъ съ прошеніемъ къ епархіальному преосвященному, а сей представляетъ святѣйшему синоду съ мнѣніями. 10) Прихожане или попечители, избранные ими, о званіи и количествѣ напечатанныхъ и печатающихся въ той типографіи книгъ представляютъ пополугодно преосвященному вѣдомость, а онъ доноситъ о томъ святѣйшему синоду. 11) хотя нельзя предполагать, чтобы съ учрежденіемъ показанной типографіи и съ всемилостивѣйшимъ позволеніемъ на изданіе богослужебныхъ книгъ, сходныхъ съ старопечатными, могло открыться какое либо злоупотребленіе въ изданіи книгъ непозволительныхъ, однако, ежели бы, паче чаянія, встрѣтилось сіе, то отвѣчаютъ за оное избранные отъ прихожанъ попечители и предаются суду по законамъ, за чѣмъ имѣть наблюденіе и духовнымъ надзирателямъ». Въ февралѣ 1820 года синодскій указъ объ этомъ былъ посланъ московскому митрополиту Серафиму [1]).

---

[1]) *Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода*, II, 4–7, 24–26, 134–138, 146–149.

БѢЛЫЕ ГОЛУБИ

I

Русскіе скопцы, равно какъ и совершенно одинаковые съ ними, какъ по вѣрованіямъ такъ и обрядамъ, хлысты или «Божьи люди», [1]) — не раскольники. Согласно каноническому распредѣленію всѣхъ разномыслящихъ со вселенскою церковью, они должны быть отнесены къ такъ-называемому «первому чину», то-есть къ еретикамъ. Несмотря на то, что скопцы постоянно представляются самыми усердными православными, часто бываютъ въ церкви и благоговѣйно тамъ молятся, говѣютъ по нѣскольку разъ въ годъ, дѣлаютъ значительныя приношенія въ пользу церквей и духовенства, строятъ храмы, золотятъ на нихъ куполы, льютъ большіе колокола — ихъ нельзя признавать не только православными, но и христіанами. Вполнѣ ошибались нѣкоторыя лица изъ православнаго духовенства (даже изъ высшаго), считая скопцовъ и хлыстовъ усердными православными. Впрочемъ, исторія хлыстовской и скопческой ересей представляетъ

---

1) Такъ хлысты называютъ сами себя; нерѣдко «Божьими людьми» называютъ себя и скопцы.

не мало примѣровъ не только тайнаго, но даже и явнаго уклоненія въ эти ереси самихъ лицъ духовнаго сана. Колыбель скопчества—въ одномъ изъ православныхъ монастырей Москвы.

Не говоря уже объ изувѣрномъ уродованіи, подрывающемъ самыя основы человѣческаго общежитія, секта «бѣлыхъ голубей» и по вѣрованіямъ своимъ отличается дикою уродливостью извращенныхъ понятій о Богѣ и Спасителѣ міра. Истинный Сынъ Божій, называемый у нихъ «старымъ Христомъ», далеко не такъ уважается какъ новые христы, отъ времени до времени являющіеся въ ихъ «корабляхъ» (общинахъ). Какъ и хлысты, бѣлые голуби вѣруютъ въ «живыхъ боговъ» и «богинь» и воздаютъ имъ божескія почести.

Оскопленіе не составляетъ непремѣннаго условія принадлежности къ сектамъ *бѣлыхъ голубей* и *людей божіихъ* (хлыстовъ). Въ сектѣ бѣлыхъ голубей не только иные «братцы», но даже самые «кормщики корабля», то-есть начальники общины, не подвергаются иногда оскопленію, хотя и считаются даже пророками и Христами. Это такъ называемые «духовные скопцы». Съ другой стороны, не смотря, на то что истые хлысты съ презрѣніемъ относятся о бѣлыхъ голубяхъ, говоря «не великое дѣло бороться съ врагомъ зарѣзаннымъ, а ты поборись съ живымъ», сами нерѣдко имѣютъ въ своей средѣ скопцовъ, а еще чаще скопчихъ. О томъ, почему и для чего они имѣютъ въ своихъ корабляхъ скопчихъ, будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Начало скопчества относится къ глубокой древности. Еще въ книгахъ Ветхаго Завѣта говорится о скопцахъ, напримѣръ у пророка Исаіи въ 56 главѣ. При дворѣ израильскихъ царей, по обычаю древняго Востока, бывали евнухи. Въ *Дѣяніяхъ Апостольскихъ* упоминается о скопцѣ, казначеѣ ѳіопской царицы Кан-

дакіи, котораго окрестилъ апостолъ Филиппъ. Русскіе бѣлые голуби увѣрены, что самъ Іисусъ Христосъ и апостолы были оскоплены, и что ученіе Спасителя міра, нынѣ будто сохранившееся только въ ихъ корабляхъ, состояло въ ученіи «огненнаго крещенія», то-есть оскопленія, въ противоположность «водному крещенію», проповѣданному Іоанномъ Крестителемъ.

Въ первыя времена христіанства скопцы дѣйствительно бывали въ средѣ вѣрныхъ, но апостолы строго относились къ нимъ. Въ *Правилахъ Апостольскихъ* сказано: «кто сдѣлался скопцомъ отъ человѣческаго насилія, или во время гоненій отъ варваровъ, или отъ врачей по болѣзни, или такъ родился, тотъ можетъ быть въ клирѣ и, ежели достоинъ, даже епископомъ, но кто скопилъ самъ себя, тотъ, ежели клирикъ, извергается, самоубійца бо есть и врагъ Божія созданія», а если мірянинъ—отлучается отъ Св. Таинъ, «ибо навѣтникъ есть своея жизни» [1]). Впослѣдствіи Константинопольскій соборъ, именуемый двукратнымъ, тѣхъ которые скопятъ собственноручно или отдаютъ приказаніе произвести надъ кѣмъ-либо оскопленіе, сравнялъ съ убійцами. [2]).

Говорятъ, что обычай оскопленія первоначально возникъ въ Вавилонѣ. Семирамида, по извѣстію церковныхъ писателей, влюбившись въ родного своего сына, склоняла его вступить съ нею въ связь, но когда юноша отказался, царица въ наказаніе велѣла его оскопить. [3]). Евнухи находились при дворахъ восточныхъ деспотовъ, а потомъ при дворѣ православныхъ византійскихъ императоровъ. Но это скопчество

---

[1]) *Правила апостольскія* 21, 22, 23 и 24. То же постановлено на первомъ вселенскомъ соборѣ въ Никеѣ (правило 1).

[2]) *Двукратнаго собора* правило 8.

[3]) Объ этомъ говоритъ и Св. Димитрій Ростовскій въ своемъ *Лѣтописцѣ*.

не было, какъ теперь, слѣдствіемъ религіознаго фанатизма. Оскопленіе у древнихъ не представлялось добровольною жертвою, приносимою въ убѣжденіи, что она угодна Богу. Варварскій обычай древнихъ былъ послѣдствіемъ многоженства. Никто лучше евнуха не можетъ оберегать гарема, не возбуждая ревности въ душѣ своего повелителя. При дворахъ мусульманскихъ государей и донынѣ держатъ евнуховъ.

Ложное толкованіе словъ Спасителя: *Суть же скопцы, иже исказиша сами себѣ царствія ради небеснаго; могій вмѣстити да вмѣститъ*, [1]) породило скопчество въ христіанствѣ. Принявъ иносказаніе Спасителя въ смыслѣ буквальномъ, иные стали скопить себя, но мы уже замѣтили, какъ отнеслись къ такимъ людямъ апостолы и ихъ преемники.

Въ православной Византіи, при дворѣ императорскомъ, находились евнухи—обычай, заимствованный у восточныхъ государей Сиріи и Ирана. Кубикуларіи (постельничьи) византійскаго двора обыкновенно бывали изъ евнуховъ. Будучи чужды другихъ страстей, кромѣ честолюбія и алчности къ богатствамъ, они были чрезвычайно искусны въ придворныхъ интригахъ и нерѣдко достигали званія людей государственныхъ. Это была сущая язва константинопольскаго двора; высокомѣріе евнуховъ, достигавшихъ высшихъ степеней, не знало предѣловъ. Такъ евнухъ Антоній, воспитатель императора Θеодосія младшаго, оскорблялъ своимъ высокомѣріемъ даже самого государя, который до того наконецъ разгнѣвался на бывшаго своего учителя, что, лишивъ его званія патриція, узаконилъ, чтобы впредь никто изъ евнуховъ не былъ возводимъ въ это достоинство. Но постановленіе Θеодосія вскорѣ было забыто, и при дворѣ императрицы Ирины являются евну-

---

[1]) Евангеліе отъ Матθея, XIX, 12.

хи Ставрикій и Левъ Клокъ, пользовавшіеся огромнымъ значеніемъ въ государствѣ.

Въ восточныхъ государствахъ, какъ языческихъ (персидскіе Арсакиды и Сассаниды), такъ и христіанскихъ (армянское), видимъ нѣсколько случаевъ оскопленія царскихъ родственниковъ или сильныхъ вельможъ, которыхъ царствующій государь считалъ для себя опасными. То же было и въ Византіи: императоръ Левъ Армянинъ, овладѣвъ престоломъ, оскопилъ Ѳеофилакта, сына своего предшественника, Михаилъ, отнявъ корону у Льва Армянина, оскопилъ четырехъ его сыновей. Изъ оскопленныхъ насильственно, въ силу этого обычая, были даже цареградскіе патріархи, напримѣръ Германъ, сынъ патриція Юстина, Игнатій, сынъ императора Михаила.

Скопчество, какъ религіозная секта, появилось въ VI столѣтіи. Извѣстный церковный писатель Оригенъ былъ скопецъ, самовольно оскопившійся. Хотя по *Правиламъ Апостольскимъ* онъ не могъ быть рукоположенъ, но во вниманіе къ его учености, къ его трудамъ на пользу церкви и ревности къ вѣрѣ, сдѣлано было исключеніе, и Оригенъ поставленъ во священника. Впослѣдствіи ученіе его было осуждено на пятомъ вселенскомъ соборѣ. Сто шестьдесятъ пять святыхъ отцевъ, бывшихъ на семъ соборѣ, постановили: Оригена и другихъ, «возобновившихъ еллинскія басни, прехожденія и превращеніе нѣкоторыхъ тѣлъ и душъ паки намъ представившихъ на позоръ, въ сонныхъ мечтаніяхъ блуждающаго ума, и противу воскресенія мертвыхъ нечестиво и нездравомысленно возстававшихъ» — отринуть и соборно предать проклятію.

Ученикъ Оригена, философъ Валезій, образовалъ общество скопцовъ и постепенно его увеличивалъ, то привлекая въ свою секту убѣжденіями, то прибѣгая

къ обманамъ или къ насилію, преимущественно же секта его полнилась оскопленными рабами, которые, получивъ отъ господина свободу, не могли жить въ обществѣ по неспособности къ жизни общественной и по всеобщему къ нимъ презрѣнію. Секта Валезія обратила на себя вниманіе императора Юстиніана Великаго, онъ издалъ строгій декретъ, по которому скопителей велѣно казнить смертію, а имѣніе ихъ предавать разграбленію. Но и такая строгость не уничтожила секты. Валезіане впали потомъ въ другія ереси. Такимъ образомъ и въ сектѣ Павликіанъ, и въ сектѣ Богомиловъ встрѣчаются скопцы, которые, конечно произошли отъ Валезія.

Богомилъ-скопецъ, монахъ Адріанъ, явился въ Кіевѣ чрезъ пятнадцать лѣтъ послѣ крещенія Русской земли (1004). Онъ хулилъ православную церковь, былъ обличенъ митрополитомъ Леонтіемъ, отлученъ и посаженъ въ темницу. [1]).

Съ тѣхъ поръ до XVIII столѣтія ничего не знаемъ о скопческой ереси въ Россіи. Но тождественная съ нею ересь хлыстовская существовала почти постоянно.

По связи хлыстовской ереси со скопческою, выдѣлившеюся изъ нея и отличающеюся отъ своей родоначальницы единственно уродованіемъ тѣла, не лишнимъ считаемъ предварительно упомянуть о главнѣйшихъ догматахъ и обрядахъ «людей божіихъ» (хлыстовъ).

Хлысты разсказываютъ, что крестьянинъ нынѣшняго Юрьевскаго уѣзда Данило Филипповичъ (бывшій прежде въ числѣ учениковъ расколоучителя Капитона), во время споровъ о томъ, по старымъ или по новымъ книгамъ можно спастись, рѣшилъ, что ни тѣ ни дру-

---

[1]) *Никоновская Лѣтопись,* I — 112.

гія книги никуда не годятся, и что для спасенія необходима одна

Книга золотая,
Книга животная,
Книга голубиная—
Самъ, сударь, духъ святый [1]).

Онъ училъ, что надо молиться духомъ, и что при такомъ только моленіи въ человѣка можетъ вселиться Духъ Божій. Хлысты разсказываютъ, что учитель ихъ въ доказательство ненужности и старыхъ, и новыхъ книгъ, собралъ тѣ и другія въ одинъ куль, положилъ въ него для груза камней, и бросилъ въ Волгу. Чрезъ нѣсколько времени послѣ потопленія книгъ Данило Филипповичъ явился въ окрестностяхъ Стародуба Клямзескаго [1]). Въ Стародубской волости, въ приходѣ Егорьевскомъ, говорятъ хлысты, на гору Городину [3]), среди ангеловъ и архангеловъ, херувимовъ и серафимовъ, въ огненныхъ облакахъ, на огненной колесницѣ, сошелъ съ небесъ во всей славѣ своей самъ «Господь Саваоѳъ». Силы небесныя вознеслись назадъ на небо, а «Саваоѳъ» остался на землѣ, въ образѣ человѣческомъ, воплотясь въ Данилѣ Филипповичѣ. Съ того времени Данило Филипповичъ пересталъ быть человѣкомъ, а сдѣлался «живымъ богомъ». Онъ сталъ называться «верховнымъ гостемъ», «превышнимъ богомъ», «богатымъ гостемъ». Признавшіе его живымъ богомъ стали именоваться *людьми божьими*. Такъ называютъ себя хлысты; такъ называютъ себя нерѣдко и бѣлые голуби.

---

[1]) Изъ пѣсни употребляемой хлыстами и скопцами при радѣніяхъ.

[2]) Клязмскій Городокъ—село, Ковровскаго уѣзда, Владимірской губерніи.

[3]) Село Егорій на рѣкѣ Клязьмѣ и деревня Городина на рѣкѣ Уводи находятся въ Ковровскомъ уѣздѣ, близь Ивановской желѣзной дороги.

«Господь Саваоѳъ» Данило Филипповичъ водворился въ деревнѣ Старой, неподалеку отъ Костромы. Сюда сходились къ нему для отправленія своихъ обрядовъ люди божьи. Домъ, гдѣ жилъ онъ, названъ «домомъ божьимъ». Городъ Кострома, близъ которой поселился «верховный гость», получилъ отъ его послѣдователей названіе «Горняго Іерусалима», а также «городъ Кострома— верховная сторона». Чрезъ нѣсколько времени «Саваоѳъ» Данило Филипповичъ перенесъ свой домъ, то-есть домъ божій, изъ деревни Старой въ городъ Кострому.

Потопленіе Данилой Филипповичемъ книгъ въ Волгѣ, по сказаніямъ нѣкоторыхъ хлыстовъ, было послѣ чуда совершившагося на горѣ Городинѣ [1]). Не имѣя земнаго начала, разсказываютъ они, «верховный гость Данило Филипповичъ» отъ Святаго Духа получалъ наставленія о томъ, что̀ надо проповѣдывать земнороднымъ и творилъ чудеса. По наставленію Святаго Духа, говорятъ они, Данило Филипповичъ утопилъ и книжное писаніе, не велѣвъ людямъ брать книги въ руки и заповѣдавъ всѣмъ руководствоваться единственно его словами и тѣми вдохновенными рѣчами, что будутъ «выпѣвать» пророки, «пребывая въ духѣ», тоесть въ состояніи восторженнаго изступленія, до котораго доходятъ послѣ круженій и скачекъ на «радѣніяхъ».

«Господь Саваоѳъ» Данило Филипповичъ далъ людямъ божьимъ двѣнадцать заповѣдей:

1. Азъ есмь богъ, пророками предсказанный, сошелъ на землю для спасенія душъ человѣческихъ. Нѣтъ другого бога, кромѣ меня.

2. Нѣтъ другого ученія. Не ищите его.

---

[1]) *Слѣдственное дѣло о хлыстахъ, открытыхъ въ Москвѣ въ 1846 году.*

3. На чемъ поставлены, на томъ и стойте.

4. Храните божьи заповѣди и будете вселенныя ловцы.

5. Хмѣльнаго не пейте, плотскаго грѣха не творите.

6. Не женитесь, а кто женатъ, живи съ женою какъ съ сестрой. Неженимые не женитесь, женимые разженитесь.

7. Скверныхъ словъ и сквернословія [1]) не говорите.

8. На свадьбы и крестины не ходите, на хмѣльныхъ бесѣдахъ не бывайте.

9. Не воруйте. Кто единую копѣйку украдетъ, тому копѣйку положатъ на томъ свѣтѣ на темя, и когда отъ адскаго огня она растопится, тогда только тотъ человѣкъ прощеніе пріиметъ.

10. Сіи заповѣди содержите въ тайнѣ, ни отцу, ни матери не объявляйте, кнутомъ будутъ бить и огнемъ жечь—терпите. Кто вытерпитъ, тотъ будетъ вѣрный, получитъ царство небесное, а на землѣ духовную радость.

11. Другъ къ другу ходите, хлѣбъ-соль водите, любовь творите, заповѣди мои храните, бога молите.

12. Святому духу вѣрьте.

Эти заповѣди «Саваоѳа» Данила Филипповича послужили, какъ увидимъ, основаніемъ и скопческаго ученія. «Отецъ искупитель, царь израильскій христосъ Петръ Ѳедоровичъ» (такъ зовутъ бѣлые голуби основателя секты своей крестьянина Кондратья Селиванова) говорилъ, что пришелъ онъ не старые законы раззорять, но забытые возстановить и восполнить ихъ ученіемъ «огненнаго крещенія», то-есть оскопленія.

---

[1]) Подъ «скверными словами» хлысты разумѣютъ извѣстныя русскія ругательства, подъ «сквернословіемъ»—упоминаніе словъ: діаволъ, чортъ, бѣсъ и т. п.

За пятнадцать лѣтъ до сошествія «Господа Саваоѳа» на гору Городину, разсказываютъ хлысты, родился сынъ божій, христосъ, Иванъ Тимоѳеевичъ Сусловъ. Родился онъ въ тогдашнемъ Муромскомъ уѣздѣ, въ селѣ Максаковѣ, отъ богородицы Арины Нестеровны («родился духовно», то-есть обращенъ ею въ секту людей божіихъ). Ей было уже сто лѣтъ, какъ она родила, то-есть обратила въ секту, христа Ивана Тимоѳеевича. Ему же было тогда тридцать лѣтъ. Онъ былъ позванъ верховнымъ гостемъ Данилой Филипповичемъ въ Кострому. Въ деревнѣ Старой верховный гость «далъ ему божество», сдѣлалъ Суслова «живымъ богомъ». Для того онъ три дня сряду, при свидѣтеляхъ, возносилъ Ивана Тимоѳеевича съ собою на небеса. Послѣ того, по велѣнію отца своего, превышняго бога Данилы Филипповича, сынъ божій христосъ Иванъ Тимоѳеевичъ возвратился на свои мѣста на берега Оки. Однимъ изъ главнѣйшихъ притоновъ его было село Павловъ Перевозъ (нынѣ извѣстное своею слесарною и ножевою промышленностью село Павлово, Горбатовскаго уѣзда). Переходя изъ села въ село, изъ деревни въ деревню, христосъ Иванъ Тимоѳеевичъ распространялъ ученіе отца своего верховнаго гостя, заключающееся въ двѣнадцати заповѣдяхъ. Съ нимъ жила дѣвица, очень красивая собой, она почиталась «богинею», дочерью «живаго бога» и «богородицей». По свидѣтельству святого Дмитрія Ростовскаго, она была родомъ изъ села Ландеха, посадскаго человѣка дочь [1]). Кромѣ богородицы, по свидѣтельству того же святителя, были у Ивана Тимоѳеевича и двѣнадцать апостоловъ.

---

[1]) *Розыскъ*, изд. 1855, т. III, стр. 309. Села Верхній и Нижній Ландехи въ Гороховскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи.

Когда «истинная вѣра людей божіихъ» отъ проповѣди христа Ивана Тимоѳеевича съ его богородицей и апостолами стала распространяться, дошло о томъ до вѣдома царя Алексѣя Михайловича. По его велѣнію, Ивана Тимоѳеевича схватили и съ сорока учениками привезли въ Москву. Здѣсь подвергли ихъ розыску, и самого Суслова и учениковъ его пытали. Одному-де ему было дано столько ударовъ кнутомъ, сколько всѣмъ сорока ученикамъ вмѣстѣ. Но судьи ни отъ него, ни отъ учениковъ ничего не узнали. Никто изъ нихъ слова не проронилъ о томъ, въ чемъ состоитъ ихъ ученіе. Тогда будто бы царь Алексѣй Михайловичъ велѣлъ ихъ допрашивать самому патріарху Никону, но и тотъ ни въ чемъ не успѣлъ, и ему не открыли тайны ни христосъ Иванъ Тимоѳеевичъ, ни ученики его. Передалъ ихъ царь Морозову, самому ближнему своему боярину. Морозовъ будто бы понялъ святость Ивана Тимоѳеевича и уклонился отъ производства надъ нимъ розыскнаго дѣла подъ предлогомъ болѣзни. Оно передано было князю Одоевскому (Никитѣ Ивановичу?). Онъ въ московскомъ Кремлѣ на Житномъ дворѣ, гдѣ поставлена потомъ церковь Благовѣщенія, пыталъ Ивана Тимоѳеевича. Жегъ-де его князь Одоевскій на маломъ огнѣ, повѣсивъ на желѣзный прутъ, потомъ жегъ въ большихъ кострахъ. Но огонь не касался христа, и съ Житнаго двора Иванъ Тимоѳеевичъ вышелъ ничѣмъ не вредимъ. Послѣ того стали будто бы его пытать на Красной площади, у Лобнаго мѣста, и распяли на кремлевской стѣнѣ, возлѣ Спасскихъ воротъ, идя въ Кремль направо, гдѣ послѣ того поставлена была часовня. Когда Иванъ Тимоѳеевичъ испустилъ духъ, приставленная стража изъ стрѣльцовъ сняла его со креста. Это было въ четвергъ, а въ пятницу схоронили его на Лобномъ мѣстѣ, въ могилѣ со сводами. Съ субботы на воскресенье онъ

воскресъ при свидѣтеляхъ и явился ученикамъ въ подмосковномъ селѣ Пахрѣ. Здѣсь попрежнему онъ училъ людей божіихъ. Опять свѣдалъ-де про то царь Алексѣй Михайловичъ, опять велѣлъ взять Ивана Тимоѳеевича въ Москву на муки. Снова былъ преданъ христосъ страшнымъ пыткамъ, снова распятъ на крестѣ, на томъ же самомъ мѣстѣ, у Спасскихъ воротъ. Тутъ содрали съ него кожу, но одна изъ учениць покрыла его тѣло чистой простыней, и произошло-де чудо: простыня обратилась въ новую кожу, и сынъ божій Иванъ Тимоѳеевичъ остался ничѣмъ невредимъ. Однако, умеръ и во второй разъ на крестѣ, и во второй разъ воскресъ на третій день, также въ воскресенье. Съ того времени онъ пріобрѣлъ еще болѣе послѣдователей. Они звали его «стародубскимъ христомъ». Молва усиливалась, и Сусловъ въ третій разъ былъ взятъ, по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, и въ третій разъ обреченъ на мученія. Это случилось, говорятъ хлысты, въ то самое время какъ царицѣ Натальѣ Кириловнѣ пришло время разрѣшиться отъ бремени царевичемъ Петромъ Алексѣевичемъ (стало-быть, въ 1672 году). Царицѣ было пророчество, что она въ такомъ лишь случаѣ разрѣшится благополучно, если царь освободитъ отъ мукъ Ивана Тимоѳеевича. Царь велѣлъ освободить его.

Съ тѣхъ поръ сынъ божій, христосъ Иванъ Тимоѳеевичъ, говорятъ хлысты, тридцать лѣтъ спокойно проживалъ въ Москвѣ, тайно распространяя ученіе людей божіихъ (стало-быть, до 1702 года). Московскій «домъ божій», устроенный имъ по подобію костромского «Горняго Іерусалима», находился за Сухаревой башней, на мѣстѣ, принадлежавшемъ князю Михаилу Яковлевичу Черкасскому, и былъ названъ «Новымъ Іерусалимомъ». Сюда-то въ 1699 году пришелъ изъ Костромы къ «возлюбленному сыну своему» Ивану

Тимоѳеевичу господь саваоѳъ, верховный гость, Данило Филипповичъ, на сотомъ году своей жизни. Здѣсь онъ много бесѣдовалъ съ сыномъ своимъ за столомъ, который до 1846 года, какъ святыня, сохранялся у московскихъ хлыстовъ. По разсказамъ ихъ, изъ этого дома 1-го января 1700 года, въ Васильевъ день, Данило Филипповичъ, послѣ долгаго радѣнія, въ виду всѣхъ собравшихся въ Новый Іерусалимъ хлыстовъ, вознесся на небо. Потому, говорятъ они, съ этого дня и стали считать Новый годъ. Вскорѣ послѣ вознесенія Данила Филипповича, Иванъ Тимоѳеевичъ долженъ былъ бѣжать изъ Москвы, ибо на хлыстовъ обратило вниманіе правительство.

Пятнадцать лѣтъ Сусловъ не бывалъ въ Москвѣ, скрываясь по разнымъ мѣстамъ у своихъ учениковъ Удостовѣрясь, наконецъ, что въ Москвѣ про хлыстовъ забыли и преслѣдованій больше нѣтъ, возвратился онъ въ свой Новый Іерусалимъ, за Сухареву башню и, можетъ-быть, для того, чтобы не возбуждать вниманія тогдашней полиціи, не поселился въ томъ домѣ, гдѣ бесѣдовалъ съ верховнымъ гостемъ Данилой Филипповичемъ, а выстроилъ противъ него другой маленькій домикъ, который сдѣлался вторымъ московскимъ «божьимъ домомъ». Живя здѣсь, Сусловъ распространилъ свое ученіе въ московскихъ монастыряхъ, женскихъ: Вознесенскомъ, Рождественскомъ, Ивановскомъ, Новодѣвичьемъ и Варсонофьевскомъ, въ мужскихъ: Симоновомъ и Высокопетровскомъ. Проживъ въ Москвѣ около трехъ лѣтъ, христосъ Иванъ Тимоѳеевичъ, по словамъ хлыстовъ, при многихъ свидѣтеляхъ вознесся на небо. Бездыханное же тѣло его осталось на землѣ и было погребено при церкви Николы въ Драчахъ. Онъ не взялъ на небо тѣла своего какъ отецъ его, саваоѳъ Данило Филипповичъ, потому, говорятъ хлысты, что, будучи воплощеннымъ сыномъ

божіимъ, хотѣлъ показать примѣръ благочестиваго смиренія и терпѣнія на землѣ. Тѣло его недолго оставалось на погостѣ Никольской церкви. Приверженцы Суслова вскорѣ исходатайствовали перенесеніе останковъ своего христа въ женскій Ивановскій монастырь, гдѣ въ средѣ инокинь было уже немало послѣдовательницъ хлыстовщины. Надъ новой могилой Суслова поставленъ былъ памятникъ, надпись на немъ гласила, что тутъ погребенъ святой угодникъ Божій. Около двадцати лѣтъ былъ цѣлъ этотъ памятникъ.

По смерти Ивана Тимоѳеевича мѣсто христа, сына божія, заступилъ нижегородскій стрѣлецъ Прокофій Даниловичъ Лупкинъ. Нѣкоторые хлысты утверждаютъ, что онъ былъ роднымъ сыномъ саваоѳа Данилы Филипповича. Лупкинъ былъ христомъ людей божьихъ съ 1713 года до своей смерти, случившейся въ 1732 году, похороненъ въ Ивановскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, въ Москвѣ, рядомъ съ христомъ Иваномъ Тимоѳеевичемъ. Жена Прокофья Лупкина, нижегородская стрѣлецкая дочь Акулина Ивановна была хлыстовскою богородицей. Сынъ ихъ Спиридонъ Прокофьевичъ, во иночествѣ (постриженъ въ Симоновомъ монастырѣ) Серафимъ, равно какъ монахи Петровскаго монастыря Филаретъ Муратинъ и Тихонъ Струковъ (оба изъ дворянскихъ фамилій) были пророками. Въ женскихъ монастыряхъ города Москвы, Рождественскомъ, Новодѣвичьемъ, Вознесенскомъ, а особенно въ Ивановскомъ, было много приверженницъ христовъ Суслова и Лупкина. Божій домъ былъ на прежнемъ мѣстѣ, неподалеку отъ Сухаревой башни. Въ числѣ хлыстовъ былъ одинъ изъ князей Мещерскихъ.

По сказаньямъ хлыстовъ, христосъ Прокофій Лупкинъ умеръ въ 1733 году, въ Москвѣ, въ божьемъ домѣ, въ Новомъ Іерусалимѣ. Они говорятъ, что̀ въ день смерти Прокофья Даниловича находились у него

въ собраніи всѣ его послѣдователи, что во время «корабельнаго» (общаго) ихъ радѣнія въ ихъ «святый кругъ» съ небесныхъ круговъ слетѣли безплотные духи: ангелы, архангелы, серафимы, херувимы и вся сила небесная, и что они вознесли христа Лупкина при множествѣ свидѣтелей на небо. По-просту сказать, Лупкинъ умеръ во время радѣнія. И тогда настало, продолжаютъ хлысты, «древнее молчаніе», прекратилось пророчество по случаю наставшаго гонительнаго времени.

Лупкина похоронили въ Ивановскомъ монастырѣ, близь Ивана Тимофеевича Суслова. На могилѣ его соорудили каменное надгробное строеніе (памятникъ) и на немъ написали похвалу святости погребеннаго. Недолго, однако, оставались въ покоѣ кости Прокофья Даниловича. Предъ самою смертью его разразилась надъ его послѣдователями буря, кончившаяся казнями ближайшихъ къ нему людей, ссылкой въ отдаленные сибирскіе монастыри жены, сына, свояченицы и сожженьемъ его уже полуистлѣвшаго тѣла чрезъ палачей.

Дѣло было такъ. Въ 1732 году къ начальнику Москвы, графу Семену Андреевичу Салтыкову, явился добровольно нѣкто Семенъ Карауловъ, промышлявшій въ Москвѣ разбоемъ и имѣвшій съ шайкой своею главный притонъ подъ Каменнымъ мостомъ чрезъ Москву-рѣку. Повинившись передъ графомъ въ разбояхъ, Карауловъ объявилъ, что «есть въ Москвѣ четыре дома, гдѣ чинятся великія непотребности. Собираются-де туда по ночамъ на праздники разныхъ чиновъ люди, старцы, старицы и прочіе. Изъ нихъ нѣкоторые-де выбираются въ начальники сборищъ и садятся въ переднемъ углу, а прочіе по лавкамъ. Какъ приходятъ въ домъ, то старшимъ своимъ, сидящимъ въ переднемъ углу, кланяются, цѣлуютъ у нихъ

руки и, собирая деньги, имъ отдаютъ, и другіе-де изъ нихъ пророчествуютъ»

Дѣло было казусное. Пророчествовать было строго запрещено со времени казни ростовскаго епископа Досиѳея, пророчествовавшаго заточенной въ Суздали царицѣ Авдотьѣ Ѳедоровнѣ. Салтыковъ сдѣлалъ нужныя распоряженія, и по указаніямъ разбойника Караулова, на хлыстовскихъ радѣніяхъ было захвачено семьдесятъ восемь человѣкъ. Въ числѣ ихъ были монахи и монахини разныхъ московскихъ монастырей. Главною руководительницей секты оказалась монахиня Ивановскаго монастыря Анастасія (въ мірѣ Агаѳья Карпова). Открылось, что она и еще двѣ старицы и старецъ пророчествовали, и вмѣсто причастія Святыхъ Таинъ подавали рѣзаный кусками хлѣбъ, а изъ стакана давали пить квасъ, иногда воду.

Впослѣдствіи открылось (собственныя признанія скопцовъ), что сія благочестивая московская инокиня была первоначальною основательницей секты «бѣлыхъ голубей». Русское скопчество вышло изъ келій не совсѣмъ цѣломудренныхъ черницъ одного изъ знаменитѣйшихъ монастырей Москвы. «Убѣленіе», то-есть оскопленіе, было сочувственно принято духовными особами мужескаго пола: іеромонахи Филаретъ и Тихонъ сдѣлались пособниками честныя старицы Анастасіи, а симоновскій архимандритъ, впослѣдствіи курскій архіерей Петръ, имѣлъ своимъ наперстникомъ инока—хлыста Серафима, кандидата въ христы и родного сына христа Прокофья и богородицы Акулины Лупкиныхъ. Странное явленіе представляетъ наше духовенство того времени: гоняясь за двуперстіемъ какъ за страшною отъ Бога отводящею ересью, оно держало подъ своимъ крылышкомъ секты изувѣрныя. Мало того, сами духовныя лица увлекались въ эти секты, за что иногда и расплачивались головами, какъ напри-

мѣръ іеромонахи Высокопетровскаго московскаго монастыря Филаретъ и Тихонъ.

Христа людей божіихъ, Прокофья Даниловича, во время розысковъ по доносу Караулова уже не было въ живыхъ. Мѣсто его заступилъ сынъ его, симоновскій монахъ Серафимъ. Онъ былъ захваченъ.

Богородица Настасья Карпова была казнена въ Петербургѣ на Сытномъ рынкѣ въ октябрѣ 1733 года. Той же участи подверглись иноки Петровскаго монастыря Филаретъ и Тихонъ. Остальные публично наказаны кнутомъ и разосланы на вѣчное житье въ Сибирь и по монастырямъ. Трупы христовъ Суслова и Лупкина, по распоряженію святѣйшаго синода, были выкопаны изъ могилъ, находившихся въ Ивановскомъ монастырѣ и сожжены за городомъ рукой палача. Но хлысты успѣли подмѣнить останки перваго христа Ивана Тимоѳеевича.

II

Чѣмъ болѣе было собираемо свѣдѣній о вѣрованіяхъ и обрядахъ хлыстовъ, тѣмъ болѣе было находимо въ нихъ до того рѣзкихъ противорѣчій, что нельзя было не придти къ убѣжденію, что ересь людей божьихъ съ теченіемъ времени распалась на многіе разнообразные толки. Иначе и быть не могло въ сектѣ фантастической, гдѣ все зависитъ отъ повелѣнія людей, пользующихся безусловною покорностью приверженцевъ и находящихся въ восторженномъ состояніи, весьма недалекомъ отъ сумасшествія. Если квакерское ученіе, систематически изложенное и содержимое людьми болѣе или менѣе образованными, распалось на секты, какъ же было не распасться нашей доморощенной хлыстовщинѣ, содержимой преимущественно безграмотными мужиками и не имѣющей не только

систематическаго изложенія, но даже ничего почти писаннаго? Пророкъ людей божьихъ Василій Радаевъ (лично мнѣ извѣстный), послѣ родоначальника скопцовъ Кондратья Селиванова, былъ едва ли не первымъ и не единственнымъ хлыстовскимъ писателемъ.

Никакой раскольничій толкъ не узнается съ такими затрудненіями, какъ ересь людей божіихъ и происшедшія изъ нея скопческая и лазаревщинская. Содержащіе которое-либо изъ этихъ ученій, вступая въ ересь, даютъ страшныя клятвы никогда никому не открывать ея таинствъ и скорѣе тѣло свое отдать на раздробленіе, чѣмъ постороннему человѣку сообщить что-либо изъ слышаннаго или видѣннаго въ «кораблѣ», собирающемся гдѣ-нибудь въ глухомъ, уединенномъ мѣстѣ, въ часъ полуночный. Притомъ не всякій сектаторъ и допускается на всѣ таинственныя собранія, не всякому извѣстно все, относящееся до обрядовъ и вѣрованій его общины. Долго испытываютъ новобранца, пока, наконецъ, увѣрившись, не начнутъ мало-по-малу раскрывать передъ нимъ таинственную завѣсу, подъ которою старшины общества тщательно стараются скрыть внутреннее устройство своего «корабля».

Представляю обозрѣніе хлыстовской ереси безъ различія сектъ. Обозрѣніе мое не стройно, въ немъ встрѣтятся, можетъ быть, и противорѣчія, но представляя, что стало мнѣ извѣстно, не смѣю дозволить себѣ, для большей стройности изложенія или ради избѣжанія противорѣчій, что-либо переиначивать.

Говоря о тайныхъ сектахъ, надо указать источники, на которыхъ основываются представляемыя публикѣ свѣдѣнія. Писменные источники перечислены въ предисловіи къ этой статьѣ, но мнѣ приводилось изучать хлыстовскую и скопческую ереси не по однѣмъ бумагамъ. Я имѣлъ случай познакомиться съ сектаторами лицомъ къ лицу и притомъ въ двоякомъ положе-

ніи: и въ качествѣ лица офиціальнаго, и частнымъ человѣкомъ, пріобрѣтшимъ до нѣкоторой степени довѣріе нѣкоторыхъ изъ людей божіихъ. Первый разъ я узналъ хлыстовъ въ 1850 году. Тогда были открыты они въ селахъ Мотовиловѣ и Волчихѣ, Арзамасскаго уѣзда. Я былъ тогда въ Арзамасѣ, ревизуя городское хозяйство Нижегородской губерніи по порученію министра внутреннихъ дѣлъ. Желая поближе ознакомиться съ хлыстами, испросилъ я у тогдашняго губернатора, князя М. А. Урусова, дозволеніе находиться при допросахъ, производимыхъ въ особой слѣдственной комиссіи. Тутъ я имѣлъ возможность познакомиться съ сочиненіями *таинственно воскресшаго* Василія Радаева, съ его письмами къ священнику села Мотовилова Минервину, имѣлъ случай говорить съ самимъ Радаевымъ, тридцати-пяти-лѣтнимъ, красивой наружности, крестьяниномъ, выдававшимъ себя за вмѣстилище Святого Духа, а также и съ другими хлыстами. Радаевъ былъ въ то время до того самообольщенъ, что писалъ къ священнику Минервину: «Не можешь ты понимать премудрости Св. Духа, во мнѣ находящагося, такъ призови меня къ себѣ, давай бесѣдовати сутки, мало—двое, трое». Глядя на Радаева, и покорные волѣ его ученики говорили не скрываясь. Но острогъ, это училище правовѣдѣнія для простонародья, гдѣ на первыхъ же порахъ объяснятъ туда попавшемуся, за какое преступленіе какое полагается наказаніе, и всякаго научатъ, что самое вѣрное средство (при старомъ судопроизводствѣ) для избѣжанія наказанія состоитъ въ словахъ: «знать не знаю, вѣдать не вѣдаю»,—острогъ въ короткое время научилъ Радаева и учениковъ его обратиться, говоря хлыстовскимъ языкомъ, *въ древнее молчаніе*. Я успѣлъ, однако, поговорить съ ними пока еще они «разрѣшали уста», и обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ велъ подробныя

записки. Незадолго предъ тѣмъ, именно въ декабрѣ 1849 года, была открыта хлыстовская ересь въ Макарьевскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи. Преосвященный нижегородскій Іаковъ, получивъ объ этомъ донесеніе предъ самымъ отъѣздомъ своимъ въ Петербургъ, послалъ для собранія свѣдѣній объ этихъ сектаторахъ одно довѣренное лицо, меня же просилъ составить изъ его показаній записку и прислать ее въ Петербургъ. Но посланный воротился въ Нижній, когда преосвященнаго уже не было на свѣтѣ. Со ставленная записка осталась у меня. Впослѣдствіи имѣлъ я случаи покороче узнать нѣкоторыхъ лицъ, принадлежавшихъ къ ересямъ хлыстовской и скопческой. Скопцы скрытны, но хлыстъ, если увѣрится, что бесѣдующій съ нимъ «въ понятіи состоитъ», какъ онъ выражается, бываетъ довольно откровененъ. Вотъ какимъ образомъ удалось мнѣ впродолженіе многихъ лѣтъ проникнуть въ нѣкоторыя «тайности» ересей хлыстовской и скопческой. Архивныя бумаги и разныя записки дополнили мой запасъ свѣдѣній.

Такъ-называемыя «пророчествующія» или «созерцательныя» ереси (хлысты, скопцы и другія) основаны на ученіи о *таинственной смерти и таинственномъ воскресеніи.* Подъ именемъ таинственной смерти они разумѣютъ состояніе полнаго безстрастія и святости. Хлысты, составляющіе первоначальный толкъ пророчествующихъ ересей, такъ излагаютъ свое ученіе:

Назначеніе человѣка состоитъ въ томъ, чтобъ умереть, воскреснуть и сдѣлаться ангеломъ, ибо всѣ ангелы суть не что́ иное какъ отжившіе люди, сподобившіеся таинственнаго воскресенья. Есть смерть о Адамѣ и есть смерть о Христѣ, есть мертвые о Адамѣ и есть мертвые о Христѣ. Смерть о Адамѣ есть послѣдствіе грѣха прародительскаго, исполненіе божескаго приговора надъ первымъ преступникомъ: «Земля

еси и въ землю отыдеши». Смерть о Христѣ есть смерть таинственная, состоящая въ умерщвленіи своей воли, себялюбія и гордости, въ умерщвленіи плоти, въ полнѣйшемъ безстрастіи и святости. За сею смертію слѣдуетъ «погребеніе о Христѣ», то-есть отвлеченіе мыслей отъ всего внѣшняго и углубленіе въ самого себя какъ въ могилу. Въ тайникѣ всякой души есть «начатокъ Духа Божія», говорятъ хлысты, и если кто таинственно умретъ и «спогребется Христу крещеніемъ въ смерть», то-есть по предуготовительномъ умерщвленіи воли и плоти низойдетъ въ самого себя, тотъ услышитъ въ себѣ внутреннее слово Духа Божія, говорящее въ немъ, и въ глубинѣ души своей найдетъ царствіе Божіе, которое «внутрь насъ есть». Кто услышитъ въ себѣ этотъ голосъ «внутренняго Евангелія», тотъ таинственно воскресъ. Съ той минуты онъ дѣлается «храмомъ Божіимъ, и Духъ Божій живетъ въ немъ», съ той минуты онъ «умершій (таинственно) оправдится отъ грѣха», сдѣлается безгрѣшнымъ, и тогда ему какъ «праведнику законъ не лежитъ», тогда онъ «нѣсть во плоти, но въ Дусѣ, понеже Духъ Божій живетъ въ немъ».

Вотъ основныя начала ученія «людей Божіихъ», сходныя съ началами ученія квакерскаго. Это-то ученіе, свободное отъ безобразной примѣси изувѣрства, до котораго дошли нѣкоторые хлыстовскіе «корабли» (общины), и увлекаетъ отъ времени до времени въ хлыстовщину людей набожныхъ и благочестивыхъ, но недальнихъ разумомъ, увлекаетъ даже людей образованныхъ, склонныхъ къ мистицизму, какъ напримѣръ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, увлекло оно министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора синода князя А. Н. Голицына, тайнаго совѣтника В. М. Попова, Тургенева, генерала отъ инфантеріи Головина съ его женою, статскаго совѣтника Пилецкаго, князя Енгалы-

чева, инженеръ-капитана Буксгевдена, коллежскаго асессора Родіонова, камергера Блянскаго, баронессу Буксгевденъ, статскую совѣтницу Татаринову, помѣщика Дубовицкаго и многихъ другихъ лицъ петербургскаго образованнаго общества. Но мистическое ученіе о таинственной смерти, перешедшее въ толпу людей необразованныхъ, большею частію даже неграмотныхъ, поддерживаемое юродивыми и блажеными, содержимое изувѣрами и суевѣрами, не могло не усвоить дикихъ формъ бѣшенаго фанатизма, противныхъ истинной религіи, здравому смыслу и доброй нравственности.

Для объясненія чудовищности ереси «людей Божіихъ» достаточно изобразить *таинственно-воскресшаго пророка*, этой степени, къ достиженію которой стремится все принадлежащее къ такъ-называемымъ пророчествующимъ ересямъ.

Таинственно-воскресшій, взамѣнъ умерщвленной имъ воли, получаетъ волю божественную. Въ него вселяется Святой Духъ, и съ этой минуты что̀ онъ ни дѣлаетъ, что̀ ни говоритъ, не онъ дѣлаетъ, не онъ говоритъ, но самъ живущій въ немъ Богъ. Поэтому, всѣ велѣнія такого человѣка исполняются прочими съ безусловною покорностью, со слѣпою вѣрой, какъ велѣнія самого Бога. Если онъ, какъ это часто бываетъ у хлыстовъ, дурачится, прикидывается юродивымъ, во всѣхъ его дурачествахъ, во всѣхъ его соблазнахъ видятъ какую-то особенную премудрость Божію, которая хотя не умершимъ еще о Христѣ и непонятна, но во всякомъ случаѣ требуетъ благоговѣйнаго подражанія и исполненія «зане буде Божіе—премудрѣе человѣкъ есть». Дѣлаетъ таинственно-воскресшій пророкъ самый безнравственный поступокъ, противный правиламъ самой ереси, и въ такомъ случаѣ смотрятъ на него съ благоговѣніемъ, и въ такомъ случаѣ въ по-

ступкѣ его видятъ особыя, невѣдомыя простому смертному тайны божественнаго смотрѣнія. «Хотя Радаевъ и прелюбодѣй», говорили арзамасскіе хлысты при допросахъ, «но отъ того соблазна другимъ не бывало, ибо онъ въ этотъ грѣхъ впадалъ не по своей волѣ, а по волѣ Святаго Духа». Велитъ онъ сдѣлать преступленіе, какого бы рода оно ни было, безъ размышленія оно совершается, какъ повелѣніе самого Бога И никто не смѣетъ подумать, что совершено преступленіе, ибо не пророкъ повелѣлъ совершить его, а самъ Богъ, не преступленіе совершено, но исполнена святая воля Божія.

Состояніе таинственно-воскресшаго, по понятіямъ хлыстовъ, исполнено высочайшей степени блаженства, такъ что ни на землѣ, ни на небесахъ нѣтъ ничего ему подобнаго. Онъ, какъ вмѣстившій въ себя Духа Святаго и сдѣлавшійся богочеловѣкомъ, наслаждается тѣмъ блаженствомъ, которымъ наслаждается само божество: сила его равна силѣ самого Бога. «Если бы послали меня во адъ,—писалъ Радаевъ,—и тамъ никакая сила не можетъ меня коснуться, хотя бы и въ рай, и тамъ больше радости не встрѣчу». Эта сила всемогущества, которую получаетъ таинственно-воскресшій, не знаетъ никакихъ преградъ и препонъ, для нея нѣтъ ничего невозможнаго. «Душа моя поставлена въ состояніе апостольское,—говорилъ Радаевъ въ письмѣ своемъ къ священнику Минервину,—замѣняетъ мѣсто Христово; сія то душа надѣляется властію столь великою, что и повѣрить вамъ даже сомнительно, потому что она творитъ то же, что и Христосъ. Я могу свидѣтельствовать о себѣ и свидѣтельство мое истинно есть». Онъ творитъ чудеса и предсказываетъ будущее посредствомъ живущаго въ немъ Духа. Онъ проникаетъ своимъ взоромъ въ седьмое небо. Онъ влечетъ къ себѣ людей не только словомъ, но и таинственною силой,

ему данной. На людей онъ низводитъ Духа Святаго и, по своему усмотрѣнію, одному даетъ златые вѣнцы, другого вселяетъ въ небесный горній Іерусалимъ, третьяго дѣлаетъ серафимомъ и даетъ ему шесть огненныхъ крылъ. Онъ властенъ возводить души изъ ада въ рай, и когда придетъ изъ Иркутска искупитель со страшнымъ судомъ, таинственно-воскресшій раздвинетъ всѣхъ близкихъ къ нему, сядетъ подлѣ христа и станетъ судить свой «корабль» кого куда. Земной власти надъ нимъ не существуетъ. «Духъ Святой, писалъ Радаевъ,—поставилъ меня выше всякаго начала и власти». Какъ будто истинный богочеловѣкъ, онъ, входя въ православную церковь, изгоняетъ оттуда тѣхъ, которые, по его мнѣнію, не достойны стоять предъ Богомъ. Всѣ правители, всѣ цари земные—рабы его. Не онъ подлежитъ ихъ суду, но они его, ибо онъ Богъ, а они его созданія. Этого мало: даже на небѣ нѣтъ надъ нимъ власти. «Богъ на меня не гнѣвается, — писалъ Радаевъ, я все равно какъ вѣрный и любимый сынъ, уже исполнившій волю отца и за то имѣющій во всемъ свою волю. На мнѣ отецъ уже взыскать ничего не хочетъ, да и не можетъ».

Таково состояніе таинственно-воскресшаго. Непогрѣшительность папы, божественность далай-ламы, хутухтъ и хубильхановъ ничто въ сравненіи съ непогрѣшимостью и божественностью хлыстовскаго или скопческаго христа или пророка! Это нѣчто въ родѣ «старца горы», начальника секты Ассасиновъ, бывшихъ въ Сиріи во времена Крестовыхъ походовъ. Еслибы кормчій какого-нибудь «корабля», въ припадкѣ бѣшенаго самообольщенія, вздумалъ отринуть всѣ доселѣ содержимыя хлыстами правила и самыя пророчества, сейчасъ на радѣніяхъ сказанныя, самую такъ-называемую *Книгу животную*, сказавъ, что все это

больше не спасительно, ученики его въ ту же минуту признали бы это за «волю Божію».

Такова власть, находящаяся въ рукахъ «кормщиковъ» хлыстовскихъ и скопческихъ кораблей. Такъ безпредѣльна покорность предъ ними вѣрующихъ въ божественность ихъ духа. Было бы излишне доказывать, что такіе сектаторы не могутъ быть терпимы въ государствѣ благоустроенномъ.

Вся цѣль людей, принадлежащихъ къ пророчествующимъ сектамъ, состоитъ въ достиженіи апотеозы таинственно-воскресшаго: каждый хлыстъ, каждый скопецъ стремится къ тому, чтобы еще въ здѣшнемъ мірѣ сподобиться таинственнаго воскресенія, но если кто изъ нихъ не достигаетъ на землѣ такого состоянія, тотъ умираетъ въ полной надеждѣ на будущее блаженство. Скопецъ и хлыстъ вѣрятъ, что тѣлесная смерть есть освобожденіе «духовнаго тѣла изъ тѣла душевнаго, этихъ ризъ кожаныхъ», въ которыя облекъ Богъ Адама, въ наказаніе за его гордость, и которыя въ сей жизни надобно поэтому умерщвлять смиреніемъ, постомъ, цѣломудріемъ, оскопленіемъ. Какъ скоро человѣкъ освободится отъ этихъ оковъ, онъ въ душевномъ тѣлѣ, еще не воскресшій, является уже «въ сонмѣ людей божіихъ», которыхъ собираетъ иркутскій христосъ отецъ-искупитель на Востокѣ. Такимъ образомъ, по смерти онъ переходитъ въ состояніе «умершихъ о Христѣ», которые, такъ же какъ и здѣсь, составляютъ на небѣ «круги» или «корабли» и совершаютъ такія же, какъ и здѣсь, радѣнія. Эти круги называются «восточнымъ сонмомъ» или «дольними небесами». Воскресшіе-таинственно здѣсь, послѣ тѣлесной смерти, не идутъ съ умершими о Христѣ въ «дольнія небеса», но тѣла ихъ духовныя переносятся прямо въ высшія селенія блаженства, на седьмое небо, гдѣ они составляютъ свои «круги», въ которыхъ также

производятся радѣнія. Это тѣ самые «небесные круги», говорятъ хлысты, съ которыхъ для благовѣщенія Дѣвѣ Маріи слетѣлъ архангелъ Гавріилъ. Эти круги населены ангелами, то-есть хлыстами, въ земной жизни своей таинственно воскресшими послѣ таинственной смерти.

Скоро, думаютъ хлысты и скопцы, наступитъ время торжества людей Божіихъ. Раздастся гласъ архангела, воскликнетъ къ людямъ божіимъ христосъ Иванъ Тимоѳеевичъ. Вслѣдъ за гласомъ его раздастся «труба божія». Величиной та труба отъ земли до седьмого неба, затрубитъ въ нее самъ господь-саваоѳъ, Данила Филипповичъ. И снидетъ съ круговъ небесныхъ на дольнія небеса — въ восточный сонмъ людей божіихъ—отецъ-искупитель иркутскій Петръ Ѳедоровичъ. И всѣ жители дольнихъ небесъ, то-есть «мертвіи о Христѣ» (хлысты и скопцы), еще не достигшіе на землѣ таинственнаго воскресенія, въ это время воскреснутъ. Тогда дольнія небеса, теперь нами видимыя, и собственно для жилища «мертвыхъ о Христѣ» созданныя, какъ болѣе ненужныя, распадутся, надъ землею же явится «небо ново», и сама земля обновится, и пойдетъ отецъ-искупитель съ умершими о Христѣ и теперь воскресшими отъ востокъ солнца до запада, и навстрѣчу ему, по воздуху, на облакахъ полетятъ всѣ хлысты и скопцы, еще въ живыхъ на землѣ оставшіеся. И придетъ отецъ-искупитель въ Москву и зазвонитъ въ царь-колоколъ. По этому «третьему гласу», пойдутъ съ отцомъ-искупителемъ въ Петербургъ люди полкй-полкàми, а съ небесъ слетитъ вся сила небесная, то-есть всѣ въ земной жизни таинственно-воскресшіе. И сядетъ сила небесная кругомъ отца-искупителя, и каждый ангелъ начнетъ судить корабль, въ которомъ, живши на землѣ, былъ кормщикомъ. Затѣмъ начнется общій страшный

судъ надъ всѣми мертвыми о Адамѣ, то-есть не хлыстами и не скопцами, послѣ чего настанетъ блаженное царство людей божіихъ, «пройдутъ бѣды, и долготерпѣніе соберется, судъ же единъ пребудетъ, истина станетъ, и вѣра возможетъ, и дѣло послѣдовати будетъ, и мзда покажется, и правды воспрянутъ, и неправды не возобладаютъ».

Таковы вѣрованія хлыстовъ и происшедшихъ отъ нихъ скопцовъ относительно будущей жизни, таковы надежды ихъ на жизнь загробную. Конечно, ни одно человѣческое вѣрованіе не представляетъ своимъ послѣдователямъ столь обольстительныхъ надеждъ, столь полнаго торжества въ будущемъ. Не одни таинственно воскресшіе, всякій вошедшій въ общество «людей божіихъ», всякій, наконецъ, оскопившійся имѣетъ полную увѣренность въ неотъемлемомъ блаженствѣ, его ожидающемъ. Ничто не ограничиваетъ его въ здѣшней жизни, онъ не боится осужденія въ будущей, не страшится правосудія небеснаго. Въ фанатическомъ ослѣпленіи хлыстъ или скопецъ принимаетъ слова изступленныхъ изувѣровъ за волю Божію, и нѣтъ закона, нѣтъ правила, которые бы удержали житейскую нравственность его въ постоянныхъ и непреложныхъ границахъ.

III

Условія, при которыхъ, по ученію хлыстовъ, человѣкъ можетъ достигнуть таинственнаго воскресенія, состоятъ: а) въ самоотверженіи, преданности и уничиженіи, б) въ погребеніи самого себя и в) въ умерщвленіи плоти.

Самоотверженіе, преданность и уничиженіе составляютъ главнѣйшее правило людей божіихъ. Радаевъ, указывая на себя, говорилъ ученикамъ своимъ: «и вы

того достигнуть можете, и будете то-же, что̀ и я, пройдите лишь всѣ степени самоотверженія, преданности и уничиженія». Поэтому хлысты безусловно подчиняютъ волю свою волѣ таинственно воскресшихъ, думая, что подчиняются самому Богу, пребывающему съ ними въ лицѣ тѣхъ людей. Они до такой степени послушны своимъ «кормщикамъ», что невозможно представить подчиненіе другому лицу, которое бы превосходило подчиненіе имъ людей божіихъ или скопцовъ. «Иди за мной», говоритъ Радаевъ, «и куда я пошлю и велю что̀ дѣлать, дѣлай безъ размышленій, что́ требую отъ твоей собственности — безъ жалѣнія подавай, и отнюдь своей своли не смѣй имѣть, ты не долженъ ничего дѣлать безъ моей воли и безъ моего благословенія». Если таинственно воскресшій велитъ ограбить кого-нибудь, убить или даже самому себя лишить жизни, хлыстъ или скопецъ исполнитъ это безъ думы, безъ сожалѣнія, и никогда не придетъ ему въ голову, что онъ совершилъ преступленіе: онъ останется въ полной увѣренности, что исполнилъ святую волю самого Господа. Что́ хлыстовскіе и скопческіе старшины отдаютъ такія повелѣнія, можетъ служить доказательствомъ показаніе пророка Никифора Майданскаго который при допросѣ говорилъ, что онъ свято исполняетъ повелѣніе Арины Лазаревны, объявившей ему, что явная милостыня до Бога не доходитъ, а только одна тайная, и что если для сотворенія тайной милостыни нѣтъ у него ничего, то долженъ онъ украсть у богатаго и подать нищему тайно. Чистота и безбрачіе составляютъ по понятіямъ хлыстовъ, самую высокую добродѣтель, безъ которой нельзя достигнуть таинственнаго воскресенія. Чистота и безбрачіе заповѣданы самимъ саваоѳомъ Данилой Филипповичемъ, но если пророкъ велитъ нарушить чистоту, это исполнится какъ велѣніе Бога. Такъ Радаевъ въ посланіяхъ своихъ хотя и завѣщалъ:

«хранить чистоту яко зѣницу ока», хотя на бесѣдахъ безпрестанно твердилъ: «пребудьте въ чистотѣ, такъ велитъ Богъ», но иногда съ послѣднимъ звукомъ подобныхъ рѣчей обращался къ шестнадцатилѣтней ученицѣ, говоря: «не я, но Духъ Святой велитъ тебѣ идти со мною», и дѣвушка, безъ стыда, безъ размышленія, спѣшила повиноваться, съ глубокимъ убѣжденіемъ, что она исполняетъ волю Божію, что она обязана исполнить ее. По произведенному слѣдствію оказалось, что Радаевъ былъ въ связи съ тринадцатью женщинами и дѣвушками. Всѣ эти женщины единогласно показали при допросахъ: «сказалъ онъ мнѣ, что это надо сдѣлать по волѣ Божіей, и не по его, ибо въ немъ своей воли нѣтъ, чему вѣруя, я согласилась». Радаевъ не отрекся въ этомъ предъ судомъ. «Я дѣлалъ это», сказалъ онъ предъ слѣдственною комиссіей, «не по своей волѣ, а по волѣ Святого Духа, во мнѣ дѣйствующаго». По ученію хлыстовъ и скопцовъ самый тяжкій грѣхъ— гордость, уничиженіе же себя тѣломъ и духомъ составляетъ первѣйшее условіе для достиженія таинственнаго воскресенія. На этомъ основаніи Радаевъ училъ, что самое цѣломудріе дѣвицы или чистая жизнь вдовы, не что́ иное какъ смертный грѣхъ гордыни, что дѣвушка не должна хранить дѣвства, дабы не было ей чѣмъ гордиться предъ потерявшими себя подругами.

Другое условіе для достиженія таинственнаго воскресенія состоитъ въ отвлеченіи мыслей отъ всего внѣшняго. Въ каждомъ человѣкѣ, говорятъ хлысты и скопцы, есть царствіе Божіе, то-есть, откровеніе Бога, «внутреннее Евангеліе», по выраженію Радаева. Нисходи въ самого себя, опускайся въ самого себя какъ въ могилу, то-есть «спогребайся Христу крещеніемъ въ смерть», и ты услышишь говорящій въ тебѣ Духъ Божій, говорятъ люди Божіи. Когда заговоритъ внутри

тебя этотъ голосъ Духа Божія, ты таинственно воскресъ.

Третье условіе, необходимое, по ученію ереси людей божіихъ и скопческой, для достиженія таинственнаго воскресенія, состоитъ въ умерщвленіи плоти. Въ доказательство тому они приводятъ слова апостола: «да упразднится тѣло грѣховное, да царствуетъ убо грѣхъ въ мертвеннѣмъ вашемъ тѣлѣ во еже послушати его въ похотѣхъ его, аще ли духомъ дѣянія плотскія умерщвляете—живы будете», то-есть таинственно воскреснете, прибавляютъ они. Образъ умерщвленія плоти у хлыстовъ различенъ: одни держатъ строгіе посты во дни, опредѣленные православною церковью и даже прибавляютъ къ нимъ еженедѣльный постъ по понедѣльникамъ, другіе, говоря, что «брашно не поставляетъ насъ предъ Богомъ» совершенно отвергаютъ постничество въ опредѣленные дни, нѣкоторые хлысты ѣдятъ всякую пищу кромѣ мясной безъ разбора, но въ маломъ лишь количествѣ, другіе питаются только хлѣбомъ, рыбой и медомъ, какъ явствами, объ употребленіи которыхъ Іисусомъ Христомъ говорится въ Евангеліи. Вообще собранныя въ разныхъ губерніяхъ свѣдѣнія объ умерщвленіи хлыстами плоти, особенно же о постахъ, до такой степени разнообразны, что нѣтъ возможности опредѣлить каждый ли «корабль», каждый ли даже сектаторъ держится особенныхъ правилъ, или же постепенно переходитъ отъ одной степени воздержанія къ другой, подобно тому какъ они, по словамъ Радаева, должны переходить различныя степени самоотверженія, преданности и уничиженія. Вѣроятнѣе всего, что правила послѣдователей ереси людей божіихъ, до умерщвленія плоти относящіяся, зависятъ отъ повелѣнія таинственно воскресшихъ, которые въ одномъ кораблѣ повелѣваютъ одно, въ другомъ другое. Въ большей части кораблей хлыстовскихъ и у всѣхъ бѣ-

лыхъ голубей возбранено употребленіе мяса, вина, пива и табаку.

Безбрачіе и чистота составляютъ непремѣнное условіе нравственности хлыстовъ. Вступающій въ ихъ секту, если женатъ, долженъ прекратить супружескія отношенія съ женой. Гласнаго расторженія брака при этомъ же не бываетъ; живя въ одномъ домѣ и однимъ хозяйствомъ, супруги должны жить въ братскомъ согласіи, но не болѣе. Вообще собранныя въ разныхъ губерніяхъ свѣдѣнія о безбрачіи и чистотѣ хлыстовъ оказываются до крайности противорѣчивыми. Хлысты представляются то достигшими высшей степени безстрастія, то предающимися иногда грубому разврату, то поставляющими себѣ въ главную заслугу сохраняемое цѣломудріе, то признающими, что сохраненіе дѣвства есть смертный грѣхъ, равный гордости. Всѣ эти противорѣчія можно объяснить лишь тѣмъ, что каждый корабль людей божіихъ держится правилъ, предписываемыхъ кормщикомъ, и что повелѣнія сихъ изступленныхъ людей не подлежатъ никакимъ обязательнымъ для нихъ правиламъ или уставамъ.

Какимъ образомъ происходитъ таинственное воскресеніе Радаевъ, въ показаніи, данномъ слѣдственной комиссіи, разсказываетъ такъ: «сначала я сомнѣвался, не ошибочно ли я думаю,—что во мнѣ Духъ Божій, полно не вражій ли, но когда въ сердцѣ моемъ сказалъ Духъ: «молись Божіей Матери» и я исполнилъ, молившись цѣлую недѣлю, то Духъ Святой сталъ мною «водить», и когда случалось, что противился я Духу, за это страдалъ недѣль по шести... Я сталъ жить въ кельи — въ лѣсу, на пчельникѣ, куда перетаскалъ и книги свои,—вдругъ меня сильно двинуло и стало захватывать дыханіе, и сталъ я умирать таинственно. Послѣ того ходилъ я исповѣдываться къ священнику, но Духъ къ причастію меня не допустилъ. Я сдѣлался

боленъ, а потомъ чрезъ недѣлю почувствовалъ въ себѣ Духа Божія говорящаго: «вставай, иди причащаться». Я всталъ и былъ весь здравъ, но воли своей во мнѣ уже не было. Я причастился и ободрился, и начало меня «гонять» и «водить» Духомъ Божіимъ. Съ тѣхъ поръ своей воли не имѣю, во всемъ во мнѣ дѣйствуетъ Святой Духъ».

Достигшій таинственнаго воскресенія дѣлается учителемъ своей общины и получаетъ званіе «кормщика корабля». Власть его безгранична, самые безнравственные поступки его объясняются, какъ сказано выше, не иначе какъ таинственною волей самого Бога. Сомнѣваться въ святости кормщика все равно, что сомнѣваться въ святости и всемогуществѣ Бога. Пророки или кормщики весьма часто прикидываются юродивыми и нерѣдко въ самомъ дѣлѣ оказываются страдающими черною немочью или подучею болѣзнью. Подъ такой личиной они почти всегда остаются незамѣтными какъ для полиціи, такъ и для духовенства; народъ же обыкновенно считаетъ ихъ такъ-называемыми блаженными.

IV

Хлысты и скопцы наружно исполняютъ всѣ обряды православной церкви, ходятъ часто въ церковь, исповѣдаются, причащаются и слывутъ за самыхъ благочестивыхъ людей. Привлекаемыхъ въ свою ересь они сначала впродолженіи нѣкотораго времени держатъ въ полной увѣренности, что они истинные православные христіане. «Попы насъ не поучаютъ, такъ надо самимъ книги читать», говорятъ они соблазняемымъ, и сначала учатъ ихъ: непрестанно творить молитву

Іисусову [1]), ходить какъ можно чаще въ церковь, чтить православныхъ священниковъ и пр. Послѣ того хлысты внушаютъ имъ, что «есть на свѣтѣ праведные люди, въ которыхъ пребываетъ благодать Святаго Духа, а въ иныхъ и самъ Богъ живетъ; такой человѣкъ, говорятъ они, можетъ вязать и рѣшать, выводить грѣшныя души изъ ада въ царство небесное», но кто именно эти люди и гдѣ они находятся — пока умалчиваютъ. Затѣмъ хлысты поучаютъ, что должно «терпѣть всѣ бѣды, всѣ напасти и скорби», вести жизнь воздержную, всячески уничижать себя, служить всѣмъ и у всѣхъ быть въ повиновеніи, не ѣсть мяса, не пить вина и пива, не употреблять табаку, не поминать имени діавола, въ случаѣ же крайности называть его «врагомъ», или «не хорошимъ», не пѣть мірскихъ пѣсенъ, не плясать, не сказывать и не слушать сказокъ и всегда пребывать въ цѣломудріи. Завлекая постепенно въ свои сѣти не знающаго ихъ настоящаго ученія, хлысты приглашаютъ, накопецъ, его на свои бесѣды, но въ это время ничего противнаго православію не дѣлаютъ и не говорятъ, а только читаютъ церковныя книги, толкуютъ ихъ, и поютъ иногда псалмы Давидовы. Доведя завлекаемаго до того, что онъ станетъ во всемъ имъ вѣрить, начинаютъ ему открывать, что люди, въ которыхъ пребываетъ Духъ Святый, находятся между ними, что истинная Христова вѣра погибла на землѣ и сохранилась только въ

---

1) *Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ.* Первое показаніе крестьянина Ѳедора Павлова: «ученіе его (Радаева) состояло въ томъ, чтобы непрестанно творить молитву Іисусову... Отъ церкви учениковъ своихъ онъ нисколько не отвращалъ, а толковалъ, что непрестанно надобно въ ней пребывать». То же самое показали и другіе арзамасскіе хлысты, а крестьянинъ Иванъ Васильевъ прибавилъ: «поученіемъ своимъ заставлялъ Радаевъ ходить въ церковь и почитать священниковъ великими людьми».

ихъ обществѣ, что никакихъ книгъ не нужно, кромѣ единой «*Книги Голубиной*», «*Книги Животной*», то-есть живущаго внутри человѣка и поучающаго его Духа. Наконецъ они объявляютъ совращаемому, что Богъ всегда пребываетъ съ ними, и если кто поступитъ въ ихъ общество, на того снидетъ Святый Духъ, такъ точно, какъ древле сошелъ Онъ на апостоловъ.

Когда совращенный изъявитъ согласіе на вступленіе въ секту, ему велятъ нѣсколько дней поститься и пребывать въ уединеніи. Въ назначенное время приходитъ за нимъ старшина общины, или же самъ кормщикъ корабля. Въ одной рукѣ держитъ онъ икону (обыкновенно Нерукотвореннаго образа, или же другую какую-либо), а въ другой зажженную свѣчу. Онъ вводитъ совращеннаго въ собраніе («бесѣда», «святой кругъ», «соборъ», «корабль»), гдѣ сидятъ на лавкахъ съ одной стороны мужчины, съ другой женщины, всѣ босые, или въ однихъ чулкахъ, одѣтые въ длинныя бѣлыя рубахи, особаго покроя, а въ переднемъ углу, подъ образами, отдѣльно сидитъ женщина (богородица или пророчица), также вся одѣтая въ бѣломъ [1]). Комната ярко освѣщена восковыми свѣчами и лампадами.

— Зачѣмъ пришелъ ты? — спрашиваетъ приведеннаго богородица.

— Душу спасать, — отвѣчаетъ наученный заранѣе неофитъ.

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ корабляхъ христы, пророки, богородицы подпоясываются золотымъ поясомъ, въ другихъ всѣ подпоясываются красными поясами, въ иныхъ корабляхъ, напримѣръ въ саратовскомъ, черными. Иванъ Андреяновъ въ донесеніи, поданномъ въ 1825 году императору Александру Павловичу, говоритъ: «Сойдясь на бесѣду, учитель одѣвается въ бѣлую, длинную, коленкоровую одежду и опоясывается золотымъ поясомъ, если его имѣетъ; прочіе одѣваются въ бѣлыя, длинныя нижнія одежды, а женщины какъ имъ прилично»...

— Хорошо душу спасать,—замѣчаетъ ему богородица.—А кого даешь за себя порукой?

— Самого Христа, царя небеснаго, — отвѣчаетъ тотъ.

— Смотри же, чтобъ Христосъ отъ тебя поруганъ не былъ,—говоритъ богородица.

Затѣмъ обращаемаго приводятъ къ присягѣ предъ иконой, которую несъ предъ нимъ кормщикъ. Присяга состоитъ въ слѣдующемъ:

1) Святую вѣру принявъ, отъ нея никогда не отступать.

2) Чаще въ церковь ходить, исповѣдываться и причащаться въ церкви, но священнику на исповѣди про свою вѣру ни слова не говорить.

3) Если случится за святую вѣру пострадать, не бояться ни тюрьмы, ни ссылки въ Сибирь, ни самой смерти, тѣло свое отдать на раздробленіе, а про вѣру свою никому ничего никогда не открывать [1]). «Никому не сказать какое Божіе дѣло будетъ открыто: ни отцу, ни матери, ни роду, ни подродку, ни попу отцу духовному, ни другу своему мірскому, хотя бы огонь принять, хотя бы кнутъ принять, хотя бы топоръ принять, а если Божія дѣла не сохраню, на пути Божіемъ не устою, то да побѣдитъ меня Господь въ семъ свѣтѣ и въ будущемъ вѣкѣ».

— Въ сіе время ангелъ Божій сходитъ съ неба,—говоритъ богородица неофиту,—и пишетъ твою душу въ томъ, что она обѣщала служить Богу до конца жизни вѣрно [2]).

Послѣ того кормщикъ велитъ приходящему просить

---

[1]) Такая же присяга была у хлыстовъ и въ 1734 г. (*Первое полное собраніе законовъ Россійской имперіи*, IX, № 6,613).

[2]) Донесеніе, поданное императору Александру Павловичу въ 1825 г. крестьяниномъ Иваномъ Андреяновымъ.

весь корабль молиться за него. Тогда всѣ садятся въ «кругъ» и напѣвомъ простонародной пѣсни начинаютъ пѣть такъ-называемую ими «молитву Господню», которою начинаются всѣ хлыстовскія и скопческія моленія. Во время пѣнія ея всѣ правою рукой бьютъ тактъ по колѣнкамъ, на которыхъ разостланъ платокъ или бѣлое полотенце («знамя»).

Дай намъ, Господи, къ намъ Іисуса Христа,
Дай намъ, сударь, Сына Божія и помилуй, сударь, насъ.
Сошли къ намъ Духа Святаго утѣшителя!
Пресвятая Богородица, попроси, мой свѣтъ, за насъ
Свѣта сына своего Іисуса Христа! —
Свѣтъ тобой спасенъ, государыня,
Безъ тебя, мой свѣтъ, много грѣшныхъ на землѣ,
На сырой на землѣ, свѣтъ, на матушкѣ,
На матушкѣ, на кормилицѣ.

Послѣ того трое или четверо мужчинъ или женщинъ входятъ въ кругъ, спускаютъ съ плечъ рубахи по поясъ, и взявъ длинныя холщевыя или полотняныя бѣлыя полотенца («знамена»), развѣшиваютъ ихъ себѣ на плеча, затыкаютъ концы за поясъ, и начинаютъ, припрыгивая, кружиться посолонь. Это называется *радѣніемъ*. Во время радѣнія поютъ пѣсни.

Пѣсни поются напѣвомъ совершенно отличнымъ отъ церковнаго, онѣ скорѣй приближаются къ народнымъ пѣснямъ: однѣ поются протяжно, другія скоро, на подобіе плясовыхъ. Но нельзя сказать, чтобъ онѣ по напѣву своему были совершенно сходны съ пѣснями народными.

Когда поютъ эти «радѣльныя пѣсни», а поютъ ихъ на каждомъ собраніи по нѣсколько десятковъ, сидящіе хлысты или скопцы бьютъ въ тактъ правою рукой по колѣнкѣ, а радѣющіе хлысты хлопаютъ въ ладоши и самый топотъ ногами приноравливаютъ въ тактъ пѣсни.

Объ этихъ пѣсняхъ хлысты и скопцы говорятъ, что онѣ тѣ самыя, о которыхъ сказано въ Апокалипсисѣ: «и слышахъ поющихъ *пѣснь нову* предъ престоломъ, и никто же можаше навыкнути пѣсни, только сіи»[1]).

Послѣ «радѣльныхъ» пѣсенъ выводятъ приходящаго на середину круга, опоясываютъ его «знаменами» и водятъ кругомъ подъ пѣсню:

Благодатный Богъ,
Попусти намъ, Богъ,
Съ нами пребудь, Богъ,
До скончанія вѣка. Аминь.

Елицы отъ Христа (sic) во Христа креститеся, во Христа облекостеся. Аллилуія.

Послѣ того даютъ принятому въ корабль приложиться къ образу (иногда къ мѣдному кресту), надѣваютъ на него *радѣльную рубаху* и подпоясываютъ ее «знаменемъ». Затѣмъ всѣ цѣлуютъ новаго хлыста и поздравляютъ другъ друга съ новорожденною духомъ душою. У дѣвки же, сидящей въ углу (богородицы) какъ обращенный, такъ и прочіе, цѣлуютъ колѣнку или другую часть ея «святаго и животворящаго тѣла». Въ то время, когда цѣлуютъ ея тѣло обращенный, въ иныхъ корабляхъ богородица три раза осѣняетъ его крестообразно зажженною свѣчей. Хлысты говорятъ, что на пляску ихъ сходитъ Святый Духъ, и приходящій, введенный во «святый кругъ», крестится духомъ, когда же богородица креститъ его свѣчкой, онъ крестится огнемъ. Тогда-то, говорятъ хлысты, принимаетъ онъ истинное крещеніе «Духомъ Святымъ и огнемъ».

---

[1]) *Апокалипсисъ*, XIV, 3.

V

Кромѣ изложенныхъ обрядовъ, совершаемыхъ послѣдователями хлыстовщины во время ихъ радѣній, въ нѣкоторыхъ «корабляхъ», но далеко не во всѣхъ, изрѣдка (можетъбыть, лѣтъ черезъ десять и болѣе) совершаются отвратительные обряды «христовой любви» и «причащенія тѣла и крови». Повторяемъ, совершается это далеко не во всѣхъ корабляхъ и чрезвычайно рѣдко.

«Христовою любовью» называется общій развратъ корабля, происходящій послѣ радѣнія, когда и мужчины и женщины находятся въ изступленномъ состояніи. Этотъ развратъ, не разбирающій ни возраста, ни узъ родства, объясняется двояко. Одни хлысты говорятъ, что они, поступая такъ, *грѣхомъ грѣхъ истребляютъ* [1]). Но есть, кромѣ того, свѣдѣнія, что хлысты отъ времени до времени дѣлаютъ это съ тѣмъ, чтобъ имѣть дѣтей рожденныхъ, какъ они говорятъ, отъ Духа Свята (такъ-называемыхъ «христосиковъ»). Если какая женщина сдѣлается беременною, она принимаетъ санъ богородицы, и рожденный ею считается «не отъ крове, не отъ похоти плотскія, не отъ похоти мужескія, но отъ Бога родившимся».

Дикій обрядъ «христовой любви» въ иныхъ, немногихъ, конечно, хлыстовскихъ корабляхъ, соединяется съ другими, еще болѣе отвратительными, еще болѣе ужасными обрядами: пріобщенія тѣлу и крови.

---

1) Радаевъ говорилъ: «Христосъ принялъ плоть отъ Адама, чтобы грѣхомъ грѣхъ потребить, а я принялъ плоть и творю плотское, чтобы грѣхомъ грѣхъ истребить». Показаніе хлыста Лобанова въ *Слѣдственномъ дѣлѣ объ арзамасскихъ хлыстахъ*.

Баронъ Гакстгаузенъ, путешествовавшій по Россіи въ началѣ сороковыхъ годовъ, которому нашимъ правительствомъ предоставлены были всѣ способы, какъ вещественные, такъ и невещественные, къ собранію всевозможныхъ свѣдѣній, такъ передаетъ откровенный разсказъ одного хлыста Ярославской губерніи: «Во время моленія, въ чанъ, наполненный теплою водой, сажаютъ пятнадцатилѣтнюю или шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, которую успѣли склонить къ оскопленію. Когда она усядется въ чанѣ, къ ней подходятъ старухи, дѣлаютъ глубокій надрѣзъ на ея груди, потомъ отрѣзываютъ одинъ изъ сосцовъ, лѣвый, и съ удивительною ловкостью останавливаютъ теченіе крови. Во время этой операціи дѣвушкѣ даютъ въ руки икону Святаго Духа, чтобъ она, углубившись въ благоговѣйное созерцаніе, легче переносила страшную боль. Потомъ отрѣзываютъ часть тѣла, кладутъ на блюдо, разрѣзываютъ на мелкіе куски и раздаютъ присутствующимъ, которые и ѣдятъ ихъ. Когда кончится это людоѣдство, ту дѣвушку сажаютъ на возвышенное мѣсто, особо для нея устроенное, и все собраніе начинаетъ вокругъ нея плясать, припѣвая:

Поплясахомъ, погорахомъ
На Сіонскую гору».

Баронъ Гакстгаузенъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ легковѣрныхъ иностранныхъ путешественниковъ, которые, говоря о Россіи, допускаютъ въ разсказахъ своихъ всевозможныя нелѣпости. Его свидѣтельство достовѣрно. Мнѣ самому случалось слышать отъ нѣкоторыхъ лицъ, хорошо знавшихъ хлыстовскіе корабли, разсказъ о гнусномъ людоѣдствѣ, равно какъ и о закланіи младенцевъ мужескаго пола, рождаемыхъ богородицей. То же самое слышалъ г. Кельсіевъ за

Дунаемъ отъ одной богородицы Авдотьи Ивановны, бѣжавшей изъ Курской губерніи, у которой хлысты съѣли лѣвую грудь и выпили кровь ея осьмидневнаго ребенка.

Вотъ разсказъ, записанный мною лѣтъ пятнадцать тому назадъ, со словъ одного крестьянина, бывшаго въ хлыстовской ереси.

Въ христы, въ богородицы, въ пророки, какъ у хлыстовъ, такъ и у скопцовъ, поступаютъ не по выбору, а, такъ сказать, по вдохновенію [1]). Привлекается въ корабль молодая дѣвушка, чистой жизни. Если замѣчаютъ, что на нее сильно дѣйствуютъ тѣлодвиженія, употребляемыя при радѣніяхъ, а еще лучше, если и безъ радѣній случаются съ нею припадки въ родѣ истерики, при чемъ она впадаетъ въ безпамятное изступленіе («кликуша» по народному названію), то на нее начинаютъ смотрѣть съ уваженіемъ, какъ на избранный сосудъ. То же самое и относительно мужчинъ. Черезъ нѣсколько времени, когда молодая дѣвушка участвуетъ въ «бесѣдѣ», подходитъ къ ней пророчица и начинаетъ выпѣвать въ родѣ слѣдующаго:

Молодая ты юница,
Богу милая пѣвица,
Чистая отроковица,
Красная дѣвица,
Полюбилъ тебя Богъ,
Самъ Господь Саваоѳъ.
Благословенна ты въ женахъ,
Родишь Спаса въ пеленахъ,
Во святыхъ во знаменахъ,
Въ золотыхъ во теремахъ.

---

1) Священникъ Иванъ Сергѣевъ говоритъ: «въ санъ пророка, христа, богородицы, поступаютъ не по благословенію учителей, и никакого видимаго постановленія не бываетъ, все дѣлается по прореченію на кругу».

Люди Божьи тебѣ помолятся,
Всѣ цари, короли поклонятся;
Будешь ты святая юродица,
Матушка пресвятая богородица,
Отъ тебя христосъ народится,
Дай намъ пречистымъ тѣломъ твоимъ причаститься.

Дѣвушка сначала и сама не знаетъ, что̀ это означаетъ, но чрезъ нѣсколько времени начинаетъ понимать, что ее возводятъ въ величайшій для женщины санъ хлыстовъ, въ санъ богородицы [1]).

Старыя пророчицы снимаютъ съ нея одежды и раздѣтую сажаютъ на возвышенное мѣсто подъ образа. Начинается обожаніе. Новой богородицѣ съ крестнымъ знаменіемъ кланяются въ землю и прикладываются кто къ ногѣ, кто къ рукѣ, кто къ груди и пр. Называютъ ее богородицей, царицей небесной, владычицей и т. п. Молятся ей и просятъ сподобить причаститься пречистаго тѣла ея, а когда отъ Духа Свята отъ нея «христосикъ» родится, причаститься и его животворящей кровью...

Новая богородица на этой же «бесѣдѣ», или черезъ нѣсколько времени, на другой, радѣетъ (въ бѣлой полотняной рубашкѣ), припѣвая:

Я люблю, люблю дружка,
Саваоѳа въ небесахъ.
Ей, ей, люблю!
Ей, ей, люблю!

Радѣнія продолжаются... Быстрѣй и быстрѣй всѣ вертятся... Все оканчивается «христовой любовью»...

---

1) Въ скопческихъ *Страдахъ* или *Посланіи отъ истиннаго отца искупителя всѣмъ возлюбленнымъ дѣвушкамъ* (оно напечатано въ четвертой книжкѣ *Чтеніе Московскаго Общества Исторіи и Древностей* 1864 года) сказано, что скопческая богородица Акулина Ивановна говорила: всѣ пророки мнѣ поютъ, будто отъ меня сынъ божій народится; я этому и сама дивлюсь».

Съ этой поры корабль, воздавая избранной дѣвушкѣ божескія почести, поетъ, обращаясь къ ней на радѣніяхъ, «похвалу богородицы»:

Въ чистомъ полѣ, при дорожкѣ, стояла свѣтлица,
Эта свѣтлая свѣтлица — дѣвственное тѣло;
Краснѣй солнца, свѣтлѣй свѣта, бѣлѣй она снѣгу, и проч. [1]).

Ее дарятъ разными вещами, а когда прислуживающія ей «пророчицы» и «праведныя» замѣтятъ, что она беременна, собираютъ корабль и совершаютъ обрядъ причащенія тѣломъ богородицы, о которомъ упоминаетъ баронъ Гакстгаузенъ.

Для этого ставятъ среди горницы чанъ съ теплою водой. Богородица сначала радѣетъ какъ и другіе, потомъ ее раздѣваютъ и сажаютъ на престолъ подъ иконы. Послѣ обожанія, пророчицы ведутъ ее къ чану, сажаютъ туда, и даютъ въ руки икону Нерукотвореннаго Спаса [2]), которую она держитъ надъ головой. Вокругъ чана весь корабль радѣетъ при громкихъ пѣсняхъ, въ которыхъ величаютъ богородицу и просятъ ее сподобить людей Божьихъ причаститься ея пречистаго тѣла. Наконецъ, одна изъ старыхъ богородицъ или пророчица отрѣзываетъ у ней лѣвую грудь и прижигаетъ рану раскаленнымъ желѣзомъ. Отрѣзанную часть тѣла рѣжутъ на деревянномъ кружкѣ въ кусочки и причащаются ими.

Дѣлаютъ это въ иныхъ случаяхъ съ дѣвушками непорочными, но такія не называются богородицами

---

1) Обѣ послѣднія пѣсни заимствованы изъ архива департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Онѣ присланы изъ Тульской губерніи.

2) Баронъ Гакстгаузенъ говоритъ, что даютъ икону Святого Духа. Но такой иконы у насъ, сколько извѣстно мнѣ, нѣтъ. Я слышалъ, что при этомъ употребляется образъ Нерукотвореннаго Спаса. То же сказывали и В. И. Кельсіеву за Дунаемъ.

а только пророчицами или же богинями. Богинями зовутъ, впрочемъ, и богородицъ.

Если отъ изуродованной такимъ образомъ дѣвушки родится дочь, ее отдаютъ матери, и эта дѣвочка впослѣдствіи обыкновенно сама дѣлается богородицей или пророчицей. Но если родился мальчикъ, онъ считается сыномъ божіимъ и называется «христосикомъ». На восьмой день его закалаютъ въ лѣвый бокъ, такимъ же копіемъ какое употребляется въ церквахъ, произаютъ ему сердце и причащаются горячею кровью. Тѣло сушатъ и превращаютъ въ порошокъ, съ которымъ послѣ пекутъ калачи, коими и причащаются вмѣстѣ съ водою.

Объ этомъ ужасномъ изувѣрствѣ разсказываетъ Святый Димитрій Ростовскій въ своемъ *Розыскѣ*. Онъ пишетъ, что между Вологдой и Каргополемъ жилъ въ его время изувѣръ, считавшійся святымъ и преподобнымъ, и съ нимъ жило много учениковъ и учениц, «ученіемъ бо его лестнымъ и лицемѣрнымъ житіемъ влекомы бяху къ нему, аки къ великому угоднику Божію. Учаше же той славимый мнимый святецъ тайно, сжели всѣмъ жити блудно безо всякаго зазора, глаголя яко нѣсть грѣхъ плотское совокупленіе по согласію, но любовь есть.» Однажды къ нему пришли два человѣка и сказали, что такая-то дѣвица родила мальчика: «Той же окаянный мнимый святый пустынникъ рече имъ: не рѣхъ ли вамъ прежде сего, да егда та дѣвица родитъ отроча, абіе у новорожденнаго младенца ножемъ, поднявъ груди, измете сердце и да принесете на блюдѣ ко мнѣ? Идите убо и сотворите якоже рѣхъ вамъ. Они же абіе отшедше, по маломъ часцѣ принесоша на блюдѣ древяномъ онаго новорожденнаго младенца сердце, еще живо сущее и движущееся, и вдадоша ему. Онъ же вземъ ножъ, своима рукама разрѣза е на четыре части и рече имъ: «прі-

ньмите сіе, и въ пещи изсушивъ, истолкпте». Скверные же тіи слуги окаяннаго онаго пустынника, шедше сотвориша повелѣнное имъ и паки принесоша къ нему истолченное въ муку младенческое сердце. Пустынникъ же веземъ листъ писчія бумаги и на малыя бумажки раздробивъ, вложи по малой части истолченнаго сердца въ тѣ бумажки, и призвавъ нѣкія послушники своя, рече имъ: «возьмите бумажки сіи со святынею» и пр. [1])

О такихъ дѣтоубійцахъ въ прошломъ столѣтіи говорилъ и Θеофилактъ Лопатинскій въ своемъ *Обличеніи неправды раскольнической*. Въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ составленномъ, по приказанію рязанскаго епископа Симона, *Наставленіи состязаться съ раскольниками*, тоже о нихъ упоминается.

Бумажки съ порошкомъ, въ которомъ подозрѣвался тотъ порошокъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, находимы были при обыскахъ у хлыстовъ и скопцовъ, но не было случая, чтобъ изувѣрное преступленіе было вполнѣ обнаружено и юридически доказано.

Изувѣры, извращенно толкуя святое Евангеліе, полагаютъ, что Дѣва Марія также отдала на восьмой день обрѣзать Іисуса Христа, то-есть заклать его для причащенія вѣрныхъ его тѣломъ и кровью. Обрѣзаніе (то-есть закланіе) совершено было, говорятъ они, пророкомъ Симеономъ и пророчицею Анною. Черезъ тридцать лѣтъ послѣ того, продолжаютъ они, Дѣва Марія родила *духовно*, то-есть обратила въ вѣру людей божіихъ Іисуса, сына плотника Іосифа, который и сдѣлался Христомъ. Точно также, говорятъ они, столѣтняя богородица Арина Нестеровна, въ молодости отдавшая рожденнаго ею христосика въ «снѣдь вѣрнымъ», духовно родила христа Ивана Тимоѳеевича; богородица

---

[1]) *Розыскъ*, III, 534 и слѣд.

Акулина Ивановна—христа Петра Ѳеодоровича, основателя скопчества, и т. д.

VI

Секта бѣлыхъ голубей выдѣлилась изъ хлыстовщины, какъ выдѣлилась изъ нея, съ одной стороны—монтане, духо́вники, а съ другой—секты Татариновой и адамистовъ, существовавшія въ образованномъ обществѣ Петербурга. Въ сущности же всѣ эти секты какъ по вѣрованіямъ такъ и по обрядамъ, одно и то же. *Скопцы отличаются отъ хлыстовъ единственно физическимъ изуродованіемъ тѣла, составляя съ ними одну и ту же секту.*

Изъ нѣкоторыхъ дѣлъ видно, что скопчество началось въ хлыстовскихъ корабляхъ еще при богородицѣ Настасьѣ Карповнѣ, казненной въ 1733 году [1]). Сыномъ богородицы Настасьи Карповны, то-есть родившимся или открывшимся отъ нея духовно былъ христосъ Андрей Петровичъ, юродивый, въ домѣ котораго, какъ сказано выше, въ 1745 году были открыты хлыстовскія сборища, по указанію сыщика Ваньки Каина. Куда дѣвался Андрей юродивый по окончаніи дѣла въ 1752 году, неизвѣстно. Но вотъ его слѣды, отысканные въ дѣлахъ позднѣйшаго времени.

---

[1]) См. *Дѣло въ архивѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ* 1817 г., № 20. Въ немъ есть записка министра полиціи, внесенная въ комитетъ министровъ. Въ этой запискѣ сказано: «петербургскіе скопцы разсказываютъ, что секта ихъ началась прежде 1770 г. (какъ они были въ первый разъ открыты), потому что въ послѣдніе годы царствованія императрицы Анны Іоанновны дѣвка Настасья Карпова и три другія дѣвки, *производившія оскопленія въ Москвѣ*, были схвачены, привезены въ Петербургъ и по именному повелѣнію казнены на Сытномъ рынкѣ».

Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ Тульской провинціи появилось двое бродягъ: скопцы Андрей и Кондратій, называвшіе себя монахами и кіевскими затворниками. Первый изъ нихъ, старшій годами, былъ, почти безспорно можно сказать, тотъ самый христосъ Андрей юродивый, что̀ успѣлъ скрыться отъ преслѣдованій правительства въ 1752 году, вѣроятно при содѣйствіи своихъ покровительницъ изъ высшаго московскаго общества. Другой, помоложе его, Кондратій Ивановичъ Селивановъ, былъ лицомъ не менѣе загадочнымъ. Впослѣдствіи оказалось, что это былъ крестьянинъ Орловской губерніи, села Столбова. Затворники Андрей и Кондратій пришли въ нынѣшній Алексинскій уѣздъ. Въ домѣ фабриканта купца Лугинина нашли они крестьянина Емельяна Ретивова, принадлежавшаго къ хлыстовской сектѣ, уговорили его «убѣлиться» (принять оскопленіе), доказывая, что онъ долженъ это сдѣлать, если желаетъ чисто и свято соблюсти истинную вѣру «людей божіихъ». Кромѣ Ретивова они «убѣлили» еще нѣсколько другихъ фабричныхъ крестьянъ.

Ретивовъ поѣхалъ въ Тамбовъ для покупки кожъ и проѣздомъ, въ селѣ Сосновкѣ, что близь Моршанска, вовлекъ въ свою секту дворцоваго крестьянина этого села, хлыста Софона Авдѣева Попова. Этотъ Поповъ, согласясь съ сыномъ своимъ Ульяномъ, съ крестьянами Иваномъ Прокудинымъ, Пименомъ Плотицынымъ и съ приходскимъ своего села дьякономъ Семеномъ Алексѣевымъ, поѣхали въ Алексинскій уѣздъ къ Ретивову, гдѣ бродяга Андрей и убѣдилъ ихъ всѣхъ. Послѣ того еще нѣсколько крестьянъ изъ Сосновки ѣздило съ тою же цѣлію къ Ретивову. Въ его домѣ бродяга Андрей и Кондратій и ихъ убѣдили. Наконецъ, въ началѣ 1774 года, Андрей и Кондратій съ какимъ-то мальчикомъ сами ѣздили въ Сосновку, прожили у Софона

Попова двѣ недѣли, масляную и первую Великаго поста, убѣлили еще многихъ Сосновскихъ крестьянъ, и въ домѣ Софона Попова завели *домъ божій*, куда всѣ сосновскіе «бѣлые голуби» собирались на радѣнья, отдѣльно отъ хлыстовъ, которыхъ было тогда довольно много въ селѣ Сосновкѣ. Всего Андреемъ и Кондратьемъ въ двѣ недѣли убѣлено въ Сосновкѣ до шестидесяти человѣкъ.

Священники села Сосновки, Герасимъ Лазаревъ и Иванъ Емельяновъ, узнавъ о сборищахъ въ домѣ Софона Попова и о томъ, что въ общество новоявившихся бѣлыхъ голубей вступили церкви ихъ дьяконъ Семенъ Алексѣевъ и дьячокъ Алексѣй Савельевъ, 16-го марта того же 1774 года донесли о томъ тамбовскому епископу Ѳеодосію. Архіерей о сосновскихъ крестьянахъ сообщилъ тамбовской провинціальной канцеляріи, а принадлежавшихъ къ духовному сословію самъ допросилъ въ консисторіи, и 25-го мая 1774 года представилъ о нихъ въ святѣйшій синодъ.

Тамбовская провинціальная канцелярія и духовная консисторія еще не кончили слѣдственныхъ дѣлъ о сосновскихъ скопцахъ, какъ въ Моршанскъ пріѣхалъ статскій совѣтникъ Александръ Волковъ для производства слѣдствія.

Это было первое дѣло о скопцахъ. Волкову императрица предоставила право не только произвести слѣдствіе, но и положить рѣшеніе надъ виновными. Августа 16-го онъ объявилъ приговоръ: бродяга Андрей былъ наказанъ кнутомъ и сосланъ въ каторжную работу, Кондратій Селивановъ приговоренъ къ такому же наказанію, но такъ какъ во время слѣдствія онъ успѣлъ бѣжать изъ тюрьмы, то на нѣкоторое время и избавился отъ наказанія. Вскорѣ однако онъ былъ отысканъ, и чрезъ мѣсяцъ послѣ наказанія Андрея, 15-го сентября 1774 года, высѣченъ кнутомъ въ Со-

сновкѣ и сосланъ въ Иркутскую губернію въ вѣчную ссылку. Первые вступившіе въ секту бѣлыхъ голубей и склонявшіе въ нее другихъ были на торгу биты батогами и сосланы въ крѣпостную работу въ Динаминдъ. Этой участи подверглись: Софонъ Поповъ, Пименъ Плотицынъ, Иванъ Семикинъ, Иванъ Прокудинъ, Кузьма, неизвѣстный по прозванію, дьяконъ Семенъ Алексѣевъ и дьячекъ Алексѣй Савельевъ. Остальные безъ наказанія оставлены на мѣстѣ жительства. Имъ только подтвердили, чтобъ они не уклонялись отъ православной церкви и не склоняли въ скопчество другихъ.

Слѣдствіе производилось не въ одной Сосновкѣ Надъ бѣлыми голубями, обнаруженными въ нынѣшнихъ губерніяхъ Орловской и Тульской, производили слѣдствія особыя коммиссіи, дѣйствовавшія подъ руководствомъ того же Волкова. Такъ въ Тулѣ былъ публично наказанъ и потомъ сосланъ въ Динаминдскую крѣпость ближайшій ученикъ Селиванова и главнѣйшій его помощникъ, крестьянинъ деревни Масловой, Алексинскаго уѣзда, Александръ Ивановъ Шиловъ, признаваемый скопцами за Іоанна Предтечу.

Таковыя свѣдѣнія, извлеченныя изъ офиціальныхъ дѣлъ. Обратимся теперь къ скопческимъ сказаніямъ.

Изъ *Страдъ* или *Посланія отца искупителя*, и изъ показаній, данныхъ скопцами при производствѣ разныхъ слѣдствій, о Кондратьѣ Селивановѣ извѣстно слѣдующее:

Онъ былъ родомъ изъ села Столбова, Орловской провинціи, принадлежалъ къ хлыстовской сектѣ и находился въ кораблѣ богородицы Акулины Ивановны. По словамъ Селиванова, въ этомъ кораблѣ было тысяча человѣкъ, и между ними первою и главною пророчицей была Анна Романовна. «Она узнавала въ морѣ и рѣкахъ», разсказываетъ Селивановъ, «когда будетъ рыбѣ ловъ, а въ поляхъ хлѣбу урожай, почему и по

явности она прославилась. Знавши объ ономъ, многіе изъ міру (то-есть не хлысты) приходили къ ней и спрашивали: сѣять ли нынѣшній годъ хлѣбъ? а также о рыбѣ, ѣздить ли ловить или нѣтъ? И если она велитъ кому сѣять хлѣбъ или ловить рыбу, то много въ тотъ годъ уродится хлѣба и рыбы поймаютъ, а въ который годъ не прикажетъ, то ничего не поймаютъ, не уродится хлѣбъ».

Въ тотъ день когда Селивановъ вступилъ въ корабль Акулины Ивановны, «ходила въ словѣ», то-есть прорицала, Анна Родіоновна. На радѣніи было восемьдесятъ человѣкъ. Когда онъ пришелъ въ собраніе, Анна Родіоновна стала радѣть, и, пророчествуя, сказала, обращаясь къ новому члену корабля:

— Самъ богъ пришелъ! Теперь твой конь бѣлъ и смиренъ [1])!

Взявъ крестъ, стала она подходить по порядку къ каждому, бывшему на собраніи, давая его въ руки. Къ Селиванову подошла она къ послѣднему. Тотъ, будучи человѣкомъ смиреннымъ, и теперь, какъ и послѣ всегда, сидѣлъ на послѣднемъ мѣстѣ, у самаго порога. Онъ никогда ничего не говорилъ на собраніяхъ, оттого и прозвали его «молчанкой». Подойдя къ Селиванову, Анна Родіоновна отдала ему крестъ, и обращаясь къ пророкамъ, заговорила въ «духѣ».

— Ступайте на округу, угадайте у кого богъ живетъ?

Пророки пошли по кругу и стали промежь себя искать бога, искали у всѣхъ богатыхъ, у всѣхъ первыхъ людей, но ни у кого не нашли присутствія божества. Анна Романовна, въ изступленномъ восторгѣ, сказала имъ отъ имени бога:

---

[1]) Бѣлый конь — символъ скопчества, какъ и бѣлый голубь.

— Для чего жь вы меня, бога, не нашли? Гдѣ я пребываю?—И указавъ на Кондратья прибавила:—Вотъ гдѣ богъ живетъ!

Приказавъ выдвинуть на средину горницы сундукъ, она сѣла на немъ, и посадивъ возлѣ себя Кондратья, стала ему выпѣвать такое пророчество:

«Ты одинъ откупишь всѣхъ иностранныхъ земель товары, и будутъ у тебя ихъ спрашивать, а ты никому не давай и не показывай, сиди крѣпко на своемъ сундукѣ. А теперь тебя хотятъ всѣ предать, но хоть ты и будешь сосланъ далеко, хоть и наложатъ тебѣ оковы на руки и на ноги, но по претерпѣніи великихъ нуждъ, возвратишься ты въ Россію и потребуешь всѣхъ пророковъ къ себѣ на лицо, и станешь ты судить ихъ своимъ судомъ. Тогда тебѣ всѣ цари, короли и архіереи поклонятся и отдадутъ великую честь, и пойдутъ къ тебѣ полки полками»!...

Такъ былъ встрѣченъ Кондратій при вступленіи въ хлыстовскій корабль. Онъ оставался смиреннымъ, занималъ всегда послѣднее мѣсто, и притворяясь нѣмымъ и глухимъ, никогда не пророчествовалъ. Никто не слыхалъ его голоса, иные думали, что онъ и въ самомъ дѣлѣ глухонѣмой. Но «сила была въ немъ», какъ выражаются хлысты и скопцы. Разъ зазвала его пророчица Анна Родіоновна въ особую горницу, съ цѣлію привести его въ восторженное изступленіе, чтобъ онъ заговорилъ.

— Я давно хочу съ тобой побесѣдовать, сказала она:—садись возлѣ меня.

И посадя Селиванова, схватила крестъ. Желая привести его въ изступленіе, она сказала:

— Приложись ко кресту!

Но Кондратій самъ взялъ у нея крестъ и проговорилъ:

— Дай-ко я приведу тебя самое.

Пророчица удивилась.

— Ахъ, да и ты говоришь! сказала она.—Что́ жь это мы никогда не слыхали, чтобъ ты съ кѣмъ говорилъ?

«И тутъ накатилъ на нее духъ мой», разсказываетъ Селивановъ, «и она сдѣлавшись безъ чувствъ, упала на полъ, и я было испугался того, какъ это богъ мой ничего не знаетъ. Взялъ дунулъ на нее своимъ духомъ, и она, какъ отъ сна пробудилась, встала, и перекрестившись, сказала: «О, Господи! Что такое со мной случилось? О, куда твой богъ великъ! Прости меня»! Взяла и приложилась ко кресту, и говорила: «Ахъ! что я про тебя видѣла»! Я сказалъ: «Что такое видѣла? скажи, такъ и я тебѣ скажу». И тогда стала она мнѣ сказывать пророчество».

Вотъ оно, второе пророчество Анны Родіоновны Кондратью Селиванову:

— Полетѣла отъ тебя птица по всей вселенной всѣмъ возвѣстить, что ты богъ надъ богами, царь надъ царями, пророкъ надъ пророками.

— Это правда, спокойно отвѣчалъ ей Селивановъ.— Смотри же никому про то не сказывай».

Но и послѣ того Кондратій Селивановъ по-прежнему молчалъ на радѣньяхъ. Въ то время поступилъ въ корабль Акулины Ивановны новый хлыстъ, Александръ Ивановичъ Шиловъ. «Это былъ, говоритъ Селивановъ, мнѣ другъ и наперсникъ, родился онъ съ благодатью. Еще въ мірѣ (то-есть до поступленія въ хлысты) Бога узналъ, произошелъ всѣ вѣры, былъ перекрещенецъ и во всѣхъ вѣрахъ былъ учителемъ, а самъ говорилъ всѣмъ: «не истинна наша вѣра, и постоять не за что. О, еслибы нашелъ я истинную вѣру Христову, не пощадилъ бы своей плоти, радъ бы головушку за нее сложить, отдалъ бы плоть свою на мелкія части раздробить».

«И Господь, услыхавши сіе его обѣщаніе, продолжаетъ Селивановъ, избралъ его мнѣ въ помощника. Потому и говорилъ я чрезъ искупительскія уста свои (одному изъ хлыстовъ):

— Романушко! Поди, любезный, къ одному человѣку, зовутъ его Александромъ Ивановичемъ, и объяви ему о моемъ спасеніи и истинной вѣрѣ, а онъ давно ищетъ и оною желаетъ на путь истины придти.

Романъ пошелъ къ Шилову и сказалъ ему:

— Александрушка! Не можно ли какъ получше жить?

— Нѣтъ, еслибъ ты самого того прислалъ, отъ кого ты самъ посланъ, я бы съ нимъ поговорилъ, а съ тобой говорить мнѣ нечего. Знаю, что нѣтъ его больше на свѣтѣ, и что только онъ одинъ можетъ грѣховный нашъ узелъ развязать.

Селивановъ самъ пошелъ къ Шилову. И только что подошелъ къ его дому, какъ тотъ встрѣтилъ его словами:

— Вотъ кого надо. Кого сорокъ лѣтъ я ждалъ, тотъ идетъ. Ты нашъ истинный свѣтъ, ты просвѣтишь всю тьму, ты освѣтишь всю вселенную, тобою всѣ грѣшныя души просвѣтятся и отъ грѣховныхъ узловъ развяжутся. И тебѣ я съ крестомъ поклонюсь (то-есть перекрестившись, и даже обѣими руками). Ты одинъ, а насъ много, и радъ я за тебя головушку сложить, и на мелкія части плоть свою раздробить. Кто какъ хочетъ, а я *почитаю тебя за сына божія*. И ты поживи на землѣ, а я прежде тебя сойду. Тебѣ еще много дѣлъ надо на землѣ сдѣлать, чистоту свою утвердить и всю лѣпость истребить, всѣхъ пророковъ сократить и всю гордость и грѣхъ искоренить.

Такъ исповѣдывалъ сына божія Кондратья Ивановича Селиванова Александръ Ивановичъ Шиловъ. За

это исповѣданіе онъ признается бѣлыми голубями за Іоанна Предтечу.

Кондратій благословилъ его, далъ ему крестъ, свѣчу и мечъ (то-есть ножъ, который потомъ употреблялся при операціяхъ), и сказалъ:

— Вотъ тебѣ мой мечъ, будешь у многихъ деревьевъ сучья сѣчь.

И много съ нимъ бесѣдовалъ «молчанка» Кондратій, какъ ни съ кѣмъ еще не бесѣдовалъ, и послалъ онъ его къ богородицѣ Акулинѣ Ивановнѣ, чтобъ она приняла его въ корабль свой, и велѣлъ онъ Шилову поклониться ей со крестомъ. А до тѣхъ поръ съ крестнымъ знаменіемъ у хлыстовъ не кланялись.

Когда Шиловъ вошелъ въ соборъ, и крестясь, три раза поклонился Акулинѣ Ивановнѣ, а потомъ на всѣ четыре стороны, всѣ удивились. Стали говорить: «никакъ онъ ужь давно приведенъ (обращенъ въ хлыстовскую секту)? Да кто его научилъ съ крестомъ кланяться?» И сказалъ Шиловъ про Селиванова, что онъ научилъ его. Тутъ вышелъ на середину пророкъ, сталъ радѣть и такое пророчество выпѣвать Александру Ивановичу:

— Подь-ко, братъ, молодецъ! Давно тебя дожидалъ, ты мнѣ, богу и духу святому, надобенъ. Благословляю тебя крестомъ, ты видѣлся съ самимъ христомъ; вотъ тебѣ отъ самого божьяго сына мечъ, имъ много будешь грѣховъ сѣчь, и дастся тебѣ Книга Голубина отъ божьяго сына. Ты самъ о томъ знаешь съ кѣмъ бесѣдовалъ, и отъ васъ много народу народится; знать опять старинка хочетъ явиться».

Богородица Акулина Ивановна позвала Александра Ивановича къ себѣ и стала разспрашивать:

— Кто тебя сюда прислалъ? Никакъ ты приведенъ?

— Вы матушка сами изволите знать,—отвѣчалъ

предтеча богородицѣ,—что мы всѣ отъ одного приведены, отъ сына божія да отъ владычицы.

— Знаю, знаю, — отвѣчала Акулина Ивановна, — поди же теперь, поклонись ему отъ меня.

До сихъ поръ сношенія съ начальницей корабля Акулиной Ивановной молчавшаго при всѣхъ Кондратія Селиванова бывали лишь тайныя. Тайно обратили они Шилова въ хлыстовщину, тайно и утверждали его въ вѣрѣ. Когда Александръ Ивановичъ пришелъ отъ богородицы къ Селиванову, то разсказалъ ему про всю свою бесѣду съ ней.

— О, государь батюшка! — сказалъ онъ: — что вы изволили говорить, то и пророки пѣли [1]), а матушка Акулина Ивановна изволила разговаривать со мною, что «это-де мой сыночекъ, что всѣ пророки мнѣ поютъ, будто отъ меня сынъ божій народится, а я этому и самъ дивлюсь».

— Ну, любезный мой сыночекъ,—отвѣчалъ своему предтечѣ христосъ Селивановъ, говоря въ «духѣ», на распѣвъ:

Дастъ тебѣ Отецъ и Сынъ
Святой Духъ и я, отецъ-искупитель, много силъ,
И порубишь ты много осинъ...
Коли ты сына божьяго просилъ,
Жалуетъ тебя Богъ Ригой да тюрьмою [2]),
И благодаритъ тебя Отецъ, Сынъ и Святой Духъ
За вѣрное обѣщанье головушку за меня сложить.
Хочешь животъ и сердце надсадить,
Да и сады мнѣ насадить,
Такъ благословляю я тебя идти въ ночь,
А господь пойдетъ на востокъ [3]).

---

[1]) Скопцы считаютъ великимъ чудомъ, что пророкъ на бесѣдѣ отъ имени Бога пропѣлъ Шилову то самое, что предъ тѣмъ говорилъ ему Селивановъ.

[2]) Намекъ на то, что Шиловъ послѣ былъ сосланъ въ городъ Ригу.

[3]) Намекъ на то, что Шиловъ былъ послѣ сосланъ *на сѣверъ* отъ Орловской губерніи, въ Ригу, а самъ Селивановъ *на востокъ*, въ Сибирь.

И будетъ у насъ межъ собой истекать одинъ истокъ,
Духъ мой будетъ въ тебѣ во вѣкъ пребывать
И обо мнѣ возвѣщать,
И мы съ тобой будемъ хоть плотями и врозь,
Но духомъ пребудемъ неразлучно вмѣстѣ.
Кому будетъ ночь, а тебѣ день,
И не возьметъ тебя никакая лѣнь и т. д. [1]).

Сильно негодовалъ Селивановъ на хлыстовъ за то, что не соблюдаютъ они заповѣданной имъ чистоты, и вмѣсто того, чтобы проводить жизнь не только въ безбрачіи, но и въ цѣломудріи, какъ требовалось правилами секты и самими заповѣдями саваоѳа Данилы Филипповича, предаются разврату. Ходя изъ одного хлыстовскаго корабля въ другой, напрасно Селивановъ искалъ въ нихъ чистоты и цѣломудрія. «Исходилъ я по всѣмъ кораблямъ, говоритъ онъ въ своемъ *Посланіи*, но всѣ, лѣпостію перевязаны, только того и глядятъ, гдѣ бы съ сестрой въ одномъ мѣстѣ посидѣть». И вздумалъ Селивановъ истребить развратъ у людей божіихъ. Въ самообольщеніи полагалъ онъ, что свыше предназначено ему «освятить всю вселенную, истребить въ божьихъ людяхъ всю лѣпость и побѣдить змѣя лютаго, поѣдающаго всѣхъ на пути идущихъ».

Сначала Селивановъ сталъ обличать людей божіихъ. «Лѣпость весь свѣтъ поѣдаетъ, говорилъ онъ, и отъ Бога отвращаетъ, и идти къ богу не допускаетъ, и потому многіе въ пагубной лѣпости учители учительства, пророки пророчества, угодники и подвижники своихъ подвиговъ лишились, не доходили до царства небеснаго, промѣняли вѣчное сокровище на пагубное житіе. Единые дѣвственники предстоятъ у престола Господня. . Храните дѣвство и чистоту. Не загляды-

---

[1]) Всѣ приведенные разговоры и пророчества дословно взяты изъ *Страдъ*.

вайтесь братья на сестеръ, а сестры на братьевъ, и не имѣйте праздныхъ разговоровъ и смѣховъ... и празднословія не чините, отъ сего рождается злая лѣпость, которую и безъ труда искоренить можно.... Удалийтесь злой лѣпости и не имѣйте съ сестрами, а сестры съ братьями праздныхъ разговоровъ и смѣховъ, отъ чего происходитъ лѣпость, ибо оная, какъ магнитъ, камень, имѣющій свойство привлекать къ себѣ близъ находящееся желѣзо, такъ и женская лѣпость, по врожденному свойству своему, каждаго близко обращающагося брата съ сестрой привлекаетъ къ себѣ и непримѣтно вкрадывается въ сердца человѣческія, и яко моль точитъ и поѣдаетъ всю добродѣтель и изгоняетъ благодать Божію»[1]).

Хлысты не могли равнодушно слушать обличеній Селиванова. Они возненавидѣли обличителя и нѣсколько разъ покушались даже на жизнь его. Во всѣхъ корабляхъ пророки возстановляли противъ него людей божьихъ, говоря, что онъ хочетъ законъ измѣнить, но Селивановъ отвѣчалъ на то: «Я пришелъ къ вамъ не разорять вашего закона, но еще паче оный утвердить и укрѣпить, да про чистоту свою объявить»[2]). И дѣйствительно, онъ не коснулся ни единаго изъ хлыстовскихъ вѣрованій; ввелъ одно лишь обыкновеніе кланяться на радѣніяхъ другъ другу съ крестнымъ знаменіемъ. Пророки поносили Селиванова. Особенно одинъ пророкъ, Филимонъ, ненавидѣлъ его, но въ *Страдахъ* упоминается, что самъ онъ, когда «ходилъ въ словѣ», выпѣвалъ «про чистоту Селиванова»

Неуспѣшна была устная проповѣдь Селиванова. Обратился онъ къ другому средству

Въ одной бесѣдѣ съ наперсникомъ своимъ Шило-

---

[1]) *Страды* или *Посланіе отца искупителя.*

[2]) Тамъ же.

вымъ, Селивановъ сказалъ ему: «Всѣ лѣпостію перевязаны, то и норовятъ себѣ гдѣ бы съ сестрой въ одномъ мѣстѣ посидѣть. *Ужь бить змѣю, такъ бей поскорѣе до смерти, покуда на шею не вспрыгнула да не укусила*».

И сталъ онъ учить людей божьихъ: сказано въ писаніи: «аще рука твоя или нога твоя соблазняетъ тя, отсѣцы ю и верзи отъ себя, и аще око твое соблазняетъ тя, изми е и верзи отъ себя». По сему и въ прочемъ слѣдуетъ поступать. Что соблазняетъ, то и отсѣки.

Шиловъ первый исполнилъ оскопленіе надъ собой, потомъ надъ Селивановымъ. Присталъ къ нимъ третій, христосъ Андрей юродивый, за тѣмъ другіе.... Но никто не былъ такъ ревностенъ къ дѣлу «убѣленія», никто такъ много не выпустилъ на свѣтъ «бѣлыхъ голубей», какъ предтеча и креститель Александръ Ивановичъ Шиловъ.

Божьи люди, не любившіе Селиванова, еще больше не возлюбили его за проповѣдь «убѣленія». Однажды на хлыстовской бесѣдѣ особенно за что-то ненавидѣвшая его пророчица стала у дверей съ камнемъ, чтобъ убить его, когда онъ станетъ вонъ выходить, но поднятая рука ея, по словамъ *Страдъ*, окаменѣла. Селивановъ пошелъ изъ бесѣды, легъ въ ясли и пролежалъ въ нихъ трое сутокъ, не пилъ, не ѣлъ, плакалъ и молился [1]). Пророчица между тѣмъ увидали во снѣ, что ангелы наказываютъ ее жезлами и велятъ просить у Селиванова прощенья. Она испросила прощеніе, но братъ ея хотѣлъ застрѣлить Кондратья, когда тотъ

---

[1]) Это все сдѣлано въ подражаніе словамъ Святого Евангелія. Какъ истинный Спаситель міра по рождествѣ былъ положенъ въ ясли, такъ и Кондратій легъ въ нихъ. Гоненія, бывшія на него въ ту пору, бѣлые голуби называютъ гоненіемъ отъ царя Ирода.

ходилъ на праздникъ въ Тулу. Каждый праздникъ выходилъ онъ на дорогу и шесть разъ стрѣлялъ, но каждый разъ не попадалъ въ отца-искупителя.

Божьи люди жаловались на Селиванова своему учителю, пророку Филимону. Призвалъ тотъ къ себѣ Кондратья Ивановича и говоритъ:

— На тебя всѣ жалуются, ты людей отъ меня отвращаешь.

Селивановъ ни слова ему не отвѣтилъ.

— Вишь ты какой, — сказалъ пророкъ, — даромъ что молчишь. Смотри, берегись.

Въ то время Селиванову нигдѣ не было пристанища. Всѣ божьи люди прогоняли его отъ себя. Пришелъ онъ къ одному хлысту Аверьяну, говоритъ ему:

— Любезный Аверьянушка! не оставь ты меня, сироту, призри и утай отъ семейства и отъ посестріи твоей [1]), чтобы никто не зналъ, пусти ты меня къ себѣ въ житницу, за то Богъ тебя не оставитъ.

«И онъ меня призрѣлъ и ходилъ ко мнѣ потихоньку отъ своихъ. И объявилъ я ему о «чистотѣ», говоритъ въ своемъ *Посланіи* Селивановъ (то-есть предложилъ оскопленіе).

— Боюсь, чтобы не умереть,—отвѣчалъ Аверьянъ.

— Не бойся, не умрешь, а паче душу свою воскресишь,—сказалъ ему на это отецъ-искупитель Кондратій Ивановичъ,— и будетъ тебѣ легко и радостно, станешь ты какъ на крыльяхъ летать, духъ въ тебя пересилится, душа твоя обновится. Поди къ учителю своему, пророку Филимону, онъ самъ тебѣ то-же пропоетъ и скажетъ, что въ домѣ твоемъ самъ Богъ втайнѣ живетъ, и никто о томъ не знаетъ, кромѣ тебя.

---

[1]) Посестрія — жена, съ которою прекращены супружескія отношенія.

Пророкъ Филимонъ, дѣйствительно, выпѣлъ Аверьяну все, что ни сказывалъ ему Селивановъ. Аверьянъ повѣрилъ, пришелъ домой, поклонился отцу-искупителю и—*принялъ чистоту*....

Когда Кондратій Селивановъ попался подъ судъ, враждебные ему хлысты Филимонова корабля не переставали его преслѣдовать. Ходилъ онъ въ нищенскомъ образѣ (вмѣстѣ съ Андреемъ) и прошелъ въ Тулу, а оттуда отправился въ Тифинъ [1]). Преданный ему скопецъ Мартынъ уговаривалъ отца-искупителя не ходить, но тотъ не послушался и пошелъ. Судя по словамъ *Страдъ*, въ это время Селивановъ продолжалъ свою проповѣдь и многихъ хлыстовъ превращалъ въ «бѣлыхъ голубей». «У меня было три сумки,—говоритъ онъ своимъ иносказательнымъ языкомъ,—двѣ я набралъ да хотѣлъ набрать и третью, и пошелъ къ солдатамъ просить милостыню [2]), но они меня схватили и подъ палатку къ себѣ взяли, и за телѣгу меня привязали, и крѣпко караулили». Какъ арестанту, обрили ему голову. Но Селивановъ ночью бѣжалъ изъ-подъ караула и пришелъ къ своему ученику Мартыну.

«На крестъ (то-есть подъ кнутъ) отдали меня божьи люди» (хлысты), говорилъ Селивановъ. Скрывался онъ у одной женщины, не принадлежавшей ни къ хлыстовщинѣ, ни къ кораблю «бѣлыхъ голубей»; звали ее Ѳедосьей Іевлевой. Враждебные Селиванову хлысты указали полиціи, гдѣ скрывается отыскиваемый колодникъ. Два раза приходили солдаты съ обыскомъ къ Ѳедосьѣ, но не могли найти спрятаннаго въ подпольѣ Кондратья. Пошли въ третій разъ, вмѣстѣ съ солда-

---

1) Мѣсто намъ неизвѣстное. Во всякомъ случаѣ, не городъ Тихвинъ. это мѣсто гдѣ-нибудь поближе къ Тулѣ.

2) То-есть и ихъ уговаривать къ принятію «чистоты».

тами, сами доказчики изъ божьихъ людей, разломали полъ въ избѣ Өедосьиной, вытазчили оттуда за волосы Селиванова, избили его и отдали солдатамъ. «И тутъ меня били всѣ чѣмъ попало безо всякой пощады,—разсказываетъ Селивановъ въ своемъ *Посланіи*,—поясокъ и крестъ съ меня сняли, а руки назадъ связали и назади гирю привязали, и повели меня съ великимъ конвоемъ, шпаги обнаживши и со всѣхъ сторонъ ружьями примкнувши, однимъ ружьемъ въ грудь, другимъ сзади и съ обоихъ боковъ, такъ что чуть не закололи. И привели меня въ Тулу и посадили на стулѣ [1]), подпоясали поясомъ желѣзнымъ фунтовъ въ пятнадцать и приковали меня къ стѣнамъ за шею, за руки и за ноги, и хотѣли меня уморить; на часахъ стояли четыре драгуна, а въ другой комнатѣ сидѣли мои дѣтушки трое, которыя на меня доказали и которыхъ на утро хотѣли бить плетьми». Послѣ допросовъ, снятыхъ въ Тулѣ (по дѣлу въ имѣніи Лугинина), повезли Селиванова въ Тамбовъ. Въ тамошней тюрьмѣ содержался онъ два мѣсяца. Когда вышло рѣшеніе наказать Селиванова, повезли его за конвоемъ на мѣсто преступленія, въ Сосновку. «И тогда за мною шли полки-полками,—разсказываетъ Селивановъ въ своемъ *Посланіи*,—у солдатъ были шпаги наголо, а у деревенскихъ мужиковъ палки въ рукахъ. И тутъ меня сосновскія дѣтушки встрѣчали, плакали и рыдали, и говорили: «ведутъ нашего родного батюшку!» И въ самое то время поднялась великая буря, сдѣлался въ воздухѣ такой шумъ, что за тридцать саженей никого не было видно, и никого не можно было разглядѣть. И привезли меня въ Сосновку, стали наказывать кнутомъ и сѣкли долгое время, такъ что не родись человѣкъ на свѣтъ, и было мнѣ весьма тошно»....

[1]) Тяжелый стулъ съ цѣпью, къ которому приковывали въ старину важныхъ арестантовъ или же бѣгавшихъ изъ тюрьмы.

Въ то время, при наказаніи кнутомъ, иногда взваливали преступника на плечи первому попавшемуся дюжему мужику. Иванъ Прокудинъ держалъ Селиванова («былъ за мѣсто крестнаго дерева»), а Ульянъ, сынъ Софона Попова, держалъ его за голову. Послѣ наказанія, сняли съ Селиванова окровавленную рубашку и надѣли новую. Окровавленная рубашка впослѣдствіи сохранялась въ кораблѣ рижскихъ скопцовъ, какъ святыня, и была извѣстна подъ названіемъ «крестной ризы».

Селиванова сѣкли кнутомъ 15-го сентября 1774 г. Бѣлые голуби постятся въ этотъ день страданій своего искупителя. На томъ мѣстѣ, гдѣ его наказывали, по словамъ бѣлыхъ голубей, была построена ими церковь, но это, по справкамъ, дѣланнымъ въ сороковыхъ годахъ, оказалось несправедливымъ. Въ иныхъ корабляхъ скопцы говорятъ и поютъ въ «страстныхъ пѣсняхъ» о томъ, что Селивановъ былъ наказанъ не въ Сосновкѣ, а въ Моршанскѣ. Выстренный скопцами Плотицыными и другими въ этомъ городѣ великолѣпный соборъ находится, говорятъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ наказывали основателя ихъ секты.

Когда Селиванова погнали въ Сибирь, на дорогѣ онъ встрѣтился съ Пугачевымъ, котораго везли тогда въ Москву на казнь [1]). Не тутъ ли пришла ему мысль назваться императоромъ Петромъ III?

VII

Ссылка Селиванова и его ближайшихъ помощниковъ зла не уничтожила. Тамъ, гдѣ были до того времени хлысты, теперь стали появляться и бѣлые го-

---

1) *Посланіе искупителя* или *Страды.*

луби. Такъ было въ Орловской губерніи, на родинѣ скопчества, такъ было въ Моршанскѣ и Сосновкѣ, его колыбели, такъ было въ губерніяхъ Курской, Тульской, Калужской, Смоленской, Московской, Владимірской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Симбирской, Пензенской, Тверской и Новгородской. Бѣлые голуби появились и въ обѣихъ столицахъ.

Въ это время кѣмъ-то распущенъ былъ слухъ, что подъ именемъ сосланнаго въ Иркутскую губернію Кондратья Селиванова скрывается императоръ Петръ III. Въ царствованіе Екатерины не одинъ Пугачевъ принималъ имя этого государя. Самозванцевъ было много, и мысль, что бывшій императоръ скрывается, сильно была тогда распространена въ простомъ народѣ.

Въ *Посланіи* своемъ, по всей вѣроятности писанномъ уже по возвращеніи Селиванова изъ ссылки, онъ, именуясь царемъ израильскимъ, нигдѣ не называетъ себя императоромъ Петромъ III; называетъ богородицу Акулину Ивановну «матушкою-государынею», но никогда Елизаветою Петровною. Тѣмъ не менѣе по всѣмъ свѣдѣніямъ, имѣющимся въ дѣлахъ о скопцахъ, видно, что мысль назваться императоромъ Петромъ III принадлежитъ самому Селиванову, и что онъ сталъ называться этимъ именемъ въ Сибири.

Бѣлые голуби разсказываютъ и поютъ въ своихъ пѣсняхъ слѣдующее:

Отецъ-искупитель воплотился отъ Святаго Духа и родился отъ пренепорочныя дѣвы Елизаветы Петровны, по благовѣствованію ей Іоанна Богослова. Будучи предызбрана Богомъ къ святому житію, императрица Елизавета Петровна царствовала всего только два года [1]). Отдавъ правленіе любимой фрейлинѣ, очень

---

[1]) По другимъ, вовсе не царствовала. Архимандрита Досиѳея *Открытіе тайностей скопческой ереси*. Рукопись.

похожей на нее лицомъ, она будто бы «отложила царскія одежды, надѣла нищенское платье и пошла пѣшкомъ въ Кіевъ на богомолье». На пути, въ Орловской губерніи, познала она истинную вѣру людей божьихъ и осталась съ ними жить подъ именемъ Акулины Ивановны [1]).

Еще въ Петербургѣ будто бы родила она сына Петра Ѳедоровича и отправила его въ Голштинію на воспитаніе, гдѣ, достигнувъ отроческихъ лѣтъ, сдѣлался онъ «бѣлымъ голубемъ». Возвратясь вскорѣ послѣ того въ Петербургъ, былъ онъ объявленъ наслѣдникомъ престола и женился. Супруга Петра, продолжаютъ скопцы, возненавидѣла его за то, что онъ былъ «убѣленъ», и, когда принялъ онъ правленіе, склонила на свою сторону нѣкоторыхъ вельможъ, которые рѣшились убить его въ Ропшѣ. Но Петръ, свѣдавъ о томъ, помѣнялся платьемъ съ караульнымъ солдатомъ, также бѣлымъ голубемъ, и скрылся. Трое сутокъ, скрываясь отъ поисковъ, онъ не пилъ, не ѣлъ, потомъ будто бы сидѣлъ въ какомъ-то каменномъ столбѣ, укрывался у колонистовъ, жившихъ подъ Петербургомъ, и, наконецъ, успѣлъ скрыться въ Москвѣ. Солдата между тѣмъ убили и похоронили въ Невской лаврѣ. Въ Москвѣ Петръ началъ свою проповѣдь «чистоты», затѣмъ ушелъ въ Орловскую губернію къ Акулинѣ Ивановнѣ, принялъ имя Кондратія Ивановича Селиванова, а ушедшій съ нимъ вмѣстѣ графъ Чернышевъ (по другимъ, князь Дашковъ) назвался Александромъ Ивановичемъ

---

[1]) Можетъ-быть, это была одна изъ двухъ сестеръ, называвшихся Акулинами Ивановнами, которыя были сосланы по дѣлу о московскихъ хлыстахъ 1834 года. Одна была женой христа Прокофья Лупкина и нижегородскою богородицей, а потомъ московскаго Ивановскаго монастыря старицей Анной, другая, ея родная сестра, была въ томъ же монастырѣ въ монахиняхъ подъ именемъ Алексадры. Въ 1774 году старшей могло быть лѣтъ 85, а младшей не болѣе 60.

Шиловымъ. Оба они исходили всю Россію и разныя иностранныя государства «проповѣдуя чистоту», были наконецъ, взяты въ Тулѣ, наказаны въ Сосновкѣ кнутомъ и сосланы: отецъ-искупитель, Петръ Ѳедоровичъ, на востокъ, въ землю Иркутскую, предтеча его, Шиловъ, на сѣверъ, въ Ригу (то-есть въ Динаминдскую крѣпость).

Эта сказка ходила по простонародью и достигла до свѣдѣнія правительства въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины. Жилъ тогда въ Москвѣ купецъ Ѳедоръ Евсѣевичъ Колесниковъ изъ бѣлыхъ голубей, и былъ онъ извѣстенъ государынѣ, называвшей его въ шутку «масономъ». Ему, какъ разсказываютъ скопцы, поручено было съѣздить въ Сибирь и развѣдать про ссыльнаго Селиванова. Колесниковъ воротился въ Петербургъ уже по кончинѣ государыни, и будто бы объявилъ новому государю, что Петръ, дѣйствительно, живъ. Императоръ Павелъ велѣлъ привезти Селиванова въ Петербургъ. Вѣроятнѣе всего, что скопческій отецъ-искупитель, при содѣйствіи и помощи разбогатѣвшихъ во время его ссылки скопцовъ, бѣжалъ изъ Сибири, и, отысканный, былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость.

Представляемъ еще два разсказа скопцовъ о возвращеніи Селиванова въ Петербургъ: унтеръ-офицера Архипова, которому самъ Селивановъ разсказывалъ про свиданіе свое съ императоромъ Павломъ, и штабсъ-капитана Созоновича, знавшаго всѣ тайны скопческаго общества.

Изъ записки полковника князя Голицына *О скопцахъ, открытыхъ въ Москвѣ въ 1835 году* и изъ слѣдственнаго дѣла, о нихъ тогда производившагося, видно, что скопецъ, отставной унтеръ-офицеръ Денисъ Архиповъ, служа въ Потебургскомъ пѣхотномъ полку, квартировавшемъ въ 1789 году въ Ригѣ, стоя на часахъ въ Дина-

миндской крѣпости, былъ совращенъ въ скопческую ересь содержавшимся тамъ крестьяниномъ Александромъ Ивановымъ Шиловымъ, и тутъ же «убѣленъ» инженернымъ унтеръ-офицеромъ Казуткинымъ. Въ Ригѣ бѣлые голуби собирались на радѣнія въ домѣ мѣщанина Дегтярева, куда приходилъ и кормщикъ рижскаго корабля, Іоаннъ Предтеча Шиловъ, отпускаемый для того каждый разъ изъ Динаминдской крѣпости, благодаря слабости надзора за арестантами и тому, что многіе изъ карауливщихъ его сами принадлежали къ обществу бѣлыхъ голубей. «Когда воцарился императоръ Павелъ Петровичъ,—разсказывалъ Архиповъ,—то возникли въ народѣ разные толки про императора Петра III. Узнали мы, что учитель нашъ Александръ Ивановичъ Шиловъ и сосланные съ нимъ въ крѣпостныя работы скопцы: Софонъ Авдѣевичъ Поповъ, дьяконъ Семенъ Алексѣевъ, Иванъ Прокудинъ, Емельянъ Ретивовъ, Иванъ Семикинъ и еще Кузьма, присланные изъ Моршанска, разсказываютъ, будто старѣйшій скопческій нашъ учитель есть императоръ Петръ Ѳедоровичъ, что онъ живъ и находится въ Сибири въ ссылкѣ». Вслѣдствіе такихъ ихъ разговоровъ, всѣ они были отправлены по высочайшему повелѣнію изъ Риги въ Шлиссельбургскую крѣпость, и тогда же, по словамъ ихъ, вытребованъ былъ изъ Сибири отецъ-искупитель Петръ Ѳедоровичъ. «Я, бывши въ 1805 году въ Петербургѣ, во время уже своей отставки, по надобностямъ,—говорилъ Архиповъ,—видалъ его въ домѣ скопца тамошняго, купца Сидора Яковлевича Ненастьева, бесѣдовалъ съ нимъ и изустно отъ него слышалъ, что, по возвращеніи его изъ Сибири, представляли его императору Павлу Петровичу, который спросилъ его: «почему ты именуешься по народной молвѣ отцомъ моимъ?» На сіи слова батюшка отецъ - искупитель,—продолжалъ Архиповъ,—отозвался, что когда ты (то-есть государь

Павелъ Петровичъ) согласишься «принять чистоту» и поступить въ нашу истинную вѣру, то и будешь моимъ сыномъ. Разгнѣвавшись за такой отвѣтъ, государь отправилъ отца-искупителя въ какую-то богадѣльню подъ надзоръ, откуда онъ былъ освобожденъ уже императоромъ Александромъ Павловичемъ».

Въ такомъ же родѣ разсказываетъ другой скопецъ, штабсъ-капитанъ 34 егерскаго полка (изъ дворянъ Смоленской губерніи, воспитанникъ С.-Петербургскаго дворянскаго корпуса) Борисъ Петровичъ Созоновичъ, убѣлившійся на 24 году отъ рожденія «По вступленіи на престолъ императора Павла Петровича (говоритъ онъ въ *Объясненіи*, которое, раскаявшись въ своихъ заблужденіяхъ, писалъ онъ въ Соловецкомъ монастырѣ, куда былъ сосланъ), по доносу нѣкотораго московскаго купца Масонова (то-есть Колесникова), освобожденнаго онымъ государемъ изъ заточенія, что якобы отецъ его, бывшій императоръ Петръ Өедоровичъ, находится въ живыхъ, тотъ самозванецъ былъ возвращенъ изъ Сибири въ Петербургъ. Когда государь спросилъ его, точно-ли онъ его отецъ, то онъ якобы отвѣтствовалъ, что когда-де примешь мое дѣло, то-есть оскопленіе, то я почту тебя за сына. А равно и помянутый предтеча того лжехриста (Шиловъ) въ оное же время изъ заключенія освобожденъ. Но какъ государь Павелъ Петровичъ не почелъ ихъ тѣми особами, коими они отъ купца Масонова были названы, то якобы государь самозванца Петра изъ секретнаго заключенія опредѣлилъ въ нѣкую богадѣльню съ пенсіей, а означенный лжепредтеча сосланъ въ Шлиссельбургскую крѣпость» [1]).

Въ дѣйствительности императоръ Павелъ, не зная тайнъ скопческой ереси и считая уродующихъ себя сумасшедшими, облегчилъ наказанія, которымъ подверг-

[1]) *Объясненіе штабсъ капитана Созоновича.* Рукопись.

лись они въ царствованіе Екатерины, по суду статскаго совѣтника Волкова. Привезенный въ Петербургъ, Кондратій Селивановъ былъ по высочайшему повелѣнію помѣщенъ въ смирительный домъ, находившійся при Обуховской больницѣ, подъ именемъ «секретнаго арестанта». Шиловъ изъ крѣпостныхъ работъ въ Динаминдѣ переведенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ получалъ хорошее содержаніе съ разными удобствами въ жизни, а Софонъ Авдѣевичъ Поповъ помѣщенъ въ Зеленецкій монастырь Петербургской епархіи, гдѣ постригся и нареченъ въ монашествѣ Савватіемъ. Другіе скопцы также получили облегченіе. Многіе изъ моршанскихъ и орловскихъ бѣлыхъ голубей переселились уже въ это время въ Петербургъ, приписались въ тамошнее городское общество и завели большія торговыя дѣла.

Императоръ Александръ Павловичъ, черезъ годъ по вступленіи на престолъ (6-го марта 1802 года), въ сопровожденіи молодого своего совѣтника графа Строгонова, посѣтивъ Обуховскую больницу и находившіяся при ней заведенія, разговаривалъ съ Селивановымъ и приказалъ освободить его и помѣстить въ богадѣльню.

Въ тотъ же день петербургскій камеральный департаментъ писалъ надзирателю богадѣльни, находившейся при Смольномъ монастырѣ, коллежскому совѣтнику Бѣлкину, слѣдующее: «во исполненіе высочайшаго именного его императорскаго величества повелѣнія, здѣшній военный губернаторъ, генералъ отъ инфантеріи Голенищевъ-Кутузовъ, сему департаменту предложилъ: содержащагося въ смирительномъ домѣ подъ именемъ секретнаго арестанта, крестьянина Орловской губерніи, села Столбова, Кондратія Селиванова, освободивъ, опредѣлить въ богадѣльню».

Въ тотъ же день надзиратель городской больницы Солодовниковъ увѣдомилъ Бѣлкина о высочайшей волѣ,

и, препровождая Селиванова, предписалъ принять его въ богадѣльню *въ первый сортъ*.

Въ богадѣльнѣ Смольнаго монастыря Селивановъ ходилъ по церкви съ кружкою для сбора въ пользу бѣдныхъ. Черезъ три съ половиной мѣсяца онъ, по прошенію жившаго въ Александро-Невской лаврѣ поляка, статскаго совѣтника Елянскаго, былъ уволенъ, уже безъ высочайшаго повелѣнія.

По выходѣ изъ богадѣльни Смольнаго монастыря, отецъ-искупитель бѣлыхъ голубей поселился въ домѣ купца Сидора Ненастьева. Ненастьевы находились въ короткихъ отношеніяхъ съ разными лицами изъ петербургскаго духовенства, изъ купечества и даже изъ образованнаго общества. Многіе изъ ихъ знакомыхъ, хотя и не принадлежали къ хлыстовщинѣ, но искали случая увидѣть Селиванова и получить отъ него благословеніе. Онъ слылъ за святого человѣка, объ немъ разсказывали много таинственнаго, чудеснаго, поговаривали, что онъ предсказываетъ будущее, а этого было достаточно для нѣкоторыхъ, чтобы спѣшить къ Ненастьеву и добиваться свиданія съ праведникомъ. Нерѣдко въ домѣ Ненастьева появлялись благочестивые монахи и монахини, какъ петербургскіе, такъ и пріѣзжавшіе въ столицу за сборами. Нерѣдко по нѣскольку каретъ, заложенныхъ по тогдашнему обыкновенію четвернями и шестернями, стояли въ Басковомъ переулкѣ, у дома Ненастьева. Это набожныя петербургскія барыни пріѣзжали къ праведнику принять благословеніе, послушать поученій, а можетъ-быть и пророчество услышать. Не всѣ, однако, видали «праведника», но только приводимые кѣмъ-либо изъ семейства Ненастьевыхъ. Селивановъ и ихъ одѣлялъ сухариками, пряниками, баранками, иногда финифтяными образками, и имъ давалъ цѣловать свои руки и одежду. При этихъ поклоненіяхъ, разумѣется, не происходило ничего, оказы-

вающаго хлыстовско-скопческую ересь. Для усыпленія бдительности полиціи и чтобы доказать неосновательность слуховъ, которые не могли же не распространяться о тайномъ ученіи и обрядахъ скопцовъ, Ненастьевы, а потомъ Костровъ и Солодовниковъ, у которыхъ жилъ Селивановъ, приглашали къ себѣ и министра полиціи Балашова, и петербургскаго генералъ-губернатора, графа Милорадовича, и графа Петра Александровича Толстого, и оберъ-полиціймейстеровъ, и другихъ. При нихъ совершали они молитвы и слушали поученія, но тогда, конечно, не упоминалось ничего такого, что̀ могло бы показаться предосудительнымъ. Бывали у Селиванова и тогдашніе мистики: князь А. Н. Голицынъ, А. Ѳ. Лабзинъ, В. М. Поповъ и другіе, почитавшіе его боговдохновеннымъ сосудомъ. Въ Михайловскомъ дворцѣ, у Татариновой, совершались тѣ самые обряды, какіе совершались по ночамъ у отца-искупителя

О собраніяхъ «вѣрныхъ праведныхъ» у своего батюшки-царя израильскаго имѣемъ свидѣтельства нѣсколькихъ очевидцевъ. Приведемъ изъ нихъ три: одно того времени, когда Селивановъ жилъ у Ненастьёва, другое—когда онъ жилъ у Кострова, третье—когда онъ имѣлъ пребываніе уже въ своемъ домѣ, построенномъ для него Солодовниковыми.

Въ сентябрѣ 1846 года, когда въ Петербургѣ и Кронштадтѣ производились розыски скопцовъ, семидесятилѣтній отставной фельдфебель Николай Ивановъ, служившій при маякахъ, а послѣ отставки жившій въ Кронштадтѣ, далъ весьма любопытныя показанія о собраніяхъ въ домѣ Ненастьева. Онъ не былъ оскопленъ, но нѣкоторое время находился въ обществѣ скопцовъ, отъ которыхъ вскорѣ отсталъ и женился.

Будучи лѣтъ тридцати съ небольшимъ, онъ въ 1808 году служилъ въ Ревелѣ и тамъ познакомился съ

унтеръ-офицеромъ морского вѣдомства Александромъ Дмитріевымъ. Этотъ Дмитріевъ былъ оскопленъ; и онъ, и жена его принадлежали къ скопческой ереси, чего, однако, не зналъ тогда Николай Ивановъ. Въ 1810 г. обоихъ ихъ перевели изъ Ревеля: Иванова въ Кронштадтъ, гдѣ онъ съ тремя матросами (оскопленными) жилъ на Толбухинѣ маякѣ, а Дмитріева въ Петербургъ, въ адмиралтейскія мастерскія.

Зимой, когда службы на маякахъ не было, Николай Ивановъ по праздникамъ ѣзжалъ въ Петербургъ и посѣщалъ ревельскаго своего знакомца Александра Дмитріева въ его квартирѣ. Случились два праздника сряду, онъ поѣхалъ изъ Толбухина въ Петербургъ и остановился у Дмитріева. «Рано по утру,—сказывалъ Николай Ивановъ въ слѣдственной комиссіи 1846 года, замѣтивъ, что Дмитріевъ собирается идти со двора и узнавъ, что онъ идетъ къ заутрени, я просилъ его взять меня съ собою, но онъ велѣлъ мнѣ остаться дома, а самъ ушелъ. Часу въ десятомъ утра пришелъ ко мнѣ молодой человѣкъ въ купеческой одеждѣ, совершенно мнѣ незнакомый, назвалъ меня по имени, говорилъ, что онъ меня знаетъ и пригласилъ идти съ собой къ обѣднѣ.

— Куда же мы пойдемъ, къ Спасу на Сѣнной что ли?—спросилъ я его, выходя изъ дому.

— Да, къ спасу, [1])—отвѣтилъ молодой человѣкъ, и мы пошли.

«Но вмѣсто того, чтобъ идти въ церковь Спаса на Сѣнной, онъ привелъ меня въ Староконюшенную улицу (Басковъ переулокъ), въ домъ Ненастьева.

«Мы вошли въ комнату нижняго этажа. Тамъ сняли съ меня бывшее на мнѣ платье и дали надѣть халатъ и туфли. Въ этой комнатѣ было нѣсколько оскопленныхъ мальчиковъ разнаго возраста. По ихъ лицамъ,

---

1) Скопцы Кондратья Селиванова звали «спасомъ».

я принялъ ихъ за выздоравливающихъ послѣ тяжкой болѣзни, не зная что они излѣчивались тутъ отъ оскопленія. Мальчики просили моего вожатаго подвести меня къ нимъ. Вожатый сказалъ: «На что̀ онъ вамъ?» Но я самъ подошелъ къ мальчикамъ. Они, посмотрѣвъ на меня внимательно, сказали: «Это будетъ нашъ». Послѣ того вожатый повелъ меня вверхъ по лѣстницѣ. Ступивъ на третью ступень, услыхалъ я слѣдующія слова, пѣтыя на распѣвъ: «Овцы, вы овцы, овцы бѣлыя мои!» Я остановился отъ удивленія; но вожатый взялъ меня подъ руку и повелъ далѣе, сказавъ: «Какой ты любопытный!»

«Мы пришли въ комнату, гдѣ нашли: Александра Дмитріева, чиновника Пищулина, до того времени мнѣ неизвѣстнаго, и еще одного чиновника, котораго я видѣлъ въ Ревелѣ. Мы сѣли на диванъ, и они стали давать мнѣ наставленіе какъ должно жить на свѣтѣ, на что̀ я отвѣчалъ имъ, что я и самъ понимаю, что̀ хорошо, что̀ худо. Поговоривъ немного, Пищулинъ сказалъ мнѣ:

«Теперь пойдемъ къ «богу», дѣлай, что̀ я буду дѣлать, и молись съ крестомъ».

Въ отвѣтъ на это, я показалъ ему бывшій у меня на шеѣ крестъ; но Пищулинъ съ улыбкой отвѣчалъ мнѣ:

«Ты не понялъ моихъ словъ; крестись на него.»

«Привели меня въ комнату, устланную цѣльнымъ большимъ ковромъ, на немъ вытканы были лики ангеловъ и архангеловъ. Мнѣ страшно стало ступать на святыя изображенія, но Пищулинъ дернулъ меня и велѣлъ идти. Я увидѣлъ кровать. Постланные на ней пуховики были въ мой ростъ, надъ кроватью былъ пологъ съ кисейными занавѣсками и золотыми кистями. На постели лежалъ въ пуховикахъ старикъ въ батистовой рубашкѣ, котораго Пищулинъ и собратія его

называли «богомъ». Они молились ему, какъ мы молимся истинному Богу. Пищулинъ сталъ молиться на колѣняхъ и мнѣ велѣлъ то-же дѣлать.

«Богъ, указывая на меня, спросилъ Пищулина:

«Давно ли онъ желаетъ?»

«Уже съ годъ», отвѣчалъ тотъ.

Тогда богъ приказалъ Пищулину подать себѣ крестъ, взялъ его, поцѣловалъ и мнѣ далъ приложиться ко кресту и потомъ поцѣловать свою руку. Затѣмъ онъ сказалъ Пищулину:

«Отведи его къ пророку.»

«Пищулинъ привелъ меня въ сосѣднюю комнату, гдѣ сидѣло четыре человѣка, въ томъ числѣ и Дмитріевъ. Кромѣ нихъ тутъ находился еще одинъ человѣкъ, онъ стоялъ на колѣняхъ передъ пророкомъ, а пророкъ одѣтый въ бѣлую до пятъ рубашку и, стоя, прорекалъ будущее, но слова его были для меня непонятны. И я въ свою очередь сталъ передъ пророкомъ на колѣни, и онъ обѣщалъ мнѣ золотой вѣнецъ и нетлѣнную ризу. Пророкъ оканчивалъ свои пророчества, махая платкомъ и говоря: «Оставайся богъ съ тобою и покровъ мой надъ тобой». Онъ велѣлъ отвести меня въ «соборъ», и бывшіе въ комнатѣ повели меня внизъ, оттуда раздавалось слышанное мною пѣніе.

«Комната, въ которую мы вступили, была огромной величины; вокругъ стѣны стояли стулья; тутъ было больше ста человѣкъ, въ томъ числѣ и мои товарищи по маяку, матросы Ѳеимъ Сидоровъ, Аверьянъ Ивановъ и Флоръ Гурьевъ. Всѣ были въ длинныхъ бѣлыхъ рубашкахъ и, напѣвая, кружились въ два ряда. Это они, по ихъ выраженію, «ходили кораблемъ». Въ маломъ пространствѣ, оставшемся середи круга, нѣсколько человѣкъ вертѣлись на одномъ мѣстѣ. Меня посадили на стулъ и заставили, такъ же какъ и у другихъ сидѣвшихъ на стульяхъ, разостлать на колѣни платокъ

и подлаживать пѣнію кружившихся, ударяя въ тактъ руками и ногами. Такъ шло весь день до вечера. Часу въ десятомъ вечера пѣніе и круженіе вдругъ прекратилось минутъ на пять. Настала мертвая тишина. Потомъ запѣли:

Царство, ты царство,
Духовное царство,
Во тебѣ во царствѣ
Благодать великая, —

и послѣ того снова все затихло.

«Тутъ растворились двери, и богъ, одѣтый въ короткое зеленое шелковое полукафтанье, тихо вошелъ въ комнату. Его вели подъ руки два человѣка, которыхъ называли Іоанномъ Предтечей и Петромъ Апостоломъ. На нихъ были темныя рясы, подпоясанныя ремнями. Увидя ихъ, всѣ пали на колѣни, а богъ, махая бѣлымъ батистовымъ платкомъ, говорилъ: «покровъ мой святой надъ вами», и прошелъ на женскую половину.

«Женское отдѣленіе было въ смежной комнатѣ; въ стѣнѣ же, раздѣлявшей обѣ комнаты, было прорублено низкое, но широкое окно, которое по приходѣ бога открыли. На этомъ окнѣ была постлана постель, на которую богъ и сѣлъ. Предтеча и апостолъ остались на женской половинѣ у самаго ложа бога. Пророчицы начали богу пророчествовать. Засимъ, какъ женщины такъ и мужчины, стали кружиться. Богъ, пробывъ тутъ съ часъ времени, снова былъ отведенъ тѣми же, что̀ привели его. Съ уходомъ его, окно на женскую половину было закрыто, но круженія не прекращались

«Часу въ двѣнадцатомъ по полуночи кружившіеся стали прыгать всѣ въ одинъ разъ, такъ что стѣны тряслись, и кричать: «Ай духъ!» Это навело на меня такой страхъ, что я хотѣлъ выскочить въ окно; но

меня удержали. Вдругъ шумный крикъ замѣнился тихимъ пѣніемъ: «Царь Богъ, Царь Богъ». И снова стали кружиться.

«Вскорѣ соборъ прекратился, всѣ разошлись, а я остался ночевать въ томъ домѣ, но въ особой комнатѣ, вмѣстѣ съ человѣкомъ, который меня привелъ туда. На другой день повторилось то же самое, и меня отпустили уже на третьи сутки. Я съ товарищами отправился въ Кронштадтъ.

«Въ Кронштадтѣ меня привезли въ «кронштадтское братское общество», находившееся въ нижней широкой улицѣ, въ домѣ Родіонова, куда я и прежде хаживалъ, но еще не зналъ о существованіи общества. По приходѣ нашемъ общество радушно насъ встрѣтило, всѣ стали молиться другъ на друга, а прибывшіе со мной товарищи сказали: «Батюшка и духъ святый и вѣрные праведные кланяются». Тутъ прочли письмо отъ Пищулина, въ которомъ было написано, что я былъ принятъ въ общество.

«Я хаживалъ къ нимъ рѣдко. Однажды меня затащили въ общество, мы стали кружиться, но у меня съ непривычки закружилась голова, я упалъ и уронилъ съ собою нѣсколько человѣкъ. Въ этомъ обществѣ читывали страданія ихъ бога. Слушая, они заливались слезами, а я, чувствуя ко всему этому омерзеніе, оставался равнодушнымъ. За то они называли меня истуканомъ. Однажды я спросилъ чиновника котораго видѣлъ въ домѣ Ненастьева, кто этотъ старичокъ, котораго они называютъ богомъ.

«Это государь Петръ Ѳедоровичъ», отвѣчалъ онъ.

«Бога скопцовъ я видывалъ каждый разъ какъ бывалъ въ Петербургѣ въ ихъ обществѣ, въ домахъ Ненастьева и Кострова. Въ семъ послѣднемъ домѣ видѣлъ я бога, такъ же какъ и впервые, сидѣвшимъ на богатой постели. Въ другомъ положеніи я его не виды-

валъ. Когда же этотъ богъ бывалъ на соборѣ, то на ногахъ у него были золотомъ шитыя туфли, на которыхъ, какъ помнится, находились какія-то священныя изображенія.»

Когда Селивановъ жилъ у Ненастьевыхъ, домъ ихъ представлялся чѣмъ-то вродѣ страннопріимной обители. Скопцы такъ и называли его. Сюда стекались многочисленные послѣдователи хлыстовско-скопческой ереси со всѣхъ концовъ Россіи. Тутъ бывали изъ Иркутска, изъ Одессы, изъ Риги, изъ Алатыря, словомъ, отовсюду, гдѣ была распространена ересь, а распространена она была почти по всѣмъ губерніямъ. Приходившіе на поклоненіе въ Петербургъ немедленно получали въ обители отца-искупителя покой и пищу и были осыпаемы всевозможными ласками, приближенныхъ къ богу. Подъ видомъ заботливости и участія, они старались между тѣмъ вызнавать домашнія отношенія пришедшаго, житейскія его обстоятельства и пр., а потомъ, передавъ все это пророку, къ которому посылалъ обыкновенно Селивановъ поклонниковъ, ставили его въ возможность сказать при свиданіи съ посѣтителемъ нѣсколько словъ, которыя бы въ глазахъ пришедшаго свидѣтельствовали, что пророкъ въ самомъ дѣлѣ обладаетъ духомъ пророчества. Поклонники съ простосердечіемъ и вѣрой падали предъ Селивановымъ на землю, и получа утѣшеніе и увѣреніе, что благодать Божія всегда съ ними пребываетъ, орошали стопы своего «батюшки» радостными слезами. Снабженный краткимъ наставленіемъ для жизни и подаркомъ на благословеніе: бумажнымъ платкомъ, финифтянымъ образкомъ, сухарикомъ, пряникомъ или кусочкомъ сахара, поклонникъ отправлялся въ свою сторону, чтобы тамъ еще съ бо́льшимъ рвеніемъ, еще съ бо́льшимъ фанатизмомъ распространять скопческія заблужденія.

Вмѣсто всей этой «святыни», дешево стоившей приближеннымъ Селиванова, они получали отъ поклонниковъ дары болѣе существенные: деньги текли рѣкой, и въ непродолжительномъ времени казна «обители» въ домѣ Ненастьева обогатилась до чрезмѣрности. Очевидцы, изъ которыхъ многіе были живы въ сороковыхъ годахъ, а нѣкоторые, можетъ-быть, живы и теперь, увѣряютъ, что самъ Селивановъ изъ этихъ пожертвованій ничѣмъ не пользовался, за то приближенные его не упускали случая поживиться на счетъ легковѣрія ближнихъ и дальнихъ почитателей отца-искупителя. Многіе изъ нихъ нажили значительное состояніе. Больше всѣхъ обогатился Солодовниковъ, бывшій чѣмъ-то вродѣ казначея въ обители Ненастьева, а впослѣдствіи державшій отца-искупителя въ своемъ домѣ.

ТАЙНЫЯ СЕКТЫ

I

Кромѣ раскольниковъ-старообрядцевъ, отдѣлившихся отъ господствующей церкви изъ-за буквы и обряда, есть немало русскихъ людей, уклоняющихся отъ православія несравненно далѣе, чѣмъ разнообразные толки старообрядства. Разумѣемъ здѣсь принадлежащихъ къ такъ-называемымъ *«тайнымъ сектамъ»*.

«Тайными» зовутся онѣ потому, что какъ ученіе ихъ, такъ и внутреннее устройство общины по возможности сохраняются сектаторами въ строгой тайнѣ. При вступленіи въ нѣкоторыя изъ тайныхъ сектъ принимаемый, приводя самого Бога во свидѣтели, съ извѣстными обрядами, клянется строго и нерушимо хранить всѣ тайны, которыя ему будутъ открыты. Торжественно предъ всею общиной онъ обѣщается: «не сказать про тайну отцу, матери; не сказать про святое дѣло попу на духу, судьѣ на судѣ; кнутомъ будутъ бить, огнемъ станутъ жечь: все претерпѣть, тѣло отдать на раздробленіе, безъ разсужденія, только святого дѣла не выдавать». Новаго члена не вдругъ посвящаютъ во всѣ таинства, но постепенно, переводя

его со степени на степень званія, какъ это дѣлалось въ масонскихъ ложахъ и другихъ религіознополитическихъ тайныхъ обществахъ, состоявшихъ изъ людей, получившихъ болѣе или менѣе достаточное образованіе и принадлежавшихъ къ высшимъ слоямъ общественнаго строя.

Впрочемъ, и къ «тайнымъ сектамъ», о которыхъ мы намѣрены говорить, принадлежали не одни простолюдины. Представляя ихъ историческій очеркъ, странное ученіе и еще болѣе странные обряды, мы встрѣтимся не съ одними крестьянами и солдатами, но и съ лицами высшаго православнаго духовенства, съ генералами, съ министрами, съ членами государственнаго совѣта, съ великосвѣтскими дамами и дѣвицами, съ литераторами и журналистами. Мы увидимъ, что, какъ въ старые годы, такъ и въ позднѣйшее время, къ «тайнымъ сектамъ» принадлежали богатые помѣщики изъ знатныхъ фамилій, къ которымъ для совершенія таинственныхъ обрядовъ, собирались ихъ односектаторы, а въ числѣ ихъ и собственные крѣпостные ихъ люди. Мы встрѣтимся съ поэтами, правда, не замѣтными въ исторіи русской литературы, которые сочиняли для тайныхъ сектаторскихъ собраній пѣсни. Чтобъ ознакомиться съ тайными обрядами этихъ сектъ, мы поведемъ читателя не въ однѣ мужичьи избы да келейные ряды, что́ ставятся на задворицахъ большихъ селеній, но и въ дома значительныхъ помѣщиковъ, въ монастыри, даже въ одинъ изъ петербургскихъ дворцовъ.

Къ «тайнымъ сектамъ» относится такъ-называемая *хлыстовщина*, со всѣми ея видоизмѣненіями и отраслями. Слово *хлыстовщина* есть искаженное *христовщина*, — названіе, встрѣчаемое въ сочиненіяхъ первой четверти прошлаго столѣтія у Св. Димитрія Ростовскаго и Ѳеофилакта Лопатинскаго, архіепископа твер-

скаго [1]) Такъ названа эта секта потому, что въ средѣ ея постоянно являлись люди, слывшіе за одаренныхъ высшими дарами благодати, которыхъ они считали христами. Въ концѣ прошлаго или въ самомъ началѣ настоящаго столѣтія эту секту, вмѣсто христовщины, стали называть *хлыстовщиной*. Нѣкоторые думаютъ, что это наименованіе произошло отъ слова «хлыстать» и дано сектѣ потому, что послѣдователи ея, во время совершенія своихъ религіозныхъ обрядовъ, бичуются, «хлыщутъ» другъ друга подъ слова пѣсни, начинающейся словами:

Хлыщу, хлыщу,
Христа ищу —

но это едва ли можетъ считаться основательнымъ. Бичеванье или хлыстанье — обрядъ нововводный и усвоенъ не всѣми «кораблями» (общинами). Въ тѣхъ, напримѣръ, корабляхъ, гдѣ участвовали люди образованные, кромѣ «корабля» князя Мещерскаго, существовавшаго въ концѣ царствованія Петра I, кажется, никогда не было обычая хлыстать себя или другихъ. Сколько намъ извѣстно, слова «хлыстовщина», «хлысты» изобрѣтены уже въ нынѣшнемъ столѣтіи нѣкоторыми духовными лицами, считавшими неприличнымъ при названіи секты употреблять священное имя Спасителя.

Святой Димитрій упоминаетъ еще о двухъ сектахъ, составляющихъ отрасли христовщины: о *подрѣшетникахъ* или *капитонахъ* и о другой, которой не даетъ особаго названія. [2]) Өеофилактъ Лопатинскій, кромѣ христовщины, упоминаетъ о *богомилахъ*, *меселіанахъ*

---

[1]) *Розыскъ*, святого Димитрія Ростовскаго. *Обличеніе неправды раскольнической*, Өеофилакта Лопатинскаго. Послѣднее сочиненіе написано въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда авторъ былъ членомъ новоучрежденнаго тогда святѣйшаго синода.

[2]) *Розыскъ*, часть III, глава 12.

и *акулиновщинѣ*: это та же христовщина. Первыя два названія даны сектѣ духовенствомъ, можетъ-быть, самимъ Ѳеофилактомъ, по сходству ихъ ученій, впрочемъ, весьма мало ему извѣстныхъ, съ ученіемъ ересей богомиловъ и меселіанъ, бывшихъ въ Византійской имперіи. Изъ христовщины въ прошломъ столѣтіи образовалась секта *скопцовъ*. Это тѣ же самые хлысты, съ ихъ ученіемъ и обрядами, но ради умерщвленія плоти введшии у себя оскопленіе. Кромѣ того, къ тайнымъ сектамъ относятся *фарисеи*, *богомолы*, *ляды*, *купидоны* (искаженіе слова «капитоны», о которыхъ упоминаетъ Димитрій Ростовскій), *лазаревщина*, *монтане*, *милютинскіе* или *алатырскіе*, *адамиты*, *общество Татариновой*, *ползуны* или *холстовщина*, *шелапуты*, *духовные скопцы*, *наполеоновцы*, [1]) *сусленники*, *свѣтосновцы*, *Дробышевская* или *Сѣдовичева секта*, *маранскіе*, [2]) *скакуны*, *прыгуны*, *трясуны*, *божьи*, *духовники*, *духовные христіане* и пр. [3]) Все это одна и та же хлыстовщина, съ нѣкоторыми, часто самыми незначительными, отличіями въ обрядахъ. Только скопцы, совершающіе надъ собой извѣстныя операціи, да наполеоновцы (секта очень мало изслѣдованная), признающіе за пришедшаго

---

1) Эти секты перечислены нами въ *Письмахъ о расколѣ*, изданныхъ въ 1862 году. Стр. 72.

2) Это скопцы, сосланные въ Закавказье и въ 1825 году поселенные генераломъ Ермоловымъ въ селеніи Марань, Кутаисской губерніи, по берегу рѣчки Цхенисъ-Цхали, впадающей тутъ въ Ріонъ. Ермоловъ образовалъ изъ скопцовъ 96-ую инвалидную роту, извѣстную болѣе подъ именемъ Мараньской или скопческой роты.

3) Изъ архивныхъ дѣлъ видно, что хлыстовщину сверхъ того называли несвойственными ей именами: *суботниковъ* (въ Жиздринскомъ уѣздѣ Калужской губерніи, въ Мценскомъ, Кромскомъ и Дмитровскомъ Орловской, въ Бѣлогородскомъ, Фатежскомъ и Щигровскомъ уѣздахъ Курской губерніи), *иконоборцевъ* (въ Якутской области), *молоканъ* (въ Осинскомъ уѣздѣ Пермской губерніи) и *квакеровъ* (въ прошломъ столѣтіи при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ въ Москвѣ и въ нынѣшнемъ столѣтіи въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ Пермской губерніи).

во второй разъ сына божія императора французовъ Наполеона I, рѣзко отличаются отъ прочихъ.

Независимо отъ хлыстовщины, хотя и въ нѣкоторомъ соприкосновеніи съ нею, существуютъ тайныя секты «мистическія», какъ, напримѣръ, *сіонская церковь*, *десные христіане*, *лабзинцы* и секты, раціоналистовъ или «молоканскія», имѣющія начало совсѣмъ не тамъ, гдѣ кроется источникъ сектъ хлыстовскихъ, но нерѣдко сливающіяся съ ними. Такъ, во времена Петра I открытыя около 1715 года секты иконоборцевъ (что нынѣ молокане) и Настасьи Зимихи находились въ близкихъ сношеніяхъ съ христовщиной, тогда уже значительно распространенною въ Москвѣ и другихъ городахъ. Такъ въ наше время, лѣтъ шесть-семь тому назадъ, въ Таврической губерніи и въ другихъ мѣстахъ южной Россіи произошло взаимное соглашеніе и отчасти даже сліяніе тайной секты хлыстовской съ молоканствомъ и духоборчествомъ.

Въ ряду уклоненій отъ православія, свойственныхъ русскому народу, хлыстовскія секты представляютъ видъ совершенно особый, существенно отличающійся отъ прочихъ не только по своему содержанію, но еще болѣе по отношенію къ церкви. Всякій расколъ, всякая ересь потому собственно и называются расколомъ или ересью, что они *отрываютъ* себя не только отъ внутренняго единомыслія, но и отъ внѣшняго общенія съ церковью. Считая только себя единственно и исключительно правыми по вѣрѣ, раскольники и еретики поставляютъ долгомъ совѣсти выказывать это расторженіемъ всѣхъ связей съ пребывающими вѣрными церкви: не покорствуютъ и не воздаютъ чести установленнымъ духовнымъ властямъ, не ходятъ на общественное богослуженіе, не сообщаются съ вѣрными въ церковныхъ таинствахъ и другихъ религіозныхъ обрядахъ, не сообщаются даже въ частной, домашней молитвѣ. Въ

самыхъ житейскихъ сношеніяхъ они стараются держать себя какъ можно дальше отъ нихъ; даже не пьютъ и не ѣдятъ вмѣстѣ съ ними. Таковы болѣе или менѣе послѣдователи всѣхъ толковъ такъ-называемаго старообрядства. Совершенно иначе поступаютъ принадлежащіе къ тайнымъ сектамъ хлыстовщины. Хотя по внутренней сущности своего ученія они и удаляются отъ церкви несравненно далѣе, чѣмъ какой бы то ни было толкъ раскольничій, хотя они отрываютъ себя не только отъ православія, но и вообще отъ христіанской вѣры, отрицая или измѣняя существеннѣйшіе ея догматы, но въ наружныхъ дѣйствіяхъ не показываютъ себя чуждающимися православія. Они строго исполняютъ всѣ обряды и христіанскія обязанности церкви, даже строже чѣмъ многіе настоящіе православные. И это дѣлаютъ не по принужденной стачкѣ съ своею совѣстью (какъ нѣкоторые изъ старообрядцевъ, когда боятся отвѣтственности и взысканія), но потому, что по самому ихъ ученію не только не воспрещается, но, напротивъ, предписывается всячески вездѣ и всегда скрывать себя и для того съ самою строгою точностью исполнять всѣ внѣшнія постановленія и обычаи господствующей церкви. Отъ того послѣдователей тайныхъ сектъ хлыстовщины узнатъ очень трудно; по наружности они совершенно православные, часто даже болѣе благочестивые, болѣе набожные, чѣмъ настоящіе.

Судя по литературѣ прошлаго и нынѣшняго сто лѣтій, какъ печатной, такъ и извѣстной намъ рукописной, духовные писатели весьма мало знали о тайныхъ сектахъ и всегда говорили о нихъ съ крайнею неопредѣлительностію. Въ недавнее лишь время въ одномъ изъ духовныхъ нашихъ журналовъ стали появляться о нихъ статьи [1]) или, лучше сказать, извле-

[1]) *Православный Собесѣдникъ* 1858 г. № 7: *Общество людей*

ченія изъ отчетовъ о состояніи раскола, составленныхъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ статистическими экспедиціями и отдѣльно производившими изслѣдованія о расколѣ чиновниками министерства внутреннихъ дѣлъ [1]). До сороковыхъ годовъ не болѣе знало о нихъ и правительство. При отсутствіи свѣдѣній о существѣ предмета въ его общности оно смотрѣло на частныя по временамъ возникавшія дѣла о тайныхъ сектахъ какъ на странные случаи раскольничьяго фанатизма, обсуживало и рѣшало ихъ исключительно съ полицейской точки зрѣнія, по мѣрѣ обнаруженныхъ уклоненій отъ общественнаго порядка и благочинія, и затѣмъ, по заведенному порядку, сдавало дѣла въ архивъ Утвержденію такого взгляда на этотъ родъ дѣлъ, по словамъ покойнаго Надеждина [2]), много способствовало и то, что въ тридцатыхъ, особенно же въ сороковыхъ годахъ хлыстовщина преимущественно стала подпадать вниманію правительства въ связи съ скопчествомъ, которое есть только ея выродокъ. Тутъ матеріальное преступленіе, оскопленіе, до того заслоняло внутреннее начало хлыстовщины, открываемое обыкновенно и у скопцовъ, что когда тѣ же самыя или близкія къ нимъ черты встрѣчались гдѣ-нибудь несопровождаемыя оскопленіемъ, на нихъ смотрѣли какъ на признаки заблужденія, жалкаго, но безвиннаго и не заслуживающаго вниманія. Такимъ образомъ, изученіе настоящей хлыстовщины, которая есть корень и самого скопчества (какъ секты, а не какъ матеріальнаго уродованія тѣла) оставалось въ небреженіи. Нерѣдко,

---

Божіихъ, составъ его и богослужебныя собранія. Тотъ же журналъ 1860 г. № 12: *Ученіе секты людей Божіихъ о таинственной смерти и таинственномъ воскресеніи.*

[1]) Объ этихъ изслѣдованіяхъ см. нашу статью *Счисленіе раскольниковъ* въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, 1868 г., № 2.

[2]) Корректурные листы трактата о хлыстахъ.

при оффиціальномъ производствѣ дѣлъ хлыстовщину смѣшивали съ тайными сектами другого порядка, напримѣръ, съ молоканами, съ духоборцами, и даже съ жидовствующими.

Народъ всегда зналъ и знаетъ о тайныхъ сектахъ. Не проникая ихъ тайны, онъ всегда предполагаетъ въ нихъ что-то недоброе. Какъ православные, такъ и старообрядцы дичатся этихъ сектъ, называютъ ихъ «темными», питаютъ къ нимъ отвращеніе и какую-то суевѣрную боязнь. Объ нихъ ходятъ въ народѣ страшные разсказы, съ примѣсью чудеснаго, какъ о колдунахъ, оборотняхъ, вѣдьмахъ и тому подобныхъ пугалахъ робкаго воображенія непросвѣщенныхъ простолюдиновъ. Во многихъ мѣстахъ послѣдователей тайныхъ сектъ зовутъ фармазонами [1]), считая это названіе синонимомъ волшебника, отрекшагося отъ Бога и отъ всего святого. Чудесные разсказы о нихъ простонародья не могли не казаться нелѣпостью въ глазахъ людей образованныхъ, и это послужило поводомъ къ тому, что всю народную молву о дѣйствіяхъ и сокровенныхъ обрядахъ тайныхъ сектаторовъ безъ всякаго разбора и разъясненія стали считать басней. Такое мнѣніе не измѣнилось и тогда, какъ нѣкоторые изъ людей просвѣщенныхъ и высокопоставленныхъ сами вступали въ тайныя секты и въ своихъ собраніяхъ соединялись съ хлыстами-простолюдинами. Не хотѣли вѣрить, чтобы собранія, бывшія, напримѣръ, вскорѣ послѣ 1812 года въ Михайловскомъ дворцѣ [2]), были точно такія же, какъ и сборища, открытыя въ то же время полиціей въ домѣ рядового Юхновской инвалид-

---

[1]) Испорченное слово франкъ-масонъ. Народъ, всегда зоркій и чуткій, подмѣтилъ таинственныя сношенія нѣкоторыхъ масоновъ съ послѣдователями тайныхъ сектъ хлыстовщины и назвалъ ихъ этимъ именемъ.

[2]) Нынѣшній Инженерный замокъ въ Петербургѣ.

ной команды и между крестьянами Малоархангельскаго уѣзда, Орловской губерніи. А между тѣмъ и обряды, въ которыхъ участвовалъ тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, директоръ его департамента и подобныя лица, самыя пѣсни (конечно, не всѣ), распѣваемыя ими во время собраній, оказались тѣми же самыми, какія употреблялись и въ Юхновѣ, и въ Малоархангельскомъ уѣздѣ. Извѣстнаго рода религіозныя увлеченія присущи людямъ разныхъ положеній въ обществѣ, разнаго уровня образованія, разныхъ даже странъ и народностей. Положительно извѣстно, что послѣдователи «восторженныхъ» сектъ, которыхъ такъ много въ Англіи, а еще болѣе въ Америкѣ, бывая въ Россіи, входили въ непосредственныя сношенія съ русскими простолюдинами, принадлежащими къ тайнымъ сектамъ, и участвовали въ ихъ собраніяхъ. Нѣкоторые даже предполагали, будто тайныя секты занесены въ Россію сектаторами Запада. Само правительство нѣкогда раздѣляло эту мысль. Такимъ образомъ, въ царствованіе Елисаветы Петровны хлыстовщина была названа квакерскою ересью.

II

Мы начнемъ съ историческаго очерка существовавшихъ у насъ тайныхъ сектъ изъ разряда хлыстовщины. Мы постараемся представить въ нѣкоторой связи ихъ проявленія, насколько это возможно при крайней неполнотѣ и отрывочности сохранившихся о нихъ свѣдѣній. Но прежде считаемъ не лишнимъ указать на общія главныя основанія этихъ сектъ, оставляя подробности до описанія ученія и обрядовъ, которое послѣдуетъ вслѣдъ за историческимъ очеркомъ.

Человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла. Душа есть твореніе Божіе, но тѣло, по понятіямъ однихъ сектаторовъ, искажено при грѣхопаденіи первыхъ людей; по понятіямъ другихъ, создано діаволомъ. Какъ чистый духъ, заключенный въ нечистую плоть, душа борется съ нею чрезъ всю жизнь человѣка, и, если будетъ побѣждена,—по смерти поступаетъ во власть духа злобы. Если же въ этой борьбѣ душа восторжествуетъ, то не только по смерти, но еще здѣсь, въ земной жизни, она достигнетъ такого блаженнаго состоянія, что придетъ въ непосредственное соотношеніе съ самимъ Божествомъ. Для этого необходимы: строгій постъ, воздержаніе отъ мяса, отъ вина и табаку, отъ наслажденій любви, отъ всякихъ увеселеній, соблазновъ, нужна самая строгая аскетическая жизнь, сопровождаемая такъ-называемою «умною молитвою», самоуглубленіемъ, словомъ, жизнь вполнѣ созерцательная. Но и этого еще недостаточно: нужно лишить себя воли, подчинивъ ее уже достигшему духовнаго совершенства и вмѣстившему въ себя Бога. Затѣмъ, при утомленіи тѣла разными усиленными тѣлодвиженіями, «радѣньемъ» [1]), какъ говорятъ они, то-есть скачками, плясками, верченьемъ и круженьемъ съ распростертыми руками, дрожаньемъ всѣмъ тѣломъ, спираніемъ въ груди дыханія, аскетъ доводитъ себя до состоянія изступленія, онъ приходитъ въ состояніе галлюцинаціи, ему представляются видѣнія,

---

[1]) Это слово употребляется не въ общепринятомъ смыслѣ старанія, усердія, заботы, но въ смыслѣ радѣнія къ Богу, то есть усердія соединиться съ Нимъ посредствомъ особыхъ тѣлодвиженій. Въ *Толковомъ Словарѣ* В. И. Даля это объяснено такъ: «*радѣть* у скопцовъ, хлыстовъ и прочихъ,—отправлять свое богослуженіе съ верченьемъ; *радѣніе*—молитва въ сборѣ радѣющихъ (созерцательныхъ) толковъ; *радѣтель, радѣльникъ, радѣльщикъ*—радѣющій хлыстъ, скопецъ. (*Словарь живого великорусскаго языка*, III, 4).

онъ не помнитъ самого себя и говоритъ безсвязныя, безсмысленныя слова, принимаемыя другими за пророчество. Подъ словомъ «пророчество» сектаторы не разумѣютъ, однако, исключительно предсказаній будущаго; все, что́ говорится въ состояніи восторженнаго изступленія, называется у нихъ пророчествомъ. Достигшіе такого состоянія называются у нихъ «пророками» и «пророчицами». Но это еще не высшая степень совершенства. Высшая степень для мужчинъ—степень христа, для женщины—богородицы. Истинный Спаситель и истинная Дѣва Марія, по мнѣнію тайныхъ сектаторовъ, не суть единственны. Такой же высокой степени, какой достигли они, можетъ достигнуть всякій человѣкъ. Такіе люди есть, они постоянно пребываютъ среди послѣдователей тайныхъ сектъ. Это «христы изобрѣтенные» [1], какъ они выражаются. Самъ Богъ, уничтоживъ въ нихъ душу человѣческую и замѣнивъ ее Собою, вселился въ нихъ, и они стали «живыми богами». Изобрѣтенныхъ христовъ и богородицъ въ одно и то же время можетъ быть нѣсколько. Ближайшіе къ изобрѣтенному христу пророки, обыкновенно въ числѣ двѣнадцати, называются апостолами.

Но побороть плоть не легко, особенно при сближеніи обоихъ половъ во время радѣній, когда мужчины и женщины бываютъ въ однѣхъ рубашкахъ, а въ иныхъ корабляхъ и нагишомъ. Отсюда скопчество, встрѣчающееся въ созерцательныхъ толкахъ еще въ Византіи. Впрочемъ, ревностнѣйшіе послѣдователи

---

[1] Слово «изобрѣтенный» употребляется у нихъ при этомъ не въ обычномъ его смыслѣ: измышленный, выдуманный, а въ смыслѣ обрѣтенный, то-есть найденный, отысканный. Мы еще не разъ встрѣтимся съ хлыстовскими словами, имѣющими не тотъ смыслъ, какой придается имъ общимъ употребленіемъ.

хлыстовщины съ омерзеніемъ относятся къ этому самоискаженію, называя его малодушіемъ. По понятіямъ ихъ, надо побороть плоть духовно, не прибѣгая къ хирургическимъ операціямъ. «Что́ за побѣда надъ врагомъ, когда врагъ умерщвленъ?—говорятъ они:—тутъ нѣтъ Божьяго дѣла, одно только малодушіе». Но въ иныхъ корабляхъ скопчество считается тѣмъ, чѣмъ у насъ монашество. Вообще же у хлыстовъ особой заслуги за скопцами не признается, и если нѣкоторые скопцы уважаются ими, то не за оскопленіе, а въ такомъ лишь случаѣ, если въ нихъ «ходитъ духъ», то-есть, если они способны скоро приходить въ восторженное состояніе и получать способность пророчества и видѣній.

Тайные сектаторы истиннаго Христа Спасителя почитаютъ Богочеловѣкомъ, но такимъ же, какъ и ихъ «христы изобрѣтенные». Чудеса, Имъ сотворенныя, самая крестная смерть и воскресеніе, суть, по мнѣнію нѣкоторыхъ кораблей, одно лишь иносказаніе. Они не поклоняются иконамъ и кресту, хотя и употребляютъ ихъ даже при нѣкоторыхъ своихъ обрядахъ. Литургію и другія церковныя службы отвергаютъ, говоря, что одно и то-же читать и пѣть во вѣки вѣковъ безъ малѣйшей перемѣны есть дѣло мертвое, а Богу всегда надо пѣть «пѣснь нову». Поэтому они и поютъ свои пѣсни, бо́льшею частію отличающіяся безсмыслицей, но не лишенныя печати какого то дикаго, фанатическаго вдохновенія. Поютъ ихъ на голоса простонародныхъ пѣсенъ. Говорятъ, что молиться надо одною только молитвою Господней, какъ повелѣлъ Іисусъ Христосъ, и, кромѣ того, пѣть духовныя пѣсни и псалмы. Но, какъ сказано было прежде, всѣ они исполняютъ церковныя обязанности усерднѣе настоящихъ православныхъ, бываютъ въ церкви за каждою службой, исповѣдуются и причащаются по четыре

раза въ годъ, и потому считаются людьми самыми усердными и благочестивыми. Къ этому надо еще присовокупить, что они, основываясь на словахъ Евангелія: «не пекитесь о завтрашнемъ днѣ», уклоняются отъ работъ и представляютъ изъ себя общество тунеядцевъ.

Тайныя секты держатся на Руси съ древнѣйшихъ временъ. Онѣ несравненно старѣе раскола-старообрядства, отдѣлившагося отъ единенія церковнаго только два столѣтія тому назадъ. Слѣды этихъ сектъ, правда, не совсѣмъ ясные, замѣчаются еще во времена святого князя Владиміра. При немъ пришельцы изъ-за Дуная принесли на Русь не одну чистую пшеницу вселенскаго ученія, но и плевелы, которыми издавна была обильна почва Византіи. Съ теченіемъ времени, въ продолженіе девяти почти вѣковъ, ученіе тайныхъ сектъ, занесенныхъ въ Россію одновременно съ христіанствомъ, видоизмѣнялось, подвергалось разностороннимъ вліяніямъ. Дохристіанскія понятія нашихъ предковъ, языческія воззрѣнія русѣвшихъ и сливавшихся съ славянскимъ племенемъ народовъ финскаго племени, религіозныя идеи, заносимыя отъ времени до времени съ Запада, наконецъ, собственныя измышленія пытливыхъ русскихъ людей, все, въ свою очередь, отражалось на духѣ и развитіи этихъ сектъ. Конечно, изслѣдователи русскихъ тайныхъ ученій никогда не отыщутъ непрерывной струи отъ богомиловъ, пришедшихъ на Русь при Владимірѣ, до подполковницы Татариновой, скакавшей въ Михайловскомъ дворцѣ, или до прыгуна Максима Рудометкина (онъ же и Комаръ), короновавшагося въ деревнѣ Никитиной, Александропольскаго уѣзда, Эриванской губерніи, 19-го декабря 1857 года. Но тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать связи между этими явленіями, отстоящими другъ отъ друга на цѣлыя восемь столѣтій.

Письменные памятники старины не представляютъ намъ почти никакихъ данныхъ для точнаго и подробнаго опредѣленія, какимъ образомъ развивались въ русскомъ народѣ тайныя секты, но отрывочныя указанія лѣтописей, нѣкоторыя мѣста другихъ произведеденій старинной нашей письменности, наконецъ, сказанія и преданія современныхъ сектаторовъ могутъ намъ дать хотя нѣкоторыя указанія на то, что секты, о которыхъ идетъ рѣчь, столь же древни въ Россіи, какъ и само христіанство.

Ересь богомиловъ, названная такъ по имени своего основателя, попа Богумила, появилась въ IX или X столѣтіи въ единоплеменной намъ Болгаріи, тогда еще самостоятельной, имѣвшей своего царя и свою автокефальную церковь. Произошла она изъ смѣшенія понятій павликіанскихъ съ манихейскими. Павликіане, отвергавшіе церковную іерархію, установленный разъ навсегда порядокъ богослуженія, не признававшіе таинствъ и вѣрившіе въ два самостоятельныя начала: доброе и злое, были очень сильны въ Азіи, откуда императоръ Іоаннъ Цимисхій рѣшился вооруженною рукой выселить ихъ въ Европу, гдѣ, по мнѣнію его, они не могли быть такъ опасны для Византійской имперіи, какъ вдали отъ столицы, на далекихъ окраинахъ государства. Цимисхій поселилъ павликіанъ во Ѳракіи, на границѣ Болгаріи; съ ними же переселены были и многіе изъ послѣдователей Манеса, извѣстные подъ именемъ еретиковъ-манихеянъ, которые также признавали дуализмъ, заимствовавъ его изъ религіи Зердушта. Ученія тѣхъ и другихъ проникли въ юную еще тогда церковь болгарскую, и тамъ образовалась ересь богомильская. Она соединила въ себѣ дуализмъ, общій павликіанамъ и манихейцамъ, съ строгимъ аскетизмомъ манихеевъ, и до того существовавшимъ уже

въ болгарскихъ монастыряхъ [1]). У аскетовъ-манихеянъ нерѣдко бывали примѣры оскопленія. Были они и у богомиловъ. Во времена святого Владиміра, въ Россію пришло много православнаго духовенства, но такъ какъ богослуженіе должно было производиться на языкѣ славянскомъ, котораго греки не разумѣли, то, конечно, пришедшіе къ предкамъ нашимъ попы въ большинствѣ были болгаре. Между ними весьма легко могли попасть на Русскую землю и послѣдователи возраставшей тогда секты богомиловъ. Они-то, конечно, и были первыми насадителями на русской почвѣ ученія тайныхъ сектъ. Чрезъ шестнадцать лѣтъ послѣ крещенія Руси, еще при жизни Владиміра, одинъ изъ такихъ насадителей былъ осужденъ въ Кіевѣ. Это былъ монахъ, скопецъ Адріанъ, который, по извѣстію *Никоновской лѣтописи*, въ 1004 году хулилъ церковь, ея уставы и обряды и духовенство. Митрополитъ Леонтій, отлучивъ Адріана отъ церкви, посадилъ его въ тюрьму, гдѣ скопецъ раскаялся [2]). Въ XII вѣкѣ, по указанію той же *Никоновой Лѣтописи*, явился въ Кіевѣ другой еретикъ, Дмитръ. Татищевъ говоритъ, что онъ въ 1123 году отвергалъ уставъ церковный, за что кіевскимъ митрополитомъ Никитой и былъ сосланъ въ городъ Сикелецъ [3]).

Въ первыя времена христіанства въ Россіи распространено было обличительное «слово на богомиловъ», сочиненное Козьмою, пресвитеромъ болгарскимъ. Было оно распространено, конечно, съ цѣлію противодѣй-

---

1) Schmidt, *Histoire et doctrine de la secte de Cathares ou Albigeois*, I—8. Альбигойцы и вальденсы были одного происхожденія съ богомилами. Въ ученіи тѣхъ и другихъ есть черты сходства съ ученіемъ нашихъ тайныхъ сектъ.

2) *Никоновская Лѣтопись*, I, 112.

3) *Никоновская Лѣтопись*, II, 56. Татищева, *Исторія Россійская* II, 223.

ствовать этому ученію. Приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ этого слова, чтобы показать главнѣйшія черты богомильскаго ученія и сличить его съ ученіями русскихъ тайныхъ сектъ: «Діавола нарицаютъ творца человѣкомъ. Христа не исповѣдуютъ сотворивша чудеси, глаголюще: нѣсть Христосъ слѣпа просвѣтилъ, ни хрома исцѣлилъ, ни мертва воскресилъ, но притчи то суть точію... грѣхи бо рѣша цѣленые; народомъ же напитаннымъ въ пустыни пятью хлѣбы не вѣруютъ, глаголюще: не суть то хлѣбы были, но четыре евангелисты, пятое опраксъ [1]) Апостолъ... Святое крещеніе отмещутъ, гнушающеся крестимыхъ младенцевъ... Нѣсть Божіимъ повелѣніемъ творимо комканіе [2]), ни есть тѣло суще Христово, но аки все и простое брашно, не бо есть Христосъ творилъ литургію, тѣмъ же мы не имамы въ честь того. Нѣсть речено о святѣмъ хлѣбѣ и о чашѣ, о Тетроевангеліи то есть речено и опракси Апостоли, а не о святѣмъ комканіи. Тѣло наричуть Тетроевангеліе, а кровь опраксъ Апостолъ. Еретицы сами себѣ исповѣди творятъ и рѣшатъ, сами суще связаны діаволими узами, не точію мужи то творятъ, но и жены. Діавола мнятъ повелѣвша человѣкомъ жены понимати, а женящася человѣка и живущая въ міру мамонины слуги зовутъ... Не многоглаголютъ въ молитвахъ, но «Отче нашъ»... Церкви распутія мнятъ суща, многоглаголанныя же литургіи мнятъ и ины молитвы, бывающая въ церквахъ. Чины святые хулятъ, литургію мню и прочія молитвы. Не суть апостолы литургію предали ни комканію. О крестѣ господни сице блазнящеся глаголютъ:

---

[1]) Слѣдуетъ «апракосъ».

[2]) «Комканіе»—святое причастіе, отъ латинскаго *communicatio*; слово это часто встрѣчается въ старинныхъ нашихъ памятникахъ, вмѣсто словъ вхаристія или пріобщеніе.

како ся ему есть кланяти? Сына бо Божія жидове на немъ распяша, да вражда есть паче Богу крестъ, тѣмъ же исповѣдаши его своя си учатъ, а не кланятися сице глаголюще: аще бо кто царева сына убилъ крестомъ древомъ, можетъ ли древо то любо быти царю? тако же крестъ Богу. Не по своей воли распята мнятъ Господа, ни за спасеніе человѣческо, но по нуждѣ. Не кланяются иконамъ, но кумиры нарицутъ я. Слышавше апостола Павла о кумирахъ рекши: «не подобаетъ намъ повинутися злату или сребру сотворену хитростію человѣческою», еретицы мнятъ то о иконѣхъ речено, да отъ того словесе обрѣтшу си вину, не кланяются единѣ иконамъ, но страха дѣля человѣча и въ церковь ходятъ, и крестъ и икону цѣлуютъ, якоже намъ повѣдаютъ иже отъ нихъ обратишася на нашу истинную вѣру, глаголюще: яко вся си творимъ человѣкъ дѣля, а не по сердцу, въ тайнѣ же скрываемъ свою вѣру. Въ день воскресенія Господня постятся и ручно дѣло творятъ, вся господскіе праздники и память святыхъ мученикъ и отецъ не чтутъ. Вся преданныя законы святыя Божія церкве похуляютъ, свояси ученія честно творяще, бающе нѣкаки басни. Хулятъ іереи и вся саны церковные, фарисеи слѣпые зовуще правовѣрные попы и много на ня лающе, яко псп на конника. Не подобаетъ тружатися дѣлающе земная (говорятъ они), Господу рекше: «не пецытеся»; праздно ходятъ, нехотяще ничего же пріяти своими руками, но преходящу отъ дому въ домъ, чужая снѣдая имѣнья прельщаемыхъ ими человѣкъ. Суть еретицы извону [1]) аки овца образомъ, кротци и смирени, и молчаливи, бледи [2]) же суть видѣти отъ лицемѣрнаго поста, словесе сіи не рекутъ, не смѣются

[1]) Извнѣ, снаружи.

[2]) Блѣдны, худощавы, худы.

грохотомъ, не облазуютъ, хранятся отъ взора и вся творятъ извону, яко же не разнати ихъ съ правовѣрными христіаны, изнутрь же суть волцы и хищницы, яко же рече Господь. Видяще бо человѣцы толико и таковое ихъ смиреніе и мняще я правовѣрны суща и мощны направити на спасеніе приближаются къ нимъ и вопрошаютъ о спасеніи души; они же подобны волку, хотящу агня взяти, сперва поглумляются воздыхающе и со смиреніемъ отвѣщаваютъ и проповѣдущеся творятъ сущая на небесѣхъ, и гдѣ узрятъ человѣка проста суща и груба, ту же сѣютъ плевелы ученія своего, хуляще преданные уставы святымъ церквамъ. Мы паче васъ, глаголютъ еретицы, Бога молимъ и бдимъ и молямся, а не живемъ въ лѣности яко же вы. По плоти живутъ попове явѣ, а не по духу яко же мы» [1]).

Совершенные хлысты нашего времени! Несмотря на промежутокъ времени въ восемь слишкомъ столѣтій, отдѣляющихъ болгарскихъ богомиловъ отъ русскихъ тайныхъ сектаторовъ, сходство между ними поразительное. Читая сказаніе Козьмы, пресвитера болгарскаго, такъ и кажется, что не дѣла, совершавшіяся въ Болгаріи при тамошнемъ царѣ Петрѣ, онъ описываетъ, а говоритъ про современныя намъ дѣла въ какой-нибудь Самарской губерніи, побывавъ въ келейныхъ рядахъ «духовницъ».

Въ нѣкоторыхъ хлыстовскихъ корабляхъ, сколько намъ извѣстно, а можетъ быть, и во всѣхъ (чего, однако, положительно утверждать не можемъ), сохра-

---

[1]) Приводимые отрывки изъ слова Козьмы, пресвитера болгарскаго, мы заимствовали изъ сочиненія г. Руднева: *Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ, бывшихъ въ русской церкви со времени Владиміра Великаго до Іоанна Грознаго*. Москва, 1838 г., примѣчаніе, стр. 7—10. Г. Рудневъ печаталъ по рукописи, находящейся въ библіотекѣ Московской духовной академіи.

няется обычай чтить пятницу вмѣсто воскресенья. Что пятницу чтили богомилы, пресвитеръ Козьма не говоритъ, но упоминаетъ о томъ, что воскресные дни ими не чествовались. Откуда произошло чествованіе пятницы въ тайныхъ сектахъ, рѣшить не беремся, полагаемъ однако, что едва ли оно могло быть заимствовано отъ мусульманъ ордынцевъ, когда-то владѣвшихъ нашимъ отечествомъ какъ однимъ изъ своихъ улусовъ. Трудно, даже невозможно предположить, чтобы «басурманскій» обычай могъ быть усвоенъ русскимъ народомъ, всегда приверженнымъ къ наружнымъ видамъ богопочтенія, въ особенности же къ чествованіямъ установленныхъ церковію праздниковъ. Тѣмъ не менѣе, однако, чествованіе пятницы (конечно, не въ ущербъ воскресенью) и до сихъ поръ сильно распространено въ великорусскомъ простонародьѣ, особенно между женщинами. Преимущественно чтутся десять пятницъ послѣ Пасхи, особенно девятая. Къ этимъ пятницамъ пріурочены особыя богомоленія, большею частію внѣ селеній, на ключахъ, на колодцахъ, крестные ходы къ полевымъ часовнямъ, народныя сходбища, торжки, ярмарки. Пятницу отождествляютъ съ мученицей. Параскевой и называютъ ее Прасковьей-Пятницей [1]), но въ молитвахъ при этомъ обращаются не къ ней, а къ Богородицѣ. Имя Пятницы въ нѣкоторыхъ хлыстовскихъ корабляхъ придается ихъ богородицамъ, что̀, напримѣръ, видно изъ слѣдующихъ словъ хлыстовской пѣсни:

Благослови, Пятница,
Сударыня-матушка,
Свѣтъ-богородица,
Святымъ дѣломъ порадѣть,
Трудовъ своихъ не жалѣть, и пр.

---

[1]) Παρασκευή—значитъ пятница.

Изъ дѣла, производившагося въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія о сектаторахъ села Краснопрудовки (Орловскаго уѣзда), видно, что одна изъ дѣвокъ тамошняго корабля (въ которомъ были и скопцы) назывались «Богородицей, а другая Пятницей». Кромѣ Пятницы въ хлыстовскихъ корабляхъ почитаютъ еще Настасью-Воскресенье [1]), но менѣе чѣмъ Пятницу. О ней поется въ радѣльныхъ пѣсняхъ:

Ты Настасья, свѣтъ Настасья,
Отверзай царски врата,
Встрѣчай батюшку христа
Съ милосердьемъ, со прощеньемъ
И со свѣтлымъ *воскресеньемъ.*

Покойный Надеждинъ полагалъ [2]), что въ этой пѣсни воспоминается богородица Настасья Карповна, казненная въ 1734 году. Но не относится ли это скорѣй къ Настасьѣ-Воскресенью, издавна чествуемой тайными сектаторами? О чествованіи Настасьи (Воскресенья) и (Прасковіи) Пятницы находимъ упоминаніе въ Стоглавѣ. Царь Иванъ Васильевичъ, въ 1551 г., предлагалъ собору слѣдующій вопросъ: «Да по погостамъ и по селамъ ходятъ лживые пророки (пророки у хлыстовъ неразлучны съ богородицей Пятницей; они ей «поютъ въ духѣ»), мужики и женки, и дѣвки, и старыя бабы, нагія и босыя, волосы отростивъ и распустя, трясутся и убиваются, и сказываютъ, что имъ является святыя Пятница и Настасіи, и велятъ имъ, чтобы онѣ заповѣдали христіанамъ каноны завѣчати, онѣ же заповѣдаютъ въ среду и пятокъ ручного дѣла не дѣлать, и женамъ не прясти и платья не

---

1) Ἀναςασή—значитъ воскресеніе. Нѣсколько святыхъ угодницъ носили это имя.

2) Въ личныхъ съ нами бесѣдахъ.

мыти и каменія не разжигати, а иныя заповѣдаютъ богомерзкія дѣла творити, кромѣ божественныхъ писаній. Что тѣмъ нагимъ, и босымъ, и лживымъ пророкамъ путь, чтобы не соблазняли?» [1]) Полагаемъ, что царскій вопросъ разумѣлъ послѣдователей секты, теперь называемой «хлыстовщиной». Триста лѣтъ тому назадъ она не скрывалась, или по крайней мѣрѣ скрывалась несравненно менѣе чѣмъ теперь, если не въ центрахъ правительственной дѣятельности—въ Москвѣ и главныхъ городахъ, то по погостамъ и селамъ. «Лживые *пророки*, мужики, женки и дѣвки, нагія и босыя, волосы отростивъ и распустя *трясутся и убиваются* и т. д.», какъ увидимъ, чрезвычайно похожи на хлыстовъ нашего времени. Полагаемъ, что *Стоглавъ* говоритъ объ ихъ предшественникахъ.

Въ *Духовномъ Регламентѣ*, написанномъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и утвержденномъ въ февралѣ 1720 года, опять встрѣчаемся со святою Пятницей: «Могутъ обрѣстися, сказано тамъ, пѣнія и церемоніи не потребныя, или вредныя. Слышится въ Малой Россіи, въ полку Стародубскомъ, въ день уреченный праздничный, водятъ женку простовласую подъ именемъ Пятницы, а водятъ въ ходѣ церковномъ (если то по истинѣ сказуютъ) и при церкви честь оной отдаетъ народъ съ дары и со упованіемъ нѣкія пользы» [2]).

Всенародныя оказательства тайныхъ сектъ въ видѣ чествованія Пятницы прекратились не тотчасъ послѣ изданія *Духовнаго Регламента*. Срубленныя въ 1734 году головы богородицы Настасьи Карповны, пророка Филарета, инока Петровскаго монастыря, сожженіе костей прежнихъ христовъ людей Божіихъ, разсылка

---

[1]) *Стоглавъ*, глава 41, вопросъ 21. По изданію Кожанчикова. Спб. 1863 г. стр. 138.

[2]) *Духовный Регламентъ*, Москва, 1856 г., стр. 19.

по дальнимъ монастырямъ ихъ послѣдователей, заставили сектаторовъ притаиться. Въ нынѣшнемъ столѣтіи мы уже не встрѣчаемъ публичнаго оказательства хлыстовской секты. Но вѣра въ святую Пятницу-богородицу, во многихъ мѣстностяхъ, до сихъ поръ сохраняется между простолюдинами, потерявъ, однако, всякія соотношенія и связь съ сектами, откуда, какъ мы убѣждены, произошла она.

Изъ христовъ, являвшихся въ Россіи между послѣдователями тайныхъ сектъ, дошли до насъ преданія объ Аверьянѣ, жившемъ во времена Дмитрія Донского, и объ Иванѣ Емельяновичѣ, бывшемъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Объ Аверьянѣ-христѣ говорится, будто онъ жилъ во времена Димитрія Донского и убитъ на Куликовомъ полѣ Мамаевыми татарами, стало-быть, участвовалъ въ походѣ Донского вмѣстѣ со своими приверженцами.

Объ Емельяновѣ у хлыстовъ сохранилось преданіе, что былъ онъ московскій житель, Кадашевской слободы, и было у него двѣнадцать апостоловъ, съ которыми онъ расхаживалъ по Москвѣ и ея окрестностямъ. Царь Иванъ Васильевичъ, узнавъ, что Емельяновъ умѣетъ предсказывать будущее, велѣлъ будто бы привести его къ себѣ и спросилъ: «правду ли про тебя, Ванька, идетъ людская молва, что ты пророчишь?» На это Емельяновъ отвѣчалъ: «Ванька-то ты, безпутный царишка, кровопійца, а не я. Я сынъ Божій Іоаннъ. Ты царь земной, а я небесный». Царь разгнѣвался, бросился на Емельянова, хотѣлъ его пронзить своимъ желѣзнымъ костылемъ, но Емельяновъ погрозилъ ему пальцемъ, и царь упалъ ницъ. Показалось ему, что предъ нимъ стоитъ истинный Іисусъ Христосъ, какъ онъ изображенъ на иконѣ въ Успенскомъ соборѣ съ угрожающимъ перстомъ. Тогда царь Иванъ Васильевичъ съ честію отпустилъ Ивана Емельянова,

и будто позволилъ ему идти на всѣ четыре стороны со своими двѣнадцатью апостолами и съ разными силами небесными. То и другое преданіе сохранилось въ хлыстовскихъ пѣсняхъ. Вотъ первая изъ нихъ употреблявшаяся хлыстами Воронежской губерніи при ихъ радѣніяхъ:

Благослови, Господь, воспѣть,
Намъ «Христосъ воскресъ» пропѣть.
Полно, дѣтушки, терпѣть,
Разорви грѣховну сѣть,
Отъ темницы каменной
Выходилъ самъ Богъ живой,
Выходилъ сударикъ нашъ,
Яко вѣковѣчный стражъ,
Говорилъ дѣткамъ своимъ:
Собирайтесь въ Русалимъ, [1])
Мои милые дружки,
Сотворите-ка кружки, [2])
На томъ мѣстѣ, на святомъ,
Гдѣ татариномъ клятомъ
Снята главушка съ Христа,
Ровно серпикомъ съ листа,
Какъ ходили на Мамая,
Люди Божьи [3]) не хромая,
Христа Бога поминая,
Христа, сударь, Аверьяна,
Аверьяна, не буяна,
Распинали же его,
Христа Бога моего,
Какъ на полѣ Куликовскомъ,
Во наѣздіи Ростовскомъ (?)
Богу слава и держава
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

[1]) То есть Іерусалимъ. Хлысты и скопцы главнѣйшія мѣста своихъ собраній называютъ «домомъ Божіимъ», «Іерусалимомъ» и т. п.

[2]) Во время своихъ радѣній, хлысты и скопцы становятся другъ подлѣ друга, образуя кругъ. Этотъ кругъ называется «святымъ кругомъ», «святымъ кружкомъ».

[3]) Такъ называютъ сами себя хлысты.

Объ Иванѣ Емельяновѣ, у хлыстовъ Рязанской губерніи, Зарайскаго уѣзда, Московской—Серпуховскаго и въ другихъ мѣстахъ, употреблялась лѣтъ тридцать тому назадъ, слѣдующая пѣсня, по всей вѣроятности, и теперь распѣваемая на радѣніяхъ:

Грозенъ, грозенъ царь Иванушка,
Грозенъ, грозенъ сынъ Васильевскій!
Ужь поролъ же онъ, поролъ бояръ,
Ужь травилъ же ихъ медвѣдями,
А не стало и въ немъ храбрости
Супротивъ царя небеснаго,
Свѣтъ Ивана Емельяныча.
Сходилися люди Божіи
На святомъ кругу, въ Кадашевѣ,
Сокаталъ на нихъ сударь духъ святый,
Возрадѣлъ съ ними отецъ родной,
Самъ отецъ нашъ, Иванъ Емельяновичъ,
Самъ батюшка христосъ истинный,
Со двѣнадцатью апостолы,
Съ херувимами, съ серафимами,
Со ангелы, со архангелы,
И со всею силою небесною.
Спознавали людей Божіихъ
И христа царя небеснаго
Архереи іюдейскіе,
Съ патріархомъ волкомъ Никономъ (?)
Іюдейскіе—московскіе,
Предавали христа батюшку
На святую страсть, смерть вольную
Самому царю Иванушкѣ
Свѣтъ Васильевичу Грозному.
Возговорилъ царь Иванушка
Самому царю небесному:
«Въ правду ль, Ванька, молва идетъ
Что горазлъ ты пророчить сталъ»?
Отвѣщаетъ ему сударь батюшка
Своими устами пречистыми:
«Ужь ты Ванька, ты Ванька, безпутный царь,
Самъ ты Ванька людскую кровь пьешь
А мясомъ человѣчьимъ закусываешь,

Я не Ваныка,—Иванъ, да не Предтеча
А самъ спасъ, христосъ сынъ Божій».
Тутъ у царя Иванушки сердце разгорѣлось,
Хочетъ царишка спаса жезломъ прободать,
Хочетъ Иванушка пречистую плоть растерзать,
Да не стало у Иванушки силушки,
Не стало у Васильича храбрости:
Передъ нимъ самъ спасъ стоитъ,
Перстомъ правыя руки грозитъ,
Какъ на той ли на иконѣ Мануиловой,
Упадалъ тутъ земной царь передъ небеснымъ:
«Ступай, спасе, на всѣ на четыре стороны
Со всѣми своими двѣнадцатью апостолы,
Съ херувимами, съ серафимами,
Со ангелы, со архангелы,
И со всею силою небесною.
Богу слава и держава
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Изъ преданій хлыстовскихъ, вошедшихъ частію въ ихъ пѣсни, частію въ сказанія, видно, что во времена Ивана Емельянова была богородица Марья Якимовна, и что хлыстовщина содержалась кромѣ Москвы въ Киржачѣ (нынѣ заштатный городъ Владимірской губерніи) и на рѣкѣ Андомѣ. [1]).

Появленіе христовъ съ двѣнадцатью апостолами, столь обыкновенное нынѣ въ тайныхъ сектахъ, вѣроятно, бывало (какъ видно изъ приведеннаго объ Иванѣ Емельяновнѣ) и въ XVI столѣтіи. Въ первыхъ годахъ того же столѣтія такой же христосъ и также съ двѣнадцатью апостолами явился между русскими въ нынѣшней Галиціи и прошелъ въ Силезію. Вотъ разсказъ о томъ густынскаго лѣтописца: «Въ то жъ лѣто (1507) за Краковомъ собрася лестцовъ нѣкоихъ тринадесять, иже повѣдаху ся быти апостолами и единаго межи собою нарекоша христомъ, и ходиша по селамъ, безум-

---

[1]) *Письма о расколѣ*, 1862 г , стр. 58.

ныхъ лестяше, и многа чудеса хитростію твориша: въ безводныхъ озерахъ предъ людьми рыбы ловиша, прежде ихъ тамо наметавши; наемши кого да ся мертвымъ сотворитъ, донели же его воскресятъ, тако мертвыхъ воскрешаху и пр. На Шліонску же гостиша у единыя жены и поне же не хотѣ имъ дати, еже у нея прошаху, тай вложиша губку зажженну во убрусъ, отъидоша, грозяще ей помстою отъ Бога, она же не смотрѣвши, вложи обрусъ со огнемъ въ скрыню, и помалу возгорѣся ей скрыня и потомъ весь домъ изгорѣ, егда же прійде мужъ ея и глагола: «Что̀ се есть?» она же рече: «Яко христосъ мя покара, ему же не дахъ, еже мя прошаше». Мужъ же, яко, смысленнѣйшій, позна, яко лестцы бяху сіи и собравъ сосѣды и гнаше по нихъ, идѣже крѣпко ихъ биша, яко оттолѣ преста тоя лести».

Изъ этого должно заключить, что христовщина не ограничивалась въ старые годы однимъ Московскимъ государствомъ, но что лжехристы появлялись и между русскимъ населеніемъ, отдѣленнымъ отъ насъ политически. И однимъ ли русскимъ? Въ Силезіи жили хотя и славяне, но не русскіе.

III

Строгій аскетизмъ манихеевъ, существовавшій въ болгарскихъ монастыряхъ, далъ аскетическое направленіе богомиламъ. Аскетизмъ, сильно развившійся въ Россіи, особенно во времена татарскаго владычества, имѣлъ такое же вліяніе на русскія тайныя секты, отъ богомильства происшедшія. Послѣдователи ихъ, и прежніе и современные, всегда изнуряли тѣло постомъ, веригами, сильными тѣлодвиженіями, и не одними земными поклонами, которыхъ для нихъ казалось недо-

статочно, но прыжками, скаканьемъ, верченьемъ въ продолженіе долгаго времени, причемъ спирали дыханіе и такимъ образомъ доходили до состоянія восторженнаго изступленія. Замѣчательно, что эти своего рода дервиши, какъ увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, нерѣдко открываемы были въ православныхъ монастыряхъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ. Хлыстовщина постоянно имѣла не мало послѣдователей между людьми набожными, богомольными, какъ напримѣръ въ женскихъ общинахъ и въ такъ-называемыхъ «келейныхъ рядахъ» большихъ селеній, гдѣ обыкновенно живутъ старыя дѣвки и вдовы, оставившія хозяйство для богомолья и чтенія духовныхъ книгъ. Это такъ-называемыя «духовницы», сманивающія къ себѣ молодыхъ дѣвокъ, представляя имъ брачное состояніе грѣховнымъ и ведущимъ къ неизбѣжной душевной погибели. Такъ-называемые «блаженные» или «юродивые» — явленіе также самое обыкновенное въ «корабляхъ» тайныхъ сектъ.

Въ Костромской губерніи, на правомъ берегу Волги, въ Кинешемскомъ уѣздѣ, около Плеса и Рѣшмы, принадлежащихъ къ «тайнымъ сектамъ» зовутъ *купидонами*. Это испорченное слово *капитоны*. Извѣстны они и подъ именемъ *подрѣшетниковъ*. О тѣхъ и другихъ упоминаетъ еще Св. Дмитрій Ростовскій. Названіе капитоновъ было очень извѣстно въ концѣ XVII столѣтія. Нѣкоторые писатели того времени, напримѣръ, Матвѣевъ въ своихъ запискахъ о жизни своего отца и о стрѣлецкихъ бунтахъ, даже всѣхъ вообще раскольниковъ называютъ капитонами. [1]).

Купидоны считаютъ основателемъ своей секты пустынника Капитона, жившаго въ XVII столѣтіи въ Колесниковой пустыни, что была въ Костромскомъ

---

[1]) *Записки русскихъ людей*, изданіе Сахарова, Спб. 1841, 39.

уѣздѣ. О немъ мы находимъ свѣдѣнія и у церковныхъ писателей (митрополита тобольскаго Игнатія Римскаго Корсакова и Св. Димитрія митрополита Ростовскаго), и у извѣстнаго раскольничьяго писателя князя Семена Денисовича Мышецкаго. Капитонъ училъ еще до совершившагося въ церкви раскола старообрядства, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, которому, по увѣренію Семена Денисовича, былъ лично извѣстенъ. Капитонъ былъ такой строгій постникъ, что даже въ Свѣтлое Воскресенье не дозволялъ ни себѣ, ни ученикамъ своимъ употребленія какой-либо пищи, кромѣ хлѣба, сѣменъ и ягодъ, и вмѣсто красныхъ пасхальныхъ яицъ, христосовался луковицами. Семенъ Денисовичъ, почитавшій Капитона своимъ (то-есть, безпоповцемъ), упоминаетъ, что онъ *былъ пророкомъ*: «пророческихъ дарованій преизобильно богатство почерпе, предняя яко задняя, дальная яко ближняя непогрѣшительно возвѣщаше.» [1]). Въ состояніи самообольщенія своей святости, Капитонъ въ самомъ дѣлѣ почиталъ себя необыкновеннымъ угодникомъ и вслѣдствіе того, по словамъ Димитрія Ростовскаго, «начатъ презирати чинъ духовный и не хотяше принимати благословенія отъ лицъ духовныхъ: тоже начатъ новое изобрѣтати ученіе и вѣру по своему зломудрію и творити расколы и раздоры въ церкви Христовой, веля чуждатися соединенія церковнаго и благословенія іерейскаго». [2]). Все это было еще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, задолго до никоновскаго исправленія богослужебныхъ книгъ, послужившаго поводомъ къ открытому отпаденію такъ-называемыхъ старообрядцевъ отъ единенія съ православною церковью.

---

[1]) Семена Денисова, *Россійскій виноградъ*. рукопись.
[2]) Св. Димитрія Ростовскаго, *Розыскъ*, Москва, изданіе 1855 г. стр. 371.

Когда началась церковная смута по поводу этого исправленія, Капитонъ объявилъ новыя книги еретическими и Богу неугодными. Правительство, узнавъ о томъ, сочло Капитона за обыкновеннаго раскольника-старообрядца, подобнаго Аввакуму, Никитѣ и ихъ единомышленникамъ, и потребовало его къ суду. Узнавъ о томъ заблаговременно, Капитонъ бѣжалъ изъ Колесниковой пустыни въ лѣса Вязниковскіе и тамъ, не открытый правительствомъ, жилъ долго, распространяя свою аскетическую, близкую къ хлыстовщинѣ, секту, и умеръ не отысканный. Онъ не дошелъ до того, чтобъ объявить себя христомъ, но проложилъ къ этому путь ученикамъ своимъ. Замѣтимъ при этомъ, что «купидоны» (равно и подрѣшетники) тѣмъ отличаются отъ прочихъ отраслей хлыстовщины, что уважаютъ только старыя дониконовскія книги, какъ и старообрядцы, хотя, подобно принадлежащимъ къ другимъ хлыстовскимъ кораблямъ, и говорятъ, что все писаніе есть только «ученіе внѣшнее», еще недостаточное для спасенія и приближенія къ Богу, Котораго-де можно достичь лишь посредствомъ чтенія «книги животной», находящейся въ сердцѣ человѣческомъ, и посредствомъ пребыванія во «внутренней церкви», которая «не въ бревнахъ, а въ ребрахъ». Предпочтеніе дониконовскихъ книгъ новымъ, отличающее секты «купидоновъ» и «подрѣшетниковъ» отъ другихъ подобныхъ имъ, можно объяснить тѣмъ, что основатель ихъ ученія вступился за старыя книги во время замѣны ихъ новоисправленными.

У Капитона было нѣсколько учениковъ, пребывавшихъ съ нимъ въ пустыни. Въ числѣ ихъ былъ Ефимъ [1])

---

1) Или Ефремъ. Въ находящейся у насъ рукописи о купидонахъ (новѣйшаго письма и состава—сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія) написано неразборчиво. Въ ней прозваніе его не Подрѣшетниковъ, а Подрѣшетникъ.

Подрѣшетниковъ. О немъ также упоминаетъ Св. Димитрій Ростовскій. «Въ тѣ же времена, говоритъ онъ въ своемъ *Розыскѣ*, въ уѣздахъ Кинешемскихъ и Рѣшемскихъ и на Плесѣ, явишася иніи раскольники, глаголемые *подрѣшетники*, нареченные тако отъ учителя своего, его же имѣяху нѣкоего поселянина, прозываемаго Подрѣшетниковъ, иже преслѣдуя ересіарху Капитону, учаше людей не ходити въ церковь Божію, ни отцовъ духовныхъ имѣти, ни къ благословенію іерейскому приходити, и всѣхъ таинствъ церковныхъ чуждатися. Тіи сами въ домѣхъ своихъ творяху нѣкія церковныя службы по чину іерейскому, не освященни бывше, и младенцы крещаху (?), причастіе же у нихъ бяше нѣкое волшебное, не хлѣбъ, но ягоды, изюмъ глаголемыя, чарованіемъ напоенныя (мы встрѣтимся съ этимъ волшебнымъ причастіемъ и въ другихъ тайныхъ сектахъ), ихъ же причащахуся чиномъ таковымъ: изберутъ отъ между себя едину дѣвку (это мать-сыра-земля, какъ увидимъ впослѣдствіи), и въ подполье избы введшею, въ цвѣтное платье нарядятъ, та по часѣ выходитъ изъ подполья, носяще на главѣ своей рѣшето, покрытое чистымъ платомъ. въ рѣшетѣ же ягоды изюмъ; а въ избѣ множество собравшихся мужей и женъ, и дѣтей. Вышедши убо изъ подполья дѣвка съ рѣшетомъ, на главѣ ся носимомъ, глаголетъ по подобію іерейскому: «всѣхъ васъ да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ (вѣкомъ?).» Они же поклонившись, отвѣщаютъ: «аминь». Сіе же дѣвка оная глаголетъ трижды, и они трижды «аминь» отвѣщеваютъ. И потомъ дѣвка та дастъ имъ то богохульное приношеніе, вмѣсто причащенія святыхъ таинъ: вкусившіе же отъ тѣхъ ягодъ абіе желаютъ себѣ смерти, аки бы за Христа, сожещися или удавитися, или въ водѣ утопитися, аки изступльшіе отъ ума; и многіе тако сами себя по-

губили.» [1]). О волшебномъ причастіи въ видѣ изюма или клюквы, въ видѣ особыхъ шариковъ, упоминаетъ не разъ Св. Димитрій Ростовскій въ своемъ *Розыскѣ*, говоря, что вслѣдствіе этого очарованнаго яства люди впадали въ самоизступленіе. Такъ въ его епархіи, въ Пошехонскомъ уѣздѣ, около 1700 года, сожглись 1.920 человѣкъ въ Бѣлосельской волости, прихода Пятницкаго, не считая множества людей сожженныхъ въ окрестныхъ селахъ и деревняхъ. Во время этихъ самосожигательствъ пріѣхалъ въ свою вотчину, Бѣлосельскую волость, князь Иванъ Ивановичъ Голицынъ уговаривать своихъ крестьянъ, чтобы перестали сожигаться. А жглись тѣ люди, говоритъ Святой Димитрій, со словъ мѣстнаго священника Игнатія, по наущенію крестьянина деревни Холма, Ивана Десятины. Когда онъ былъ приведенъ къ князю Голицыну, у него выпали изъ платья «три ягоды дѣланныя отъ нѣкія муки, величествомъ подобны клюквѣ». Десятина сталъ было ногою растирать эти ягоды, но крестовый (домашній) попъ князя Голицына, съ ними бывшій, успѣлъ поднять одну ягоду, растеръ ее пальцами на хлѣбѣ и бросилъ собакѣ. Собака взбѣсилась и бросилась въ огонь, разведенный на дворѣ. Крестовый попъ вздумалъ попробовать ягоду, «хотя вкусъ ея увѣдати, и абіе сотворися внѣ ума». Его свели въ поварню, гдѣ готовили князю обѣдъ, попъ бросился въ печь, сжегъ себѣ волосы и бороду, но былъ вытащенъ изъ огня. Пробывъ безъ ума цѣлыя сутки, онъ потомъ разсказывалъ: «егда меня въ подклѣтъ введоша, показася мнѣ пещь, яко рай, а устіе пещи яко дверь райская. Въ пещи же, во огнѣ видѣхъ пресвѣтлыя юноши, иже призываху мя къ себѣ, глаголюще «пойди къ намъ», азъ же абіе къ нимъ вергохся». [2]).

---

[1]) *Розыскъ*, изданіе 1855 стр. 571, 572.

[2]) *Розыскъ*, изданіе 1855 стр. 586 и 587.

Все это очень похоже на извѣстнаго рода сказки о волшебствахъ, колдунахъ и вообще о неестественномъ. Но нельзя рѣшительно отвергать, чтобы во всѣхъ этихъ разсказахъ не было чего-нибудь и правдоподобнаго. Если у послѣдователей тайныхъ сектъ ближайшаго къ намъ времени находили какія-то одуряющія снадобья, въ родѣ опія или хашиша, почему же не допустить, что какой-нибудь дурманъ былъ въ употребленіи у подрѣшетниковъ XVII столѣтія? Самый хашишъ и опій, тогда уже распространенные на мусульманскомъ Востокѣ, могли привозиться въ Россію Армянами, которыхъ со времени царя Алексѣя Михайловича было уже не мало, не только въ Астрахани и Казани, но и въ самой Москвѣ, и которые, какъ извѣстно изъ современныхъ документовъ, постоянно торговали всякими запретными товарами.

Крестьянинъ Юрьевскаго уѣзда, Данило Филипповъ, также былъ въ числѣ учениковъ Капитона, но въ которой пустыни, въ Колесниковой или въ Вязниковской, преданія хлыстовъ не упоминаютъ. Во время сильныхъ споровъ о томъ, по старымъ или по новымъ книгамъ можно спастись, Данило Филипповичъ, уже имѣвшій собственныхъ учениковъ, рѣшилъ, что ни тѣ, ни другія никуда не годятся и что для спасенія души необходима одна:

Книга золотая,
Книга животная,
Книга голубиная:
Самъ, сударь, Духъ Святой.

Онъ училъ, что надо молиться духомъ, и что при такомъ только моленіи въ человѣка можетъ вселиться Духъ Божій. Хлысты разсказываютъ, что ихъ учитель, въ доказательство ненужности и старыхъ, и новыхъ книгъ, собралъ тѣ и другія въ одинъ куль,

положилъ въ него для груза камней и бросилъ въ Волгу.

Черезъ нѣсколько времени Данило Филипповичъ является въ окрестностяхъ Стародуба [1]), находившагося въ тогдашнемъ Муромскомъ уѣздѣ. Въ Стародубской волости, въ приходѣ Егорьевскомъ, говорятъ хлысты, на гору Городину [2]), среди ангеловъ и архангеловъ, херувимовъ и серафимовъ, въ огненныхъ облакахъ, въ огненной колесницѣ, сошелъ съ небесъ во славѣ своей самъ Господь Саваоѳъ. Силы небесныя вознеслись назадъ, на небо, а Саваоѳъ остался на землѣ въ образѣ человѣческомъ, воплотясь въ Даниле Филипповичѣ. Съ этого времени Данилъ Филипповичъ пересталъ быть человѣкомъ, а сдѣлался «живымъ богомъ», и сталъ называться *верховнымъ гостемъ*, *превышнимъ богомъ*, *богатымъ гостемъ*. Признавшіе его «живымъ богомъ» стали именоваться *людьми божіими*. Такъ хлысты и до сихъ поръ называютъ себя.

Лжесаваоѳъ водворился въ деревнѣ Старой, неподалеку отъ Костромы. Сюда сходились къ нему для отправленія своихъ обрядовъ «люди божіи». Домъ, въ которомъ онъ жилъ, названъ былъ *домомъ божіимъ*. Городъ Кострома, неподалеку отъ которой поселился «верховный гость», получилъ отъ его послѣдователей названіе *Горняго Іерусалима*, а также *городъ Кострома верховная сторона*. Черезъ нѣсколько времени лжесаваоѳъ, какъ разсказываютъ хлысты, перенесъ «божій домъ» изъ деревни Старой въ Кострому.

Потопленіе Даниломъ Филипповичемъ книгъ въ Волгѣ, по сказаніямъ послѣдователей хлыстовщины,

---

[1]) На рѣкѣ Клязьмѣ, въ нынѣшнемъ Ковровскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи. Теперь онъ извѣстенъ подъ названіемъ Клязьмскаго городка.

[2]) Село Егорій на рѣкѣ Вязьмѣ и деревня Городина на р. Уводи, въ Ковровскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи, близь Ивановской желѣзной дороги.

было уже послѣ чуда, совершившагося на горѣ Городинѣ. Не имѣя земного начала, разсказываютъ они, «верховный гость, Данило Филипповичъ» отъ Духа Святого получилъ наставленія, что̀ надо проповѣдывать земнороднымъ и творилъ чудеса. По наставленію Святого Духа, говорятъ они, Данило Филипповичъ утопилъ и книжное писаніе, не велѣвъ людямъ имѣть книжное ученіе, и заповѣдалъ во всемъ руководствоваться единственно его словами и тѣми вдохновенными рѣчами, что̀ скажутъ на радѣніяхъ пророки, пребывая въ «духѣ» [1]).

Вотъ двѣнадцать заповѣдей, данныхъ, по словамъ хлыстовъ, Даниломъ Филипповичемъ ученикамъ своимъ:

1. Азъ есмь богъ, пророками предсказанный, сошелъ на землю для спасенія душъ человѣческихъ. Нѣсть другого бога, кромѣ меня.

2. Нѣтъ другого ученія. Не ищите его.

3. На чемъ поставлены, на томъ и стойте.

4. Храните божьи заповѣди и будете вселенныя ловцы.

5. Хмѣльного не пейте, плотскаго грѣха не творите.

6. Не женитесь, а кто женатъ, живи съ женою какъ съ сестрой. Неженимые не женитесь, женимые разженитесь.

7. Скверныхъ словъ и скверногловія [2]) не говорите.

8. На свадьбы и крестины не ходите, на хмѣльныхъ бесѣдахъ не бывайте.

9. Не воруйте. Кто единую копѣйку украдетъ, тому копѣйку положатъ на томъ свѣтѣ на темя, и

---

1) То есть въ состояніи восторженнаго изступленія, до котораго доходятъ они на радѣніяхъ.

2) Подъ скверными словами хлысты разумѣютъ извѣстныя русскія ругательства, подъ скверногловіемъ—упоминаніе словъ: діаволъ, чортъ, бѣсъ и т. п.

когда отъ адскаго огня она растопится, тогда только тотъ человѣкъ прощеніе пріиметъ.

10. Сіи заповѣди содержите въ тайнѣ, ни отцу, ни матери не объявляйте, кнутомъ будутъ бить и огнемъ жечь—терпите. Кто вытерпитъ, тотъ будетъ вѣрный, получитъ царство небесное, а на землѣ духовную радость.

11. Другъ къ другу ходите, хлѣбъ-соль водите, любовь творите, заповѣди мои храните, бога молите.

12. Святому духу вѣрьте [1]).

Продолжаемъ преданія хлыстовъ объ ихъ «живыхъ богахъ», преданія, отличающіяся дикостію разгоряченнаго воображенія, нелѣпостями, превосходящими одна другую своею чудовищностью, но тѣмъ не менѣе составляющими предметъ несомнѣнной вѣры послѣдователей тайныхъ сектъ. Не думаемъ, чтобъ эти сказанія были принимаемы на вѣру образованными людьми, которые въ нынѣшнемъ уже столѣтіи вошли въ тайныя секты, но что они считали христовъ и богородицъ за людей, святою жизнію своею пріобрѣвшихъ особенную благодать,—это сомнѣнію не подлежитъ.

За пятнадцать лѣтъ до сошествія на гору Городину «господа саваоѳа», разсказываютъ хлысты, родился сынъ божій, христосъ Иванъ Тимофеевичъ Сусловъ. Родился онъ въ Муромскомъ уѣздѣ въ селѣ Максаковѣ, принадлежавшемъ тогда Нарышкинымъ, отъ богородицы Арины Нестеровны. Ей было сто лѣтъ, когда она родила Ивана Тимоѳеевича. Такое чудо указало будто бы людямъ на то, что родился въ міръ не простъ человѣкъ, а самъ христосъ сынъ бога вышняго. Когда Ивану Тимоѳеевичу исполнилось тридцать

[1]) Сказаніе о Данилѣ Филипповичѣ и заповѣди его заимствованы изъ формальнаго дѣла, производившагося въ 1845 и 1846 годахъ объ открытыхъ въ Москвѣ хлыстахъ корабля пророка Евграфова.

лѣтъ, былъ онъ позванъ верховнымъ гостемъ, Данилой Филипповичемъ, въ Кострому. Въ деревнѣ Старой «богатый верховный гость» сдѣлалъ его «живымъ богомъ» и «далъ ему божество». Для этого три дня сряду, при свидѣтеляхъ, онъ возносилъ его съ собою на небеса. Послѣ того Иванъ Тимоѳеевичъ, по велѣнію отца своего, вышняго бога, Данилы Филипповича, возвратился въ свои мѣста на берега Оки. Здѣсь однимъ изъ главнѣйшихъ его притоновъ было село Павловъ Перевозъ [1]). Переходя изъ села въ село, изъ деревни въ деревню, Иванъ Тимоѳеевичъ распространялъ ученіе верховнаго гостя, заключающееся въ приведенныхъ заповѣдяхъ. Съ нимъ жила дѣвица, очень красивая собой, она почиталась «дочерью живаго бога» и «богородицею». По свидѣтельству Св. Димитрія Ростовскаго, она была родомъ изъ села Ландиха, посадскаго человѣка дочь [2]). Кромѣ богородицы, по тому же свидѣтельству, были у Ивана Тимоѳеевича и двѣнадцать апостоловъ. Какъ и апостолы закраковскаго христа 1507 года, они ходили по селамъ и деревнямъ и «проповѣдывали христа, акибы истинаго, простымъ мужикамъ и бабамъ, и кого прельстятъ, приводили къ нему на поклоненіе, а кланялись ему безъ крестнаго

---

[1]) Нынѣ село Павлово, Горбатовскаго уѣзда Нижегородской губерніи на правомъ берегу Оки, принадлежащее графу Шереметеву и извѣстное обширнымъ производствомъ стальныхъ издѣлій, которыя по имени села называются въ торговлѣ «павловскими издѣліями».

[2]) *Розыскъ*, изд. 1855 г., т. III, стр. 599. Большія торговыя села Верхній Ландихъ и Нижній Ландихъ, нынѣ въ Гороховецкомъ уѣздѣ Владимірской губерніи. Это бывшая вотчина князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, куда пріѣзжали къ нему нижегородскіе послы звать въ ополченіе. Стародубская волость, гдѣ появился лжесаваоѳъ, также была вотчиной князей Пожарскихъ. Въ *Розыскѣ* о богородицѣ изъ Ландеха Св. Димитрій Ростовскій говоритъ слѣдующее: «а водитъ съ собою (лжехристосъ) дѣвицу краснолицу и зоветъ ю матерію себѣ, а вѣрующіе въ него зовутъ ю богородицею, а дѣвица та родомъ Русская изъ Нижегородскаго уѣзда села Ландюха посадскаго человѣка дочь».

знаменія»[1]). Монахъ Пахомій разсказывалъ Св. Димитрію Ростовскому, что слышалъ онъ отъ очевидца, приведеннаго однимъ изъ учениковъ лжехриста къ нему на поклоненіе, слѣдующее: «Бѣ тогда той христосъ на рѣкѣ Волгѣ, въ село Работки, глаголемомъ[2]) за Нижнимъ Новгородомъ, верстъ сорокъ по Волгѣ внизъ. Есть же въ томъ селѣ на брезѣ рѣки церковь вѣтха и пуста, и собрашися тогда къ нему людіе, вѣрующіе въ онь, на мольбу къ церкви оной. Изыде же христосъ оный изъ алтаря къ людямъ въ церковь и въ трапезу, и зряшеся на главѣ его нѣчто велико оберчено по подобію вѣнца на иконахъ пишемаго, и нѣкія малыя лица красныя, по подобію птицъ, летаху около главы его, ихъ же глаголютъ быти херувимами (намъ же мнится, яко или бѣси въ подобіяхъ таковыхъ мечтательно людямъ зряхуся, или красками писаны были херувимы на пищей бумагѣ и окрестъ вѣнца прицѣплены). Сѣдшу же ему вси люди тамо собравшіеся поклонишася тому до земли, аки истинному Христу, и кланяхуся непрестанно молящеся на многъ часъ, дондеже изнемощи имъ до молитвы. Въ молитвѣ же взываху къ нему овіи: «господи, помилуй мя!» глаголюще овіи же: «о, создателю нашъ, помилуй насъ». Онъ же къ нимъ пророческая нѣкая словеса глаголаше, сказующи, что̀ будетъ, каковое воздуха премѣненіе, и утверждаше ихъ вѣрити въ онь несу-

---

1) *Розыскъ*, изд. 1855 г., т. III, стр. 599. Впослѣдствіи въ большей части хлыстовскихъ кораблей, а также и въ происшедшихъ отъ нихъ скопческихъ, стали креститься, но обѣими руками вдругъ. Они объясняютъ причину этого обряда слѣдующимъ образомъ: «молитва есть возношеніе на небо, яко мысленныя птицы, пареніе руки же со крестомъ крылья той птицы. А какая птица однимъ правымъ крыломъ летаетъ? Надо летать обоими крылами, то-есть креститься обѣими руками».

2) Село Работки, на Волгѣ, Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губерніи, по-нынѣшнему 60 верстъ отъ Нижняго.

мнѣнно» [1]). Это первое по времени прямое и положительное указаніе на существовавшую у насъ издавна хлыстовщину, которую Св. Димитрій называетъ «христовщиной». Книга, изъ которой мы заимствовали сейчасъ приведенный разсказъ, писана была между 1702 годомъ, когда авторъ ея назначенъ на ростовскую митрополію, и 1709, когда онъ скончался. «Выходитъ, съ самыхъ первыхъ годовъ прошлаго XVIII столѣтія, говоритъ покойный Надеждинъ [2]), описанная здѣсь секта слыла уже существующею и притомъ въ такомъ видѣ, который предполагаетъ нѣкоторую продолжительность ея существованія; ибо даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ упоминаемый здѣсь лжехристосъ былъ первый въ своемъ родѣ зачинщикъ дѣла дотолѣ небывалаго, ему все-таки надо было время и время, чтобы пріобрѣсть вліяніе, какое онъ представляется уже имѣвшимъ, внушить къ себѣ столь чудовищное довѣріе, завестись лжебогородицею и лжеапостолами. Такимъ образомъ уже то одно, что такой разсказъ могъ состояться и дойти до свѣдѣнія святого Димитрія, указываетъ на присутствіе у насъ секты христовщины, по меньшей мѣрѣ, съ конца XVII столѣтія. Что святой Димитрій записалъ этотъ разсказъ вѣрно, какъ принялъ его, хотя уже и изъ вторыхъ рукъ, но со словъ очевидца, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія даже и для той разборчивости, которая въ святости сана и жизни писателя видѣла бы больше поводовъ подозрѣвать, чѣмъ довѣрять безусловно. Собственное свое примѣчаніе «о херувимахъ, летавшихъ будто бы вокругъ головы лжехриста, при явленіи его поклонникамъ», святой писатель помѣстилъ отдѣльно

---

[1]) *Розыскъ.* Изданіе 1855 г., III, 599—600.

[2]) Корректурный листъ, о которомъ выше сказано.

отъ того [1]), что̀ передавалъ со слуха. Но до какой степени самый этотъ слухъ могъ быть истиннымъ? Конечно, крайняя осторожность потребна при оцѣнкѣ вѣроятія народной молвы, особенно когда молва эта касается предметовъ вѣры, наиболѣе раздражающихъ народное воображеніе: извѣстны нелѣпыя сказки и клеветы, которыя во всѣ времена и у всѣхъ народовъ пропускались вслѣдствіе религіозныхъ пристрастій. Но вотъ новое, весьма любопытное свидѣтельство, въ которомъ нельзя не признать болѣе или...» На этомъ корректурный листъ покойнаго Надеждина прекращается, но, судя по оглавленію первой главы, здѣсь непосредственно долженъ былъ слѣдовать разсказъ изъ *Густынской Лѣтописи* о закраковскомъ лжехристѣ, и, конечно, тотъ выводъ, что христовщина существовала въ русскомъ народѣ гораздо ранѣе конца XVII вѣка.

Возвращаемся къ сказаніямъ хлыстовъ. Когда «истинная вѣра людей божіихъ» отъ проповѣди Ивана Тимоѳеевича Суслова, съ его богородицей и двѣнадцатью апостолами, стала распространяться, дошло будто бы о томъ до вѣдома царя Алексѣя Михайловича. По его велѣнію, Ивана Тимоѳеевича схватили съ сорока учениками и привезли въ Москву. Здѣсь подвергли ихъ розыску, и самого Суслова и учениковъ его пытали. Одному ему было дано столько кнутовъ, сколько всѣмъ сорока ученикамъ вмѣстѣ, но судьи ничего ни отъ него, ни отъ учениковъ не узнали, никто изъ нихъ ни слова не сказалъ, въ чемъ состоитъ ихъ ученіе. Тогда будто бы царь Алексѣй Михайловичъ велѣлъ ихъ допрашивать самому патріарху Никону, но и тотъ ни въ чемъ не успѣлъ, не открыли ему своей вѣры Иванъ Тимоѳеевичъ и ученики его.

---

[1]) Въ скобкахъ.

Передалъ ихъ царь Морозову, самому ближнему своему бояриму. Морозовъ будто бы понялъ святость Ивана Тимоѳеевича и уклонился отъ дальнѣйшаго производства дѣла подъ предлогомъ болѣзни. Оно передано было князю Одоевскому (Никитѣ Ивановичу?), который въ московскомъ Кремлѣ на Житномъ дворѣ, гдѣ поставлена потомъ церковь Благовѣщенія, пыталъ Ивана Тимоѳеевича. Жегъ его князь Одоевскій на маломъ огнѣ, повѣсивъ на желѣзный прутъ, потомъ жегъ въ большихъ кострахъ. Но огонь его не касался, и съ Житнаго двора Иванъ Тимоѳеевичъ вышелъ ничѣмъ не вредимъ. Послѣ того пытали его на Красной площади, у Лобнаго мѣста, наконецъ распяли на кремлевской стѣнѣ, подлѣ Спасскихъ воротъ, идя въ Кремль направо, гдѣ послѣ того была поставлена часовня. Когда Иванъ Тимоѳеевичъ испустилъ духъ, приставленная стража изъ стрѣльцовъ сняла его со креста въ четвергъ, а въ пятницу похоронили его на Лобномъ мѣстѣ въ могилѣ со сводами. Съ субботы же на воскресенье онъ воскресъ при свидѣтеляхъ и явился ученикамъ своимъ въ подмосковномъ селѣ Пахрѣ. Здѣсь онъ попрежнему училъ людей божіихъ. Опять свѣдалъ про него царь Алексѣй Михайловичъ, опять велѣлъ взять въ Москву на муки. Снова былъ преданъ Иванъ Тимоѳеевичъ страшнымъ пыткамъ и снова распятъ на крестѣ, на томъ же самомъ мѣстѣ, у Спасскихъ воротъ. Тутъ съ него содрали кожу, но одна изъ учениць его покрыла тѣло чистою простыней, и произошло чудо: простыня обратилась въ новую кожу, и Иванъ Тимоѳеевичъ опять остался ничѣмъ невредимъ. Однако умеръ во второй разъ на крестѣ, но во второй разъ и воскресъ на третій день, также въ воскресенье. Съ того времени онъ пріобрѣлъ еще больше послѣдователей. Они звали его «стародубскимъ христомъ». Молва усилилась, и Сусловъ въ третій разъ

былъ взятъ по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича и въ третій разъ обреченъ на мученія. Это случилось, говорятъ хлысты, въ то самое время, какъ царицѣ Натальѣ Кириловнѣ пришло время разрѣшиться отъ бремени царевичемъ Петромъ Алексѣевичемъ (стало быть, въ 1672 году). Царицѣ было пророчество, что она въ такомъ лишь случаѣ разрѣшится благополучно, если освободятъ отъ мукъ Ивана Тимоѳеевича. Царь велѣлъ его освободить.

Съ тѣхъ поръ Иванъ Тимоѳеевичъ, говорятъ хлысты, тридцать лѣтъ прожилъ въ Москвѣ спокойно, распространяя тайное ученіе людей божіихъ (стало-быть, до 1702 года). Московскій «домъ божій», устроенный имъ по подобію костромского горняго Іерусалима Данилы Филипповича, находился за Сухаревою башней, на мѣстѣ, принадлежавшемъ князю Михаилу Яковлевичу Черкасскому, и названъ былъ Новымъ Іерусалимомъ. Сюда въ 1699 году пришелъ изъ Костромы къ «возлюбленному сыну своему» Ивану Тимоѳеевичу господь саваоѳъ, верховный гость, Данило Филипповичъ, на сотомъ году своей жизни. Здѣсь онъ много бесѣдовалъ съ сыномъ своимъ за столомъ, который до 1845 года, какъ святыня, сохранялся у московскихъ хлыстовъ [1]). По разсказамъ ихъ, изъ этого дома 1-го января 1700 года, въ Васильевъ день, Данило Филипповичъ, послѣ долгаго радѣнія, въ виду всѣхъ собравшихся въ Новый Іерусалимъ хлыстовъ, вознесся на небо. Потому, говорятъ они, съ этого дня и стали считать Новый годъ. Вскорѣ послѣ вознесенія Данила Филипповича, Иванъ Тимоѳеевичъ долженъ былъ бѣжать изъ Москвы.

[1]) Онъ поступилъ въ кабинетъ раскольничьихъ вещей въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. На одной доскѣ стола написаны были портреты Данилы Филипповича и Ивана Тимоѳеевича въ видѣ образовъ. Тамъ же взяты вериги Ивана Тимоѳеевича и другіе предметы почитанія хлыстовъ.

Таковы разсказы хлыстовъ про ихъ старыхъ «живыхъ боговъ». Несмотря на ихъ сказочность, можно, однако, заключить изъ нихъ, что въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій производились объ ихъ сектѣ розыски. Сохранились ли они въ архивахъ—не знаемъ. Было бы весьма любопытно сопоставить заключающіяся въ нихъ свѣдѣнія съ приведенными сказаніями тайныхъ сектаторовъ.

Иванъ Тимоѳеевичъ Сусловъ изъ Москвы ходилъ по разнымъ мѣстамъ, въ томъ числѣ и въ Воскресенскій монастырь, именуемый Новымъ Іерусалимомъ. Здѣсь успѣлъ онъ совратить въ хлыстовщину нѣсколько монаховъ изъ самыхъ набожныхъ и благочестивыхъ. Чрезъ нихъ, можетъ-быть, познакомился онъ съ сосѣднимъ помѣщикомъ села Козьмо-демьянскаго, княземъ Еѳимомъ Васильевичемъ Мещерскимъ. Этотъ князь Мещерскій, по Головнымъ [1]) родственникъ княгини Троекуровой и Лопухиныхъ и заключенной въ Суздалѣ царицы Авдотьи Ѳедоровны, принадлежалъ къ противникамъ Петровыхъ преобразованій. Онъ находился въ военной службѣ во время несчастнаго похода подъ Нарву; счастливымъ случаемъ избѣжалъ во время всеобщаго пораженія смерти, и возвратясь въ Москву, сталъ вести жизнь уединенную и созерцательную. Приписывая избавленіе свое отъ смерти висѣвшей у него на шеѣ во время битвы иконы Смоленской Богородицы, князь Мещерскій въ своемъ селѣ

---

[1]) Родная сестра князя Еѳима Васильевича Мещерскаго, княжна Марья Васильевна, была за Васильемъ Петровичемъ Головнымъ, двоюроднымъ братомъ Авдотьи Матвѣевны Головиной, бывшей за Александромъ Петровичемъ Лопухинымъ. Сестра царицы Авдотьи Ѳедоровны, княгиня Настасья Ѳедоровна Троекурова, была во главѣ московской женской оппозиціи противъ нововведеній Петра, не надѣвала нѣмецкаго платья и т. п. Въ домѣ ея часто бывали юродивые и кликуши, въ числѣ которыхъ легко могли быть и хлысты.

Козьмодемьянскомъ построилъ моленную съ крестообразными окнами, подвѣсилъ къ ней стеклянный колоколъ съ такимъ же языкомъ и поставилъ туда икону, передъ которою самъ отправлялъ службы, и кромѣ того, какъ носилась молва, занимался изгнаніемъ духовъ изъ бѣсноватыхъ посредствомъ хлыстанья ихъ деревянными четками и кропленія водой. Къ нему цѣлыми сборищами ходили хлысты. Князь былъ женатъ, жену его звали княгиней Авдотьей; изъ какого она рода, не знаемъ.

Пятнадцать лѣтъ Иванъ Тимоѳеевичъ не бывалъ въ Москвѣ, скрываясь по разнымъ мѣстамъ у своихъ учениковъ. Наконецъ, удостовѣрясь, что въ Москвѣ про хлыстовъ забыли и преслѣдованій больше нѣтъ, возвратился онъ въ свой Новый Іерусалимъ, за Сухареву башню и, можетъ-быть, для того, чтобы не возбуждать вниманія тогдашней полиціи, не поселился въ томъ домѣ, гдѣ бесѣдовалъ съ верховнымъ гостемъ Данилой Филипповичемъ, а выстроилъ противъ него другой маленькій домикъ, который сдѣлался вторымъ московскимъ «божьимъ домомъ». Живя здѣсь, Сусловъ распространилъ свое ученіе въ монастыряхъ московскихъ—женскихъ: Вознесенскомъ, Рождественскомъ, Ивановскомъ, Новодѣвичьемъ и Варсонофьевскомъ, и въ мужскихъ: Симоновомъ и Высокопетровскомъ, что̀ обнаружилось чрезъ нѣсколько лѣтъ произведенными о хлыстахъ формальными слѣдствіями. Проживъ въ Москвѣ около трехъ лѣтъ, Иванъ Тимоѳеевичъ, по словамъ хлыстовъ, при многихъ свидѣтеляхъ вознесся на небо. Бездыханное же тѣло его осталось на землѣ и было погребено при церкви Николы въ Драчахъ. Онъ не взялъ на небо своего тѣла, какъ отецъ его Данила Филипповичъ, потому, говорятъ хлысты, что, будучи воплощеннымъ сыномъ божіимъ, хотѣлъ показать примѣръ благочестиваго смиренія и терпѣнія на

землѣ. Тѣло его недолго оставалось подлѣ Никольской церкви. Приверженцы его вскорѣ исходатайствовали перенесеніе останковъ своего христа въ женскій Ивановскій монастырь, гдѣ среди иночествовавшихъ было уже не мало послѣдовательницъ хлыстовщины. Надъ новою могилой лжехриста поставленъ былъ памятникъ, на которомъ надпись гласила, что тутъ погребенъ святой угодникъ Божій. Около двадцати лѣтъ былъ цѣлъ этотъ памятникъ съ надписью о святости лжехриста. Съ бренными останками Ивана Тимоѳеевича Суслова, какъ увидимъ, случилось еще не мало происшествій и послѣ перенесенія ихъ въ обитель Ивановскихъ монахинь-хлыстовокъ

IV

По смерти Ивана Тимоѳеевича, у московскихъ хлыстовъ мѣсто его заступилъ нижегородскій стрѣлецъ Прокопій Даниловичъ Лупкинъ. Говорятъ, онъ былъ роднымъ сыномъ Данилы Филипповича [1]). Вотъ что извѣстно объ этомъ человѣкѣ изъ дѣлъ офиціальныхъ [2]). Онъ былъ лжехристомъ съ 1713 года до смерти своей, послѣдовавшей въ 1732 году. Сначала служилъ онъ въ стрѣлецкомъ полку Венедикта Андреевича или Мироновича Батурина и участвовалъ въ двухъ азовскихъ походахъ. Послѣ того полкъ Батурина перешелъ изъ Азова въ Москву, откуда, по прошествіи года, снова отправленъ въ Азовъ на смѣну четырехъ полковъ, отправлявшихся въ Великіе Луки. По прі-

---

[1]) У хлыстовъ есть родословная потомства Данилы Филипповича. Всѣ потомки его были христами, пророками, богородицами и пророчицами. Послѣдняя въ родѣ богородица Устинья Васильевна была взята въ 1848 году въ Костромской губерніи и заключена въ Уфимскій женскій монастырь, гдѣ и умерла.

[2]) Дѣло о московскихъ хлыстахъ, произведенное въ 1745 году.

ѣздѣ въ Азовъ царя Петра Алексѣевича въ 1695 году, стрѣльцовъ Батурина полка велѣно было распустить по городамъ въ посады, въ какой кто пожелаетъ. Лупкинъ записался въ Нижній-Новгородъ и жилъ тамъ нѣсколько лѣтъ. Въ походъ подъ Нарву въ началѣ шведской войны велѣно было всѣхъ стрѣльцовъ Батурина полка, годныхъ къ службѣ, выслать въ полки. Въ это время Лупкинъ, по разбору нижегородскаго воеводы Нелидова, оставленъ былъ «якобы за скорбію» на мѣстѣ жительства въ Нижнемъ. Въ 1710 году всѣмъ стрѣльцамъ, проживавшимъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, велѣно было явиться въ Москву, въ приказъ земскихъ дѣлъ, куда явился и Лупкинъ 17-го августа 1710 года. По осмотру Кирилла Лаврентьевича Чичерина, отставленъ вовсе отъ службы «за падучею болѣзнію» и отпущенъ обратно въ Нижній съ паспортомъ, но неизвѣстно, остался ли онъ съ тѣхъ поръ въ Москвѣ или жилъ еще нѣкоторое время въ Нижнемъ, а потомъ явился въ Москвѣ. Изъ дѣлъ видно, что въ 1714 году онъ былъ уже въ Москвѣ, но и въ 1717 году еще не имѣлъ въ ней собственнаго дома, а жилъ въ Нижнихъ Садовникахъ, на постояломъ дворѣ оброчнаго крестьянина графа Бориса Петровича Шереметева, Ивана Ѳедорова большого Соколова, содержавшаго секту людей божіихъ. Этотъ Соколовъ доводился Лупкину племянникомъ. Въ 1723 году Лупкинъ имѣлъ уже въ Москвѣ свой домъ за Яузой въ Таганкѣ. Онъ умеръ 9-го ноября 1732 года, а 12-го того же мѣсяца похороненъ въ Ивановскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, рядомъ съ Иваномъ Тимоѳеевичемъ Сусловымъ.

Въ первые годы XVIII столѣтія въ Нижнемъ строилась Рождественская церковь, составляющая теперь одно изъ лучшихъ украшеній этого города. Строилъ ее знаменитый богачъ своего времени Гурьевъ, тотъ самый, что̀ строилъ въ Москвѣ церковь

Успенія на Покровкѣ, имѣющую много сходства съ нижегородскою. Гурьевъ не успѣлъ кончить строенія; Рождественскую церковь достроили именитые люди Строгановы, отъ чего она и называется «строгоновскою». Она находится на скатѣ горы и поддерживается огромнымъ контрфорсомъ, на которомъ передъ церковью устроена обширная терраса. Церковь въ два яруса, нижній никогда не былъ освященъ, а освященіе верхняго замедлилось по слѣдующей причинѣ. Весной 1722 года она была совершенно готова къ освященію. Въ это время пріѣхалъ въ Нижній Петръ I и остановился въ домѣ Строгановыхъ, стоявшемъ рядомъ съ Рождественскою церковью. Осмотрѣвъ церковь, Петръ велѣлъ ее запечатать впредь до особаго его повелѣнія. Это объясняли тѣмъ, будто Строгановы за большія деньги купили иконы Спасителя и Богородицы, что̀ подлѣ царскихъ дверей, у итальянскаго живописца Каравака, которому Петръ заказалъ эти иконы для Петропавловскаго собора въ Петербургѣ. Но причина внезапнаго запечатанія церкви оказалась другая. До свѣдѣнія Петра дошло о радѣніяхъ хлыстовъ въ нижнемъ ярусѣ долго строившейся церкви. Онъ не узналъ, конечно, что среди ихъ находился самъ христосъ людей божіихъ, Прокопій Даниловичъ Лупкинъ. Ему сказали, что тутъ собирались разнаго званія люди, особенно такъ-называемыя кликуши, что на этихъ собраніяхъ пророчатъ, видятъ видѣнія. А извѣстно, какъ строго преслѣдовалъ Петръ и кликушъ, и пророковъ, и разглашающихъ видѣнія, послѣ суздальскаго розыска надъ первою женою своею Авдотьею Ѳедоровной. Церковь была распечатана и освящена уже при Екатеринѣ I.

Изъ дѣла о хлыстовской сектѣ, открытой въ Москвѣ въ 1733 году, видно, что до 1714 года, когда Лупкинъ еще жилъ въ Нижнемъ, она была распростра-

нена тамъ между дворовыми людьми Строгановыхъ. Въ кораблѣ Лупкина между прочими находились: дворникъ [1]) дома Строгановыхъ Иванъ Евдокимовъ Платоновъ и жена его Прасковья Иванова, повидимому пророчествовавшіе, служитель Семенъ Дмитріевъ Солнцевъ и другіе.

Жена Прокопія Лупкина, Акулина Ивановна, стрѣлецкая дочь, нижегородская уроженка, была богородицей еще въ Нижнемъ, а потомъ и въ Москвѣ. Все семейство ея принадлежало къ сектѣ хлыстовъ: сестра ея, тоже Акулина, и братья: отставной стрѣлецъ Василій Ивановъ и Ѳедосѣй Ивановъ,—люди самые приближенные къ Прокопію Лупкину и проживавшіе вмѣстѣ съ нимъ въ Москвѣ съ 1717 года. Оба они умерли до открытія хлыстовщины въ Москвѣ, сдѣланнаго въ 1733 году. У Прокопія Даниловича и Акулины Ивановны былъ сынъ Спиридонъ Прокофьичъ, также весьма извѣстный въ хлыстовщинѣ человѣкъ. Въ 1713 году онъ постригся въ Московскомъ Симоновѣ монастырѣ и принялъ имъ Серафима. Въ Симоновѣ сталъ онъ распространять ученіе людей божіихъ между тамошними монахами и велъ себя такъ ловко, что, несмотря на сектаторство, пользовался особымъ расположеніемъ тогдашняго симоновскаго архимандрита Петра

---

[1]) Слово *дворникъ* слѣдуетъ здѣсь принимать не въ нынѣшнемъ его смыслѣ (содержатель постоялаго двора или сторожъ при городскомъ домѣ), но въ старинномъ: *смотритель надъ торговымъ дворомъ* (см. В. И. Даля, *Толковый Словарь живого великорусскаго языка*, I, 376). Торговый домъ Строгановыхъ па Нижнемъ Базарѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ, близъ Рождественской церкви, былъ складочнымъ мѣстомъ огромнаго количества соли, которую Строгановы вываривали въ Камскомъ Усольѣ и въ Ленвѣ (нынѣ Соликамскаго уѣзда Пермской губерніи) и привозили на ладьяхъ водою въ Нижній для развоза отсюда по разнымъ городамъ. Этотъ дворъ существовалъ съ XVI столѣтія и донынѣ существуетъ въ видѣ конторы и соляныхъ амбаровъ. Дворникъ Платоновъ въ началѣ XVIII столѣтія былъ, говоря по-нынѣшнему, «управляющій нижегородскою конторой графовъ Строгановыхъ».

Смилянича, родомъ серба, который удостоилъ Серафима полной довѣренности, не подозрѣвая, конечно, что любимецъ его принадлежитъ къ тайной сектѣ и распространяетъ ее въ обители. Въ 1721 года архимандритъ сдѣлалъ Серафима Лупкина экономомъ, что доставляло ему значительное вліяніе на братію, а еще болѣе на крестьянъ монастырскихъ вотчинъ. Вскорѣ послѣ назначенія Серафима въ экономы, архимандритъ Петръ былъ опредѣленъ совѣтникомъ въ новоучрежденный святѣйшій синодъ, и потому долженъ былъ отправиться въ Петербургъ [1]). Во время его отсутствія Серафимъ Лупкинъ (остававшійся экономомъ до 1731 года) успѣлъ сильно распространить хлыстовщину между симоновскими монахами. Изъ нихъ двое: іеромонахи Филаретъ (въ мірѣ Ѳедоръ Муратинъ) и Тихонъ (въ мірѣ Тимоѳей Струковъ), оба дворяне, перейдя въ монастырь Высокопетровскій, распространили и тамъ свою секту. О другихъ московскихъ мужскихъ монастыряхъ, была ли тамъ хлыстовщина, не знаемъ, но о женскихъ положительно извѣстно, что она была распространена во многихъ, почти во всѣхъ. Вообще женщины гораздо воспріимчивѣе мужчинъ къ принятію этого изступленнаго ученія. Это видно изъ многочисленныхъ дѣлъ, производившихся въ послѣднія полтора столѣтія о тайныхъ сектахъ.

Съ 1714 и 1715 года замѣчается въ Москвѣ умноженіе такъ-называемыхъ христа-ради-юродивыхъ и блаженныхъ, а съ ними вмѣстѣ кликушъ и бѣсноватыхъ. Эти люди, въ раздранныхъ рубищахъ, босые, со всклокоченными волосами, ходили по Гостиному двору, по домамъ, являлись въ церквахъ и при духовныхъ процессіяхъ, и были чтимы невѣжественными

---

[1]) Впослѣдствіи онъ былъ архимандритомъ Александро-Невской лавры, а въ 1736 году посвященъ въ епископы курскіе.

москвичами, *видѣвшими въ этихъ шатунахъ людей*, будто бы одаренныхъ особенною небесною благодатью и даромъ пророчества. Каждый хозяинъ лавки или дома, куда забредалъ кто-либо изъ этихъ людей, считалъ такое посѣщеніе за знакъ благословенія Божія на его домъ, семейство, дѣла. Остатки этого суевѣрнаго почитанія юродивыхъ и подобныхъ имъ побродягъ остались и въ Москвѣ, и въ другихъ мѣстахъ Великой Россіи до сихъ поръ. Юродивые бывали и въ архіерейскихъ палатахъ, они жили даже во дворцахъ не самого, конечно, Петра, не терпѣвшаго этихъ тунеядцевъ, а, напримѣръ, у царицы Прасковьи Ѳедоровны. Жившій у нея Тимоша блаженный былъ съ особенными почестями погребенъ въ Чудовѣ монастырѣ. Умноженіе этихъ людей обратило на себя вниманіе Петрова правительства, за ними велѣно было смотрѣть строже. Тогда они немного притаились, скрывшись большею частію въ монастыряхъ и въ домахъ знатныхъ людей.

Не утверждаемъ, чтобы всѣ эти юродивые, блаженные, кликуши и бѣсноватые, разсыпавшіеся по Москвѣ и по ея монастырямъ, исключительно принадлежали къ хлыстовской сектѣ, но что многіе изъ нихъ къ ней принадлежали, и что нѣкоторые христы, богородицы и пророки людей божіихъ считались юродивыми и кликушами,—это несомнѣнно. Въ самомъ кликушествѣ, составляющемъ особаго рода нервную болѣзнь, въ родѣ падучей, есть много чертъ, сходныхъ съ изступленіемъ послѣдователей тайныхъ сектъ,—изступленіемъ, которое, въ свою очередь, происходитъ также отъ раздраженія нервной системы, возбужденной плясками, скачками, верченіемъ, пѣснями и т. п. Хлыстовки, которыхъ считали то кликушами, то обыкновенными раскольницами, распространили свою секту по московскимъ женскимъ монастырямъ.

Прежде всего, сколько извѣстно намъ, хлыстовщина появилась въ монастырѣ Ивановскомъ. Здѣсь жили еще послѣдовательницы христа людей божіихъ Ивана Тимоѳеевича. Мы видѣли, что, когда онъ умеръ, его останки перенесли въ этотъ монастырь. Ивановскія монахини чествовали могилу лжехриста какъ гробницу святого. Въ этомъ монастырѣ, съ именемъ Анны, приняла постриженіе жена Прокопія Лупкина, богородица людей божіихъ Акулина Ивановна, по имени которой нѣкоторые впослѣдствіи называли секту хлыстовъ Акулиновщиной [1]). Сюда же поступила въ монахини и родная сестра ея, тоже Акулина Ивановна, принявшая при постриженіи имя Александры. Въ Ивановскомъ монастырѣ образовался цѣлый хлыстовскій корабль, въ которомъ были и инокини, и бѣлицы, но обѣ Акулины Ивановны первенства здѣсь не имѣли; онѣ должны были уступить его инокинѣ Анастасіи (въ мірѣ Агаѳья Карпова). Она была богородицей не только корбаля, образовавшагося въ Ивановскомъ монастырѣ, но признавалась такою отъ всѣхъ хлыстовъ, какъ жившихъ въ Москвѣ, такъ и находившихся по другимъ мѣстамъ.

Въ монастырѣ Новодѣвичьемъ хлыстовщина появилась нѣсколько позже. Тамъ образовалось общество людей божіихъ изъ монахинь Татьяны, Стефаниды, двухъ Аннъ, Ѳевроніи, Матрены и многихъ бѣлицъ.

Въ Варсонофьевскомъ монастырѣ [2]) хлыстовщина появилась одновременно съ Ивановскимъ. Распространительницей секты въ этомъ монастырѣ была бѣлица

---

[1]) Ѳеофилактъ Лопатинскій въ своемъ *Обличеніи неправды раскольнической.*

[2]) Находился между Рождественкой и Срѣтенкой въ Бѣломъ городѣ. Здѣсь первоначально находился убогій домъ. Въ этомъ монастырѣ, по повелѣнію Лжедимитрія, были похоронены царь Борисъ Ѳеодоровичъ съ женою и сыномъ. Въ 1764 году упраздненъ. Осталась на его мѣстѣ приходская церковь Вознесенія.

Анна Михайлова, у которой года два жила въ работницахъ дѣвка Марья Ивановна Шигина, крестьянка изъ села Павлова-Перевоза, гдѣ все ея семейство и родственники уклонились въ хлыстовщину еще тогда, какъ въ томъ селѣ находился христосъ людей божіихъ Иванъ Тимоѳеевичъ. Два брата ея, Семенъ и Игнатій Шигины, съ дѣтьми, переѣхавшіе изъ Павлова въ Москву, жили при Прокопіи Лупкинѣ въ такъ-называемомъ Новомъ Іерусалимѣ, что̀ за Сухаревою башней. Марья Шигина сдѣлалась такимъ образомъ посредницей монастыря Варсонофьевскаго, сосѣдняго съ нимъ Рождественскаго, а также Ивановскаго и другихъ съ обитателями божьихъ домовъ, находившихся въ Москвѣ теперь уже въ числѣ четырехъ.

Въ Вознесенскомъ монастырѣ, что̀ въ Московскомъ Кремлѣ, хлыстовщина появилась съ 1718 года. Она занесена была сюда бѣглою изъ Вологодскаго Горицкаго монастыря дѣвкой, Марьей Кузьминишной Босой. Босая была юродивая и кликуша, ходила въ рубищѣ, босикомъ, отчего, конечно, и получила свое прозваніе. Заподозрѣнная въ сектаторствѣ, она попалась на розыскъ Преображенскаго приказа и была сослана въ Вологодскій Горицкій монастырь подъ началъ. Оттуда бѣжала, пришла въ Москву и была принята игуменьей Вознесенскаго монастыря, быть можетъ, знавшею ее еще до высылки изъ Москвы. Марья Босая увлекала монахинь разсказами о своихъ чудесныхъ видѣніяхъ, и онѣ мало-по-малу впадали въ секту людей божіихъ. Между тѣмъ, вслѣдствіе розысковъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ и царицей Авдотьею Ѳедоровной, пророковъ и разглашающихъ сонныя видѣнія стали жестоко преслѣдовать. Марья Босая убралась изъ Кремля въ монастырь болѣе скромный, гдѣ можно было жить съ большею безопасностью — въ Рождественскій.

Въ монастырѣ Рождественскомъ хлыстовщина была первоначально водворена духовникомъ тамошнихъ монахинь іеромонахомъ Провомъ (мы не знаемъ, изъ какого онъ былъ монастыря). Судя по тому, что хлыстъ отецъ Провъ въ то же время придерживался старыхъ книгъ и двуперстнаго сложенія, удалялся въ лѣса, полагаемъ, что онъ былъ изъ подрѣшетниковъ. Его сослали за ересь въ Соловки подъ началъ. Но этою ссылкой хлыстовщина не была выведена изъ обители его духовныхъ дщерей. Сама игуменья придерживалась ея ученія. Наканунѣ праздника Рождества Богородицы, 1718 года, во время всенощной, среди церкви Рождественскаго монастыря явилась пришедшая изъ Вознесенскаго Марья Босая, чуть не нагишомъ, въ какихъ-то лохмотьяхъ, босикомъ и съ растрепанными волосами. Передъ выносомъ Евангелія она завизжала, стала ломать себѣ руки, закинула назадъ голову и, трясясь всѣмъ тѣломъ, начала вертѣться (обыкновенный пріемъ хлыстовскихъ радѣній). Народъ разступился. Марья Босая вертѣлась вертѣлась и упала на полъ въ судорогахъ. Сторожа вынесли ее изъ церкви. Одна сердобольная монахиня Досиөея сжалилась надъ кликушей—такою почитали Босую, — и велѣла сторожамъ отнести ее къ себѣ въ келью. Марья осталась у Досиөеи, а чрезъ нѣсколько времени игуменья, быть можетъ, узнавъ, что Босая одного духа съ отцомъ Провомъ, дала ей особую келью. Какъ всѣ принадлежавшіе къ тайнымъ сектамъ хлыстовщины, Марья была набожна, неупустительно ходила въ церковь во время богослуженій, строго исполняла всѣ монастырскія правила и продолжала разсказывать про являвшіяся ей видѣнія. Такъ разсказывала она, что являлся ей святой Филиппъ митрополитъ, велѣлъ креститься не двуперстно, но такъ какъ крестятся въ церквахъ православныхъ. Въ 1719 году въ кельѣ Марьи Босой

образовался уже цѣлый хлыстовскій корабль. Къ ней сходились шатавшіеся по Москвѣ юродивые, кликуши и послѣдовательницы Прокопія Лупкина. Сами жительницы Рождественскаго монастыря въ извѣстные дни большихъ собраній въ Новомъ Іерусалимѣ, что̀ за Сухаревой башней, ходили туда на поклоненіе христу Прокопію Даниловичу, его пророкамъ и апостоламъ. Ходили туда на поклоненіе и изъ другихъ женскихъ монастырей. Между тѣмъ, въ Рождественскомъ монастырѣ явилась новая хлыстовка изъ секты подрѣшетниковъ—инокиня Евпраксія. Она была солдатка и научена сектѣ какимъ-то приходившимъ изъ лѣсу мужикомъ, затѣмъ постриглась въ монахини въ Ростовѣ, въ тамошнемъ Спасскомъ монастырѣ, и отправилась безъ спросу монастырскаго начальства въ Соловки Богу молиться. Здѣсь она познакомилась съ сосланнымъ туда іеромонахомъ Провомъ, который далъ ей рекомендательное письмо къ игуменьѣ московскаго Рождественскаго монастыря. Игуменья приняла Евпраксію съ радостью и помѣстила ее въ своей кельѣ. Евпраксія стала ходить по Москвѣ, была принята въ домахъ не только низшаго класса, но и у знатныхъ людей, не говоря уже о богатыхъ купцахъ и посадскихъ. Вслѣдъ за Евпраксіей, въ Рождественскомъ монастырѣ водворилось цѣлое общество хлыстовокъ и кликушъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны были Пелагея Ѳѳимова и родная сестра ея Алёна, жена одного изъ иконоборцевъ того времени, денежнаго мастера Максима Еремѣева.

Здѣсь мы должны сдѣлать небольшое отступленіе, чтобы по возможности объяснить связь тайной секты иконоборцевъ съ тайными сектами хлыстовскими. Секты иконоборческія, извѣстныя теперь подъ названіями молоканов, духоборцевъ, общихъ, немолякъ и пр., возникли въ Россіи давно, хотя и не такъ давно,

какъ секты хлыстовскія, происшедшія отъ богомильства. Въ XV столѣтіи, во время религіозныхъ движеній на Западѣ, занесены были оттуда идеи раціонализма въ Новгородъ, на почву уже предъ тѣмъ подготовленную стригольниками. Тамъ явилась такъ названная (Іосифомъ Волоцкимъ) ересь «жидовствующихъ», въ которой однако жидовскаго ровно ничего не было. Вскорѣ эта ересь проникла въ Москву, гдѣ въ числѣ послѣдователей ея оказались духовенство кремлевскихъ соборовъ, самъ митрополитъ, жена старшаго сына великаго князя Ивана Васильевича, дьякъ Курицынъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, говоря нынѣшнимъ языкомъ и другіе знатные люди. Ересь эта, отвергавшая обряды внѣшняго богопочитанія, иконы, мощи, посты, службы по уставу и т. д., была подвергнута гоненію, но не искорененію. Въ XVI столѣтіи она по временамъ обнаруживалась (Башкинъ, Косой и пр.). По свидѣтельству князя Курбскаго, эта «ляфизма на церковные догматы», образовавшаяся какъ отродіе лютеранства въ половинѣ XVI столѣтія, возникла и держалась преимущественно въ монастыряхъ заволжскихъ [1]). Водвореніе въ Москвѣ иноземцевъ, преимущественно протестантовъ, во времена Годунова, значительно усилило эту секту, но она держалась въ тайнѣ, преимущественно между Русскими, находившимися въ услуженіи у иноземцевъ. Нѣмцы, жившіе въ Москвѣ, число которыхъ особенно увеличилось во времена Петра, поддерживали по возможности иконоборческое ученіе между русскими. Въ апрѣлѣ 1713 г. секта иконоборцевъ формально была открыта въ Москвѣ. Послѣдователями ея оказались лѣкарь Дмитрій Тверитиновъ или Дерюшкинъ, двоюродный братъ его цирюльникъ Ѳома Ивановъ, ученикъ славяно-латинской

---

[1]) *Сказанія князя Курбскаго*, Спб. 1842 г., стр. 133 и 134.

школы Иванъ Максимовъ, торговые люди Никита Мартыновъ да Михайло Мининъ. Въ ихъ ученіи обнаружено было направленіе протестантское, но съ примѣсью и самостоятельнаго направленія, именно хлыстовскаго. Это еще болѣе оказалось замѣтнымъ въ ученіи тайной секты, открытой въ маѣ 1717 года, въ которой главную роль играла женщина (быть-можетъ, богородица), жена ходока приказа земскихъ дѣлъ Ивана Зимы, Настасья Зимиха, дочь бѣглаго дьячка. Она при розыскѣ показала, что съ 1713 года въ церковь не ходитъ, не исповѣдуется и не причащается, что къ ней въ домъ сходятся разнаго рода люди, которымъ она читаетъ книгу, купленную на печатномъ дворѣ (Евангеліе), и учитъ иконамъ не поклоняться, вино съ хлѣбомъ за таинство не признавать, креста на себѣ не носить, иконъ не почитать, ибо онѣ человѣческое рукодѣлье, крестнаго знаменія не творить, а молиться духомъ и истиною, церковь и преданіе ея отвергать. Все это потому, что въ Евангеліи о поклоненіи духомъ и истиной сказано, а объ иконахъ, крестномъ знаменіи и прочихъ обрядахъ ни слова не упомянуто. Въ числѣ довольно многочисленныхъ послѣдователей Настасьи Зимихи былъ ея мужъ и портной Алексѣй, который между прочимъ сказалъ, что кланяться духомъ и истиной, а не тѣломъ, ему первоначально велѣлъ встрѣтившійся съ нимъ на дворѣ неизвѣстный попъ, сказавшійся, что онъ изъ Устюжны. (Не Провъ ли это)? Повидимому, и здѣсь направленіе протестантское, то направленіе, которое сохранилось и позже, а во второй половинѣ XVIII столѣтія обнаружилось въ сектахъ молоканской и духоборческой. Но мы сейчасъ увидимъ, что какъ послѣдователи Тверитинова, такъ и послѣдователи Настасьи Зимихи находились въ связяхъ съ московскими хлыстами. То же явленіе, связь молоканства, а особенно духоборства съ тайными

сектами хлыстовщины, мы не разъ еще замѣтимъ и впослѣдствіи; проявившееся въ шестидесятыхъ уже годахъ нынѣшняго столѣтія сліяніе молоканъ и духоборцевъ съ хлыстами въ южной Россіи окончательно подтверждаетъ существованіе связи между тѣми и другими тайными сектами. Источникъ тѣхъ и другихъ заключается въ одномъ и томъ же исканіи лучшаго образа богослуженія. Исканіе это происходитъ вслѣдствіе усердія къ Богу, усердія, положимъ, не просвѣщеннаго, заблуждающагося, но все-таки усердія. Неусердный, равнодушный къ дѣлу религіи никогда не попадетъ ни въ какую секту, развѣ только по какому-нибудь житейскому расчету. Думая, что поклоненіе Божеству заключается не во внѣшнихъ знакахъ богопочитанія, но въ поклоненіи Ему духомъ и истиной, искатели лучшаго богослуженія отвергаютъ все внѣшнее и даже презираютъ его. Но одни, впадая въ заблужденія подобныя лютеранскимъ и другимъ протестантскимъ, ограничиваются отверженіемъ церковныхъ преданій и обрядовъ, другіе, вслѣдствіе усердія къ Богу, не ограничиваясь лютеранскимъ головѣріемъ, къ которому русскій человѣкъ по самой природѣ своей сочувствія питать не можетъ, стремятся къ жизни духовной, къ созерцанію небеснаго, къ соединенію съ Божествомъ духомъ. Отсюда секты мистическія (сіонская церковь, десные христіане и пр.), отсюда цѣлый рядъ сектъ хлыстовщины, отсюда духоборцы, столь близкіе уже съ молоканами. Провести между тою, другою и третьею сектой рѣзкую раздѣльную черту едва ли, кажется, возможно, особенно при настоящемъ, маломъ еще знакомствѣ съ ними. Мы имѣли нѣкоторые случаи лицомъ къ лицу познакомиться съ разными тайными сектами, имѣли нѣкоторые случаи пользоваться полною довѣренностію сектаторовъ и узнавать отъ нихъ много такого, чего ни-

когда не узнаешь ни посредствомъ чтенія ихъ книгъ, ни посредствомъ формальныхъ слѣдствій; мы, наконецъ, имѣемъ такое количество письменныхъ матеріаловъ о тайныхъ русскихъ сектахъ, какое, смѣемъ думать, едва ли у кого другого до сихъ поръ было подъ руками, но при всемъ томъ отказываемся рѣшить гдѣ кончается одна секта и гдѣ начинается другая.

Въ 1721 году, въ тайной канцеляріи началось дѣло о хлыстахъ, показавшее связь этой секты съ послѣдователями Тверитинова и Настасьи Зимихи. Коломенскаго уѣзда, села Борисова, крестьянинъ Данило Васильевъ, какъ видится, хлыстъ, пошелъ къ попу на исповѣдь, и когда попъ спросилъ его какъ онъ крестится, Васильевъ показалъ ему двуперстіе. При тогдашнемъ фанатическомъ преслѣдованіи двуперстія и другихъ знаковъ старообрядства, попу Никитѣ было этого весьма достаточно для подачи доношенія въ церковный приказъ о «новоявившемся раскольщикѣ». Крестьянинъ Васильевъ въ приказѣ высказалъ болѣе чѣмъ приверженность къ внѣшнимъ обрядамъ старообрядства, но незнакомые съ тайными сектами судьи, искавшіе только «раскольщиковъ-двуперстниковъ», не могли понять Данилу Васильева. Онъ сказалъ, что двуперстнаго сложенія онъ не покинетъ до смерти, потому что онъ удостоивается видѣній Святого Духа, если же отринетъ двуперстіе, Духъ Святой ему являться болѣе не будетъ. Отъ Данилы Васильева требовали, чтобъ онъ объяснилъ подробно свое ученіе; онъ этого не могъ сдѣлать, но для состязанія о вѣрѣ указалъ на «человѣка богомудреннаго, зарайскаго подъячаго Ѳедора Григорьева», который наставилъ его самого въ своемъ ученіи. Этотъ подъячій оказался принадлежавшимъ къ «сектѣ христовщины», а введенъ былъ въ нее денежнымъ мастеромъ Максимомъ Еремѣевымъ, мужемъ хлыстовки Алены Евимовой, что

жила въ Рождественскомъ монастырѣ. Денежный мастеръ Максимъ Еремѣевъ *наединѣ* иконамъ не покланялся, а при людяхъ покланялся, чтобы скрыть принадлежность къ тайной сектѣ. Онъ былъ хлыстъ, но близокъ былъ и къ ученію Тверитинова, и къ ученію Настасьи Зимихи. Когда цирюльника Ѳому Иванова жгли на кострѣ [1]), Максимъ съ гордостію говорилъ: «Вотъ какъ *наши* страждутъ! не жалѣютъ себя, — и сожгли не перекрестился!» Настасья Зимиха была коротко знакома съ Максимомъ, и когда ее взяли, онъ испугался, бѣжалъ на Волгу и пропалъ... Ясное указаніе на связь, существовавшую и въ началѣ XVIII столѣтія между хлыстами и иконоборцами, которыхъ впослѣдствіи стали называть молоканами.

При изслѣдованіи этого дѣла [2]) тайная канцелярія открыла существованіе хлыстовщины въ Рождественскомъ монастырѣ, гдѣ хлыстовки, подъ именемъ кликушъ, собирались у Марьи Босой и ходили цѣлымъ обществомъ къ хлыстамъ въ Сергіевъ посадъ, въ Коломну, въ Зарайскъ къ подъячему Ѳедору Григорьеву и въ село Козьмодемьянское къ князю Ефиму Васильевичу Мещерскому. О посѣщеніи сборищемъ Марьи Кузьминишны Босой, вмѣстѣ съ зарайскимъ подъячимъ Григорьевымъ, князя Мещерскаго, въ дѣлѣ тайной канцеляріи находятся любопытныя подробности. Про князя ходила молва, что онъ очень богатъ и подаетъ много милостыни, принимаетъ странниковъ, больныхъ, бѣсноватыхъ, читаетъ въ своей часовнѣ надъ ними мо

---

1) Онъ, несмотря на увѣщанія, упорно держался иконоборства и былъ посаженъ въ Чудовъ монастырь. Тамъ косаремъ изрубилъ рѣзной образъ Алексѣя митрополита. За это и сожженъ. Тверитиновъ и другіе его соучастники повинились, принесли покаяніе и были избавлены отъ смертной казни.

2) Извлеченіе изъ него напечатано Г. В. Есиповымъ во II томѣ *Раскольничьихъ дѣлъ XVIII столѣтія*, подъ заглавіемъ *Кликуши*.

литвы. Въ часовнѣ у него и мощи [1]), и святая вода, и чудотворный образъ Смоленской Богородицы, и съ диковиннымъ звономъ какой-то таинственный колоколъ [2]). Ходили по народу толки, что князь Мещерскій изгоняетъ бѣсовъ молитвами, которыя читаетъ по книгѣ, и деревянными четками, которыми хлещетъ бѣсноватаго, что вѣрующихъ (то-есть принадлежащихъ къ содержимой имъ тайной сектѣ) онъ причащаетъ какимъ-то особымъ, святымъ хлѣбомъ. Когда общество Марьи Босой, взявъ съ собой какую-то бѣсноватую Арину, которую звали верижницей, такъ какъ она носила вериги, и побывавъ въ Новомъ Іерусалимѣ, пришла въ село Козьмодемьянское, князь Ефимъ Васильевичъ радушно встрѣтилъ странствующій хлыстовскій корабль и прямо повелъ его къ себѣ въ моленную. Три раза ударилъ онъ тамъ въ диковинный колоколъ. Пришедшіе изумились, услыша необычный, таинственный звонъ. Князь сталъ читать утреню, но вскорѣ началось совсѣмъ иное служеніе въ княжеской моленной. Арина верижница застонала, стоны ея превратились въ дикіе крики, ее корчило, она вспрыгивала къ верху, потомъ падала на земь, произнося безсмысленныя рѣчи, прерываемыя собачьимъ лаемъ и свинымъ хрюканьемъ. Прочіе хлысты стали охать, бить себя руками въ грудь и учащенно кланяться въ землю. Очень обыкновенный пріемъ, употребляемый и теперь при радѣніяхъ. Князь подошелъ къ Аринѣ верижницѣ, сталъ хлыстать ее четками по головѣ, по плечамъ и по груди,

---

[1]) Мощи дѣйствительно были найдены у князя Мещерскаго въ его часовнѣ. Онъ сказалъ, что онѣ даны ему вкладомъ сестрой царицы Авдотьи Ѳедоровны, княгиней Настасьей Ѳедоровной Троекуровой и Варварой Головиной.

[2]) О стеклянномъ колоколѣ со стекляннымъ же языкомъ князь Мещерскій сказалъ, что онъ данъ въ его часовню вкладомъ стекляннаго завода мастеромъ Сидоромъ Бѣлильниковымъ, разслабленнымъ.

приговаривая: «изыди, нечистый душе». Арина стихла, а князь пришелъ въ восторженное состояніе. Тогда вышелъ на середину зарайскій подъячій Өедоръ Григорьевъ и началъ «радѣть». Радѣніе его, какъ оно описано въ дѣлѣ 1721 года, совершенно такое же, какое и донынѣ употребляется въ хлыстовскихъ и скопческихъ корабляхъ: онъ началъ кружиться, потомъ съ распростертыми руками понесся по всей часовнѣ. Онъ кружился, кружился и какъ мертвый упалъ на землю. Восторженный князь Мещерскій и его хлысталъ четками. Въ заключеніе князь роздалъ всѣмъ кусочки хлѣба, какъ бы причастіе (тоже хлыстовскій обрядъ. [1])

Открытые такимъ образомъ хлысты были разосланы по монастырямъ. Князь Мещерскій отправленъ въ Соловки, но по вступленіи на престолъ Анны Ивановны, его жена княгиня Авдотья упросила государыню освободить мужа ея изъ заточенія.

Мы видѣли, что хлыстовщина, кромѣ Москвы, распространена была въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія въ нынѣшнихъ Костромской, Владимірской и Нижегородской губерніяхъ. Кромѣ того, около 1720 года хлысты встрѣчаются въ Зарайскѣ, въ Серпуховѣ, въ Коломнѣ и въ Сергіевомъ посадѣ, куда ходила и Марья Босая съ своимъ обществомъ. Наконецъ, мы встрѣчаемъ хлыстовъ на Дону и около Углича.

Изъ дѣлъ святѣйшаго синода видно, что въ 1725 г. воронежскій архіерей доносилъ синоду о появленіи лжехриста въ Яминской станицѣ войска Донского. Это былъ казакъ Агаөонъ, именовавшій себя «атаманомъ-

---

[1]) При производствѣ слѣдствія тайной канцеляріи, взяты у князя Мещерскаго въ часовнѣ два большіе бѣлые хлѣба и нѣсколько сухарей. Князь сказалъ, что это артосы изъ Новаго Іерусалима, а въ сухари сушены всенощные хлѣбы, которые онъ раздавалъ богомольцамъ.

христомъ», при немъ было двѣнадцать рядовыхъ казаковъ, называвшихся «атаманами, высшими пророками и апостолами», а казачья дочь, дѣвка называлась «богородицей». Къ сожалѣнію, это дѣло намъ вполнѣ неизвѣстно; оно считалось (не знаемъ какъ теперь) въ числѣ совершенно секретныхъ и было запечатано. Что сейчасъ приведено нами, то заимствовано изъ описи дѣлъ.

Въ окрестности Углича хлыстовщина была принесена Прокопіемъ Лупкинымъ. Водворившись въ Москвѣ за Сухаревою башней, этотъ христосъ людей божіихъ бывалъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, именуемомъ Новымъ Іерусалимомъ, куда хлыстовщина занесена была еще предшественникомъ его Иваномъ Тимоѳеевичемъ. Здѣсь познакомился Лупкинъ съ нѣкоторыми крестьянами угличской вотчины Новаго Іерусалима, пріѣзжавшими въ монастырь, отправился къ нимъ на родину и совратилъ въ свою секту. Это было прежде 1715 года.

Въ 1715 году стали ходить по народу слухи о появившейся тайной сектѣ въ вотчинѣ Новаго Іерусалима, что́ близь Углича, преимущественно же въ селеніяхъ; расположенныхъ по теченію Волги и рѣки Улеймы. Слухи эти дошли до мѣстнаго духовенства. Священникъ Димитріевской церкви въ городѣ Угличѣ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія судіи духовныхъ дѣлъ Покровскаго Углицкаго монастыря архимандрита Андроника. Архимандритъ принялъ свои мѣры, и, 13-го іюня 1716 года, ночью, въ деревнѣ Харитоновой въ домѣ крестьянина Еремея Бурдаева поймалъ хлыстовъ на радѣніи и успѣлъ захватить, одиннадцать мужчинъ и десять женщинъ. Въ числѣ захваченныхъ былъ и самъ христосъ людей божіихъ, Прокопій Лупкинъ. Всѣхъ ихъ привезли въ Угличъ, и въ тамошнемъ духовномъ правленіи было производимо слѣдствіе. Вотъ что̀

извѣстно объ открытіяхъ, сдѣланныхъ при этомъ архимандритомъ Андроникомъ.

«Оный Лупкинъ производилъ въ богомерзкихъ своихъ сонмищахъ злое свое ученіе, а именно: называлъ себя яко христа, а учениковъ своихъ яко апостолы. И во время-де бывшаго у нихъ съ тѣми учениками пѣнія молитвъ, якобы на нѣкоторыхъ изъ нихъ сходилъ Духъ Святой, овогда на двухъ, овогда же на трехъ человѣкъ, и подымало-де ихъ съ лавки, и ходили-де они скачучи въ кругъ, по получасу и больше, а въ то-де время клали на столъ калачъ ломтиками и, отпѣвъ молитвы, тѣмъ причащались, и прочихъ-де приходящихъ къ нему (Лупкину) всѣхъ училъ той же своей богомерзкой противности, которые-де ему въ томъ и послѣдовали, и притомъ же-де говорилъ имъ, якобы тогда уже послѣднее время, о есть-де антихристъ на земли отъ монашескаго чина. Да о послѣднемъ же-де времени послѣдовавшіе ему (Лупкину) ученики слышали еще и отъ *другого такого же еретика*, котораго по сыску не явилось, что-де антихристъ народился отъ монашескаго чина, и какъ-де онъ будетъ на морѣ и возьметъ Царьградъ и тогда-де наречется Богомъ».

При производствѣ слѣдствія архимандритомъ Андроникомъ открылось еще новое указаніе на мѣстопребываніе хлыстовъ. Крестьянинъ Еремей Бурдаевъ, хозяинъ дома, гдѣ захваченъ былъ корабль христа Прокопія Даниловича, сказалъ, что тому же ученію слѣдуютъ крестьяне вотчины Симонова монастыря, Ярославскаго уѣзда Череможской волости деревни Данильцевой, [1]) Никита Сахарниковъ, да Иванъ Васильевъ.

---

[1]) Теперь въ Рыбинскомъ уѣздѣ. Череможская волость называется по рѣкѣ Черемхѣ, впадающей въ Волгу съ правой стороны подъ самымъ Рыбинскомъ. Данильцово теперь деревня въ 40 верстахъ отъ Рыбинска. Въ ней девять дворовъ, 30 мужск. и 36 женск. населенія. *Списки населенныхъ мѣстностей Россійской Имперіи.* Часть L, стр. 292.

Словомъ, изъ произведенныхъ архимандритомъ допросовъ открылось, «что тѣ, чинившіе вышеписанныя богомерзкія противности, люди явились жителіе не одного Углицкаго, но и другихъ разныхъ мѣстъ, и иные злое свое плевелосѣяніе разсѣевали не въ одномъ, но во многихъ мѣстахъ». [1])

Архимандритъ Андроникъ, произведя слѣдствіе, 16-го іюня 1716 года донесъ своему епархіальному начальнику Досиѳею, епископу ростовскому и ярославскому. Досиѳей пренебрегъ открытіями Андроника Онъ не далъ хода дѣлу. Этотъ Досиѳей, впослѣдствіи лишенный сана и казненный по участію въ дѣлѣ царицы Авдотьи Ѳедоровны, самъ пророчествовалъ, самъ видалъ видѣнія. Въ немъ можно подозрѣвать потворство къ хлыстамъ. Но какъ бы то ни было, по его приказанію, всѣ арестованные въ деревнѣ Харитоновой и самъ христосъ людей Божіихъ были отпущены. Прокопій Лупкинъ воротился въ Москву.

Онъ, по сказаньямъ хлыстовъ, умеръ въ 1733 году въ Москвѣ, въ божьемъ домѣ, въ Новомъ Іерусалимѣ. Хлысты говорятъ, что въ этотъ день у христа Прокопья Даниловича находились въ собраніи всѣ его послѣдователи, и что во время радѣнія въ ихъ «святые круги» съ небесныхъ круговъ слетѣли безплотные духи: ангелы, архангелы, серафимы, херувимы и вся сила небесная и вознесли христа Лупкина при множествѣ свидѣтелей на небо. По-просту сказать, Лупкинъ умеръ во время радѣнія. И тогда настало, продолжаютъ хлысты, «древнее молчаніе», прекратилось пророчество по случаю наставшаго гонительнаго времени.

Лупкина похоронили въ Ивановскомъ монастырѣ, близь Ивана Тимоѳеевича Суслова. На могилѣ его со-

---

[1]) *Первое Полное Собраніе законовъ Россійской Имперіи*, IX, № 6,613.

орудили каменное надгробное строеніе (памятникъ) и на гробницѣ написали похвалу святости погребеннаго.[1]) Но не долго оставались въ покоѣ кости Прокопья Даниловича. Предъ самою смертью его разразилась гроза надъ его послѣдователями, кончившаяся казнями ближайшихъ къ нему людей, ссылкой въ отдаленные сибирскіе монастыри жены, сына, свояченицы и—сожженьемъ его тѣла чрезъ палача.

Въ 1732 году къ начальнику Москвы графу Семену Андреевичу Салтыкову добровольно явился нѣкто Семенъ Карауловъ, промышлявшій въ Москвѣ разбоемъ и имѣвшій съ шайкой своею главное пребываніе подъ Каменнымъ мостомъ черезъ Москву-рѣку. Повинившись передъ графомъ въ производимыхъ имъ съ товарищами разбояхъ, Карауловъ сказалъ, что есть въ Москвѣ четыре дома, гдѣ чинятся великія непотребности. Собираются-де туда по ночамъ на праздники разныхъ чиновъ люди, старцы, старицы и прочіе. Изъ нихъ нѣкоторые-де выбираются въ начальники сборищъ и садятся въ переднемъ углу, а прочіе по лавкамъ. Какъ приходятъ въ домъ, то старшимъ своимъ, сидящимъ въ переднемъ углу, кланяются и цѣлуютъ у нихъ руки, и собирая деньги, имъ отдаютъ, а другіе-де изъ нихъ пророчествуютъ.

Дѣло было казусное. Пророчествовать было строго запрещено со времени смерти казненнаго ростовскаго епископа Досиѳея, пророчествовавшаго заточенной въ Суздалѣ царицѣ Авдотьѣ Ѳедоровнѣ. Салтыковъ сдѣлалъ нужныя распоряженія, и, по указаніямъ Караулова, на хлыстовскихъ радѣніяхъ захвачено было семьдесятъ восемь человѣкъ; въ числѣ ихъ были монахи и монахини разныхъ московскихъ монастырей. Главною руководительницей секты оказалась монахиня Иванов-

---

[1]) *Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода,* I, 315.

скаго монастыря Анастасія (въ мірѣ Агафья Карпова). Открылось, что она и еще двѣ старицы и старецъ пророчествовали и вмѣсто причастія Святыхъ Таинъ подавали рѣзаный кусками хлѣбъ, а изъ стакана давали пить квасъ, а иногда воду.

Христа людей божіихъ, Прокопья Даниловича, въ то время не было уже въ живыхъ. Его мѣсто заступилъ родной сынъ его, симоновскій монахъ Серафимъ. Онъ былъ захваченъ.

Салтыковъ объ открытіи «богомерзкой ереси» донесъ сенату, а сенатъ 15-го января 1733 года сообщилъ о томъ святѣйшему синоду. Синодъ для изслѣдованія дѣла назначилъ особенную слѣдственную комиссію изъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ. Эта комиссія, кромѣ захваченныхъ по распоряженію Салтыкова семидесяти восьми человѣкъ, сыскала еще множество разнаго званія людей, принадлежавшихъ къ хлыстовщинѣ. Замѣчательно, что нѣкоторые изъ нихъ сами добровольно являлись въ комиссію и объявляли себя принадлежавшими къ сектѣ. Но многіе бѣжали изъ Москвы, убоясь розысковъ, какъ, напримѣръ, семейство Шигиныхъ, жившихъ при Прокопьѣ Лупкинѣ, пророкъ Иванъ Ивановичъ Бѣлый или Чечеткинъ; они убѣжали въ нынѣшній Горбатовскій уѣздъ, Нижегородской губерніи, въ села Павлово и Ворсму. Кончивъ розыски, слѣдственная комиссія представила дѣло въ синодъ, вмѣстѣ со всѣми арестованными, которыхъ подъ крѣпкою стражей отвезли въ Петербургъ. Тамъ учреждена была высшая комиссія для изслѣдованія о «богомерзкой ереси». Членами ея были архіепископы: новгородскій Ѳеофанъ Прокоповичъ, сарскій и подонскій, Леонидъ [1]), завѣдывавшій московскою церковью,

[1]) Леонидъ до 1722 года былъ архимандритомъ Высокопетровскаго монастыря, куда въ то время уже проникла хлыстовщина, но онъ, вѣроятно, не зналъ о томъ.

и нижегородскій Питиримъ; кромѣ этихъ духовныхъ особъ, въ комиссіи находились графъ Остерманъ, князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій и извѣстный Ушаковъ, начальникъ тайной канцеляріи.

Изъ подсудимыхъ замѣчательнѣе другихъ были:

Инокиня московскаго Ивановскаго монастыря Анастасія (въ мірѣ Агаөья Карпова), хлыстовская богородица. Собранія хлыстовъ бывали въ ея кельи, а надъ кельей стояли кровати, которыя и были найдены московскою слѣдственною комиссіей. Здѣсь совершался развратъ, который хлысты богохульно называютъ «христовою любовью». У Анастасіи найдено было денегъ 191 руб. 20 коп., — сумма значительная для того времени, и девять образовъ, украшенныхъ драгоцѣнными окладами.

Инокиня Анна, вдова Прокопія Лупкина, Акулина Ивановна, нижегородская богородица, съ сестрой Акулиной же Ивановною, въ иночествѣ Александра.

Сынъ ея, бывшій симоновскій экономъ, іеромонахъ Серафимъ. Онъ былъ христомъ, преемникомъ своего отца, какъ сохранилось у хлыстовъ преданіе, но слѣдственная комиссія этого не открыла.

Высокопетровскаго монастыря іеромонахи Филаретъ (Өедоръ Муратинъ) и Тихонъ (Тимоөей Струковъ), оказавшіеся пророками людей божіихъ.

Изъ другихъ болѣе значительны. какъ пророчествовавшіе, были: Катерина Ларіонова, Авдотья Михайлова и Аксинья Яковлева, до открытія монахинями Ивановскаго монастыря.

Вотъ что открыла московская комиссія: «1) Собирались мужскій и женскій полъ съ прилежнымъ укрывательствомъ въ одно нѣкое мѣсто, и обѣдавъ въ обществѣ, садились по лавкамъ, по одну сторону мужскій, а по другую женскій полъ, а въ начальномъ мѣстѣ засѣдалъ оной прелести предводитель, мужъ

или жена, яко бы по чину пастырскому. 2) Потомъ, взявъ благословеніе у оной предводительной особы съ низкимъ наклоненіемъ и цѣлованіемъ руки, по двѣ и по три пары, или и большимъ числомъ, иный мужъ съ мужемъ, а иный мужъ съ женой, плясали кругомъ по избѣ какъ кто могъ, высоко подскакивая, и сказывали, что на таковое плясаніе или паче шатаніе, поднималъ ихъ Духъ Святой, приводя на то пребезумнымъ развратомъ оное у пророка слово Божіе: «вселюся въ нихъ и похожду», что глаголалъ Богъ, обѣщевая вѣрнымъ Своимъ Свое неотступное присутствіе, ведуще ихъ на путь спасенія, а не къ такъ шаленому движенію. 3) Между тѣмъ нѣкіи изъ нихъ палками и цѣпами бивали себя 4) А по таковомъ бѣшеномъ бѣганіи, нѣкіи же изъ нихъ иногда мужска, а иногда и женска пола персоны, будто бы Духомъ Божіимъ движимыя, нѣчто и пророцали, или паче буесловные и смѣха достойные враки и разсказы произносили: 5) Хулили бракъ законный, установленный и благословенный отъ самого Бога, вмѣняя ложе брачное, нескверным отъ апостола, или паче отъ Святаго Духа нареченное, въ скверну и въ великій грѣхъ. И того ради приходящимъ въ собраніе ихъ приказывали не женатымъ никогда впредь не жениться, а кто женатъ разводиться съ женами. 6) Создали же себѣ весьма богомерзкою продерзостію и нѣкое проклятое таинство; а именно, принимали и ѣли изъ рукъ предводительныхъ, мужика или женщины, куски хлѣба и пили квасъ, иногда же и воду, вмѣняя то, окаянные, за святое причастіе, съ явственнымъ святымъ Христовыхъ въ евхаристіи таинъ ругательствомъ и отверженіемъ. 7) Они же твердили между собой, яко бы такая ихъ собраніе и дѣйствія есть крещеніе, бываемое духомъ, а христіанское наше крещеніе водою, во имя Святой Троицы совершаемое, которое въ себѣ и духъ

заключаетъ, раздирая едино таинство на двое, нарицали простымъ воднымъ и къ спасенію недовольнымъ крещеніемъ, хулительнѣ б.....словя, якобы никто крещенный преданнымъ въ Спасителя нашего крещеніемъ, если не воспріиметъ и вымышленнаго отъ нихъ, безумныхъ мужиковъ, крещенія, отнюдь спасенія не получитъ. 8) Во утвержденіе же столь злосоставнаго своего и душевреднаго суевѣрія врали прельщаемымъ отъ себя человѣкомъ, будто бы и всѣ древніе святые отцы не инымъ только отъ нихъ употребляемымъ спасалися образомъ, шкаредную свою новость древнимъ спасенія путемъ нарицая. 9) А когда въ таковыя собранія сходились, мало когда въ тотъ же день, и съ мѣста того расходъ имъ бывалъ, но всегда почитай вси тамъ же и ночевали въ одной избѣ мужескій и женскій полъ, только, сказываютъ, по одну сторону мущины, а по другую женщины, что не малое подозрѣніе подало блуднаго ихъ смѣшенія, наипаче, когда и одну съ числа ихъ старицу обличено, и сама въ великоучрежденной комиссіи винилась, что она съ мужчиною той жа ереси отъ беззаконнаго совокупленія и младенца прижила, и у старицы Настасьи, которая мерзкіе оные соборы созывала, многія кровати во время слѣдованія надъ келіею ея подъ кровлею найдены, и тако же они, окаянные, весьма дивнымъ развратомъ въ неискусный умъ пришли, законный бракъ отвергая а беззаконнаго смѣшенія не отстая. 10) Таковое же по всему скверное свое и ученіе, и дѣйствіе, не устрашились злочестивіи и призываніемъ имени Божія клятвенно утверждать, ибо всякаго къ нимъ приходящаго, выставивъ икону, приводили къ присягѣ, дабы клялся, что онъ преданіе ихъ яко благочестивое и богоугодное пріемлетъ и никогда отъ того не отступитъ, такожъ что онъ тайнаго ихъ сего злодѣянія никому отнюдь не открыетъ, ниже духовному отцу.

11) Исповѣдываться у духовныхъ отцовъ и внѣ ихъ сословія сущихъ, только бы никто тайны ихъ не изъявлялъ, такожъ и святого причастія не запрещали, каковъ обычай былъ и у древнихъ манихеевъ для вящаго ереси своей укрывательства. 12) Всего же того столь богопротивнаго ихъ вымысла не иное у начальниковъ и начальницъ намѣреніе было только, какъ сами винилися, хитрый воровскихъ прибылей промыслъ, которые они отъ прельщаемыхъ грубыхъ человѣкъ и получали». [1])

Октября 11-го 1733 года состоялся приговоръ о послѣдователяхъ хлыстовщины. Онъ подписанъ графомъ Остерманомъ, княземъ Черкасскимъ и Ушаковымъ. Архіереи, какъ обычно при смертныхъ приговорахъ, уклонились отъ подписанія. Императрица Анна Ивановна утвердила, что постановили три «свѣтскія персоны высокоучрежденной комиссіи». Инокиню Анастасію разстригли и подъ именемъ Агаѳьи Карповой возвели на эшафотъ на Сытномъ рынкѣ въ Петербургѣ, гдѣ и отрубили ей голову. Той же участи подверглись іеромонахи Высокопетровскаго монастыря Филаретъ и Тихонъ, предварительно въ синодѣ лишенные сана и монашества. Симоновскаго эконома, іеромонаха Серафима, разстригли и подъ именемъ растриги Спиридона Лупкина наказали публично кнутомъ и назначили въ вѣчную ссылку въ Охотскій острогъ. Онъ послѣ приговора содержался въ синодѣ и лишь черезъ четыре года, то-есть въ 1737 году, отправленъ въ Сибирь. По привозѣ его въ Екатеринбургъ, канцелярія главнаго управленія екатеринбургскихъ заводовъ, вмѣсто отсылки въ Охотскъ, опредѣлили его въ бобыли на поселеніе въ Екатеринбургѣ, гдѣ онъ и оставался

---

[1]) *Первое полное собраніе законовъ Россійской Имперіи*, IX, № 6,613.

до 1744 года. Въ январѣ этого года онъ поѣхалъ съ даннымъ ему паспортомъ въ Москву, для испрошенія себѣ помилованія, на основаніи милостиваго манифеста императрицы Елизаветы Петровны. Апрѣля 4-го того же года онъ явился въ Москву въ канцелярію святѣйшаго синода. Вскорѣ послѣ того въ Москвѣ снова была открыта хлыстовщина, и начались новые розыски. Спиридонъ Лупкинъ испугался и бѣжалъ неизвѣстно куда. По дѣламъ о немъ болѣе ничего неизвѣстно. Но преданія хлыстовскія говорятъ о дѣйствіяхъ его послѣ 1744 года, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Мать его, вдова христа людей божіихъ, нижегородская богородица, которую въ Москвѣ, когда она уступила первенство Анастасіи, звали «мироносицей», инокиня Ивановскаго монастыря Анна была разстрижена и подъ именемъ Акулины Ивановой Лупкиной наказана въ Петербургѣ кнутомъ и сослана вѣчно на неисходное житіе Тобольской епархіи во Введенскій дѣвичій Далматовъ монастырь. [1]) Въ 1740 году она еще была жива. Ее, равно какъ и Анастасію, хлысты причли въ святыя мученицы. Мироносицѣ Аннѣ они совершаютъ память 26-го іюня. [2])

Другая Акулина Ивановна, въ иночествѣ Александра, наказана кнутомъ и сослана на вѣчную работу въ Сибирь, въ Ильинскій дѣвичій монастырь. Мы не знаемъ, гдѣ онъ находился.

Во введенскій Далматовъ монастырь сосланы были разстриги Ивановскаго монастыря Катерина Ларіонова,

---

[1]) Нынѣ въ Пермской губерніи. Онъ находился въ 25 саженяхъ отъ Далматовскаго Успенскаго мужского монастыря, при рѣчкѣ Течѣ, въ заштатномъ нынѣ городѣ Далматовѣ, на урочищѣ называемомъ Теченское Поселье. Упраздненъ въ 1764 году при учрежденіи штатовъ.

[2]) Есть рукописныя святцы (у меня есть одинъ экземпляръ) нынѣшняго и прошлаго столѣтій, гдѣ подъ 26-го іюня записано: «святыя мироносицы Анны, иже въ Нижнемъ-Новѣградѣ».

Авдотья Михайлова и Аксинья Яковлева, послѣ наказанія кнутомъ, «для опредѣленія въ томъ монастырѣ въ тяжелую работу вѣчно, по разсмотрѣніи онаго монастыря игуменьи, и изъ того монастыря никуда никогда не выпускать ихъ и писемъ не къ кому писать не давать и съ ними никого, такожъ и ихъ между собою видѣться отнюдь не допускать». [1])

Святѣйшій синодъ въ предостерегательство, по довольномъ разсужденіи, дабы таковой богопротивной ереси участницы и того вѣдатели, ни едина персона внѣ вѣдѣнія не осталась, и отъ того оная ересь не возрасла бы въ великое, ибо не нечаятельно есть, что и еще оная останки своя имѣетъ (какъ о томъ и по обстоятельству самого дѣла онаго видно есть), что̀ оное злодѣяніе начало произрастать уже изъ давнихъ лѣтъ, и не въ одномъ, но во многихъ мѣстахъ плевелоразсѣяніе свое имѣло, докладывалъ императрицѣ о необходимости выдать во всенародное свѣдѣніе особые указы синода, въ которыхъ бы было объявлено объ открытой ереси съ тѣмъ, чтобы принадлежащіе къ ней, по правительству неизвѣстные, безъ всякаго опасенія являлись въ синодъ въ Петербургѣ и Москвѣ, а въ дальнихъ мѣстахъ къ мѣстнымъ епархіальнымъ архіереямъ. Срокомъ для явки назначено было 1-ое января 1735 года съ тѣмъ, что открытые послѣ этого срока будутъ уже наказываемы». [2]) Являлись ли хлысты въ синодъ и къ архіереямъ послѣ всенародно объявленнаго синодскаго указа, не знаемъ.

Дѣло было уже кончено, какъ до свѣдѣнія Өеофана Прокоповича дошло о могилахъ христовъ людей божіихъ, Суслова и Лупкина, въ Ивановскомъ мона-

---

[1]) *Первое полное собраніе законовъ Россійской Имперіи*, т. IX, № 6,613.

[2]) Тамъ же.

стырѣ. Онъ написалъ въ Москву письмо къ совѣтнику Ивану Топильскому, который до того былъ судьею при слѣдствіи розыскныхъ раскольничьихъ дѣлъ, чтобъ онъ осмотрѣлъ надгробные памятники и сообщилъ ему о нихъ подробныя свѣдѣнія. Топильскій нашелъ надъ могилой Лупкина новопостроенный памятникъ (честное гробовое зданіе) съ надписью объ его святости, близъ котораго нашелъ и могилу Суслова. Надъ нею камень былъ уже сравненъ съ землею и около него посажены были яблони и другія деревья. Этотъ надмогильный садикъ огороженъ былъ рѣшеткой съ дверцами. Прежде, сказывали Топильскому, была тутъ «гробница съ немалымъ украшеніемъ», но когда послѣдовало распоряженіе, чтобы въ монастырѣ и у приходскихъ церквей гробницы и надгробные камни были снесены, тогда и съ могилы Суслова снесенъ былъ воздвигнутый ему памятникъ и на мѣстѣ его разведенъ садикъ. Надпись же съ того памятника, свидѣтельствовавшая о святости Ивана Тимоѳеевича, была стесана и вдѣлана въ стѣну церковной трапезы, неподалеку отъ могилы.

Ѳеофанъ Прокоповичъ заявилъ въ присутствіи синода о свѣдѣніяхъ, собранныхъ имъ, посредствомъ Топильскаго, въ Москвѣ. Члены синода полагали, что похороненіе тѣлъ ересеначальниковъ при церквахъ сдѣлано послѣдователями ихъ не иначе, какъ съ цѣлію распространить убѣжденіе, что они были не только не суевѣры, но и «святости нѣкоей общники». Затѣмъ, приведя въ основаніе первую статью уложенія царя Алексѣя Михайловича, по которой богохульникамъ назначается смертная казнь сожженіемъ, рѣшили передать дѣло въ правительствующій сенатъ для исполненія, съ тѣмъ, чтобы въ Ивановскомъ монастырѣ надгробный памятникъ надъ Лупкинымъ, садикъ надъ Сусловымъ и надпись въ стѣнѣ церковной трапезы были уничтожены. Рѣшеніе это въ синодѣ состоялось 31-го мая

1736 года. [1]) Сенатъ рѣшилъ (не ранѣе однако 1739 г.) «закопанные въ Московскомъ Ивановскомъ монастырѣ трупы богопротивныхъ ересеучителей и еретиковъ Прокопія Лупкина и Ивана Суслова, выкопавъ чрезъ палачей и вывезши въ поле, учинить съ ними по указамъ», то-есть сжечь. [2])

Трупы сожгли. Но чьи? Впослѣдствіи увидимъ, что въ маленькой церкви, построенной хлыстами въ ихъ Новомъ Іерусалимѣ, за Сухаревою башней были *мощи* Ивана Тимофеевича. Если трупъ Лупкина и былъ сожженъ, то останки Ивана Тимоѳеевича были подмѣнены останками другого покойника. Можетъ-быть, хлысты сумѣли сдѣлать то же и съ трупомъ Лупкина, такъ что палачи выкопали и сожгли на кострахъ за городомъ трупы какихъ-нибудь людей, вовсе не причастныхъ хлыстовскому ученію.

Тѣмъ «дѣло о богомерзкой ереси» и кончилось. Хлысты до сихъ поръ помнятъ этотъ розыскъ и о страданіяхъ «святой мученицы Настасьи Карповны» грустнымъ голосомъ поютъ пѣсни на радѣніяхъ. При открытіи хлыстовскихъ сборищъ въ Москвѣ, въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ Басманной части, іюня 12-го 1846 года, частному приставу Лисицыну, московская мѣщанка, Гостиной слободы, Арина Максимова, содержавшая хлыстовскую секту, сказала эту пѣсню. Она записана вмѣстѣ съ другими въ снятомъ съ нея допросѣ. [3]) Вотъ пѣсня о Настасьѣ Карповнѣ:

Въ конюшенкѣ государевой
Тутъ стояли да все конечки.
Ужъ одинъ конь ни пьетъ ни ѣстъ,
Онъ почуялъ дорожку дальнюю.

---

[1]) *Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода*, I: стр. 312—316.

[2]) Тамъ же I, стр. 360.

[3]) *Дѣло объ открытыхъ въ Москвѣ, въ домѣ Василья Евграфова хлыстахъ* 1844—46 года.

От Москвы было до Питера
Пролегала путь дороженька.
Ужь по той ли по дороженькѣ
Тут ведут красную дѣвицу,
Свѣт Настасьюшку Карповну [1])
У ней ноженьки были скованы,
Бѣлы рученьки назад связаны,
Очи ясныя платком завязаны,
Ужь ведут ее два полка солдат
Ко тому дворцу государеву,
Къ государынѣ Аннѣ Ивановнѣ.
«Государыня Анна Ивановна,
Возьмите эту невольницу во палатушки».
Ужь стала у ней спрашивать:
«Ты которую вѣру вѣруешь,
Ужь которому Богу молишься»?
—«Изволь выслать своих вѣрных слуг
Я тебѣ скажу правду истину».
Государыня Анна Ивановна испугалася
И вскричала громким голосом:
«Ужь вы слуги мои вѣрные,
Возьмите эту невольницу,
Посадите въ темну темницу
Под красное окошечко,
Которое на Неву рѣку».
Взглянула Настасьюшка Карповна
Въ то красное окошечко:
«Ужь ты матушка Нева-рѣка
Ты теки въ каменну Москву,
Ты скажи поклон вѣрным праведным,
И отцу съ матерью,
Что хотят меня казнить, мучить,
Топором острым, еще плахою,
Еще площадью, красною рубахою,
Ты прости-прощай вѣрны праведны,
Ты прости-прощай отец съ матерью.
Ты прости-прощай весь міръ народ,
Ты прости-прощай два полка солдат,
Ты прости-прощай млад грозен палач,
Не прощаю одну государыню Анну Ивановну».

[1]) Въ подлинном дѣлѣ написано Поликарповну. Но Настасья была по отцѣ Карпова, а не Поликарпова.

Не простила Настасья Карповна государыню, говорятъ хлысты, и Анна Ивановна умерла чрезъ три дня послѣ казни «вѣрныхъ праведныхъ». Хлысты и тутъ, какъ и въ большей части своихъ сказаній, путаются въ хронологіи. Императрица Анна Ивановна скончалась не чрезъ три дня, а чрезъ семь лѣтъ послѣ казни хлыстовъ.

СЧИСЛЕНІЕ РАСКОЛЬНИКОВЪ

I

Въ прошедшемъ столѣтіи, въ продолженіе шестидесяти-пяти лѣтъ, правительство ежегодно производило гласное, открытое счисленіе раскольниковъ. Цѣль его была исключительно фискальная, податная. Петръ I установилъ это счисленіе съ цѣлію обложенія раскольниковъ подушною податью и притомъ двойною противъ православныхъ. Установленное въ 1715—16 годахъ, оно продолжалось до 20-го іюля 1782 г., когда сборъ двойного оклада съ раскольниковъ былъ навсегда отмѣненъ Екатериною II.

Счисленіе раскольниковъ производилось чиновниками мѣстной администраціи. Они представляли именныя вѣдомости въ центральное управленіе, находившееся въ Москвѣ. Сначала, пока счисленіе находилось въ вѣдомствѣ святѣйшаго синода,—это управленіе находилось при *духовной инквизиціи*, а потомъ, когда счисленіе перешло въ вѣдомство правительствующаго сената, управленіе сосредоточено было въ особо-учрежденной *раскольнической конторѣ*. Именныя вѣдомости повѣрялись и счетъ раскольниковъ по возможности контролировался, но дѣйствительная численность раз

номыслящихъ съ господствующею церковью въ точности все-таки не была извѣстна. Цифры «духовной инквизиціи» и «раскольнической конторы» были гораздо ниже цифры дѣйствительной, что̀ видно изъ множества правительственныхъ распоряженій прошлаго столѣтія объ отысканіи «потаенныхъ раскольниковъ» и обложеніи ихъ двойнымъ окладомъ.

Перепись раскольниковъ введена Петромъ I при слѣдующихъ обстоятельствахъ. До него и при немъ подати и ратные люди сбираемы были съ тяглыхъ дворовъ; такимъ образомъ повинности падали не на лица, а на землю, дома, промыслы, угодья и т. п. Система по нынѣшнимъ экономическимъ воззрѣніямъ правильная и справедливая, но въ тогдашнее время внутренняго неустройства крайне невыгодная для государства. Войны, бунты, голодные года̀, чума, продолжавшіеся чрезъ все почти XVII столѣтіе, во многихъ мѣстностяхъ совершенно обезлюдили тяглые дворы. Оставшіеся въ селахъ и деревняхъ тяглые люди должны были платить и за себя, и за убылыхъ. Правда, имъ предоставляемо было пользованіе оставшимися впустѣ, за уходомъ односельцевъ, землями, но силъ не доставало обрабатывать ихъ. Сельскіе люди стали «разбѣгаться въ рознь», другіе во множествѣ закладывались кабалой за патріарха, за архіереевъ, за монастыри, за бояръ и за другихъ знатныхъ и сильныхъ людей, во владѣніи которыхъ крестьянину было жить несравненно легче. Иные записывались въ казаки, въ стрѣльцы, въ пушкари, въ монастырскіе служители, ибо этихъ чиновъ люди были избавлены отъ платежа податей. Казна отъ этого много теряла.

А деньги Петру были крайне нужны на веденіе тяжелой, изнурительной войны со шведами. Для увеличенія средствъ къ ея веденію, онъ прибѣгалъ къ средствамъ чрезвычайнымъ: установлялъ новые налоги,

собиралъ съ церковныхъ колоколенъ для литья пушекъ колокола, и пр. Въ то же время онъ заботился и объ установленіи такой податной системы, которая бы доставляла больше государственнаго дохода съ возможно меньшими расходами на его взиманіе. Для того онъ велѣлъ произвесть общую народную перепись (ревизію) и обложить народъ *подушною податью.*

Указъ о производствѣ первой ревизіи состоялся 26-го ноября 1718 года, но еще до этого времени Петръ принималъ частныя (то-есть мѣстныя или сословныя) мѣры для производства народныхъ переписей, съ цѣлію обложенія людей подушною податью. Такъ, напримѣръ, въ 1710 году онъ велѣлъ переписать всѣхъ дворянъ, съ тѣмъ чтобы негодныхъ къ военной службѣ обложить подушнымъ окладомъ. Счисченіе раскольниковъ и обложеніе ихъ двойнымъ окладомъ въ 1716 году принадлежитъ къ числу такихъ же мѣръ. Оно послѣдовало вотъ по какому поводу.

Въ 1714 году въ Кіевской губерніи дѣйствовала комиссія для производства частной народной переписи. Тамошній губернаторъ, князь Голицынъ, представилъ государю «пункты о бѣглыхъ изъ великороссійскихъ губерній раскольникахъ, что поселились въ Стародубьѣ, подлѣ литовской границы». «Велѣно, писалъ онъ къ государю, бѣглыхъ великороссійской породы всѣхъ людей изъ малороссійскихъ городовъ вывозить въ великорусскіе. Въ Стародубскомъ уѣздѣ поселены слободы великороссійскаго народа раскольники, и комиссаръ пишетъ, что въ оныя слободы ѣхать опасно, дабы не разбѣжались за границу». Февраля 18-го 1715 г., Петръ написалъ на этомъ докладѣ князя Голицына слѣдующее: «обложить въ окладъ» [1]). Перепись произведена, окладъ положенъ, но не двойной, а обыкно-

[1]) *Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи*, V, № 2889.

венный. За исключеніемъ немногихъ отшедшихъ за рубежъ, раскольники остались въ Стародубьѣ.

Чрезъ годъ послѣ того, именно 8-го февраля 1716 г., Петръ велѣлъ переписать раскольниковъ обоего пола по всему государству. Деньги ему тогда были чрезвычайно нужны, и потому онъ обложилъ ихъ двойнымъ окладомъ, полагая, что изъ мѣстъ, удаленныхъ отъ границъ, раскольники не станутъ бѣгать въ чужіе края, въ чемъ, однако, ошибся.

Окладъ назначенъ былъ вдвое противъ платимаго купцами и крестьянами. Женщины платили въ половину противъ мужчинъ. Стародубскіе раскольники, какъ жившіе у рубежа, оставлены были при платежѣ обыкновеннаго оклада [1]). Февраля 18-го того же года, велѣно переписать для обложенія двойнымъ окладомъ раскольничьихъ монаховъ и монахинь [2]).

Хотя въ указѣ 1716 года раскольники и приглашались записываться въ перепись «безъ всякаго сомнѣнія», но они неохотно являлись къ производившимъ перепись. Несмотря на строгія мѣры правительства, значительная часть ихъ избѣгала счисленія и обложенія окладомъ.

Въ 1721 году изданъ *Духовный Регламентъ.* Въ немъ, между прочимъ, было сказано: «Полезно есть имѣть въ коллегіумѣ (то-есть въ святѣйшемъ синодѣ) вѣдѣніе сколько во всѣхъ епархіяхъ обрѣтается расколщиковъ, сія бо ко многимъ разсужденія требующимъ случаямъ помощно есть» [3]). Учрежденный въ томъ же году святѣйшій синодъ призналъ для себя полезнымъ имѣть въ своемъ вѣдѣніи и двойной окладъ, взимаемый съ раскольниковъ. Однимъ изъ первыхъ

---

1) Тамъ же V, № 2991.
2) Тамъ же V, № 2996.
3) *Духовный Регламентъ*, изд. 1856 г., стр. 75.

дѣйствій было ходатайство о предоставленіи въ его вѣдѣніе какъ счисленія раскольниковъ, такъ и сбора съ нихъ двойного оклада. Ходатайство свое синодъ основывалъ на приведенной сейчасъ статьѣ *Духовнаго Регламента*. «Понеже, сказано было во всеподданнѣйшемъ докладѣ святѣйшаго синода, по именному его императорскаго величества повелѣнію, по *Духовному Регламенту*, раскольническія дѣла поручены синоду, того ради приличнымъ видится и сбираемымъ съ нихъ двойного окладу деньгамъ и съ неисповѣдующихся штрафамъ быть въ синодъ присылаемымъ». Петръ былъ тогда на радостяхъ. «Жестокая школа, двадцать одинъ годъ продолжавшаяся», какъ называлъ онъ шведскую войну, кончилась; онъ торжествовалъ заключеніе славнаго Ништадскаго мира. Принявъ титулъ императора, Петръ былъ въ это время такъ счастливъ, такъ радостенъ, такъ щедръ и милостивъ, какимъ никогда до того времени не бывалъ. «Рука моя расходилась», сказалъ онъ Румянцову, щедро награждая его деньгами и имѣніями. Въ это-то время святѣйшій синодъ и представилъ свое ходатайство. Петръ ноября 19-го 1721 года написалъ на докладѣ, поднесенномъ ему: «быть по сему» [1]). Теперь въ деньгахъ онъ не нуждался, «рука у него расходилась», и онъ отдалъ двойной окладъ въ вѣдѣніе синода. Но отдавая въ вѣдомство духовенства эту немаловажную статью дохода, онъ, впрочемъ, назначилъ его на дѣла общеполезныя: учрежденіе школъ и богадѣленъ при монастыряхъ и т. п.

Съ двойнымъ окладомъ и счисленіемъ раскольниковъ въ духовное вѣдомство поступило и преслѣдованіе раскольниковъ, не являвшихся къ переписи, а также

---

[1]) *Собраніе постановленій по части раскола, по вѣдомству святѣйшаго синода*, I, стр. 18.

изслѣдованіе, дѣйствительно ли записывающіеся въ двойной окладъ состоятъ въ расколѣ, не были ли они прежде записаны въ приходскихъ исповѣдныхъ книгахъ и т. д. Для такихъ дѣйствій синодъ счелъ нужнымъ ввести въ Россіи *духовную инквизицію*, мысль о которой издавна занимала духовенство: нѣкоторые изъ его представителей пытались даже поставлять въ примѣръ русскимъ государямъ усердіе къ инквизиціоннымъ дѣйствіямъ испанскихъ королей.

Инквизиція учреждена была въ Москвѣ. Строитель Московскаго Данилова монастыря Пафнутій назначенъ былъ «протоинквизиторомъ»; въ каждую епархію назначены «провинціалъ-инквизиторы», которымъ были подчинены «инквизиторы», находившіеся по городамъ и уѣздамъ. Декабря 23-го 1721 года, святѣйшій синодъ составилъ для нихъ особую инструкцію, напечатанную въ *Полномъ собраніи законовъ Россійской имперіи* (VI, № 3,870). Конечно, дѣйствія московской инквизиціи далеко не то что̀ дѣйствія инквизиціи римско-католической; она просуществовала не болѣе пяти лѣтъ и не успѣла развить свои дѣйствія, какъ хотѣлось инквизиторамъ. Притомъ дѣйствія ея были направлены не противъ всѣхъ разномыслящихъ съ господствующею церковью, но только противъ раскольниковъ, да еще суевѣровъ, «сказующихъ видѣнія или слышанія чувственная или сонная». Главное же потому инквизиція не имѣла у насъ значительнаго развитія, что будучи противна духу православія, она въ самомъ духовенствѣ не встрѣтила сочувствія. Это была затѣя архіереевъ, и то не всѣхъ, преимущественно Ѳеофана Прокоповича и Питирима Нижегородскаго, который самъ прежде былъ раскольникомъ и, какъ всякій неофитъ, относился съ фанатическою нетерпимостію къ бывшимъ своимъ единовѣрцамъ. Бѣлое духовенство не сочувствовало «духовной инквизиціи»,

лишь немногіе монахи, и, что замѣчательно, малорусскаго происхожденія, учившіеся въ Кіевѣ и мало знакомые съ великорусскими раскольниками, посвятили свое усердіе инквизиціоннымъ дѣйствіямъ. Свѣтскіе начальники еще менѣе сочувствовали дѣламъ инквизиціоннымъ и тѣмъ возбуждали жалобы усердныхъ преслѣдователей раскола. Въ одномъ только отношеніи инквизиція пришлась по сердцу приходскимъ причтамъ и свѣтскимъ чиновникамъ: она доставила имъ возможность увеличить поборы.

Въ распоряженіе духовной инквизиціи назначена была особая команда вооруженныхъ солдатъ; они употреблялись для отыскиванія раскольниковъ по лѣсамъ и пустынямъ, для истребленія устроенныхъ тамъ ихъ жилищъ, для отысканія «потаенныхъ раскольниковъ», для отправки ихъ на каторгу и для вырѣзыванія ноздрей, для истребленія у раскольниковъ и нераскольниковъ старопечатныхъ и харатейныхъ книгъ и т. п.

Къ счастію, инквизиція существовала у насъ не долго. Она была уничтожена при Екатеринѣ I, и въ то время какъ счисленіе раскольниковъ, такъ и сборъ двойного съ нихъ оклада перешли изъ синода въ вѣдѣніе правительствующаго сената. Для сего въ Москвѣ учреждена была «раскольническая контора» изъ свѣтскихъ лицъ. Она вела именные списки раскольниковъ; въ нее поступилъ и двойной окладъ, собираемый по провинціямъ мѣстными властями. Такъ продолжалось до 1782 года, когда былъ отмѣненъ двойной окладъ, а съ нимъ и особое счисленіе раскольниковъ.

Число раскольниковъ въ XVIII столѣтіи не только не уменьшалось, но даже увеличивалось, несмотря на то, что они во множествѣ бѣгали или за границу или въ пустыни закамскія и въ Сибирь. Изъ сенатскаго указа 17-го сентября 1742 года видно, что въ семнадцать лѣтъ, съ 1719 по 1736 годъ, въ Россіи убыло

2.100,469 душъ, изъ нихъ умерло 1.558,000, взято въ рекруты 202,000 и *бѣжало около 442,000*. Заявляя эти цифры, сенатъ прибавилъ: «уповательно и больше того оной убыли имѣется» [1]). Изъ 442 тысячъ бѣглыхъ значительная часть была раскольниковъ. Изъ указа 7-го февраля 1762 года видно, что изъ одной только Нижегородской губерніи съ 1716 года, то-есть въ сорокъ пять лѣтъ, семь восьмыхъ раскольничьяго населенія, то-есть 35 тысячъ, вслѣдствіе обидъ и притѣсненій со стороны духовенства, бѣжало преимущественно за литовскій рубежъ [2]). Изъ различныхъ правительственныхъ распоряженій, бывшихъ въ прошломъ столѣтіи, видно, что раскольники далеко не всѣ были записаны въ книги двойного оклада. Кромѣ такъ-называемыхъ *записныхъ*, было гораздо болѣе такъ-называемыхъ *потаенныхъ*, которые, однако, въ духовныхъ росписяхъ значились принадлежащими къ господствующей церкви. Кромѣ того, въ XVIII столѣтіи возникли или, вѣрнѣе сказать, распространились тайныя ученія хлыстовъ, скопцовъ, духоборцевъ, молоканъ и т. п. Послѣдователи всѣхъ этихъ ученій считались православными.

Съ 1782 года особое счисленіе раскольниковъ прекратилось. Попытка возобновить его сдѣлана была въ 1810 году, тотчасъ по учрежденіи особаго министерства полиціи, въ вѣдѣніе котораго поступили дѣла о расколѣ. Министръ полиціи, генералъ Балашовъ, призналъ нужнымъ (не знаемъ по какимъ соображеніямъ) привести въ извѣстность современное число раскольниковъ и затѣмъ вести имъ ежегодный счетъ. Онъ доложилъ объ этомъ государю, и 18-го августа 1811 г Александръ Павловичъ далъ повелѣніе: «всѣмъ началь-

---

[1]) *Полное Собраніе законовъ Россійской имперіи*. XI, № 8619.
[2]) Тамъ же.

никамъ губерній собрать свѣдѣнія, сколько въ которой находится старообрядцевъ, и вѣдомости о нихъ доставлять ежегодно къ 1-му января и 1-му іюля министру полиціи [1]). Но предпріятію министра полиціи не суждено было осуществиться.

Въ Нижегородской губерніи губернаторомъ былъ тогда дѣйствительный статскій совѣтникъ А. М. Руновскій, одинъ изъ способнѣйшихъ дѣятелей своего времени, вышедшей изъ школы Безбородки и Трощинскаго, человѣкъ безукоризненный во всѣхъ отношеніяхъ. Получивъ циркуляръ министра полиціи, онъ поручилъ городскимъ и земскимъ полиціямъ предварительно составить именные списки раскольниковъ. Въ Горбатовскомъ уѣздѣ открылось значительное число принадлежащихъ къ такъ-называемому Спасову согласію. Всѣ послѣдователи этого толка [2]) въ исповѣдныхъ приходскихъ вѣдомостяхъ числились и числятся православными на томъ основаніи, что они, сообразно своему толку, крестятъ дѣтей и вѣнчаются въ церквахъ православныхъ. Такіе же раскольники оказались и по другимъ уѣздамъ Нижегородской губерніи. Кромѣ того, въ уѣздахъ заволжскихъ: Семеновскомъ и Балахнинскомъ, нашлось много раскольниковъ *не записныхъ*, то-есть такихъ, отцы и дѣды которыхъ не платили двойного оклада и не значились въ спискахъ «раскольнической конторы» Полицейскіе чиновники, производившіе именную перепись, включили въ нее и этихъ людей. Узнавъ объ этомъ, тайные раскольники сами во множествѣ стали являться въ городскія и земскія полиціи, прося записать ихъ въ расколъ и представляя

---

1) *Собраніе постановленій по части раскола* стр. 37.

2) Ихъ чрезвычайно много въ поволжскихъ губерніяхъ отъ Нижегородской до Астраханской. Объ нихъ не упоминали ни Андрей Іоанновъ, ни другіе писатели о расколѣ до послѣдняго времени.

доказательства своей непринадлежности къ господствующей церкви. Приходское духовенство встревожилось, ибо запиской въ расколъ всѣхъ наличныхъ дѣйствительныхъ раскольниковъ оно во многихъ мѣстахъ могло бы совершенно лишиться доходовъ. Хотя производившійся по синодскому указу 15-го мая 1722 г. гривенный сборъ съ раскольниковъ въ пользу духовенства[1]) еще въ началѣ царствованія Екатерины II былъ отмѣненъ, а приходскому духовенству запрещено было ходить въ дома раскольниковъ для вымогательства денегъ, но причты продолжали дѣлать поборы. Въ самой даже Москвѣ, обходя приходы со святою водой, священники выламывали у раскольниковъ, не хотѣвшихъ пускать ихъ къ себѣ, ворота, двери и окна, требуя денегъ и свѣдѣній о новорожденныхъ, чтобы записать ихъ въ свои книги и такимъ образомъ зачислить ихъ своими прихожанами. По мѣстамъ отдаленнымъ, по глухимъ захолустьямъ, это продолжалось до самаго послѣдняго времени, что̀ доказывается множествомъ формальныхъ дѣлъ, бывшихъ въ производствѣ. Перепись, производимая по циркуляру Балашова, должна была положить конецъ притязаніямъ приходскаго духовенства къ «незаписнымъ» раскольникамъ, и оно сильно возроптало

Вновь назначенный тогда на Нижегородскую каѳедру епископъ Моисей вступился въ дѣло пересмотра раскольниковъ. Вслѣдствіе того у него съ губернаторомъ Руновскимъ произошли пререканія. Синодальный указъ 19-го іюля 1777 года ясно говорилъ: «что касается до записки желающихъ въ расколъ, то слѣ-

---

[1]) *Полное собраніе законовъ Россійской имперіи* VI, 4009. Тамъ, между прочимъ сказано: «съ обрѣтающихся въ приходахъ раскольниковъ брать приходскимъ ихъ священникамъ съ причетниками со всякаго раскольничьяго двора по гривнѣ съ души въ годъ, а сверхъ того отъ рожденія гривна, отъ женитьбы гривна, отъ погребенія гривна».

дуетъ ли ихъ въ оный записывать оставить на разсмотрѣніе свѣтской команды», слѣдовательно епархіальному начальству и не слѣдовало вмѣшиваться въ неподлежащее его вѣдѣнію дѣло. Но Моисей, человѣкъ пылкій и заносчивый, и въ то же время слабо смотрѣвшій за духовенствомъ, за что впослѣдствіи и подвергся непріятностямъ, думалъ иначе. Онъ находилъ, что открытою запиской тайныхъ раскольниковъ въ составленные списки наносится ущербъ церкви, и говорилъ, «что чиновники для записи въ расколъ указываютъ раскольникамъ къ тому способы и берутъ за то съ нихъ деньги». Дѣло дошло до Петербурга и было разсмотрѣно въ комитетѣ министровъ. Въ положеніи его сказано: «при собираніи свѣдѣнія о числѣ раскольниковъ въ Нижегородской губерніи, чиновники, занимавшіеся этимъ дѣломъ, дѣйствовали не вполнѣ осторожно и открывали нѣкоторымъ образомъ способы записываться въ расколъ и такимъ, которые прежде были православными». Императоръ Александръ Павловичъ на журналѣ комитета 18-го іюня 1812 года собственноручно написалъ: «и не слѣдовало никогда гласной переписки дѣлать; нужно только имѣть подъ рукою свѣдѣніе о нихъ». На основаніи этой резолюціи, циркуляромъ министерства полиціи сообщено всѣмъ губернаторамъ, что «его величеству благоугодно было приказать, чтобы свѣдѣнія о старообрядцахъ не иначе были собираемы, какъ подъ рукою и безъ всякой малѣйшей огласки, и чтобы вѣдомости о нихъ по таковымъ собираемымъ свѣдѣніямъ присылаемы были къ министру полиціи, единожды въ годъ, къ 1-му января»[1]),

Это распоряженіе, совершенно противное принятой со временъ императрицы Екатерины II системѣ и рѣзко отличающееся отъ предшествовавшихъ указовъ

---

1) *Собраніе постановленій по части раскола* стр. 40, 41.

императора Александра, состоялось въ самую трудную минуту. Императоръ находился тогда въ Вильнѣ, при немъ былъ и Балашовъ, не участвовавшій въ засѣданіи комитета министровъ, когда обсуждалось дѣло о пререканіяхъ Руновскаго съ Моисеемъ. На присланномъ изъ Петербурга журналѣ Александръ Павловичъ написалъ выше приведенную резолюцію чрезъ шесть дней по вступленіи Наполеона въ предѣлы Россіи, въ то время, когда онъ уже приближался къ Вильнѣ. Въ такое время нельзя было предпринимать какихъ-либо рѣшительныхъ мѣръ, надо было всячески заботиться о полнѣйшемъ внутреннемъ согласіи.

Начавшаяся перепись раскольниковъ была такимъ образомъ прекращена повсемѣстно. Она нигдѣ не была кончена. Въ составленныя для того книги внесены были одни только *записные* раскольники, то-есть потомки платившихъ двойной окладъ, да и то не всѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ эти книги были внесены только главы семействъ, въ другихъ одинъ только мужескій полъ и т. п. Списки, составленные такимъ образомъ по распоряженію 1811 года, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остались безъ измѣненій даже до 1852 года. Такимъ образомъ во время изслѣдованій, произведенныхъ статистическими экспедиціями, о которыхъ будетъ сказано ниже, въ нѣкоторыхъ земскихъ судахъ было обнаружено, что именные списки раскольниковъ велись безъ всякихъ измѣненій съ 1811 г., и впродолженіе сорока лѣтъ умершіе изъ нихъ не исключались, новорожденные не приписывались, а ежегодно показываемое въ вѣдомостяхъ число раскольниковъ означалось наобумъ, одинъ годъ немножко побольше, другой немножко поменьше. Во многихъ уѣздахъ именныхъ списковъ вовсе не велось, а ежегодно показываемая въ отчетахъ цифра ставилась совершенно произвольно

Число раскольниковъ между тѣмъ умножалось. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ покойный московскій митрополитъ Филаретъ уже указывалъ на быстро увеличивающееся въ Москвѣ число раскольниковъ и на необходимость принять противъ усиленія раскола рѣшительныя мѣры. Александръ Арсеньевъ, бывшій долгое время раскольничьимъ попомъ на Рогожскомъ кладбищѣ и потому хорошо знавшій дѣла поповщинскаго раскола, впослѣдствіи, когда уже былъ благочиннымъ единовѣрческихъ церквей Черниговской губерніи, офиціально заявилъ, что въ исходѣ 1823 года въ городѣ Москвѣ послѣдователей поповщинскаго раскола было до 35,000 человѣкъ, а въ 1825 году 68,000 [1]). А по спискамъ значилось въ 1826 году раскольниковъ всѣхъ толковъ, духоборцевъ, субботниковъ и скопцовъ въ Москвѣ и во всей Московской губерніи 53,835 [2]). Раскольники Рогожскаго кладбища еще въ двадцатыхъ годахъ и ранѣе въ просьбахъ, подаваемыхъ въ разныя учрежденія, постоянно упоминали, что число ихъ единовѣрцевъ во всей Россіи превышаетъ цифру пяти милліоновъ. Эта цифра никогда никѣмъ не оспаривалась, никогда никѣмъ не опровергалась, она показывалась даже въ конфиденціальныхъ бумагахъ какъ гражданскаго, такъ и духовнаго вѣдомства. А между тѣмъ, по офиціальнымъ донесеніямъ губернаторовъ, раскольниковъ всѣхъ толковъ считали во всей Россіи лишь около восьми сотъ тысячъ.

Министерство полиціи было упразднено въ 1820 году, дѣла о раскольникахъ перешли въ особенную канцелярію министерства внутреннихъ дѣлъ. Но и съ переходомъ въ новое министерство счисленіе расколь-

---

[1]) Дѣло о Кочуевѣ, *въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.*
[2]) Варадинова: *Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ,* VIII—163.

никовъ не улучшилось: губернаторы въ представляемыхъ вѣдомостяхъ показывали только *записныхъ* раскольниковъ, притомъ по инымъ губерніямъ только лицъ мужескаго пола, а по другимъ безъ причисленія новорожденныхъ. Изъ многихъ губерній вѣдомостей вовсе не доставлялось.

II

Вскорѣ по воцареніи императора Николая Павловича, министерство внутреннихъ дѣлъ 26-го февраля 1826 года, по высочайшему повелѣнію, предписало губернаторамъ: доставлять ежегодно вѣдомости о числѣ раскольниковъ къ Новому году. Это не было новымъ распоряженіемъ, а только подтвержденіемъ состоявшагося въ 1811 году, но нигдѣ почти не исполненнаго. Въ томъ же 1826 году изъ особенной канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ было образовано третье отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи. Губернаторамъ было предписано вѣдомости о раскольникахъ представлять по истеченіи каждаго года въ новое учрежденіе, а копіи съ нихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Такъ продолжается и до сихъ поръ.

Въ вѣдомостяхъ на этомъ основаніи доставляемыхъ губернаторами показано раскольниковъ.

Въ	1826	году . . .	827.721
»	1827	»	825.391
»	1837	»	1.003.816
»	1839	»	889.926
»	1841	»	911.671
»	1849	»	821.215
»	1850	»	829.971
»	1859	»	875.382
»	1864	»	917.097

Сюда, какъ уже замѣчено, включены только *записные* раскольники, то-есть потомки платившихъ въ XVIII столѣтіи двойной окладъ. Да и тѣ не всѣ; мы уже сказали, что въ иныхъ уѣздахъ цифры не измѣнялись *по сороку* лѣтъ, и несмотря на естественное приращеніе населенія вслѣдствіе перевѣса количества рожденій надъ числомъ умершихъ, число раскольниковъ показывалось или одно и то же черезъ цѣлые десятки лѣтъ, или съ каждымъ годомъ по немножку убавлялось исправниками, чтобы показать предъ начальствомъ «благополучіе уѣзда и усердіе свое» къ ослабленію раскола.

Порядокъ составленія по уѣздамъ и губерніямъ вѣдомостей о раскольникахъ слѣдующій. Въ каждомъ городскомъ или уѣздномъ полицейскомъ управленіи ведется именной списокъ раскольниковъ, но въ этихъ спискахъ записываются далеко не всѣ раскольники, особенно гдѣ ихъ много. Ежегодно составляемая числовая вѣдомость должна бы основываться на этихъ именныхъ спискахъ, но этого не дѣлается: полицейскія управленія обыкновенно придерживаются цифры предыдущихъ годовъ, убавляя ее понемножку.

Иные исправники, особенно изъ молодыхъ и вновь поступавшихъ на службу, и пробовали представлять цифру раскольниковъ, ближе подходящую къ дѣйствительности, согласуя ее или съ свѣдѣніями духовенства (по вѣдомостямъ духовнаго вѣдомства, раскольниковъ почти повсемѣстно показывается больше, чѣмъ въ полицейскихъ управленіяхъ) или съ особенными наблюденіями. Цифра въ такомъ случаѣ оказывалась гораздо большею показанной за предыдущіе годы. При полученіи такой вѣдомости въ губернскомъ управленіи обыкновенно возникалъ вопросъ, отчего въ такомъ-то уѣздѣ число раскольниковъ быстро увеличилось. Отъ исправника требовались объясненія: почему расколъ

усилился, кто виновепъ въ совращеніи столь значительнаго числа вновь оказавшихся раскольниковъ, какія были приняты полиціей мѣры къ предупрежденію и пресѣченію раскольничьей пропаганды, почему не было своевременно донесено о столь сильномъ увеличеніи раскола и т. п. Возникала непріятная для исправника переписка, оканчивавшаяся обыкновенно дѣлаемымъ ему замѣчаніемъ за неосновательность донесеній или за недостатокъ усердія къ пресѣченію развитія раскола. Разъ испытавъ такія послѣдствія согласованія ни на чемъ не основанной цифры съ дѣйствительностью, исправникъ ужь конечно никогда не повторялъ неудачнаго опыта, не подражали ему и преемники его, изъ старыхъ дѣлъ знавшіе каково выказывать непрошенное усердіе къ точности статистической цифры. Такъ и оставались всѣ при старой цифрѣ, ежегодно уменьшая ее понемножку. Но у каждаго дѣльнаго исправника прежде бывала и теперь есть своя, приблизительно вѣрная, цифра раскольничьяго населенія уѣзда, съ которою соображаются иногда и губернаторы, но она держится какъ бы въ секретѣ и обыкновенно называется *неофиціальной цифрой*.

Въ свою очередь бывали случаи, что иной губернаторъ представлялъ по цѣлой губерніи число раскольниковъ болѣе согласное съ дѣйствительностью; результаты оказывались тѣ же или почти тѣ же. Начинались запросы отчего да почему раскольники умножились въ такой-то губерніи, требовались объясненія, завязывалась переписка, и затѣмъ все приходило въ прежнюю колею.

Изъ самыхъ вѣдомостей о числѣ раскольниковъ при тщательномъ ихъ сличеніи, ясно можно видѣть, до какой степени шатки заключающіяся въ нихъ свѣдѣнія.

Въ послѣднія сорокъ лѣтъ (какъ видно изъ произ-

водившихся дѣлъ, изъ донесеній губернаторовъ, изъ представленій епархіальныхъ начальствъ, изъ спеціальныхъ изслѣдованій о расколѣ, производившихся на мѣстахъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ) расколъ усиливался преимущественно въ губерніяхъ великороссійскихъ, особенно же въ приволжскихъ и восточныхъ, а менѣе всего распространялся въ западномъ краѣ и въ прибалтійскихъ губерніяхъ, что̀ объясняется значительнымъ числомъ живущихъ тамъ иновѣрцевъ: римско католиковъ, лютеранъ, Евреевъ, а также и православныхъ, возсоединенныхъ изъ уніи въ 1839 г., изъ числа коихъ доселѣ совратившихся въ расколъ не было. Но офиціальныя цифры говорятъ совершенно противное. Изъ сличенія цифръ 1826—1864 годовъ выходитъ, что раскольниковъ во внутреннихъ и восточныхъ губерніяхъ стало значительно меньше. Такъ въ губерніи Калужской ихъ будто бы уменьшилось на 9%, во Владимірской на 13%, Тамбовской на 15%, Тульской на 28%, Тверской на 29%, Олонецкой на 34%, Оренбургской, Саратовской и Симбирской взятыхъ вмѣстѣ на 34%, Орловской, Псковской и Пермской въ каждой на 37%, Ярославской на 44%, Петербургской на 45%, Костромской на 50%, Новгородской на 52%, Харьковской на 58%, а въ Полтавской даже на 91%.

За то въ губерніяхъ, гдѣ расколъ въ дѣйствительности не усиливался, и если число раскольниковъ увеличивалось, то лишь вслѣдствіе естественнаго приращенія населенія, тамъ гдѣ расколъ даже ослабѣвалъ въ послѣднія сорокъ лѣтъ (напримѣръ, въ Землѣ Войска Донского и въ Могилевской губерніи, по уничтоженіи въ послѣдней старообрядскихъ монастырей Гомельскаго уѣзда), тамъ, по указанію офиціальныхъ цифръ, съ 1826 по 1864 годъ онъ усилился въ два и даже въ два съ половиной раза. Такъ въ Курляндіи

онъ показанъ усилившимся на 157%, въ Могилевской губерніи на 148%, въ Волынской на 145%, въ Бессарабіи на 121%, въ Кіевской губерніи на 80%, въ Подольской на 80%, въ Землѣ Войска Донского на 67%, въ Екатеринославской губерніи на 59%, въ губерніяхъ Виленской, Гродненской и Минской взятыхъ вмѣстѣ на 53%, въ Херсонской на 47%, въ Лифляндской на 30% и въ Витебской на 25%.

Цифры духовнаго вѣдомства по нѣкоторымъ епархіямъ нѣсколько выше цифръ представленныхъ губернаторами, по другимъ ниже. Вопросъ, отчего изъ одной губерніи доходили разныя вѣсти, разрѣшается очень просто: какъ губернаторы, такъ и архіереи представляли своимъ начальствамъ цифру фактическую, основаніе для которой заключалось единственно въ показаніяхъ за предшествовавшіе годы. Каждый оставался спокоенъ. безпокойныхъ запросовъ, непріятной переписки не было. Не ими такъ началось, не ими и кончится. Замѣчательно однако, что и цифры, доставляемыя въ святѣйшій синодъ епархіальными архіереями представляютъ то же самое, что̀ и представляемыя въ министерство внутреннихъ дѣлъ губернаторами: гдѣ раскольниковъ въ 1826 — 1864 годахъ стало въ дѣйствительности больше, тамъ показывалось, что число ихъ уменьшилось, и наоборотъ.

Какъ цифры губернаторскихъ отчетовъ основываются на цифрахъ, представляемыхъ полицейскими управленіями, такъ и епархіальныя донесенія о числѣ раскольниковъ основываются на ежегодно представляемыхъ приходскими причтами вѣдомостяхъ. Казалось бы, епархіальная цифра должна быть вѣрѣе губернаторской, даже безусловно вѣрна.

Кому же вѣрнѣе знать свой приходъ, кому всего удобнѣе имѣть на счету всѣхъ уклоняющихся отъ церкви, какъ не приходскому священнику? Но на дѣлѣ

выходитъ не то. И приходскіе причты, составляя вѣдомости о раскольникахъ, не основываются на дѣйствительности, но, подобно исправникамъ, придерживаются цифръ прошлаго года. Еслибы какой-нибудь священникъ и вздумалъ представить къ консисторію дѣйствительную цифру раскольниковъ, ему угрожали бы еще болѣе чувствительныя непріятности, чѣмъ исправнику. Бюрократизмъ и формалистика въ духовномъ вѣдомствѣ развиты едва ли еще не больше чѣмъ въ гражданскомъ. Приходскій священникъ, рѣшась представить начальству дѣйствительную, извѣстную ему цифру раскольниковъ, долженъ бы былъ, вмѣсто прошлогоднихъ десятковъ, показать сотни. Отъ того произошли бы неизбѣжные запросы, переписка и даже гораздо хуже. Увеличеніе цифры можетъ подать начальству мысль о неспособности священника. Чтó же онъ за пастырь, если изъ стада его вдругъ цѣлыя сотни уклонились въ расколъ? Вѣрно показавшій число раскольниковъ въ своемъ приходѣ можетъ такимъ образомъ подвергнуться строгому взысканію, даже лишиться мѣста.

Сверхъ того, причты тѣхъ приходовъ, гдѣ много раскольниковъ, имѣютъ, къ сожалѣнію, еще особыя причины скрывать настоящее число ихъ. Раскольникъ *записной* для причта человѣкъ потерянный, съ него онъ не получитъ ни копѣйки. Напротивъ, *незаписной* составляетъ важную статью въ домашнемъ бюджетѣ церковнослужителей. Незаписной въ книгахъ раскольникъ считается православнымъ, но отмѣчается не бывающимъ у исповѣди и св. причастія или по *наклонности къ расколу*, чаще *по нареченію* или *по опущенію*, а иногда даже отмѣчается *бытчикомъ* (непремѣнно одинъ разъ въ десять лѣтъ). Такой раскольникъ, сроду не бывавшій и на церковной паперти, но зачисленный по церковнымъ вѣдомостямъ православнымъ, неправ-

пенно выгоднѣе для причта, чѣмъ самый усердный прихожанинъ. За то, чтобъ у него не исправлять требъ онъ платитъ гораздо дороже, чѣмъ усердный къ церкви прихожанинъ за исправленіе ихъ. Притомъ доходъ съ «незаписного» вѣрнѣе и обезпеченнѣе; чуть воспротивился онъ платить положенную дань, на него готовъ доносъ: отца похоронилъ въ лѣсу, сына крестилъ неизвѣстно гдѣ, дочь вѣнчалась не при церкви и т. п. Такъ бывало въ прежнее время, а по мѣстамъ и до сихъ поръ дѣлается. Начнется бывало слѣдствіе, и хотя дѣло ничѣмъ не кончится, ибо въ *Уложеніи о наказаніяхъ* за подобные проступки наказанія не полагается, однако же несговорчивому данщику нахожденіе подъ слѣдствіемъ всегда обходилось гораздо дороже той суммы, которую онъ поупрямился заплатить своевременно. Дѣло затягивалось на нѣсколько лѣтъ; а находящемуся подъ слѣдствіемъ не выдавали паспортовъ, и если онъ человѣкъ торговый, то много терялъ отъ невольнаго домосѣдства.

Бывавшіе подъ судомъ раскольники за дѣйствія по расколу извѣстны во многихъ мѣстахъ подъ именемъ *рѣшеныхъ*. Вотъ откуда произошло такое странное названіе: до 1853 года каждое дѣло о раскольникахъ, по разсмотрѣніи въ уѣздныхъ судахъ и въ уголовныхъ палатахъ, представлялось, чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ, на обсужденіе комитета министровъ. По закону наказаніе полагается только совратителямъ, совращенные же, *по рѣшеніямъ* комитета министровъ, обыкновенно подвергались духовному увѣщанію, и если оставались послѣ того въ расколѣ, то обязывались подпиской никого въ расколъ не совращать. Во время существованія такого порядка много десятковъ тысячъ перебывало въ консисторіяхъ на увѣщаніяхъ, но не было, кажется, ни одного примѣра, чтобъ увѣщанія эти подѣйствовали на увѣщеваемаго, чтобы хоть одинъ

раскольникъ согласился остаться при церкви, а не идти въ число *рѣшеныхъ*. Да и то надо сказать, что всѣ эти троекратныя увѣщанія на практикѣ были не что̀ иное, какъ троекратная плата извѣстной суммы денегъ. Казалось бы, такой *рѣшеный* не долженъ уже былъ затѣмъ считаться по церковнымъ росписямъ православнымъ, долженъ бы быть причисленъ къ записнымъ раскольникамъ. Этого никогда не бывало. Рѣшеный никогда не вносился въ списки раскольниковъ, тѣмъ менѣе семья его; напротивъ, если у рѣшенаго родился послѣ увѣщаній и данной имъ подписки ребенокъ, и онъ, какъ водится, окрестилъ его по своему обряду, на него поступалъ новый доносъ, *о совращеніи въ расколъ своего сына*, то-есть новорожденнаго-то. Начиналось новое дѣло, въ концѣ котораго были новыя троекратныя увѣщанія.

Принадлежащіе къ сектамъ хлыстовскимъ (хлысты, монтаны, ляды, лазаревщина, скопцы, шелапуты и пр.) и мистическимъ (сіонская церковь, десные христіане и пр.) почти никогда не показываются въ числѣ отщепенцевъ отъ господствующей церкви. Принадлежащіе, напримѣръ, къ хлыстамъ, по самымъ правиламъ своей секты, должны исправлять всѣ требы въ православной церкви и дѣйствительно исправляютъ ихъ съ виду усерднѣе самаго усерднаго православнаго и потому считаются принадлежащими къ церкви, между тѣмъ какъ въ то же время имѣютъ своихъ живыхъ боговъ, своихъ христовъ, богородицъ, пророковъ и т. п.

Несообразность числа раскольниковъ, оффиціально показываемаго, съ дѣйствительною цифрой, давно обращала на себя вниманіе. Такъ, напримѣръ было обращено вниманіе на Пермскую губернію, въ 1826 году показывалось 112 тысячъ раскольниковъ; въ тридцатыхъ годахъ, при бывшемъ тамъ архіепископѣ Аркадіи, обращено изъ нихъ въ православіе сто тысячъ, но въ

1841 году, по оффиціальнымъ показаніямъ, ихъ оставалось еще 108 тысячъ. Въ сороковыхъ годахъ въ Пермской епархіи обращено было изъ раскола еще до 100,000 человѣкъ, а въ 1850 году все-таки показывалось 72,899; въ пятидесятыхъ годахъ обращено еще до сотни тысячъ, а въ 1864 году показывалось еще 70 тысячъ.

Несообразность оффиціальной цифры съ дѣйствительною самымъ поразительнымъ образомъ оказалась въ 1850 году. Въ ноябрѣ этого года исполнилось двадцатипятилѣтіе царствованія императора Николая Павловича. Всѣ министры и главноуправляющіе отдѣльными частями, кромѣ годовыхъ отчетовъ по своему управленію, представили государю отчеты за 25 лѣтъ. При отчетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ бывшій тогда министромъ графъ Л. А. Перовскій представилъ особую записку о расколѣ. Оказалось, что къ началу царствованія Николая Павловича раскольниковъ въ Россіи было 827 тысячъ, въ двадцать пять лѣтъ обратилось къ православію и къ единовѣрію болѣе милліона, и все таки къ 1851 году осталось ихъ 750 тысячъ. Графъ Перовскій, рѣшительно отрицая приблизительную даже вѣрность послѣдней цифры, замѣтилъ, что дѣйствительное число раскольниковъ несравненно болѣе показываемаго оффиціально, «конечно, ихъ *до девяти милліоновъ*», замѣтилъ онъ. Незадолго передъ тѣмъ (въ концѣ сороковыхъ годовъ) произведены были изслѣдованія о расколѣ въ Московской губерніи состоявшимъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Липранди. Онъ доносилъ графу Перовскому, что въ той губерніи раскольниковъ не 73.485, какъ значится въ оффиціальныхъ вѣдомостяхъ а 186.000 [1]). Общее же число раскольниковъ по всему

[1]) *Статистическія таблицы Россійской Имперіи, издаваемыя по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ.* Спб. 1863, стр. 235.

государству г. Липранди, основываясь на счетѣ самихъ московскихъ раскольниковъ, полагалъ въ девять милліоновъ [1]). На этомъ основаніи и говоритъ въ своей запискѣ графъ Перовскій.

Прочитавъ *Записку о расколѣ въ 1825—1850 годахъ*, императоръ Николай Павловичъ приказалъ графу Перовскому придумать средства, какимъ бы образомъ, не возбуждая народныхъ толковъ о записи въ раскольники, негласно и самымъ осторожнымъ образомъ собрать возможно вѣрныя свѣдѣнія о числѣ раскольниковъ, хоть въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Въ августовской книжкѣ *Православнаго Собесѣдника* за 1867 годъ помѣщена статья *О численности раскольниковъ*; въ ней г. Ивановскій разсказываетъ, какимъ образомъ производились эти изслѣдованія. Но эта статья, будучи основана лишь на тѣхъ немногихъ офиціальныхъ запискахъ, которыя напечатаны г. Кельсіевымъ въ изданномъ имъ въ Лондонѣ *Сборникѣ правительственныхъ распоряженій о раскольникахъ*, не полна и не совсѣмъ вѣрна.

Г. Ивановскій введеніе въ наше общество мнѣнія о десятимилліонной численности раскольниковъ приписываетъ г. Липранди и пишущему эти строки. Слишкомъ много чести! Мнѣніе это основано не на моихъ изслѣдованіяхъ и не на изслѣдованіяхъ г. Липранди, а на свѣдѣніяхъ, собранныхъ въ разныхъ мѣстахъ государства, съ одной стороны генералъ-губернаторами, губернаторами, чиновниками министерства внутреннихъ дѣлъ, статистическими экспедиціями, а съ другой епархіальными, вслѣдствіе указа святѣйшаго синода, послѣдовавшаго въ іюнѣ 1853 года

Вотъ какъ было дѣло, на сколько мнѣ оно извѣстно. Во время министерства графа Перовскаго дѣла

---

[1]) *Записка г. Липранди*, напечатанная во 2 томѣ *Сборника правительственныхъ распоряженій о расколѣ*, г. Кельсіева, стр. 104 и 146.

по расколу, какъ и теперь, завѣдывались департаментомъ общихъ дѣлъ министерства. Но въ этомъ департаментѣ производились тогда только дѣла, такъ-сказать, обиходныя: переписка съ губернскими начальствами о раскольникахъ, разсмотрѣніе слѣдственныхъ дѣлъ о проступкахъ раскольниковъ, составленіе по этимъ дѣламъ записокъ для внесенія въ комитетъ министровъ, принятіе мѣръ противъ раскола сообразно мѣстнымъ условіямъ и т. п. Дѣла же большей важности, какъ напримѣръ, о только что возникшей въ то время Бѣлокриницкой митрополіи, по изслѣдованіямъ скопческой секты и хлыстовъ, по собранію свѣдѣній для исторіи раскола и самое составленіе ея, словомъ, всѣ работы, требовавшія не только знанія канцелярскаго порядка, но и научной подготовки—поручены были извѣстному ученому, бывшему предъ тѣмъ профессоромъ Московскаго университета и редакторомъ журнала *Телескопъ* покойному Н. И. Надеждину. [1]) Надеждинъ былъ редакторомъ и *Записки о расколѣ*, представленной Императору Николаю Павловичу во время совершившагося двадцатипятилѣтія его царствованія. Получивъ повелѣніе привести въ возможную ясность число раскольниковъ, графъ Перовскій и это дѣло возложилъ на Надеждина, поручивъ ему придумать средства къ исполненію государевой воли и выбрать способныхъ на то людей какъ изъ министерскихъ чиновниковъ, такъ и изъ лицъ постороннихъ. Въ это время, по порученію графа Перовскаго, ревизовалъ полиціи, думы и другія город-

---

[1]) Подъ его руководствомъ въ сороковыхъ годахъ работали: дѣйствительный статскій совѣтникъ Липранди и нѣсколько молодыхъ людей, въ числѣ которыхъ находились недавно бывшій московскимъ губернаторомъ графъ А. К. Сиверсъ, нынѣшній одесскій градоначальникъ М. Н. Шидловскій и др. Принимали въ этихъ работахъ участіе В. И. Даль, завѣдывавшій тогда особою канцеляріей графа Перовскаго, и товарищъ министра покойный И. Г. Сенявинъ. Дѣла, порученныя Надеждину, производились помимо департамента.

скія учрежденія въ Нижегородской губерніи, и не кончивъ еще ревизіи, въ мартѣ 1852 года пріѣхалъ въ Петербургъ для личныхъ объясненій съ министромъ. Во время этихъ объясненій графъ Перовскій сталъ разспрашивать меня о нижегородскихъ раскольникахъ и послѣ довольно продолжительнаго разговора сказалъ, что онъ намѣренъ дать мнѣ порученіе по дѣламъ раскола, и приказалъ объясниться съ Надеждинымъ. Отъ Надеждина узналъ я объ упомянутой *Запискѣ* и о повелѣніи государя, въ исполненіи котораго я долженъ былъ прянять участіе. Кромѣ меня къ этому былъ призванъ предсѣдатель петербургской уголовной палаты И. С. Синицынъ. Начались совѣщанія какъ исполнить волю государя, какъ узнать приблизительно вѣрное число раскольниковъ въ двухъ на первый разъ губерніяхъ, не подавая никому ни малѣйшаго повода къ заключеніямъ, что производится счетъ ихъ. Въ этихъ совѣщаніяхъ, по назначенію министра, принялъ участіе еще одинъ изъ министерскихъ чиновниковъ, нынѣ статсъ-секретарь Н А. Милютинъ, бывшій тогда вице-директоромъ хозяйственнаго департамента и завѣдывавшій дѣлами «временного статистическаго комитета.» По его мысли образованы были двѣ «статистическія экспедиціи,» одна въ губернію Нижегородскую, другая въ Ярославскую. Начальствующимъ первой графъ Перовскій назначилъ меня, а начальствующимъ второй — покойнаго Синицына. Статистическія экспедиціи составлены были изъ членовъ, назначенныхъ изъ министерскихъ чиновниковъ и изъ прикомандированныхъ къ нимъ, по соглашенію начальствующихъ съ мѣстными губернаторами, самыхъ способныхъ и лучшихъ чиновниковъ губернскаго управленія. Члены были избираемы гг. Надеждинымъ и Милютинымъ. Ими же была одобрена составленная мною инструкція статистическимъ экспедиціямъ; она утверждена графомъ

Перовскимъ и напечатана въ томъ же 1852 году въ *Сборникѣ циркуляровъ по министерству внутреннихъ дѣлъ*. Назначены были на обѣ экспедиціи особыя денежныя средства (до 15 тысячъ) изъ министерства и, кромѣ того, изъ губернскихъ суммъ по соглашенію начальствующихъ экспедиціями съ губернаторами [1]).

Вскорѣ послѣ того какъ статистическія экспедиціи отправились въ Нижегородскую и Ярославскую губернію, графъ Перовскій призналъ нужнымъ произвести исчисленіе раскольниковъ еще въ одной губерніи, лежащей между двумя названными, въ Костромской. Но не образуя для того цѣлой экспедиціи, онъ послалъ туда гг. Брянчанинова и Арнольди, на которыхъ не лежало обязанности собирать общія статистическія свѣдѣнія, и они исключительно занимались собраніемъ свѣдѣній о раскольникахъ.

Вотъ результаты счисленія раскольниковъ, произведеннаго въ 1852 году въ Нижегородской, Костромской Ярославской губерніяхъ:

Въ Нижегородской, по офиціальному показанію губернатора, было 20.246 раскольниковъ обоего пола. По изслѣдованіямъ статистической экспедиціи ихъ оказалось 172.500

---

[1]) Въ ярославской экспедиціи подъ начальствомъ Синицына находились: тайный совѣтникъ графъ Сиверсъ (бывшій московскій губернаторъ), дѣйствительные статскіе совѣтники А. И. Артемьевъ (старшій редакторъ центральнаго статистическаго комитета), Насиловъ (предсѣдатель петербургскаго физиката) и Г. Г. Григорьевъ (владимірскій вице-губернаторъ), статскій совѣтникъ графъ Гуттенъ-Чапскій (бывшій петербургскій вице-губернаторъ) и магистръ богословія Пискаревъ. Въ Нижегородской экспедиціи находились: статскіе совѣтники Е. К. Огородниковъ (старшій редакторъ центральнаго статистическаго комитета), и Н. И. Зайцевскій, (секретарь того-же Комитета), камеръ-юнкеръ П. А. Галаховъ и А. Н. Аксаковъ. Въ числѣ губернскихъ чиновниковъ при мнѣ находился К. В. Трубниковъ, теперь редакторъ *Биржевыхъ Вѣдомостей*. Въ Костромскую губернію были посланы дѣйствительные статскіе совѣтники Брянчаниновъ (бывшій ставропольскій губернаторъ) и статскій совѣтникъ Л. И. Арнольди (бывшій калужскій вице-губернаторъ).

Въ Костромской оффиціально показывалось 19.870 раскольниковъ. Брянчаниновъ и Арнольди насчитали 105.572.

Въ Ярославской оффиціально показывалось 7.454 раскольника, по изслѣдованію статистической экспедиціи оказалось 278.417.

Такимъ образомъ оказалось въ Костромской губерніи раскольниковъ въ пять разъ болѣе, въ Нижегородской въ восемь съ половиной разъ, а въ Ярославской *въ тридцать семь разъ*.

Изслѣдованія по тремъ губерніямъ представили слѣдующій результатъ: вмѣсто 47.570 раскольниковъ оффиціально показываемыхъ, оказалось ихъ 556.389, то есть, около двухъ третей оффиціальной цифры, относящейся ко всей Имперіи. Оказалось, что оффиціальная цифра по тремъ губерніямъ, взятымъ-вмѣстѣ, уменьшена *въ одиннацать разъ*. На этомъ то основаніи и стали считать дѣйствительную цифру раскольниковъ приблизительно отъ 9 до 10 милліоновъ. Общее число раскольниковъ по всей Россіи оффиціально за 1852 годъ показано было въ 910 тысячъ. Помноживъ его на одиннадцать, получимъ 10 милліоновъ. Вотъ какимъ образомъ произошла десятимилліонная цифра раскольниковъ. Впрочемъ, девятимилліонную цифру въ правительственныхъ сферахъ предполагали и прежде этого времени.

Статистическія экспедиціи продолжались до 1855 г., но съ начала 1853 года расколомъ онѣ уже не занимались. До 1855 года я и г. Синицынъ, оставаясь начальствующими экспедиціи, одни, безъ участія членовъ, занимались болѣе подробными изслѣдованіями о состояніи раскола, я по Нижегородской, онъ по Ярославской и Костромской губерніямъ. Это происходило уже въ министерство Д. Г. Бибикова.

Еще счисленіе раскольниковъ статистическими экспедиціями не было конечно, какъ графъ Перовскій получилъ въ августѣ 1852 года другое назначеніе, а министромъ внутреннихъ дѣлъ государь повелѣлъ быть генералъ-адъютанту Д. Г. Бибикову. Вскорѣ по представленіи результатовъ счисленія раскольниковъ, произведеннаго въ трехъ лишь губерніяхъ и подтвердившаго мнѣніе, что раскольниковъ въ Россіи находится до девяти милліоновъ, онъ 18-го февраля 1853 года входилъ объ этомъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ, и государь, для обсужденія въ подробностяхъ дѣла о современномъ состояніи раскола, повелѣлъ новому министру составить особый комитетъ, [1]) «которому заняться во всей подробности пересмотромъ изготовленнаго уже свода дѣйствующихъ постановленій о раскольникахъ и составить основный проектъ правилъ, которыя служили бы на будущее время руководствомъ при всѣхъ административныхъ распоряженіяхъ и въ судебныхъ дѣлахъ до раскольниковъ относящихся». [2])

Во второмъ засѣданіи этого комитета 23-го мая 1853 года между прочимъ постановлено: «1) поручить епархіальнымъ преосвященнымъ собрать осторожнѣйшимъ образомъ, не гласно, посредствомъ довѣренныхъ духовныхъ лицъ, и доставить святѣйшему синоду достовѣрныя, сколько можно, свѣдѣнія о нынѣшнемъ

---

[1]) Онъ состоялъ изъ графа Блудова, оберъ прокурора св. синода графа Протасова и министра внутреннихъ дѣлъ Бибикова. См. *Собраніе постановленій по части раскола*, Спб. 1858, стр 586. Въ этомъ комитетѣ сверхъ того принялъ участіе и покойный архіепископъ херсонскій Иннокентій, находившійся тогда въ Петербургѣ для присутствованія въ святѣйшемъ синодѣ.

[2]) *Собраніе постановленій по части раскола*. Спб. 1858, стр. 587.

числѣ раскольниковъ и о состояніи раскола въ ихъ епархіяхъ съ означеніемъ въ какихъ наиболѣе мѣстахъ проживаютъ раскольники, кто ихъ наставники и коноводы, и какими они располагаютъ средствами, чѣмъ особенно держится расколъ и чѣмъ бы съ большею благонадежностью могъ быть потрясенъ до основанія, и кто изъ мѣстныхъ духовныхъ лицъ способнѣе быть употребляемъ противъ сектаторовъ; 2) въ видахъ усиленія противораскольничьихъ духовныхъ миссій образовать при духовныхъ академіяхъ изъ наличныхъ студентовъ и изъ священнослужителей, кои изъявятъ на то желаніе, по небольшому отдѣленію для особаго приготовленіяхъ ихъ на дѣло съ раскольниками, какъ въ видѣ прямыхъ миссіонеровъ, такъ и въ видѣ священниковъ при церквахъ единовѣрческихъ и православныхъ, гдѣ есть раскольники; 3) приступить къ новому изданію книгъ, въ прежнее время изданныхъ въ обличеніе раскола; составить и издать обстоят ельную исторію раскола въ Россіи и возможно полное обличеніе порознь самыхъ главныхъ сектъ его: поповщины и безпоповщины въ нынѣшнемъ ихъ положеніи, поручивъ составленіе таковыхъ книгъ, подъ руководствомъ преосвященнаго Филарета, митрополита московскаго, извѣстнымъ и опытнѣйшимъ въ духовномъ просвѣщеніи лицамъ; 4) поручить Казанской духовной академіи, какъ еще не занятой никакимъ повременнымъ изданіемъ, издавать духовный журналъ, съ преимущественнымъ направленіемъ его противъ раскола въ разныхъ его видахъ».

Въ томъ же засѣданіи комитета состоялось поста новленіе о приведеніи въ извѣстность современнаго положенія раскола и посредствомъ гражданскихъ лицъ, одновременно съ изслѣдованіями епархіальныхъ начальствъ, «дабы, какъ сказано было въ журналѣ комитета, повѣркой однихъ свѣдѣній другими можно было достигнуть до удовлетворительной въ нѣкоторой

степени полноты и разносторонности въ обнаружени раскола». [1]) Это предположеніе было высочайше утверждено 10 іюня 1853 года.

Одновременно съ тѣмъ постановлено и государемъ утверждено: всѣ дѣла о раскольникахъ обратить къ общему ходу, то-есть изъ уголовныхъ палатъ не представлять ихъ болѣе чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ въ комитетъ министровъ, а вершить на законномъ основаніи въ самихъ палатахъ или въ сенатѣ, смотря по сущности дѣла. Тогда же утверждено при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ *особенное временное управленіе* изъ самаго малаго числа чиновниковъ для производства важнѣйшихъ дѣлъ о раскольникахъ. Дѣла о расколѣ изъ департамента общихъ дѣлъ были переданы въ особенную канцелярію министра, ими сталъ завѣдывать сенаторъ А. И. Войцеховичъ. Изъ занимавшихся расколомъ при графѣ Перовскомъ остались при тѣхъ же занятіяхъ, то-есть при мѣстныхъ изслѣдованіяхъ статистики, догматики и исторіи раскола только четверо: графъ Стенбокъ, А. И. Артемьевъ, И. С. Синицынъ и я. Надеждинъ сдѣлался тяжко боленъ и черезъ два года скончался, Н. А. Милютинъ, поступивъ на должность директора хозяйственнаго департамента, также прекратилъ всякое участіе въ дѣлахъ по расколу.

Данная по этому случаю инструкція напечатана въ *Православномъ Собесѣдникѣ*, но не совсѣмъ точно, не вполнѣ [2]). Вотъ она: «1) Сколько въ N губерніи раскольниковъ. Такъ какъ они не вписываются въ церковныя метрическія книги, ревизскія же сказки повѣ-

---

[1]) *Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода*, II, 526—529. *Собраніе постановленій по части раскола*. Спб. 1858 стр. 592.

[2]) Редакція *Православнаго Собесѣдника* заимствовала ее изъ лондонскаго *Сборника* г. Кельсіева (т. IV. стр. 55 и далѣе).

ряются большею частію сими токмо книгами, то нужно обратить особенное вниманіе на то, нѣтъ ли между раскольниками людей не внесенныхъ въ ревизскія сказки, сколько ихъ и кто они именно [1]). 2) Въ какихъ мѣстахъ раскольники проживаютъ и по скольку именно въ городѣ, селѣ, выселкѣ и т. п. Всѣ пункты населенія ихъ должны быть отмѣчены на географической картѣ губерніи съ показаніемъ взаимнаго ихъ разстоянія и географическаго отношенія къ судоходнымъ рѣкамъ и къ другимъ путямъ торговыхъ и прочихъ сообщеній. 3) Къ какимъ сословіямъ принадлежатъ раскольники N губерніи, сколько ихъ въ купечествѣ, мѣщанствѣ и крестьянствѣ разныхъ вѣдомствъ и наименованій, и какихъ именно. 4) Сколько изъ раскольниковъ N губерніи постоянно проживаетъ на мѣстѣ и сколько находится въ отлучкѣ, на какое самое продолжительное время, по какимъ надобностямъ, извѣстно ли гдѣ они находятся, снабжены ли они законными видами, и состоятъ ли они съ своими земляками въ сношеніяхъ. Не приходятъ ли въ N губернію раскольники изъ другихъ мѣстъ, какихъ именно и по какимъ дѣламъ. 5) Нѣтъ ли въ N губерніи скитовъ и другихъ раскольническихъ сборищъ, и если есть, то гдѣ они находятся, когда составились, въ какомъ числѣ людей, и кто эти люди. 6) Нѣтъ ли въ N губерніи послѣдователей секты странниковъ или бѣгуновъ, и если есть, то дознать кто эти люди и гдѣ они укрываются. 7) Въ какомъ нравственномъ состояніи находятся раскольники по образу жизни, по занятіямъ и по понятіямъ, и во всѣхъ сихъ отношеніяхъ, въ чемъ именно сходствуютъ съ прочими жителями губерніи и чѣмъ отличаются, распространяется ли между ними

---

[1]) Изслѣдованія производились одновременно съ повѣркой на мѣстахъ только что произведенной тогда девятой народной переписи.

грамотность, у какихъ людей учились, у кого теперь дѣти ихъ учатся, какого рода книги и рукописи читаютъ, откуда получаютъ ихъ и т. п. 8) На какія секты раздѣляются теперь раскольники N губерніи, лжеученіе сектъ сихъ остается ли такимъ же, какимъ было прежде; если съ теченіемъ времени измѣнилось новыми толками, какими именно, и не образовались ли между ними новыя секты и какія,—въ какомъ направленіи и положеніи находится каждое изъ лжеученій и въ какомъ они взаимномъ отношеніи. Вообще нужно дознать о духѣ и направленіи раскольниковъ N губерніи, какіе между ними ходятъ толки, въ чемъ состоятъ ихъ надежды, съ какими раскольническими обществами другихъ губерній состоятъ они въ сношеніяхъ, откуда получаютъ наставниковъ, какое производятъ дѣйствіе на прочихъ жителей, чѣмъ болѣе держится тамошній расколъ, и нѣтъ ли въ немъ какихъ-либо слабыхъ сторонъ, обнаруженіемъ коихъ можно бы было воспользоваться. 9) Всего важнѣе дознать тщательнѣйшимъ и достовѣрнымъ образомъ личный составъ раскольническихъ обществъ и нравственное положеніе главныхъ членовъ въ каждомъ изъ нихъ, дабы обнаружить самый скелетъ раскола, то-есть, во-первыхъ, остающихся въ немъ по невѣдѣнію и недостатку церковнаго вразумленія, а можетъ-статься въ иныхъ мѣстахъ и по недостатку самыхъ храмовъ; во вторыхъ, руководителей раскола по фанатизму; втретьихъ, коноводовъ, дѣйствующихъ не по убѣжденію, а изъ личныхъ выгодъ корысти, честолюбія и т. п. О послѣднихъ нужно собрать подробнѣйшія свѣдѣнія, относительно ихъ характера, средствъ, связей, отношеній, и составить особенные имъ списки, съ означеніемъ соображеній о каждомъ, какимъ образомъ слѣдовало бы поступить съ нимъ, чтобы сдѣлать его безвреднымъ, и нѣтъ ли между ними даже такихъ людей, которыхъ

можно было бы вразумить и обратить въ пользу и вразумлѣніе нынѣшнихъ послѣдователей ихъ».

Вотъ въ чемъ состояли тѣ изслѣдованія раскола, о которыхъ составилось у насъ въ обществѣ превратное понятіе и о которыхъ усердными корреспондентами Герцена говорилось въ заграничной печати, какъ о чемъ то подобномъ испанской инквизиціи. Вотъ въ чемъ состояли возглашенныя этою печатью «Бибиковскія гоненія раскольниковъ». Всякій можетъ видѣть было ли тутъ что-нибудь похожее на гоненія. Результатомъ произведенныхъ изслѣдованій было приведеніе въ ясность состоянія раскола, дотолѣ весьма мало извѣстнаго правительству.

По мѣрѣ поступленія отчетовъ о современномъ состояніи раскола, представленныхъ губернаторами и спеціальными чиновниками министерства, они отправляемы были въ святѣйшій синодъ, гдѣ производилось сличеніе ихъ съ отчетами епархіальныхъ архіереевъ, и вслѣдствіе того дѣлались по духовному вѣдомству надлежащія распоряженія. Первый отчетъ представленъ былъ изъ Нижегородской губерніи. Онъ заключался въ тринадцати томахъ съ приложеніями Сличеніе его съ отчетомъ нижегородскаго преосвященнаго Іереміи и критическій разборъ обоихъ производилъ преосвященный Григорій, архіепископъ казанскій, впослѣдствіи митрополитъ петербургскій. Оказалось, что нижегородскій преосвященный нашелъ въ своей епархіи раскольниковъ еще болѣе, чѣмъ чиновникъ министерства. Официальная цифра была 20.246, министерскій чиновникъ опредѣлилъ ее въ 172.500, а преосвященный Іеремія въ 233.323 [1]). Затѣмъ поступилъ отчетъ отъ псковскаго губернатора и олонецкимъ архі-

---

1) *Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода* 11—673

епископомъ Аркадіемъ сличенъ съ отчетомъ о состояніи раскола въ Псковской епархіи, представленнымъ преосвященнымъ Платономъ. Третій, разсмотрѣнный такимъ образомъ отчетъ былъ симбирскій, начатый чиновниками министерства и конченный губернаторомъ. Сличеніе его съ отчетомъ симбирскаго преосвященнаго и критическій разборъ произведены были по порученію святѣйшаго синода архимандритомъ Софоніею. Такимъ образомъ сличались и прочіе отчеты начальниковъ губерній и министерскихъ чиновниковъ съ отчетами епархіальныхъ архіереевъ, сличались для того, чтобы «повѣркой однихъ свѣдѣній другими, достигнуть до удовлетворительной, въ нѣкоторой степени, полноты и разносторонности въ обнаруженіи раскола».

Во всѣхъ отчетахъ, составленныхъ начальниками губерній и министерскими чиновниками, число раскольниковъ показано гораздо́ больше, чѣмъ въ официальныхъ ежегодныхъ отчетахъ. По многимъ губерніямъ оно показано, въ семь, въ восемь, въ десять разъ болѣе, а по Ярославской даже въ тридцать семь разъ.

Въ отчетахъ епархіальныхъ архіереевъ то же самое. Преосвященный Іеремія Нижегородскій показалъ, напримѣръ, дѣйствительное число въ одиннадцать разъ болѣе официальнаго, увеличивъ такимъ образомъ число, насчитанное министерскимъ чиновникомъ на цѣлую треть его.

При сличеніи отчетовъ въ святѣйшемъ синодѣ и при критической ихъ оцѣнкѣ, ни по одному не выражено ни малѣйшаго сомнѣнія въ невѣрномъ увеличеніи цифры.

Въ губерніяхъ, гдѣ изслѣдованія производились министерскими чиновниками, оказалось:

	Число раскольниковъ записныхъ.	.исло всѣхъ раскольниковъ.
Въ Московской .	73 485	186.000
» Нижегородской .	20.246	172 500
» Новгородской .	8.436	68.131
» Саратовской .	25.750	125.000
» Костромской . .	19.870	105.572
» Казанской . . .	8.267	72.000 [1]
» Ярославской .	7 454	278.417
» Симбирской .	7.500	85,000
Всего .	171,008	1,092,620 [2]

А принимая поправку нижегородскаго преосвященнаго Іереміи, нашедшаго цифру 172,500 неточною и опредѣлившаго число ихъ 233.323, получимъ общее число дѣйствительныхъ раскольниковъ въ восьми губерніяхъ 1.153,443. Стало-быть, ихъ оказалось въ семь разъ болѣе, чѣмъ показывалось официально.

Теперь представимъ нѣкоторыя цифры по изслѣдованіямъ, произведеннымъ генералъ-губернаторами и губернаторами.

---

[1]) Изслѣдованія по Казанской губерніи мною не кончены; пробывъ въ Казани не болѣе мѣсяца (въ февралѣ и мартѣ 1855 года), я отправился въ Петербургъ для личныхъ объясненій съ министромъ. Въ это время изслѣдованіе по расколу прекратилось, и я не возвращался въ Казанскую губернію. Я успѣлъ собрать свѣдѣнія только о расколѣ въ самой Казани. Цифра, представленная мною здѣсь, сообщена мнѣ предъ отправленіемъ въ Казань, находившимся тогда въ Петербургѣ Казанскимъ архіепископомъ Григоріемъ (впослѣдствіи митрополитъ Петербургскій). Преосвященный, сообщая мнѣ разныя свѣдѣнія о расколѣ въ его епархіи, замѣчалъ, что раскольниковъ въ ней должно быть болѣе ста тысячъ.

[2]) По Петербургской губерніи изслѣдованія не были кончены.

	Число раскольниковъ записныхъ.	Число всѣхъ раскольниковъ.
Въ Олонецкой. . . .	3,850	18,197
Оренбургской. . .	18,500	145,000
Самарской . .	28,750	85,194

счисленій по другимъ губерніямъ, къ сожалѣнію, у меня нѣтъ въ настоящее времи подъ руками. Но общій выводъ изъ нихъ былъ тотъ, что раскольниковъ въ десять разъ болѣе, чѣмъ показывалось.

При производствѣ изслѣдованій на мѣстахъ по духовному вѣдомству преосвященнымъ, ни по гражданскому губернаторамъ и спеціальнымъ чиновникамъ не было дано одинаковой программы дѣйствій, и потому каждый дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію. Конечно, это большой недостатокъ, но онъ былъ неизбѣженъ. Въ маѣ 1852 г., когда, предъ отправленіемъ изъ Петербурга статистическихъ экспедицій, я и покойный Синицынъ, какъ начальствующіе экспедиціями, откланивались графу Перовскому, министръ, на вопросъ какіе употреблять пріемы при собраніи свѣдѣній о числѣ раскольниковъ, сказалъ: «подробныхъ инструкцій дать вамъ нельзя; все зависитъ отъ мѣстныхъ условій, здѣсь намъ неизвѣстныхъ; предоставляю все вашей находчивости и умѣнью воспользоваться мѣстными обстоятельствами. Вы посылаетесь на первый разъ, въ видѣ опыта; самыя ошибки ваши въ этомъ новомъ дѣлѣ будутъ полезны впослѣдствіи при производствѣ такихъ же работъ по другимъ губерніямъ. Поэтому ведите подробные дневники о своихъ дѣйствіяхъ и посылайте ихъ къ Надеждину». Въ 1853 году также не дано было однообразной программы.

Такъ какъ изслѣдователи дѣйствовали каждый по своему, то конечно одинъ насчиталъ раскольниковъ

больше, другой меньше. Такъ, напримѣръ, Синицынъ, въ Ярославской губерніи, признаками раскола считалъ домашнее употребленіе лѣстовокъ, подручниковъ, ручныхъ кадильницъ и т. п.[1]). Еслибъ этотъ признакъ былъ принятъ въ основаніе по Нижегородской губерніи, то мнѣ пришлось бы все населеніе Заволжья отнести къ числу раскольниковъ поголовно. Но одинъ и тотъ же признакъ имѣетъ смыслъ въ одной губерніи и не имѣетъ его въ другой. Въ губерніяхъ южныхъ, напримѣръ, двуперстное сложеніе есть вѣрный признакъ раскола, а въ Нижегородской и Костромской около одной третьей доли православныхъ крестится двуперстно

Отнюдь не выдавая свою систему дѣйствій за непогрѣшимую, представлю однако здѣсь какимъ образомъ я считалъ раскольниковъ въ Нижегородской губерніи. Я и члены экспедиціи объѣхали всѣ приходы и сдѣлали выписки изъ исповѣдныхъ записей, сколько не бываетъ впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ у исповѣди и у св. причастія: а) по наклонности къ расколу, б) по нераченію, в) по опущенію, г) по малолѣтству, Отъ многихъ священниковъ я слышалъ, что записываемые небытчиками по опущенію и нерадѣнію въ дѣйствительности раскольники. Это подтверждалось сдѣланнымъ въ 1847 году общимъ по епархіи распоряженіемъ архіепископа Іакова: «не считать раскольниками не бывающихъ по нѣскольку лѣтъ у исповѣди и у св. причастія, если имъ не сдѣлано узаконеннаго увѣщанія, и они епархіальнымъ начальствомъ не исключены изъ числа православныхъ прихожанъ». Тогдашній преосвященный Іеремія, принимавшій близкое уча-

---

1) Его изслѣдованіе напечатано во II томѣ *Сборника правительственныхъ распоряженій о раскольникахъ* Кельсіева.

стіе въ этомъ дѣлѣ, говорилъ мнѣ, что всѣхъ этихъ небытчиковъ слѣдуетъ считать раскольнцками.

Затѣмъ собираемы были свѣдѣнія отъ мѣстныхъ властей, которымъ неофиціально извѣстна приблизительно вѣрная цифра раскольниковъ, отъ помѣщиковъ и ихъ управляющихъ, наконецъ, отъ нѣкоторыхъ изъ вліятельныхъ въ своей средѣ раскольниковъ. Опредѣливъ, такимъ образомъ, цифру незаписныхъ раскольниковъ и опредѣливъ сколько процентовъ общаго числа православныхъ они составляютъ, оставалось взять столько же процентовъ изъ числа не бывающихъ у исповѣди и у причастія за малолѣтствомъ и приложить ее къ числу незаписныхъ. Эта цифра, вмѣстѣ съ цифрой записныхъ, и составила 172,500 человѣкъ.

Что получаемая посредствомъ такого пріема цифра не можетъ считаться преувеличенною, доказательствомъ тому служитъ то, что преосвященный Іеремія, имѣвшій, разумѣется, несравненно болѣе средствъ для дознанія приблизительно вѣрной цифры чѣмъ я, насчиталъ раскольниковъ на цѣлую треть больше добытой мною цифры.

Примѣнимъ теперь этотъ способъ исчисленія раскольниковъ по всему государству, взявъ за основаніе отчетъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода за 1859 годъ.

Въ 1859 году всѣхъ православныхъ по церковнымъ росписямъ значилось 51.474.209 обоего пола. Изъ того числа не бывшихъ у исповѣди и св. причастія:

По наклонности къ расколу	726,982
По нерадѣнію	3.417,231
Не причащавшихся по опущенію.	2.196,714
Всего	6.340.927

Это и есть приблизительная цифра незаписныхъ раскольниковъ взрослыхъ. За малолѣтствомъ изъ 51.474,209 человѣкъ не было на исповѣди и у св. причастія 9.232,234, что̀ составляетъ около одной пятой общаго числа. Одна пятая цифры 6.340,927 будетъ: 1 268,185 Присовокупляя это число къ числу взрослыхъ незаписныхъ раскольниковъ получимъ 7.709,112.

Записныхъ раскольниковъ по отчетамъ 1859 года значилось 875,382. Такимъ образомъ общее число раскольниковъ въ 1859 году было 8.584,494.

Въ изслѣдованіяхъ о числѣ раскольниковъ, произведенныхъ въ 1863 году въ центральномъ статистическомъ комитетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, подъ руководствомъ члена государственнаго совѣта А. Г. Тройницкаго, бывшаго тогда товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, и въ томъ же году, напечатанныхъ, сказано: «вѣрнѣе всего можно принять (за раскольниковъ) 10% всего населенія Россіи или 1/6 всего православнаго населенія» [1]). Изслѣдованія эти, произведенныя г. Бушеномъ, основаны также на цифрахъ 1859 года. Одна шестая доля тогдашняго православнаго населенія (51.474,209) составляетъ 8.580,000, т. е. то же что̀ и нами сейчасъ выведено.

Но кромѣ незаписныхъ (хотя и явныхъ) раскольниковъ, у насъ немало тайныхъ сектаторовъ, которые, слѣдуя ученію несравненно болѣе противному православію, чѣмъ всѣ виды такъ-называемаго старообрядства, считаются самыми усердными сынами церкви, ибо христіанскія обязанности исполняютъ усерднѣе всѣхъ. Они причащаются не однажды въ годъ, а по

---

[1]) *Статистическія таблицы, изданныя при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ.* Спб. 1863 г., стр. 233.

четыре раза, они не уклоняются и въ другое время отъ общественнаго богослуженія и почитаются приходскими клирами за самымъ усердныхъ прихожанъ Таковы хлысты во всѣхъ отрасляхъ этой секты: божьи люди, богомолы, ляды, купидоны, лазаревщина, монтаны, милютинская ересь, адамиты, шелапуты, холстовщина, духовные скопцы и обыкновенные скопцы. Къ этимъ сектамъ, признающимъ своихъ христовъ, богородицъ, пророковъ, живыхъ боговъ, принадлежали даже духовныя лица [1]). Принадлежащихъ къ этимъ тайнымъ сектамъ исчислить нѣтъ никакой возможности. Центральный статистическій комитетъ полагаетъ, что въ Россіи не менѣе 110,000.

Кромѣ того, есть отраслъ раскола, такъ-называемое Спасово согласіе, раздѣляющаяся на нѣсколько сектъ. Они исполняютъ требы въ православныхъ церквахъ, то-есть крестятъ дѣтей, пріобщаются (особенно передъ свадьбой), вѣнчаются. Всѣ они записываются въ духовныхъ росписяхъ бытчиками у исповѣди и св. причастія. Они находятся преимущественно въ поволжскихъ губерніяхъ, отъ Нижегородской до Астраханской, а также въ Пензенской, Тамбовской и отчасти въ Воронежской Въ одной Нижегородской губерніи ихъ болѣе 60,000 (они-то, вѣроятно, и составляютъ разницу въ цифрахъ, полученныхъ мною и преосвященнымъ Іереміею. Всѣхъ же послѣдователей Спасова согласія до 700.000.

Прибавивъ 110,000 послѣдователей тайныхъ сектъ и 700,000 Спасова согласія, получимъ цифру въ 9.300,000.

---

[1]) Въ прошломъ столѣтіи въ Москвѣ монашествующіе Ивановскаго и Петровскаго монастырей, въ Петербургской губерніи—Зеленецкаго монастыря. Недавно, именно въ 1867 году, въ Харьковской губерніи въ одномъ изъ монастырей обнаружена такая же секта, о чемъ извѣщено было въ газетахъ.

Эта цифра относится къ 1859 году. Съ тѣхъ поръ прошло девять лѣтъ. Статистическія изслѣдованія о движеніи народонаселенія въ Россіи показываютъ, что у насъ ежегодное приращеніе равняется 1,3$^0/_0$, а въ девять лѣтъ, 11,7. Слѣдовательно, цифра, равнявшаяся девять лѣтъ тому назадъ 9.300,000, теперь уже возрасла *свыше десяти милліоновъ двухсотъ тысячъ* именно 10.295,000. Но такъ какъ эту цифру нельзя считать положительно вѣрною, то мы и полагаемъ, что раскольниковъ теперь *отъ десяти до девяти милліоновъ*.

Въ послѣднее время не мало говорятъ о томъ, будто число раскольниковъ умножается. И дѣйствительно, въ газетахъ часто встрѣчаются извѣстія объ уклоненіяхъ въ расколъ цѣлыми массами. Такъ, года четыре тому назадъ въ Симбирской губерніи разомъ обратилось въ расколъ болѣе двадцати пяти тысячъ, въ 1867 году половина города Петровска (Саратовской губерніи), то-есть пять тысячъ, въ октябрѣ 1867 половина села Богородскаго (Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи), то-есть три тысячи, и т. д. Къ мѣстнымъ начальствамъ и въ центральное управленіе часто поступаютъ просьбы отъ цѣлыхъ обществъ, въ которыхъ они, говоря, что издавна не принадлежатъ къ господствующей церкви, ходатайствуютъ о дозволеніи имъ отправлять религіозные обряды по-своему и объ исключеніи ихъ изъ списковъ православныхъ. Эти явленія еще не доказываютъ, чтобы число раскольниковъ дѣйствительно увеличивалось, чтобы совращенія въ расколъ совершались массами, и чтобы православная паства терпѣла ущербъ.

Это не что̀ иное, какъ стремленіе незаписныхъ раскольниковъ, составляющихъ около девяти десятыхъ общаго числа, попасть въ число записныхъ и тѣмъ окончательно избавиться отъ всякихъ столкновеній съ приходскими причтами. Въ послѣдніе годы, ко̀гда си-

стема правительственныхъ дѣйствій относительно раскольниковъ значительно измѣнилась, и они уже не преслѣдуются за свои заблужденія, когда затѣмъ крѣпостная зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ прекратилась, незаписные раскольники стали открыто заявлять принадлежность свою къ расколу, которому, впрочемъ, слѣдовали со дня своего рожденія. Число раскольниковъ, собственно говоря, не увеличивается, оно остается то же, но расколъ начинаетъ выходить наружу, и это явленіе нѣкоторыми принимается за усиленіе раскола. Въ дѣйствительности же расколъ значительно слабѣетъ противъ прежняго: слабѣетъ его духъ, его нетерпимость, его фанатизмъ. Гражданское полноправіе раскольниковъ и распространеніе въ народѣ образованія, безъ сомнѣнія, ослабятъ его еще болѣе и послужатъ къ совершенному его уничтоженію. Но, конечно, это можетъ совершиться не вдругъ, а впродолженіе, быть-можетъ, еще многихъ десятилѣтій и притомъ непремѣнномъ условіи, что система стѣсненій, оказавшаяся на опытѣ лишь способствовавшею къ умноженію раскольниковъ и къ усиленію фанатизма раскола, никогда и ни въ какомъ видѣ не будетъ возстановляема.

КОНЕЦЪ ЧЕТЫРНАДЦАТАГО ТОМА

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТАГО ТОМА